И. А. ИЛЬИНЪ

О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНІЯ

МЮНХЕНЪ
1956.

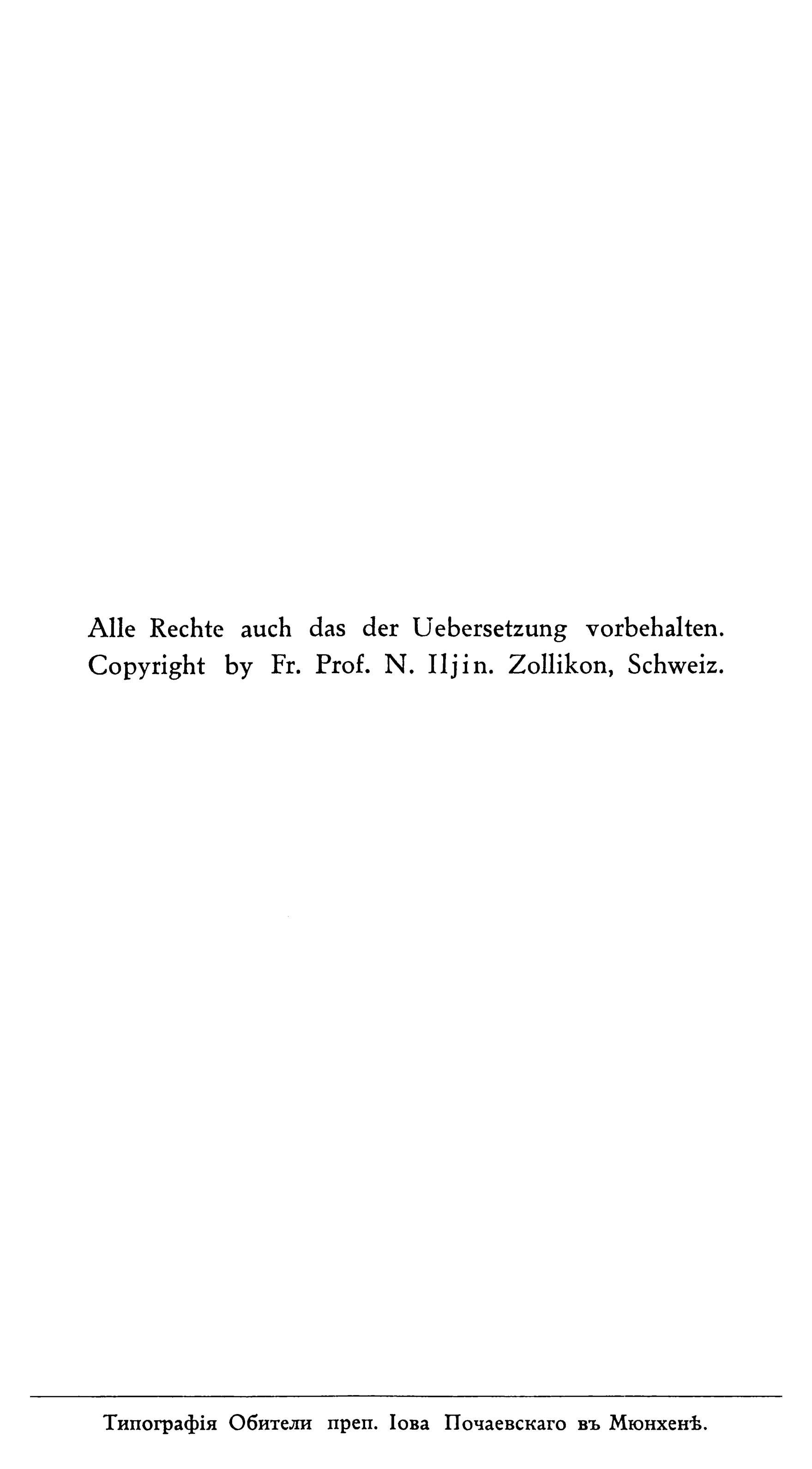
И. А. Ильинъ.

О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНІЯ.

И. А. ИЛЬИНЪ

О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНІЯ

МЮНХЕНЪ
1956.

Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго въ Мюнхенѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава		Страница
1.	ПРОБЛЕМА	1
2.	ЗНАНІЕ ПРАВА	9
3.	ЗНАЧЕНІЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ПРАВА	17
4.	ПРИЗНАНІЕ ПРАВА	26
5.	ОБОСНОВАНІЕ ЕСТЕСТВЕННАГО ПРАВА	33
6.	ОБОСНОВАНІЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ПРАВА	43
7.	БОРЬБА ЗА ПРАВО	52
8.	ПРАВОСОЗНАНІЕ И УГОЛОВНАЯ ВИНА	62
9.	ОСНОВА ЗДОРОВАГО ПРАВОСОЗНАНІЯ	69
10.	О ПАТРІОТИЗМѢ	77
11.	О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ПРАВОСОЗНАНІИ	92
12.	СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА	100
13.	ФОРМА ГОСУДАРСТВА	108
14.	АКСІОМЫ ВЛАСТИ	120
15.	ПЕРВАЯ АКСІОМА ПРАВОСОЗНАНІЯ	134
16.	НЕДУГИ САМОУТВЕРЖДЕНІЯ	147
17.	ВТОРАЯ АКСІОМА ПРАВОСОЗНАНІЯ	156
18.	НЕДУГИ АВТОНОМІИ	168
19.	ТРЕТЬЯ АКСІОМА ПРАВОСОЗНАНІЯ	178
20.	НЕДУГИ ВЗАИМНАГО ПРИЗНАНІЯ	191
21.	ПРАВОСОЗНАНІЕ И РЕЛИГІОЗНОСТЬ	200
22.	ЗАКЛЮЧЕНІЕ	214

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Проблема.

Историческая эпоха, нынѣ переживаемая народами, должна быть осмыслена, какъ эпоха великаго *духовнаго разоблаченія и пересмотра*.

Бѣдствіе міровыхъ войнъ и революцій, постигшее міръ и потрясшее всю жизнь народовъ до самаго корня, есть, по существу своему, явленіе стихійное и поэтому оно только и можетъ имѣть стихійныя причины и основанія. Но всюду, гдѣ вспыхиваетъ стихія и гдѣ она, разъ загорѣвшись, овладѣваетъ дѣлами и судьбами людей, всюду, гдѣ люди оказываются безсильными передъ ея слѣпымъ и сокрушающимъ порывомъ, — всюду вскрывается несовершенство, или незрѣлость, или вырожденіе *духовной культуры* человѣка: ибо дѣло этой культуры состоитъ именно въ томъ, чтобы подчинять всякую стихію *своему* закону, *своему* развитію и своей *цѣли*. Стихійное бѣдствіе обнаруживаетъ всегда *пораженіе*, ограниченность и неудачу духа, ибо творческое преобразованіе стихіи остается его высшимъ заданіемъ. И, какъ бы ни было велико это бѣдствіе, какъ бы ни были грандіозны и подавляющи вызванныя имъ страданія, духъ человѣка долженъ *принять* свою неудачу и въ самой остротѣ страданія усмотрѣть призывъ къ возрожденію и перерожденію. Но это то и значитъ осмыслить стрясшуюся бѣду, какъ великое *духовное разоблаченіе*.

Стихія, нынѣ вовлекшая человѣка въ неизмѣримое злосчастіе великихъ войнъ и потрясеній, есть стихія *неустроенной и ожесточившейся человѣческой души*.

Какъ бы ни было велико значеніе матеріальнаго фактора въ исторіи, съ какою бы силою потребности тѣла ни приковывали к себѣ интересъ и вниманіе человѣческой души, — духъ человѣка никогда не превращается и не превратится въ пассивную, не-дѣйствующую среду, покорную матеріальнымъ вліяніямъ и тѣлеснымъ зовамъ. Мало того, именно слѣпое, безсознательное повиновеніе этимъ вліяніямъ и зовамъ умаляетъ его достоинство, ибо достоинство его въ томъ, что бы быть *творческою причиною, творящею* свою жизнь по высшимъ цѣлямъ, а не пассивнымъ медіумомъ стихійныхъ процессовъ въ матеріи. Всякое воздѣйствіе, вступающее въ душу человѣка, перестаетъ быть мертвымъ грузомъ причинности и становится живымъ побужденіемъ, влеченіемъ, мотивомъ, — подверженнымъ духовному преобразованію и разумному руководству. Къ самой сущности человѣческаго духа принадлежитъ этотъ даръ: воспринять, пре-

ломить, преобразовать и направить по новому—всякое, вторгающееся извнѣ, воздѣйствіе. И, поскольку духъ человѣка не владѣетъ этимъ даромъ въ достаточной степени, поскольку стихіи міра гнетутъ его и ломаютъ его жизнь,—постольку разоблачается и обнаруживается его незрѣлость, постольку передъ нимъ раскрываются новыя заданія и возможность новыхъ достиженій.

Но, для того, чтобы овладѣть этимъ даромъ и использовать его во всей его міропреобразующей силѣ, духъ человѣка долженъ овладѣть своей собственной стихіей,—стихіей неразумной и полу-разумной души. Невозможно устроить міръ матеріи, не устроивъ міръ души; ибо душа есть необходимое творческое орудіе міроустроенія. Душа, покорная хаосу, безсильна создать космосъ во внѣшнемъ мірѣ: ибо космосъ творится по высшей цѣли, а душевный хаосъ несется, смятенный, по множеству мелкихъ, противоположныхъ «цѣлей», покорствуя слѣпому инстинкту. Неустроенная душа остается реальной потенціей духа: она воспріемлетъ и преломляетъ, но не преобразуетъ и не направляетъ по новому—вліянія, вторгающіяся извнѣ. Ея «цѣли» остаются пассивными знаками причинныхъ давленій и сумятица ихъ всегда чревата новыми бѣдами. Внутренно неустроенная въ своихъ заданіяхъ, стремленіяхъ и умѣніяхъ, душа человѣка напрасно ищетъ спасенія въ господствѣ надъ внѣшнимъ міромъ: технически покоряя матерію, она творитъ себѣ лишь новую безпомощность; одолѣвая внѣшнюю стихію, она готовитъ возстаніе внутренняго хаоса; ея успѣхи выковываютъ форму для новаго, нежданнаго пораженія.

Нынѣ, на нашихъ глазахъ, новый міръ повторяетъ путь древняго страданія; новый опытъ даетъ старые выводы. Эти выводы снова научаютъ тому, что самопознаніе и самопреобразованіе человѣческаго духа должно лежать въ основѣ всей жизни, дабы она не сдѣлалась жертвою хаоса и деградаціи; они научаютъ тому, что внутреннее разложеніе индивидуальной души дѣлаетъ невозможнымъ общественное устроеніе и что разложеніе общественной организаціи ведетъ жизнь народа къ позору и отчаянію. И еще они научаютъ тому, что формальная организованность индивидуальной души и народнаго хозяйства не обезпечиваютъ жизнь человѣка отъ содержательнаго вырожденія и преступныхъ путей. Сквозь всѣ страданія міра возстаетъ и загорается древняя истина, и зоветъ людей къ новому пониманію, признанію и осуществленію: жизнь человѣка оправдывается только тогда, если душа его живетъ изъ единаго, предметнаго центра,—движимая подлинною любовью къ Божеству, какъ верховному благу. Эта любовь и рожденная ею воля — лежатъ въ основѣ всей, осуществляющейся духовной жизни человѣка, и внѣ ея душа блуждаетъ, слѣпнетъ и падаетъ. Внѣ ея знаніе становится пародіей на знаніе, искуство вырождается въ пустую и пошлую форму, религія превращается въ нечистое самоопьяненіе, добродѣтель замѣняется лицемѣріемъ, право и государство становятся орудіемъ зла. Внѣ ея—человѣкъ не можетъ найти единой,

устрояющей цѣли жизни, которая превратила бы всѣ его «занятія» и «дѣла» въ единое дѣло Духа, и обезпечила бы человѣческому духу его побѣду. Эту побѣду обезпечиваетъ только живая и подлинная жажда Совершенства, ибо она есть, сама по себѣ, источникъ величайшей и непобѣдимой никакими «обстоятельствами» силы, устрояющей внутренній и внѣшній міръ. Это объясняется самою природою духа: онъ есть та творческая сила души, которая ищетъ подлиннаго знанія, добродѣтели и красоты, и созерцая Божество, какъ реальное средоточіе всякаго совершенства, познаетъ міръ для того, чтобы осуществить въ немъ Его законъ, какъ свой законъ. Но душа, всегда хранящая въ себѣ потенцію духа, можетъ превратить эту возможность въ дѣйствительность только тогда, когда въ ней загорается цѣльнымъ и радостнымъ огнемъ—любовь къ Божественному и жажда стать Духомъ, найти къ нему путь и открыть его другимъ.

Исторія показываетъ, что нелегко человѣку найти этотъ путь, что трудно идти по нему и что легко его потерять. Хаосъ мелкихъ желаній и маленькихъ цѣлей незамѣтно распыляетъ силы души, и человѣческія страсти заливаютъ ея огонь. Душа теряетъ доступъ къ духовнымъ содержаніямъ, а потому не можетъ соблюсти и форму духа: ибо быть въ образѣ духа она можетъ только тогда, когда она подлинно живетъ его реальными содержаніями. Утративъ образъ духа, она дѣлается жертвою собственнаго хаоса и увлекается его круженіемъ въ паденіе и бѣды. И тогда ея задача въ томъ, чтобы въ самыхъ бѣдахъ и страданіяхъ усмотрѣть свое отпаденіе отъ Бога, услышать Его зовъ, узнать Его голосъ и подвергнуть разоблаченію и пересмотру свой невѣрный путь.

Нынѣ философія имѣетъ великую и отвѣтственную задачу положить начало этому пересмотру и разоблаченію. Такая потрясающая духовная неудача человѣчества, какъ потокъ неслыханныхъ войнъ и небывалыхъ революцій, свидѣтельствуетъ съ непререкаемою силою и ясностью о томъ, что всѣ стороны духовнаго бытія жили и развивались по невѣрнымъ путямъ, что всѣ онѣ находятся въ состояніи глубокаго и тяжелаго кризиса. Человѣчество заблудилось въ своей духовной жизни и хаосъ настигнулъ его неслыханной бѣдою; это свидѣтельствуетъ о томъ, что невѣренъ былъ самый способъ духовной жизни, что онъ долженъ быть пересмотрѣнъ до корней и отъ корней обновленъ и возрожденъ.

И, если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на землѣ есть задача права и правосознанія, то современный кризисъ обнажаетъ прежде всего глубокій недугъ современнаго правосознанія.

Въ душахъ людей всегда есть такія стороны, которыя могутъ долгое время, изъ поколѣнія въ поколѣніе, не привлекать къ себѣ достаточнаго вниманія, пребывая въ темнотѣ и полуосознанности. Это бываетъ не только потому, что эти стороны имѣютъ, по существу своему, инстинктивный характеръ и какъ

бы вытѣсняются изъ поля сознанія; и не только потому, что онѣ, сами по себѣ, духовно-незначительны или практически второстепенны и какъ бы затериваются среди другихъ, столь же несущественныхъ оттѣнковъ жизни;—но и потому, что культивированіе ихъ требуетъ особаго напряженія воли и вниманія, тогда какъ ихъ духовное значеніе, по основной природѣ своей, противостоитъ своекорыстному интересу и близорукому воззрѣнію повседневнаго сознанія.

Всегда найдется немало людей, готовыхъ искренно удивиться тому, что въ нихъ живетъ извѣстное міровоззрѣніе, что они имѣютъ свой особый эстетическій вкусъ, что они стоятъ въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи къ голосу совѣсти, что у нихъ имѣется характерное для ихъ души правосознаніе. А, между тѣмъ, каждый человѣкъ, независимо отъ своего возраста, образованія, ума и таланта, живетъ этими сторонами или функціями души, даже и тогда, когда онъ самъ объ этомъ не подозрѣваетъ. Въ такомъ случаѣ его сужденія и поступки слагаются непосредственно подъ руководствомъ инстинктивныхъ влеченій и побужденій и выражаютъ его душевный укладъ, его личный характеръ, его индивидуальный уровень жизни, несмотря на то, что онъ, можетъ быть, ничего не знаетъ объ этомъ, и даже не предполагаетъ, что людямъ неизбѣжно имѣть міровоззрѣніе и правосознаніе, что имъ неизбѣжно жить эстетическимъ вкусомъ и совѣстью. Ограниченное, узкое, тупое міровоззрѣніе, — остается воззрѣніемъ на міръ; неразвитой, извращенный, дурной вкусъ творитъ по своему эстетическій выборъ; подавленная, не выслушанная, заглушенная совѣсть попрежнему бьется и зоветъ изъ глубины; а уродливое, несвободное, слабое правосознаніе всю жизнь направляетъ дѣянія людей и созидаетъ ихъ отношенія.

Человѣку невозможно не имѣть правосознанія; его имѣетъ каждый, кто сознаетъ, что кромѣ него на свѣтѣ есть другіе люди. Человѣкъ имѣетъ правосознаніе независимо отъ того, знаетъ онъ объ этомъ, или не знаетъ, дорожитъ этимъ достояніемъ, или относится къ нему съ пренебреженіемъ. Вся жизнь человѣка и вся судьба его слагаются при участіи правосознанія и подъ его руководствомъ; мало того, жить—значитъ для человѣка жить правосознаніемъ, въ его функціи и въ его терминахъ: ибо оно остается всегда одною изъ великихъ и необходимыхъ формъ человѣческой жизни. Оно живетъ въ душѣ и тогда, когда еще отсутствуетъ положительное право, когда нѣтъ еще ни «закона», ни «обычая», когда никакой «авторитетъ» еще не высказался о «правомъ», вѣрномъ поведеніи. Наивное, полу-сознательное, непосредственное убѣжденіе въ томъ, что не всѣ внѣшнія дѣянія людей одинаково допустимы и «вѣрны», что есть совсѣмъ «невыносимые» поступки и есть «справедливые» исходы и рѣшенія, —это убѣжденіе, еще не знающее о различіи «права» и «морали», лежитъ въ основаніи всякаго «закона» и «обычая», и генетически предшествуетъ всякому правотворчеству. И, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе обычая или закона опредѣляется своекорыстнымъ интересомъ сильнаго, когда право является

несправедливымъ или «дурнымъ» правомъ,—въ основанiи его лежитъ все то же непосредственное убѣжденiе въ необходимости и возможности отличить «вѣрное» и «допустимое» поведенiе отъ «невѣрнаго» и «недопустимаго», и регулировать жизнь людей на основанiи этого общеобязательнаго критерiя.

Въ этомъ обнаруживается своеобразная трагикомедiя правовой жизни: уродливое, извращенное правосознанiе остается правосознанiемъ, но извращаетъ свое содержанiе; оно обращается къ идеѣ права, но беретъ отъ нея лишь схему, пользуется ею по своему, злоупотребляетъ ею и наполняетъ ее недостойнымъ, извращеннымъ содержанiемъ; возникаетъ неправое право, которое однако именуется «правомъ» и выдается за право, компрометируя въ сознанiи людей самую идею и подрывая вѣру въ нее.

Эта трагикомедiя характерна не только для правотворчества; это есть трагикомедiя всей духовной жизни человѣка. Каждый изъ людей имѣетъ въ своемъ замкнутомъ, индивидуальномъ внутреннемъ опытѣ единственную среду, связующую его съ вершинами духа,—съ истиною, добромъ, красотою, откровенiемъ и правомъ,—и единственный источникъ для ихъ познанiя и для сужденiя о нихъ; каждый знаетъ объ этихъ предметахъ лишь то, что онъ самостоятельно и подлинно испыталъ и творчески провѣрилъ *). И вотъ, люди постоянно забываютъ объ этихъ основныхъ условiяхъ духовнаго дѣланiя: не ищутъ подлинности въ опытѣ и предметности въ изслѣдованiи, но основываются на личной склонности и довольствуются субъективнымъ мнѣнiемъ. И, въ результатѣ этого, слагается недостойное и комическое зрѣлище: люди судятъ о важнѣйшемъ и верховномъ, — не зная того, о чемъ судятъ; каждый претендуетъ и посягаетъ, не имѣя на то основанiя; сверхличная очевидность подмѣняется личною увѣренностью; возникаетъ безконечное множество разногласiй, умъ блуждаетъ, колеблется и приходитъ къ безплодному «субъективизму» и безпочвенному «релятивизму». Утрачивается вѣра въ возможность истиннаго знанiя, въ единство добра, въ объективную цѣнность красоты, въ возможность подлиннаго откровенiя, въ справедливое, духовно вѣрное право; а, вмѣстѣ съ этимъ, неизбѣжно гаснетъ и воля къ обрѣтенiю вѣрнаго пути, къ познанiю и осуществленiю этихъ верховныхъ содержанiй. Личный интересъ остается единственнымъ руководителемъ и жизнь незамѣтно вырождается.

Эту объективность предметнаго содержанiя примѣнительно къ праву можно описать такъ, что во внѣшнемъ отношенiи человѣка къ человѣку есть нѣкая единая и объективная правота, которую можно познать только черезъ внутреннiй опытъ, черезъ подлинное, предметное испытанiе и раскрытiе естественнаго права. Переживанiе естественнаго права присуще каждому человѣку, но у большинства оно остается смутнымъ, неувѣреннымъ и нео-

*) Срв. мой трудъ «Аксiомы религiознаго опыта» главы 1—3. См. также три рѣчи «Религiозный смыслъ философiи».

сознаннымъ «правовымъ чувствомъ», какъ бы «инстинктомъ правоты» или, въ лучшемъ случаѣ, «интуиціей правоты». Осознать содержаніе этого естественнаго права и раскрыть его значитъ положить начало зрѣлому естественному правосознанію; сдѣлать его предметомъ воли и оправданнаго аффекта, т.е. превратить эту единую и объективную правоту въ любимую и желанную цѣль жизни,—значитъ развить и осуществить въ себѣ естественное правосознаніе.

Именно естественное правосознаніе, какъ предметное знаніе о «самóмъ», «настоящемъ», единомъ правѣ, должно лежать въ основаніи всякаго сужденія о «правѣ» и всякаго правового и судебнаго рѣшенія, а потому и въ основаніи тѣхъ «законовъ», которые устанавливаются въ различныхъ общинахъ и государствахъ уполномоченными людьми, подъ названіемъ «положительнаго права». Чѣмъ развитѣе, зрѣлѣе и глубже естественное правосознаніе, тѣмъ совершеннѣе будетъ, въ такомъ случаѣ, и «положительное право» и, руководимая имъ, внѣшняя жизнь людей; и обратно: смутность, сбивчивость, непредметность и слабость естественнаго правосознанія будутъ создавать «непредметное», т.е. дурное, невѣрное, несправедливое, несоотвѣтствующее своему прообразу «положительное право». Тогда «право», единое и вѣрное по своей идеѣ, раздваивается и вступаетъ въ своеобразное внутренее разнорѣчіе съ самимъ собою: естественное правосознаніе утверждаетъ не то, о чемъ говоритъ знаніе положительнаго права, и, въ результатѣ этого, душа пріобрѣтаетъ два различныхъ правосознанія, ибо, на ряду съ естественнымъ, возникаетъ правосознаніе положительное, не совпадающее съ нимъ по содержанію. Такое раздвоеніе права, такое разнорѣчіе правосознаній—свидѣтельствуетъ, конечно, о духовной неудачѣ, постигающей человѣка: ему не удается,—по отсутствію воли или по недостатку умѣнія,—осознать содержаніе естественной правоты и положить его въ незыблемое основаніе всякаго сужденія о «положительномъ» правѣ; но, такъ какъ умѣніе всегда зависитъ отъ сердца, которое любитъ, и отъ воли, которая выковываетъ и воспитываетъ умѣніе, то вся эта великая духовная неудача въ дѣлѣ правотворчества покоится на всеобщемъ, исторически устойчивомъ очерствѣніи сердецъ и недостаткѣ воли къ правому праву.

Отсюда уже ясно, что нормальное правосознаніе ведетъ не раздвоенную, а единую и цѣлостную жизнь, и, если оно видитъ передъ собою исторически данное раздвоеніе права, то оно цѣликомъ обращается къ борьбѣ за единое, правое право и за возстановленіе своего внутренняго, предметнаго, духовнаго единства. При этомъ, оно, въ качествѣ духовно вѣрнаго и цѣлостнаго отношенія души къ Праву, не сводится къ «сознанію» и «познанію», но живетъ всегда въ видѣ пробуждаемой сердцемъ и совѣстью воли къ совершенству, справедливости и праву. Нормальное правосознаніе знаетъ свой предметъ; оно есть знающая воля къ праву, признающая его, въ его объективномъ значеніи и обязательности, и, приз-

нающая его потому, что она признаетъ его цѣль. Поэтому нормальное правосознанiе есть, прежде всего, воля къ цѣли права, а потому и воля къ праву; а отсюда проистекаетъ для него и необходимость знать право и необходимость жизненно осуществлять его, т.е. бороться за право. Только въ этомъ цѣлостномъ видѣ правосознанiе является нормальнымъ правосознанiемъ и становится благородной и непреклонной силой, питающейся жизнью духа и, въ свою очередь, опредѣляющей и воспитывающей его жизнь на землѣ.

Нормальное правосознанiе можно изобразить какъ особый способъ жизни, которымъ живетъ душа, предметно и вѣрно переживающая право въ его основной идеѣ и въ его единичныхъ видоизмѣненiяхъ (институтахъ). Этотъ строй душевной жизни есть, конечно, нѣчто идеальное; однако не въ томъ смыслѣ, чтобы этотъ «идеалъ» былъ неосуществимъ. Напротивъ, этотъ способъ жизни уже данъ въ зачаткѣ каждому изъ людей и отъ каждаго изъ насъ зависитъ — осознать, развить и упрочить въ себѣ этотъ зачатокъ. И въ этомъ самовоспитанiи обнаруживается тѣснѣйшая зависимость между «осознанiемъ» и жизненнымъ «укрѣпленiемъ»: изслѣдованiе нормальнаго правосознанiя удается только при наличности творческой воли къ цѣли права, но именно предметное познанiе этой цѣли укрѣпляетъ жизненную волю къ ней.

Изслѣдователь, поставившiй передъ собою эту задачу, вступитъ неизбѣжно въ борьбу съ цѣлымъ множествомъ предразсудковъ; релятивистическое воззрѣнiе на право будетъ, можетъ быть, наиболѣе упорнымъ изъ нихъ.

Повидимому, самыя условiя созданiя и существованiя права благопрiятствуютъ этому предразсудку. Въ правѣ, повидимому, все относительно. Сознанiе человѣка удивительно легко и прочно привыкаетъ къ тому, что право «обусловлено» временемъ и мѣстомъ, интересомъ и силою, настойчивою волею и слѣпымъ случаемъ. То, что «сейчасъ» и «здѣсь» — право, то «завтра» и «здѣсь», или «сейчасъ» и «тамъ» — уже не право; запретное сегодня,—позволено завтра, и, можетъ быть, вмѣнено въ обязанность черезъ мѣсяцъ; организованный интересъ становится силою и провозглашаетъ «справедливымъ» то, что завтра будетъ ниспровергнуто «случайнымъ» стеченiемъ обстоятельствъ. Архивы хранятъ въ себѣ груды «отжившихъ нормъ» и цѣлыхъ кодексовъ, а изворотливый умъ, обслуживая минутный интересъ, умѣетъ истолковать и приспособить «дѣйствующее» право какъ угодно. Содержанiе права всегда достаточно «неопредѣленно» и «условно», а значенiе его всегда «временно» и «относительно».

Въ этомъ убѣжденiи выростаетъ и живетъ современное правосознанiе; оно глубоко проникнуто релятивизмомъ и не знаетъ о себѣ, что оно можетъ и должно быть инымъ. Убѣжденiе въ томъ, что право есть нѣчто «относительное»,—и по содержанiю своему и по обязательности,—возникаетъ незамѣтно, безсознательно и потому коренится въ душахъ особенно прочно и глубоко: это убѣжденiе идетъ навстрѣчу своекорыстному и близорукому интересу, питается имъ, и въ свою очередь, обслу-

живаетъ его. Возникаетъ порочный жизненный кругъ: темнота порождаетъ зло, а зло поддерживаетъ темноту. «Образованные и необразованные круги народа одинаково не вѣрятъ въ объективную цѣнность права и не уважаютъ его предписаній; они видятъ въ немъ или непріятное стѣсненіе, или, въ лучшемъ случаѣ, —удобное средство для защиты и нападенія. Правосознаніе сводится къ запасу непродуманныхъ свѣдѣній изъ области положительнаго права и къ умѣнію «пользоваться» ими; а за этимъ «знаніемъ» и «пользованіемъ» оно укрываетъ въ себѣ глубочайшіе недуги и дефекты, внутреннее вырожденіе и духовное безсиліе.

Слѣпое, корыстное, безпринципное и безсильное правосознаніе руководитъ жизнью человѣчества. И вотъ, эти то недуги правосознанія — развязали стихію души и подготовили ея духовную неудачу.

Жизнь духа требуетъ здѣсь поистинѣ глубокаго пересмотра и обновленія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Знаніе права.

Нормальное правосознаніе отнюдь не сводится къ вѣрному знанію положительнаго права. Оно вообще не сводится къ одному «знанію», но включаетъ въ себя всѣ основныя функціи душевной жизни: и прежде всего — волю и притомъ именно — духовно воспитанную волю, а затѣмъ — и чувство, и воображеніе, и всѣ культурныя и хозяйственныя отправленія человѣческой души. Оно не сводится и къ переживанію одного «положительнаго права», но всегда подходитъ къ нему съ нѣкоторымъ высшимъ, предметнымъ мѣриломъ; наконецъ, оно не есть пассивное состояніе, но жизненно активное и творческое. Поэтому одно знаніе положительнаго права, вѣрное сознаваніе его, — не гарантируетъ еще наличности нормальнаго правосознанія.

И, тѣмъ не менѣе, это знаніе необходимо. Народъ, не знающій «законовъ» своей страны ведетъ внѣ-правовую жизнь или довольствуется самодѣльными и неустойчивыми зачатками права. Люди, не вѣдающіе своихъ обязанностей, не въ состояніи и блюсти ихъ, не знаютъ ихъ предѣловъ и безсильны противъ вымогательста «воеводы», ростовщика и грабителя; люди, не знающіе своихъ полномочій, произвольно превышаютъ ихъ, или же трусливо уступаютъ силѣ; люди, не знающіе своихъ запретностей, легко забываютъ всякій удержъ и дисциплину, или оказываются обреченными на правовую невмѣняемость. Незнаніе положительнаго права ведетъ неизбѣжно къ произволу сильнаго и запуганности слабаго. Мало того, оно дѣлаетъ невозможною жизнь въ правѣ и по праву. Люди пребываютъ въ состояніи животныхъ или вещей, до которыхъ не доходитъ голосъ, взывающій о томъ, что «можно», что «должно» и чего «нельзя», однако имъ запрещено «отзываться невѣдѣніемъ закона»; и, невмѣняемые, они не могутъ даже претендовать на унизительную для человѣка невмѣняемость.

Народу необходимо и достойно знать законы своей страны; это входитъ въ составъ правовой жизни. Право говоритъ на языкѣ сознанія и обращается къ сознательнымъ существамъ; оно утверждаетъ и отрицаетъ, оно формулируетъ и требуетъ — для того, чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, и сознавали формулированное требованіе. И тотъ, кому оно «позволяетъ», «предписываетъ» и «воспрещаетъ» — является субъектомъ полномочій, обязанностей и запретностей, т. е. субъектомъ права. Самая сущность, самая

природа права въ томъ, что оно творится сознательными существами и для сознательныхъ существъ, мыслящими субъектами и для мыслящихъ субъектовъ.

Поэтому нелѣпъ и опасенъ такой порядокъ жизни, при которомъ народу недоступно знаніе его права: когда напримѣръ, среди народа есть неграмотные люди, или когда право начертано на чуждомъ языкѣ, или когда текстъ законовъ остается недоступнымъ для народа *), или же смыслъ права выражается слишкомъ сложно, запутанно и непонятно. Тогда, въ лучшемъ случаѣ, между народомъ и правомъ вдвигается іерархія корыстныхъ посредниковъ, взимающихъ особую дань за «отысканіе» правоты и обслуживающихъ народную темноту въ свою пользу; имъ выгодно затемнить ясное дѣло, а не уяснить темное, спасти «безнадежное» дѣло и внести кривду въ судъ; и подъ ихъ «опытными» руками толкованіе закона быстро превращается въ профессіональный кривотолкъ. Такъ правосознаніе народа вырождается отъ невозможности непосредственно принять право въ сознаніе. Нельзя человѣку не быть субъектомъ права, ибо самая сущность права состоитъ въ томъ, что оно обращается ко всякому вмѣняемому человѣку, хотя бы уже съ одними запретами и предписаніями. И согласно этому невозможно, чтобы субъектомъ права была неодушевленная вещь, насѣкомое или животное, ибо право предполагаетъ способность къ знанію, разумѣнію и къ соотвѣтственному управленію собою.

Однако, самое знаніе положительнаго права только тогда стоитъ на высотѣ, когда оно предметно. Это означаетъ, что обращающійся къ праву долженъ подходить къ нему, видя въ немъ объективно данное содержаніе, имѣющее свой законченный и опредѣленный смыслъ; этотъ смыслъ ранѣе кѣмъ то (законодателемъ?) продуманный и облеченный въ слова и фразы, долженъ быть теперь точно выясненъ и неискаженно понятъ. Тому, кто хочетъ дѣйствительно знать положительное право, необходимо понять, что оно, прежде всего, дается ему въ готовомъ, законченномъ, установленномъ видѣ, какъ особый предметъ, со специфическими свойствами и чертами. Этотъ предметъ, какъ и всякій предметъ, требуетъ, чтобы восpріятіе, вниманіе и мысль приспособились къ нему и научились видѣть и понимать его. Это изученіе, какъ и всякое движеніе къ истинѣ, требуетъ того добросовѣстнаго и безпристрастнаго «теоретическаго» подхода, который характеризуетъ науку и воспитывается научнымъ преподаваніемъ.

Это не значитъ, однако, что именно ученому и только ему свойственъ этотъ подходъ. Нѣтъ, съ одной стороны возможны ученые юристы, всю жизнь не поднимающіеся къ теоре-

*) Гегель приводитъ примѣръ съ тираномъ Діонисіемъ, повѣсившимъ текстъ законовъ такъ высоко, что его никто не могъ прочесть.

Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts, Berlin 1833 S. 278.

тическому изученію права; они интересуются имъ лишь въ мѣру и съ точки зрѣнія его практическаго примѣненія и казуальные «запросы жизни» господствуютъ надъ ихъ научной дѣятельностью. Они воспитываютъ въ своихъ аудиторіяхъ умѣлыхъ, но научно безпринципныхъ практикантовъ, и часто сами того не сознавая, задерживаютъ ростъ истиннаго правосознанія въ странѣ. Съ другой стороны, совѣстный и безпристрастный подходъ къ выясненію «точнаго смысла закона», доступенъ не только «образованному» юристу, но и простому человѣку; недостатокъ общаго или юридическаго образованія можетъ помѣшать ему въ осуществленіи этого точнаго выясненія, отсутствіе умѣнія и навыка можетъ затруднить его; но сознаніе важности и необходимости такого не корыстнаго интереса къ содержанію права, такого «незаинтересованнаго» пониманія, такого не-казуальнаго выясненія — можетъ быть свойственно ему въ высшей степени.

Развитому правосознанію всегда присуща непоколебимая увѣренность въ томъ что право и законъ имѣютъ свое опредѣленное содержаніе и что каждый изъ насъ, обращаясь къ праву и встрѣчаясь съ его связующими указаніями, имѣетъ, прежде всего, задачу выяснить и неискаженно понять это объективное содержаніе права. И въ этой увѣренности люди не заблуждаются. Праву въ его зрѣломъ и развитомъ видѣ свойственно имѣть видъ нормы, т. е. тезиса, выраженнаго въ словахъ и устанавливающаго извѣстный порядокъ внѣшняго поведенія, какъ имѣющій юридическое значеніе (напримѣръ позволенный, предписанный или воспрещенный) *). Правовая норма предстоитъ человѣческому уму не просто въ видѣ связнаго грамматическаго предложенія; за ея словами скрывается всегда опредѣленное содержаніе, изъ котораго и видно, что она есть правило поведенія, а не описаніе единичнаго факта и не формула позитивнаго закона, говорящаго о томъ порядкѣ, который осуществляется въ дѣйствительности. Это содержаніе выражается въ правовой нормѣ, какъ подуманное и мыслью опредѣленное, такъ, что за каждымъ словомъ грамматическаго предложенія скрывается логическое понятіе со своимъ особымъ содержаніемъ. Правовая норма по самому существу своему сочетаетъ всегда два, болѣе или менѣе сложныхъ, понятія: предписаннаго, позволеннаго или воспрещеннаго поведенія и понятіе человѣческаго субъекта, образъ дѣйствія котораго этимъ регулируется. Отсюда необходимость предметнаго логическаго и нормативнаго разсмотрѣнія права.

Предметное чтеніе и изученіе правовой нормы отправляется отъ признанія того, что каждая норма, какъ логическій тезисъ и какъ правило поведенія, имѣетъ

---

*) Я пытался подробно развить и обосновать это воззрѣніе въ статьѣ «Понятія права и силы». — Вопр. Фил. и Псих., 1910 Книга I. Эта статья была издана и въ видѣ отдѣльной брошюры.

свое объективное содержаніе, заданное къ точному и адэкватному уразумѣнію.

Въ качествѣ тезиса, связующаго два понятія, правовая норма стоитъ въ ряду смысловъ, непосредственно подчиненныхъ закону тождества и закону противорѣчія и подлежащихъ поэтому формально-логическому разсмотрѣнію *). Необходимо раскрыть, въ ясномъ и отчетливомъ перечисленіи родовыхъ и видовыхъ признаковъ каждое понятіе, скрытое за словеснымъ текстомъ нормы; здѣсь ничто «само собою» не разумѣется: необходимо усомниться въ вѣрности каждаго признака въ каждомъ понятіи и безпристрастно провѣрить разумѣемое въ немъ логическое содержаніе **). Эта задача есть логико-анатомическая; комментаторъ изучаетъ и раскрываетъ тождественный и неизвѣстный смыслъ, объективно скрытый за словами «значащей» (или «значившей» въ прошломъ) правовой нормы; онъ теоретически разоблачаетъ смысловое содержаніе положительнаго права, не преслѣдуя при этомъ никакой практической цѣли. И, чѣмъ вѣрнѣе онъ остается этой теоретической задачѣ, чѣмъ болѣе исчерпывающъ, послѣдователенъ и безпристрастенъ его ана-

---

*) Подъ «смысломъ» я разумѣю здѣсь не «метафизическую силу», и не «абсолютное достоинство», и не «творческую цѣль»; но чисто «логическое», тождественное, отвлеченное (отъ образа и отъ акта мысли), непространственное и невременное, нечувственное и необразное содержаніе, постольку «объективное» и «идеальное», специфически постигаемое актомъ чистаго мышленія. Цѣлостное выясненіе его природы требуетъ, конечно, самостоятельнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію этимъ терминомъ иногда злоупотребляютъ въ философской литературѣ, особенно умы, непривыкшіе къ дифференцированному мышленію и стремящіеся построить «систему» на основаніи единаго термина со смутнымъ содержаніемъ.

**) Здѣсь возникаетъ сложный вопросъ: откуда взять матеріалъ для этихъ логическихъ опредѣленій? Вѣдь положительное право очень часто пользуется юридическими терминами, не опредѣляя ихъ, такъ, какъ если бы ихъ значеніе «само собою» разумѣлось и было извѣстно каждому. Высокое развитіе научной теоріи и правосознанія дѣлаетъ излишнимъ чрезмѣрное перегруженіе нормъ логическими дефиниціями: законодатель (но не научный комментаторъ) можетъ считать, что многіе термины уже установлены въ наукѣ и усвоены народнымъ правосознаніемъ въ ихъ устойчивомъ и опредѣленномъ значеніи. И тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что право тѣмъ совершеннѣе въ формальномъ отношеніи, чѣмъ болѣе оно продумано и чѣмъ болѣе прямыхъ опредѣленій содержится въ его нормахъ; ибо въ научной теоріи всегда остается спорное, а въ правосознаніи — неустойчивое и подверженное вліянію частнаго интереса. Это не значитъ, что право должно исчерпывающе предусмотрѣть и педантически регламентировать всѣ единичныя детали жизни; нѣтъ, здѣсь всегда будетъ многое предоставлено на усмотрѣніе правосознанія правопримѣняющаго субъекта. Но то, что сказано и установлено въ нормѣ — должно быть раскрыто и фиксировано въ ней недвусмысленно.

Какъ бы широко ни использовалъ комментаторъ сравнительное изученіе нормъ того же самаго кодекса, пояснительные документы законодателя, безспорныя данныя научной теоріи и всѣ средства, ведущія къ уразумѣнію объективнаго смысла закона, онъ всегда будетъ имѣть въ остаткѣ извѣстную совокупность неопредѣляющихся терминовъ и задача его въ томъ, чтобы открыто разграничить добытый имъ точный смыслъ закона отъ предлагаемаго имъ лично истолкованія. Вся сила логическаго комментированія должна быть направлена на то, чтобы имѣть въ виду, разумѣть и отличать смыслъ, данный въ законѣ, отъ всякаго добавленія, изъ какихъ бы благородныхъ соображеній оно ни проистекало.

лизъ, тѣмъ выше и утонченнѣе будетъ уровень право—знанія и, соотвѣтственно, правотворчества и правосознанія въ странѣ. Изслѣдуя всѣ закоулки законовъ, устанавливая шаткость терминологіи (одно понятіе имѣетъ два имени), вскрывая неустойчивость мысли (одно названіе скрываетъ за собою два различные смысла), обнаруживая наличность понятій съ неопредѣленнымъ содержаніемъ, логическихъ пустотъ и лишнихъ терминовъ, воздвигая классификацію юридическихъ понятій и обнажая смысловые предѣлы кодекса, — онъ можетъ быть глубоко увѣренъ въ томъ, что его работа необходима въ дѣлѣ усовершенствованія права и катарсиса правосознанія: она создаетъ научную базу для практическаго толкованія и примѣненія права; она вскрываетъ логическіе дефекты въ формулахъ положительнаго права; она содѣйствуетъ искорененію корыстнаго кривотолка; она обнажаетъ дефекты правового мышленія въ странѣ; она повышаетъ технику правотворчества.

Совсѣмъ не случайно люди стали облекать правовыя правила поведенія въ форму логическихъ тезисовъ и записывать ихъ. Дѣло не только въ томъ, что «verba volant, scripta manent» — слова улетучиваются — записанное остается. Живя совмѣстно, люди обращаются къ созданію помысленныхъ правовыхъ тезисовъ и формулъ именно для того, чтобы сохранить, повторить и распространить единожды обрѣтенное «вѣрное» рѣшеніе спора или конфликта, и закрѣпить найденный «вѣрный» способъ поведенія: «пусть будетъ то же самое во всѣхъ одинаковыхъ случаяхъ». Но именно мысль обладаетъ особою способностью фиксировать, закрѣплять и сохранять свои содержанія, доводя ихъ до максимальной ясности и опредѣленности и сообщая имъ внутреннюю непротиворѣчивость: ибо она дѣлаетъ ихъ смыслами и подводитъ ихъ подъ законы тождества и противорѣчія. Только благодаря этому право съ успѣхомъ можетъ разрѣшать такія задачи, какъ: сохраненіе и накопленіе, уясненіе и упрощеніе правилъ устрояющихъ жизнь; дисциплинированіе инстинктивныхъ порывовъ и произвольныхъ посяганій силою разумной тождественности; постепенное пріученіе людей къ самоограниченію и увеличеніе безспорной сферы человѣческихъ отношеній; и, наконецъ, справедливое «уравненіе» одинаковаго въ жизни людей. Право принимаетъ форму объективнаго смысла для того, чтобы внести въ общественную жизнь начало разумнаго, мирнаго и справедливаго порядка. И тотъ, кто въ качествѣ послѣдовательнаго субъективиста не усматриваетъ въ правѣ объективнаго смысла и сводитъ все къ болѣе или менѣе неустойчивымъ субъективнымъ «концепціямъ» и «толкованіямъ», тотъ отрицаетъ эту миссію права и содѣйствуетъ ея неудачѣ.

Къ этому логическому изученію права тѣсно примыкаетъ предметное изученіе нормы, какъ правила поведенія. Понятно, что уразумѣть правило можно только послѣ раскрытія его логическаго смысла, и нерѣдко юридическая лабораторія сливаетъ оба изученія въ одно.

Каждая правовая норма устанавливается *уполномоченными* субъектами и притомъ въ *установленномъ*, предусмотренномъ порядкѣ, внѣ котораго она не можетъ получить своего значенія*). Изслѣдовать правило поведенія значитъ прежде всего найти предметно исчерпывающій отвѣтъ на эти два формальные вопроса: кѣмъ и въ какомъ (надлежащемъ ли) порядкѣ оно установлено. Объективное и убѣдительное рѣшеніе этихъ вопросовъ чрезвычайно существенно для правосознанія: могутъ быть нормы, посягающія на *званіе правовыхъ* и на *достоинство значащихъ*, связующихъ, «дѣйствующихъ» нормъ *безъ всякаго основанія*. Не всякое «велѣніе внѣшняго авторитета» способно породить правовую норму; возможны *произвольныя* велѣнія и распоряженія, превышающія компетенцію приказывающаго или же основанныя на отношеніи грубой силы (напр. противоправныя распоряженія завоевателя въ занятой области). И вотъ развитое правосознаніе умѣетъ всегда разобраться въ томъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается право и гдѣ возникаетъ произволъ; и, рѣшивъ этотъ вопросъ, оно всегда умѣетъ сдѣлать надлежащіе практическіе выводы: гдѣ надлежитъ признавать и повиноваться, а гдѣ надлежитъ противопоставить произволу и грубой силѣ всю мощь правомѣрнаго и до героизма послѣдовательнаго непокорства. И исторія показываетъ, что такому правосознанію не разъ удавалось настоять на своемъ и побѣдить врага силою духовной правоты. Такъ знаніе о правѣ входитъ органически въ самую сущность правовой жизни.

Изслѣдовать правовую норму, какъ правило поведенія, значитъ, далѣе, установить исчерпывающе ея *содержаніе*. Содержаніе каждой такой нормы скрываетъ въ себѣ два критерія для разсмотрѣнія человѣческой жизни: *первый* критерій устанавливаетъ, какія именно дѣйствія и состоянія людей имѣютъ вообще правовое значеніе, т.е. подлежатъ правовой квалификаціи или правовому разсмотрѣнію и могутъ быть «правомѣрными» и «неправомѣрными» (въ отличіе отъ юридически «индифферентныхъ», «иррелевантныхъ»); *второй* критерій устанавливаетъ, въ чемъ именно состоитъ правовое значеніе этихъ дѣйствій и состояній. Это правовое значеніе можетъ быть сведено къ тому, что для опредѣленныхъ субъектовъ устанавливаются опредѣленныя полномочія, обязанности и запретности, указанныя въ содержаніи нормы. Итакъ, каждая норма указываетъ, *какія именно дѣйствія и состоянія людей*, устанавливаютъ *для какихъ именно* субъектовъ, *какія именно* полномочія, обязанности и запретности. Этимъ и опредѣляется содержаніе и объемъ правила поведенія: строго опредѣленнымъ людямъ, въ строго опредѣленныхъ обстоятельствахъ, — позволяется, предписывается и воспрещается извѣстное, строго опредѣленное поведеніе. Такое правило нерѣдко сопровождается санкціей, т.е. указаніемъ на тѣ обя-

*) Это относится и къ нормамъ «обычнаго права» возникающимъ въ тотъ моментъ, когда право-примѣняющій органъ формулируетъ, признаетъ обязательнымъ и примѣняетъ простой обычай правового общенія.

зательныя, предстоящія послѣдствія, которыя должны постигнуть нарушителя нормы. Изслѣдовать правило поведенія значитъ найти предметно исчерпывающій отвѣтъ на эти четыре вопроса (или соовѣтственно двѣнадцатъ вопросовъ): что, кому, при какихъ обстоятельствахъ и съ какой санкціей предписывается, воспрещается и позволяется?

Столь тщательный анализъ, очевидно, требуетъ научной лабораторіи, систематическаго мышленія, методической работы; истинное знаніе и пониманіе положительнаго права, какъ и всякое движеніе къ истинѣ, есть дѣло въ высшей степени трудное и отвѣтственное. Отвѣтственность же ученаго юриста требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія потому, что въ его объективную и безпристрастную работу часто врывается крикливый голосъ повседневной борьбы за существованіе и вплетается тайный шопотъ личнаго, группового и классоваго интереса. Постороннія дѣлу мотивы часто силятся увлечь юриста теоретика на путь угодливаго приспособленія: ростъ правосознанія заставляетъ сильнаго и властвующаго искать правовыхъ основаній для своей силы и власти даже тамъ, гдѣ завѣдомо можетъ быть установлена только одна в и д и м о с т ь права. Въ противовѣсъ этому юристъ теоретикъ обязанъ помнить, что дѣло познанія, осуществляемое имъ, должно осуществляться предметно: онъ не выдумываетъ, не фантазируетъ и не «препарируетъ», производя «нажимы на законъ»; онъ объективно вскрываетъ смыслъ, значеніе и содержаніе положительнаго права, обнажая его во всѣхъ его достоинствахъ и недостаткахъ; онъ раскрываетъ не только уже живущія въ практикѣ стороны его, но и тѣ, которыя оставались доселѣ подъ спудомъ, тая въ себѣ возможность новыхъ конфликтовъ, недоумѣній, кривотолковъ и бѣдъ. Онъ не ждетъ практическихъ поводовъ, хотя и умѣетъ использовать ихъ научно; объективное содержаніе права дано ему, какъ предметъ и тогда, когда кодексъ еще не введенъ въ дѣйствіе. Люди не вѣрящіе въ самозаконность и силу чистаго теоретическаго знанія, въ его духовную цѣнность и практическую важность, могутъ, конечно, пренебрегать такимъ анализомъ права, считая его проявленіемъ мертвой схоластики; но горе человѣку, — и медику и паціенту, — изучающему анатомію лишь въ мѣру «казуальныхъ», т.е. случайныхъ запросовъ жизни . . .

Народное правосознаніе можетъ стоять на высотѣ только тамъ, гдѣ на высотѣ стоитъ юридическая наука. Тамъ, гдѣ юриспруденція непредметна и пристрастна, или, еще хуже, невѣжественна и продажна, тамъ вырождается самая сердцевина правового мышленія и быстро утрачивается уваженіе къ праву; ученый приближается къ типу стараго подъячаго и отъ его «научнаго» крючкотворства быстро меркнетъ правосознаніе. Въ сужденіяхъ о правѣ воцаряются шаткость и злокачественная туманность; въ умахъ все двоится и колеблется; и трудно ждать чего нибудь отъ «земли», когда соль ея теряетъ свою силу.

Живой контактъ между юридическою наукою и сознаніемъ массъ есть второе условіе для развитія правосознанія. Содержаніе положительнаго права должно быть не только «доступно»

народу такъ, чтобы каждый въ каждомъ случаѣ могъ безъ труда установить свои правовыя полномочія, обязанности и запретности; оно должно быть фактически введено въ сознаніе народа, во всей своей опредѣленности и недвусмысленной ясности. Правосознаніе состоитъ прежде всего въ томъ, что человѣкъ знаетъ о «существованіи» положительнаго права и о своей «связанности» имъ; и, далѣе, онъ знаетъ, что смыслъ этого права единъ и опредѣлененъ, неизмѣняемъ по личному произволу и случайному интересу; и что содержаніе его «таково то». Необходимо, чтобы каждый фактически зналъ то, что ему по праву «можно», «должно» и «нельзя», чтобы онъ какъ бы воочію осязалъ предѣлы своего правового «статуса» въ увѣренности, что они могутъ быть измѣнены по праву, но не противъ права и не въ обходъ его.

Понятно также, какое огромное значеніе имѣетъ популярное преподаваніе права и школьное воспитаніе правосознанія въ жизни народа. Необходимы общедоступные учебники права; необходимо преподаваніе законовѣдѣнія въ среднихъ школахъ; необходимъ обязательный курсъ правосознанія, читаемый въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Огромное значеніе могло бы быть присуще кадру разъѣздныхъ лекторовъ и консультантовъ, оплачиваемыхъ отъ города или отъ земства, и безплатныхъ для народа (подобно врачамъ, ветеринарамъ и агрономамъ). Необходимо все сдѣлать, чтобы приблизить право къ народу, чтобы укрѣплять массовое правосознаніе, чтобы народъ понималъ, зналъ и цѣнилъ свои законы, чтобы онъ добровольно соблюдалъ свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочіями. Право должно стать факторомъ жизни, мѣрою реальнаго поведенія, силою народной души.

И вотъ, если условиться называть объективное содержаніе положительнаго права его смысломъ, а субъективно осознанное содержаніе его—его понятіемъ, то можно будетъ сказать: положительное правосознаніе состоитъ, прежде всего, въ томъ, что человѣкъ переживаетъ понятіе положительнаго права адэкватно его смыслу. Однако этимъ оно далеко не исчерпывается.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе положительнаго права.

Вторая основа правосознанія состоитъ въ томъ, что положительное право переживается, какъ имѣющее объективное значеніе. Оно имѣетъ единое и опредѣленное содержаніе, которому свойственно особымъ образомъ «значить» въ жизни и дѣлахъ даннаго союза людей. Это можно условно выразить такъ: положительное право беретъ на себя отвѣтственную задачу указать людямъ «объективно лучшій» способъ внѣшняго поведенія и «связать» ихъ этимъ указаніемъ. Какъ же это понять?

Человѣкъ, впервые встрѣчающійся съ правовымъ регулированіемъ жизни, узнаетъ, что изъ возможныхъ для него и дѣйствительныхъ его поступковъ и состояній не всѣ имѣютъ «правовое значеніе»; что есть такіе, о которыхъ въ правѣ такъ или иначе упоминается,—«предусмотренныя» дѣйствія и состоянія, и такіе, о которыхъ «ничего не говорится»; и что предусмотрѣннымъ дѣйствіямъ и состояніямъ придается какой-то особый характеръ, такъ что съ ними связываются какія-то характеристики, измѣненія, послѣдствія и т. д. И первое, на что наталкивается его сознаніе, это то, что всѣ эти характеристики, послѣдствія, выводы и т. д. сохраняютъ свое значеніе даже въ томъ случаѣ, если онъ ихъ не захочетъ признать, и если онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ будто онъ о нихъ ничего не зналъ, или, какъ будто бы ихъ «вовсе не было». Оказывается, что «значеніе» ихъ не нуждается въ его сознаніи, согласіи и признаніи.

Еще до того, какъ онъ самъ предусмотрѣлъ свои будущія дѣйствія и подумалъ о своихъ свойствахъ и состояніяхъ, они были въ значительной части предусмотрены, въ общихъ чертахъ описаны и разсортированы другими людьми, независимо отъ того, соотвѣтствовало это его личнымъ интересамъ, желаніямъ и намѣреніямъ или нѣтъ; и при этомъ было установлено, что одни его дѣйствія, свойства и состоянія «важны» и принимаются во вниманіе, а другія—безразличны; и что изъ числа предусмотрѣнныхъ, одни поступки ему «воспрещены», такъ, что онъ, хотя и можетъ, но не смѣетъ ихъ совершать; другіе — «вмѣнены ему въ обязанность», такъ, что онъ, хотя и можетъ ихъ не совершить, но долженъ ихъ выполнить; а третьи — «предоставлены на его усмотрѣніе», однако съ тѣмъ, что если онъ ихъ совершитъ, то ему уже «не позволено» будетъ «взять ихъ назадъ», «анулировать» при всякихъ обстоятельствахъ и по одному собственному желанію. Онъ видитъ, что его жизнь оплетена

какою-то сѣтью, такъ, что онъ фактически можетъ съ нею не считаться, но что она отъ этого не порывается и не исчезаетъ. И притомъ эта сѣть отнюдь не имѣетъ вещественнаго характера: ея нельзя ни видѣть, ни осязать, ни уничтожить физическими мѣрами. Узнать о ней можно изъ записанныхъ правилъ; но въ этихъ правилахъ о немъ лично, да и ни о комъ другомъ лично, ничего не говорится. Говорится лишь о «людяхъ вообще», о «свойствахъ вообще», о «поступкахъ вообще»; а изъ этого «вытекаетъ», что и онъ опутанъ незримою сѣтью какихъ-то «значеній» и «обязательностей». И безъ труда убѣждается онъ, что съ этими «обязательностями» нерѣдко можно и въ самомъ дѣлѣ не считаться: сдѣлать запретное, ускользнуть отъ обязанности, превысить позволенное; часто за это даже «ничего не полагается» (lex imperfecta), а иногда и «полагается» непріятное, но отъ него удается ускользнуть.

Правовая «сѣть», какъ и всякая сѣть, имѣетъ пустые промежутки; она не сковываетъ человѣка по рукамъ и ногамъ. Право не только не предусматриваетъ всѣ дѣйствія и состоянія людей, но и не стремится къ этому; а въ томъ, что предусмотрѣно, оно не можетъ дѣйствовать подобно законамъ природы. Право не можетъ сдѣлать «запретное»—неосуществимымъ, «обязательное»—неизбѣжнымъ, «позволенное»—доступнымъ; оно запрещаетъ, требуетъ, позволяетъ, наконецъ, оно угрожаетъ непріятными послѣдствіями и приводитъ ихъ, гдѣ удается, въ исполненіе; но оно безсильно поставить человѣка въ то положеніе безвыходной необходимости, въ которомъ онъ пребываетъ, какъ явленіе природы: въ качествѣ живой части міра, человѣкъ можетъ жить только по законамъ природы, комбинируя ихъ въ свою пользу или же себѣ во вредъ; онъ безсиленъ нарушить ихъ; но, въ качествѣ субъекта права онъ можетъ сплетать законные поступки съ незаконными, правомѣрные съ неправомѣрными, нарушая право, преступая его правила и даже ускользая въ пустые промежутки правовой «сѣти» (напр. жизнь шайки разбойниковъ).

Однако, въ чемъ же тогда состоитъ «значеніе» права? Развѣ не слѣдуетъ называть закономъ лишь то, что ненарушимо; лишь то, что непоколебимо прочно, какъ фатумъ, ведущій согласнаго и насильственно влекущій строптиваго? Какое же «значеніе» можно признать за правомъ, если оно по самому существу своему нарушимо; если есть возможность преступать и обходить его; если оно не ставитъ человѣка въ положеніе безвыходности, а только угрожаетъ непріятностями, которыя часто не удается осуществить? Что значатъ всѣ эти «характеристики» и «квалификаціи», всѣ эти «можно», «должно», и «нельзя», если отъ нихъ возможно ускользнуть и надъ ними посмѣяться? Въ чемъ же сила этого закона, если въ порядкѣ внѣшняго, вещественно-тѣлеснаго существованія, онъ такъ часто бываетъ безсиленъ?

Для человѣка съ неразвитымъ правосознаніемъ всѣхъ этихъ сомнѣній достаточно, чтобы отнести значеніе права къ области иллюзій, навожденій, фантазій, или, по модному нынѣ слову, къ

области «фантасмъ». Право не имѣетъ объективнаго значенія, какъ не имѣетъ и объективнаго, смыслового содержанія; однако людямъ кажется, что въ немъ есть и то, и другое, и поддаваясь этой иллюзіи, они воображаютъ, что имѣютъ дѣло съ чѣмъ-то объективно значащимъ и обстоящимъ. Между тѣмъ, стоитъ имъ только внимательно присмотрѣться къ ихъ личному «опыту» и они убѣдятся въ своей ошибкѣ: все исчерпывается ихъ субъективнымъ переживаніемъ, ихъ эмоціями и работою воображенія, создающаго различныя «фантасмы» *).

Право, какъ нѣчто объективное, только «чудится» людямъ; оно какъ призракъ или привидѣніе: стоитъ только собраться съ духомъ, присмотрѣться, — и оно окажется игрою аффектовъ и фантазій; оно подобно «двойнику», безпокоющему запуганное воображеніе; и можетъ быть, тому, кто не въ состояніи разоблачить этого «двойника» и преодолѣть усиліемъ собственной воли и мысли,—слѣдуетъ лѣчиться... по способу предметнаго самоослѣпленія и релятивистической наивности.

Именно здѣсь приходитъ конецъ всякому правосознанію; ибо сознавать право—не то же самое, что имѣть клубокъ субъективныхъ эмоцій, посвященныхъ реакціи на мнимыя «повелѣнія» и «предоставленія». Весь вопросъ о правѣ начинается только тамъ, гдѣ допускается, что не все кажущееся правомѣрнымъ,—въ самомъ дѣлѣ правомѣрно; только тамъ, гдѣ субъективному мнѣнію о правѣ и посяганію на право—противостоитъ объективно обстоящее, предметно опредѣленное, само-значащее право; только тамъ, гдѣ возможенъ споръ о правѣ, т.е. основывающееся на тождественномъ смыслѣ высказываній состязаніе о правовой истинѣ; слѣдовательно, только тамъ, гдѣ есть самый предметъ, а у предмета объективный, заданный къ адэкватному уразумѣнію смыслъ. Но смыслъ постигается не аффектомъ, и не эмоціей, и не воображеніемъ; а мыслью. И право не переживается въ видѣ случайныхъ, и по содержанію не обоснованныхъ, «нормативно-аттрибутивныхъ» толчковъ и побужденій, но предметно воспріемлется и обоснованно испытывается волею, какъ объективно зна-

*) Это воззрѣніе, обнаруживающее глубокій недугъ русскаго правосознанія, было выдвинуто и развито проф. Л. І. Петражицкимъ. Яркій и отчетливый дескриптивный анализъ правового переживанія составляетъ непреходящую заслугу его произведеній; однако этотъ анализъ совершенно не является исчерпывающимъ и умалчиваетъ о главномъ: о переживаніи объективныхъ элементовъ права. Авторъ отстаиваетъ послѣдовательно релятивизмъ въ пониманіи права и осуществляетъ личный субъективизмъ въ пониманіи опыта; въ резулататѣ этого правосознаніе превращается у него въ эмоціональное воображеніе о правѣ; смыслъ и цѣнность, какъ самостоятельные предметы, не разсматриваются вовсе, и дефекты личнаго правового и философскаго опыта, получаютъ принципіально-теоретическое истолкованіе. Все это заставляетъ признать, что научное преодолѣніе его теоріи необходимо для вѣрнаго и творческаго развитія русскаго правосознанія.

чащее установленіе. Внѣ этого нѣтъ и не можетъ быть «правосознанія, а будутъ только безпредметныя и необоснованныя сужденія о мнимомъ правѣ и смутныя фантасмы на темы, болѣе или менѣе подобныя праву.

Для того, чтобы имѣть зрѣлое правосознаніе, необходимо выносить въ душѣ особый опытъ, который можетъ быть обозначенъ такъ: это есть, прежде всего, непосредственное, подлинное и отчетливое испытаніе чего-то неосязаемаго, какъ имѣющаго объективное значеніе*). Такое испытаніе, провѣренное и очищенное интуитивнымъ методомъ, неминуемо порождаетъ убѣжденіе въ дѣйствительной наличности предмета съ объективнымъ значеніемъ, а попытка постигнуть этотъ предметъ мыслью — неминуемо заставляетъ признать въ немъ его собственный, имманентный ему и тождественный себѣ объективный смыслъ, заданный къ адэкватному уразумѣнію. Таковъ схематическій путь къ усвоенію сущности положительнаго правосознанія, какъ такового**).

Итакъ, развитіе правосознанія требуетъ прежде всего работы надъ расширеніемъ и утонченіемъ своего внутренняго духовнаго опыта. Въ этомъ отношеніи правовая жизнь подлежитъ общему и основному закону духовнаго развитія и является, подобно религіи, философіи, наукѣ, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единаго жизненно-духовнаго дѣланія. Но, если это такъ, то не всякій человѣкъ, стоящій на любомъ уровнѣ умственнаго и духовнаго развитія, компетентенъ судить о понятіи и сущности права; и «возраженіе» его противъ объективнаго значенія права не будетъ имѣть никакой силы и убѣдительности, если въ основѣ будетъ лежать ограниченность или шаткость его личнаго духовнаго опыта. Большинство споровъ между релятивистами и философами основывается именно на томъ, что первые не культивируютъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ объективно обстоящіе и значащіе элементы, а потому не «видятъ» ихъ и отрицаютъ ихъ наличность, часто даже не понимая, о чемъ собственно идетъ рѣчь.

Развитіе правосознанія требуетъ, чтобы каждый изъ насъ усмотрѣлъ съ силой очевидности объективное значеніе права. Оно состоитъ въ томъ, что квалификаціи, разграниченія и постановленія, разъ получив-

*) Такой опытъ можетъ и долженъ быть пріобрѣтенъ не только въ правосознаніи и для правосознанія, но и въ другихъ сферахъ, имѣющихъ дѣло съ объективно-значащими предметами. Такова прежде всего религія; далѣе теорія познанія, изслѣдующая природу истины и познавательной очевидности; этика, изслѣдующая природу добра и совѣсти; и эстетика, изслѣдующая природу красоты и художественнаго вкуса. Душа, обладающая такой философской культурой имѣетъ готовую основу для зрѣлаго правосознанія, и въ этомъ обнаруживается между прочимъ значеніе философской культуры въ дѣлѣ развитія и роста истиннаго правосознанія.

**) «Положительное правосознаніе», т.е. предметное переживаніе положительнаго права, отличается и здѣсь, и въ дальнѣйшемъ отъ естественнаго правосознанія, однако не потому, что эти два сознанія противоположны и несовмѣстимы; напротивъ: естественное правосознаніе, какъ обнаруживается далѣе, составляетъ глубочайшую основу положительнаго правосознанія.

шія всю полновѣсную природу права и его «достоинство», *сохраняютъ* это значеніе правовой вѣрности, правильности и обязательности *независимо* отъ случайнаго незнанія, несогласія или даже систематическаго неповиновенія со стороны того или иного субъекта права.

Если, напримѣръ, въ странѣ есть темные люди, *ничего не знающіе* о томъ, что существуетъ вообще право и что каждый изъ нихъ имѣетъ свой правовой «статусъ», т.е. опредѣленный кругъ правовыхъ полномочій, обязанностей и запретностей, то каждый изъ нихъ всетаки сохраняетъ его со всѣми его послѣдствіями. Можетъ быть такъ, что *всѣ забыли* о какой нибудь правовой нормѣ,—граждане, которые должны ее соблюдать, и органы государства, которые должны ее примѣнять,—а она попрежнему, все время остается правиломъ поведенія, сохраняетъ свой смыслъ и свое содержаніе; и, когда вспомнятъ о ней, то убѣдятся, что забвеніе не угашало ея объективнаго значенія. Но, если *невѣдѣніе* не угашаетъ права, то и *несогласіе* безсильно потушить его или измѣнить. Всякій человѣкъ, ограниченный правомъ въ своемъ корыстномъ интересѣ, склоненъ къ ропоту, протесту и несогласію; однако самая сущность права состоитъ въ томъ, что взяточникъ, воръ, ростовщикъ, беззаконный правитель и фальшивомонетчикъ не могутъ однимъ своимъ «несогласіемъ» погасить законъ и сдѣлать свое поведеніе правомѣрнымъ. Уголовное право поддерживаетъ всѣ свои запреты, несмотря на обиліе непойманныхъ воровъ и высокопоставленныхъ взяточниковъ; конституціонное право не искажается и не «исчезаетъ» отъ того, что есть министры, склонные его нарушать; международное право сохраняетъ все свое значеніе, несмотря на то, что его слишкомъ часто обходятъ во время мира и не соблюдаютъ на войнѣ.

Это объективное значеніе права наглядно выражается въ томъ, что моментъ его «установленія» и моментъ его «отмѣны» должны получить и получаютъ строгое формальное опредѣленіе. Съ нормативной точки зрѣнія, право имѣетъ не «историческій генезисъ» и не «психическое происхожденіе»,—оно имѣетъ *основаніе*, обусловливающее его значеніе: это есть извѣстный составъ событій (напр. иниціатива, обсужденіе, утвержденіе, обнародованіе закона; или—подписаніе и разсылка циркуляра; или—признаніе, формулированіе и примѣненіе обычая), фактическое осуществленіе котораго служитъ *основаніемъ* или *условіемъ* для того, чтобы правило стало «значащею» нормою права *). Нормы права «возгораются» и «отгораютъ» въ связи съ моментами времени, т.е. въ обусловливающей связи со строго опредѣленными временными событіями; однако и «возго-

---

*) Право, какъ совокупность нормъ вообще не подлежитъ временному измѣненію и развитію. Когда говорятъ о развитии права, то подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть: 1) или развитіе правосознанія и измѣненіе разумѣнія правовыхъ нормъ (реальный процессъ, протекающій во времени), 2) или же отмѣну старой правовой нормы и установленіе новой, замѣняющей ее (идеально-цѣнностное обстояніе, обусловленное временными событіями). Я пытался поставить эту проблему въ статьѣ «Понятія права и силы».

раніе» и «угасаніе» ихъ имѣетъ не субъективно-душевную природу, но объективно-цѣнностную: такъ, судья, по ошибкѣ примѣняющій отмѣненную норму, думаетъ, что примѣняетъ право, но на самомъ дѣлѣ онъ его не примѣняетъ, а совершаетъ, заблуждаясь, нелѣпый поступокъ; люди, не знающіе о введеніи свободы собраній и опасающіеся итти на митингъ, видятъ запретность тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ имѣется полномочіе и т.д.

Эту несводимость права къ личнымъ душевнымъ состояніямъ; эту независимость его значенія отъ иррелевантныхъ «незнаній» и «несогласій» и отъ релевантныхъ «нарушеній»,—каждому необходимо испытать и окончательно удостовѣрить въ личномъ, подлинномъ опытѣ со всею возможною непосредственностью и отчетливостью. Надо убѣдиться въ этомъ на собственныхъ своихъ «полномочіяхъ», «обязанностяхъ» и «запретностяхъ»; надо убѣдиться въ томъ, что отвергая объективный смыслъ и объективное знаніе права, человѣкъ лишаетъ себя той основы, на которой только и возможна правовая жизнь: онъ уже не имѣетъ тогда никакихъ мотивовъ, никакого теоретическаго и жизненнаго основанія для того, чтобы спорить о правѣ и безправіи, возмущаться произволомъ, аппеллировать къ суду, настаивать на своихъ правахъ политической свободы, отрицать по праву свой мнимый долгъ, протестовать противъ нарушенія своихъ имущественныхъ правъ и т.д. Ибо гдѣ же критерій для моего законнаго права, если содержаніе правовой нормы лишено объективнаго, тождественнаго себѣ смысла? И въ чемъ же значеніе моего права, если значеніе права вообще есть продуктъ субъективной фантазіи? Послѣдовательный «субъективизмъ» долженъ былъ бы исключить себя изъ правовой жизни, или лицемѣрно взывать къ объективно-значащему праву, посмѣиваясь надъ довѣрчивостью слушателей.

Понятно, что исключить себя изъ правовой жизни ему не удастся, ибо даже самое послѣдовательное и формальное отреченіе отъ своихъ полномочій не освободитъ его отъ правовыхъ обязанностей и запретностей; и въ результатѣ — грустная смѣсь изъ лицемѣрія и наивности опредѣлитъ до конца его судьбу.

Право и правосознаніе начинаются и кончаются тамъ, гдѣ начинается и кончается вопросъ: «а что на самомъ дѣлѣ имѣетъ правовое значеніе и въ чемъ оно?». Судья, чиновникъ, адвокатъ и гражданинъ,—если они не ставятъ этого вопроса и не добиваются его предметнаго разрѣшенія,—не живутъ правомъ и не творятъ права; и правосознаніе ихъ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ. Они довольствуются суррогатами права и фальсифицируютъ его. Тотъ, кто пользуется безтолковостью судьи, продажностью чиновника, «гибкостью» адвоката или безграмотностью сосѣда для того, чтобы осуществить свой неправомѣрный интересъ, выдавая не-право за право, — тотъ мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ софистъ низшаго

разбора, полагая, что «истина есть то, въ чемъ я сумѣю убѣдить другихъ». Онъ работаетъ надъ вырожденіемъ и деградаціей общей жизни.

Немало времени понадобилось людямъ, чтобы выносить зрѣлое испытаніе того и убѣжденіе въ томъ, что эти «формулы» и «тезисы» скрываютъ за собой правила или нормы съ объективнымъ значеніемъ. Объективность этого значенія состоитъ въ томъ, что оно поистинѣ ненарушимо и непоколебимо отъ самого установленія нормы до самой ея отмѣны. То поведеніе, котораго требуетъ норма, возможно не соблюсти и предписанія ея возможно нарушить; человѣкъ можетъ ускользнуть отъ правовыхъ связей и скрѣпъ, и даже «посмѣяться». Но значеніе нормы, какъ «связывающаго», «дѣйствующаго», значащаго права, ея правовое значеніе — останется по существу ненарушеннымъ и непоколебленнымъ. Плательщикъ подоходнаго налога, обманувшій казну въ своей декларацiи, попрежнему обязанъ de jure уплатить больше, чѣмъ онъ уплатилъ; попрежнему дезертиръ подлежитъ воинской повинности; попрежнему скрывшійся преступникъ подлежитъ суду и, можетъ быть, возмездію. Право нарушимо въ томъ смыслѣ, что люди, къ которымъ оно обращается, сохраняютъ способность къ самостоятельному руководству своимъ поведеніемъ и потому могутъ не усмотрѣть въ его требованіяхъ—мотива для соотвѣтствующаго рѣшенія. Люди могутъ не пойти за голосомъ права, открыто преступая его требованія или трусливо укрываясь. Практической безвыходности здѣсь нѣтъ: правовой режимъ—не каторжная тюрьма, и правовая жизнь — не система машинъ. И то и другое было бы ниже достоинства человѣка и его разумнаго духа. Но въ то же время значеніе права таково, что дѣйствительно ставитъ человѣка передъ нѣкоторой «нормативно-цѣнностной» безъисходностью: ему фактически предоставлена возможность неповиновенія, но нѣтъ средствъ для того, чтобы измѣнить или погасить противоправную природу его поступка. Правонарушеніе остается правонарушеніемъ и въ томъ случаѣ, если никто не знаетъ о немъ, и даже тогда, когда совершившій его остается въ невѣдѣніи (напр. случайное убійство на охотѣ, принятое всѣми за самоубійство); и въ этомъ ничего не можетъ измѣнить ни «давность преслѣдованія» (не говоря уже о «давности наказанія»), устанавливающая понятіе «непреслѣдуемаго за давностью преступленія», ни амнистія, создающая не фикцію «непреступности совершоннаго», а фикцію «несовершонности преступленія».

Люди съ развитымъ и утонченнымъ правосознаніемъ испытываютъ нерѣдко противоправность дѣянія, какъ особое пятно, присущее ему реально; для нихъ это уже не только «результатъ идеальной оцѣнки съ точки зрѣнія правовой нормы»: такое дѣяніе дѣйствительно переживается ими, какъ объективно «темное» дѣло, и они бываютъ твердо убѣждены, что этой противоправности не избыть ничѣмъ, ни даже оправдательнымъ

вердиктомъ суда присяжныхъ: кѣмъ бы преступленіе ни было совершено (подсудимымъ, или другимъ, скрывшимся въ неизвѣстности), слѣдуетъ ли наказать преступника, или нѣтъ — оно во всякомъ случаѣ остается объективно противоправнымъ дѣяніемъ.

Въ сознаніи, послѣдовательно продумавшемъ эту объективность значащаго права, можетъ возникнуть правдоподобный образъ, согласно которому на каждомъ предусмотренномъ дѣяніи или состояніи человѣка почіетъ нѣкій «огненный язычокъ», выражающій своимъ цвѣтомъ его правовое значеніе: синій огонекъ выражаетъ правомѣрность дѣянія или состоянія, красный — его противоправный характеръ. Если допустить этотъ образъ, то правовая жизнь предстанетъ въ видѣ множества синихъ и красныхъ огоньковъ, колеблющихся, мѣняющихъ свой цвѣтъ, угасающихъ и вспыхивающихъ заново. Эти огоньки горятъ своимъ цвѣтомъ независимо отъ того, видятъ ихъ люди, или нѣтъ; и если видятъ, то различаютъ ли вѣрно ихъ окраску, или, наподобіе дальтонистовъ, не разбираются въ объективной природѣ ихъ цвѣтовъ. Понятно, что установленіе новой нормы не угашаетъ сразу прежнихъ огней и не мѣняетъ ихъ природы, потому что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Понятно, также, что примѣненіе права состоитъ не въ томъ, что правопримѣняющій субъектъ зажигаетъ и гаситъ огни по своему усмотрѣнію и притомъ произвольно выбираетъ, какой именно огонь ему зажечь — синій или красный; нѣтъ, задача его въ томъ, чтобы разсмотрѣть предметно и точно, горитъ ли уже огонекъ надъ даннымъ состояніемъ и дѣйствіемъ, и если горитъ, то какой именно. Его опредѣленіе можетъ быть объективно вѣрнымъ и объективно невѣрнымъ, ибо, напримѣръ, синій огонекъ невинно-осужденнаго остается до конца синимъ, несмотря на то, что всѣ люди признаютъ его краснымъ и осужденный проведетъ остатокъ жизни въ темницѣ. И, если бы этотъ образъ нашелъ себѣ доступъ въ душу человѣка, и былъ бы принятъ ею, то она не могла бы уже повѣрить тому, что истина въ правѣ есть «результатъ судоговоренія».

Это объективное значеніе права вообще не слѣдуетъ смѣшивать съ его жизненною силою или эффективностью. Значеніе права, правильно установленнаго и не отмѣненнаго, состоитъ не въ томъ, что люди его знаютъ, понимаютъ и почерпаютъ въ этомъ знаніи мотивы для соотвѣтствующаго поведенія; но въ томъ, что оно хранитъ въ себѣ нѣкій вѣрный масштабъ и нѣкое вѣрное правило поведенія, которое сохраняетъ свою вѣрность даже и тогда, когда люди не знаютъ и не хотятъ его знать. Если правосознаніе стоитъ на низкомъ уровнѣ, то практическое «дѣйствіе» права сильно страдаетъ отъ этого, но значеніе его, какъ масштаба и правила, отъ этого не уменьшается.

Точно такъ же, если бо̀льшая часть кодекса состоитъ изъ законовъ, лишенныхъ «санкцій»; или если правопорядокъ, установленный въ нормахъ, фактически не «проводится въ жизнь»; или власть, поддерживающая въ странѣ осуществленіе права, рас-

полагаетъ слабымъ или недѣятельнымъ «понудительнымъ» аппаратомъ,—то *объективное значеніе* права отнюдь не исчезаетъ и не умаляется. Право можетъ сохранить свое обязательное, «связующее» *значеніе* и, тѣмъ не менѣе, не выполнять своего *назначенія*; такъ будетъ въ томъ случаѣ, если между значащимъ правомъ и правосознаніемъ возникаетъ рознь и отчужденіе. Право является тогда жизненно безсильнымъ и не достигаетъ своей цѣли: сознаніе его или *еще* не вліяетъ, или *уже не* вліяетъ на поведеніе людей, и требованія его остаются призывами въ пустотѣ.

Все это можно выразить такъ: *право нуждается въ правосознаніи для того, чтобы статъ творческой жизненной силой; а правосознаніе нуждается въ правѣ для того, чтобы пріобрѣсти предметную основу и объективную вѣрность.*

Право только тогда осуществитъ свое назначеніе, когда правосознаніе приметъ его, наполнится его содержаніемъ и позволитъ новому знанію вліять на жизнь души, опредѣлять ея рѣшенія и направлять поведеніе человѣка. Тогда *право станетъ силой во внутренней* жизни человѣка, а черезъ это и въ его *внѣшней* жизни.

Однако для этого необходимо, чтобы право, въ его объективномъ смысловомъ содержаніи и въ его объективномъ значеніи, было не только *осознано мыслью и провѣрено опытомъ, но и признано волею человѣка.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Признаніе права.

Духовное назначеніе права состоитъ въ томъ, чтобы жить въ душахъ людей, «наполняя» своимъ содержаніемъ ихъ переживанія и слагая, такимъ образомъ, въ ихъ сознаніи внутреннія побужденія, воздѣйствующія на ихъ жизнь и на ихъ внѣшній образъ дѣйствій. Задача права въ томъ, чтобы создать въ душѣ человѣка мотивы для лучшаго поведенія.

Для разрѣшенія этого духовнаго заданія совсѣмъ не безразлично, что это за новые мотивы, какова ихъ природа и какого они качества. Правда, въ юриспруденціи существуетъ воззрѣніе, что мотивы поведенія важны въ моральной сферѣ и не важны въ правовой жизни: все, что нужно праву, это внѣшній легальный образъ дѣйствія, изъ какихъ бы побужденій онъ ни проистекалъ; «праву» безразлично настроеніе человѣка, если только онъ фактически блюдетъ предѣлы своего правового «статуса». Но, если принять это формальное и близорукое воззрѣніе, и послѣдовательно провести его въ жизнь, то неминуемо создастся глубокое вырожденіе права и правосознанія. Мотивы легальнаго поведенія могутъ быть безразличны только для такого сознанія, которое отрываетъ право отъ его основной высшей цѣли и ограничиваетъ его сущность поверхностной видимостью «благополучнаго» порядка. Оторванное отъ своей конечной задачи и отъ корней истиннаго правосознанія, право, естественно, превращается въ безпринципное, самодовлѣющее средство; оно ограничиваетъ тогда свое духовное назначеніе, отвлекаясь отъ проблемы содержанія и качества правовой жизни, и вырождается въ пустую формальную видимость; ему уже достаточно, если люди повинуются ему по лѣни, блюдутъ его изъ корысти, не нарушаютъ его изъ страха; ему уже достаточно, если «по внѣшности» все «благополучно», хотя бы за этой внѣшностью скрывалось глубокое внутреннее разложеніе, а за этимъ благополучіемъ — неизбѣжность грядущихъ бѣдъ и паденій. Такое воззрѣніе ошибочно принимаетъ формальный признакъ правонарушенія и предѣлъ, отъ котораго допустимо уголовное преслѣдованіе, — за самую сущность права; оно представляетъ собою скрытый примѣръ «отрицательнаго опредѣленія».

Въ противоположность этому необходимо признать, что право можетъ осуществлять свое духовное назначеніе только тогда, когда правосознаніе стоитъ на высо-

тѣ; а высота его измѣряется не только знанiемъ права, но и признанiемъ его, и притомъ признанiемъ не «за страхъ», а «за совѣсть», и не по слѣпой привычкѣ, а по зрячему, разумному убѣжденiю. Только свободное признанiе права не унизительно для человѣка; только оно можетъ достойно разрѣшать задачи правотворчества; только оно найдетъ для себя истинную основу въ человѣческомъ духѣ; только оно сумѣетъ достигнуть послѣдней цѣли — усовершенствованiя положительнаго права.

Признанiе положительнаго права состоитъ въ томъ, что человѣкъ, усмотрѣвъ съ очевидностью его объективное содержанiе и его объективное значенiе, добровольно вмѣняетъ себѣ въ обязанность соблюденiе его правилъ и воспитываетъ въ этомъ направленiи не только свои сознательныя рѣшенiя, но и свои непосредственныя, инстинктивныя хотѣнiя и порывы. Онъ совершаетъ этимъ своеобразное духовное прiятiе положительнаго права; и это прiятiе требуетъ особой зрѣлости ума и воли, особаго равновѣсiя души потому, что оно должно совершиться съ отчетливымъ сознанiемъ всегда возможныхъ глубокихъ несовершенствъ положительнаго права: это прiятiе должно быть зрячимъ, свободнымъ отъ идеализацiи и потому непремѣнно творческимъ, преобразующимъ прiятiемъ; но именно поэтому оно требуетъ большой стойкости, выдержки и волевой дисциплины.

Признанiю положительнаго права мѣшаетъ то обстоятельво, что люди не усматриваютъ его духовной цѣнности и жизненной необходимости.

Если оставить въ сторонѣ людей умственно лѣнивыхъ и индифферентныхъ, которые вообще ничего не усматриваютъ и не утруждаютъ себя «воззрѣнiями», то отрицатели права составятъ двѣ большiя группы: одни не признаютъ права лишь отчасти, изъ наивно-корыстныхъ побужденiй; другiе отрицаютъ право принципiально, по сознательному или инстинктивному идеализму, избѣгающему жизненныхъ «компромиссовъ».

Первая разновидность людей составляетъ огромное множество. Собственно говоря, такой человѣкъ не отрицаетъ права, но признаетъ его лишь односторонне, лишь постольку, поскольку оно соотвѣтствуетъ его интересу. Такъ, онъ настаиваетъ на своихъ полномочiяхъ, но въ то же время всегда готовъ преувеличить ихъ посредствомъ кривотолка; онъ не любитъ выяснять свои обязанности и всегда готовъ ускользнуть отъ ихъ исполненiя; и, если страхъ не заставитъ его удержаться въ предѣлахъ запретнаго, то безпечность или корыстность легко сдѣлаютъ его правонарушителемъ или даже преступникомъ. Такой человѣкъ твердо знаетъ, что́ другiе ему «должны» и чего они не «смѣютъ»; но онъ постоянно готовъ забыть, что́ онъ «долженъ» другимъ и чего онъ «не смѣетъ». Отстаивая свой интересъ, онъ возмущается и протестуетъ, взываетъ къ «принципамъ», къ «праву» и «справедливости»; и быстро превращается

въ хищника, какъ только право не успѣетъ прикрыть чужой интересъ, или въ лжеца, какъ только оно успѣетъ это сдѣлать. Настаивая на томъ, что «се — мое», онъ всегда готовъ присовокупить о чужомъ: «а то — мое же». Право «свято» для него лишь до тѣхъ поръ, пока *ему* по пути съ закономъ; иными словами, оно для него совсѣмъ не «свято». Весь вопросъ «о правѣ» есть для него вопросъ о томъ, какъ составить себѣ болѣе выгодную и обезпеченную жизненную «конъюнктуру», а принципъ взаимности (мутуализмъ) ничего не говоритъ его близорукой душѣ: онъ не способенъ понять, что *его* полномочія живутъ и питаются *чужими* обязанностями лишь благодаря тому, что *чужія* полномочія живутъ и питаются *его* обязанностями; онъ не понимаетъ, что правопорядокъ есть какъ бы сѣть субъективныхъ правовыхъ ячеекъ, отовсюду соприкасающихся и поддерживающихъ другъ друга; что каждая ячейка цѣла и жива *лишь до тѣхъ поръ*, пока цѣлы и живы сосѣднія; что поддержаніе общаго и единаго правопорядка есть *единое общее дѣло* и что дѣло это требуетъ, чтобы каждый прежде всего не попиралъ предѣловъ своего правового статуса. Мудрое реченіе о томъ, что «свобода каждаго кончается у предѣловъ чужой свободы» ничего не говоритъ этому человѣку.

Такое отношеніе къ праву представляетъ одинъ изъ тѣхъ недуговъ правосознанія, отъ котораго рѣдкій человѣкъ вполнѣ свободенъ. Стóитъ только спросить себя, кто изъ насъ не испытываетъ нѣкотораго отрицательнаго, непріятнаго аффекта при мысли «моя обязанность», «моя повинность» (если только обязанность не прикрываетъ собою «выгоднаго» полномочія)? И можно ли поручиться за то, что этотъ отрицательный аффектъ не имѣетъ *никакого* вліянія, хотя бы незамѣтнаго и безсознательнаго, при выборѣ линіи поведенія? Конечно, степень этого вліянія зависитъ отъ уровня правосознанія и волевой дисциплины; однако недугъ можетъ укрываться и въ оттѣнкахъ.

И вотъ, тѣмъ, кто отрицаетъ право безкорыстно и принципіально, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на тѣхъ, кто не признаетъ права изъ наивной и близорукой корысти. Усмотрѣть ихъ образъ дѣйствія, понять его сущность и универсальную инстинктивную склонность къ нему; убѣдиться, что историческій ростъ положительнаго правосознанія есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могучихъ средствъ для борьбы съ нимъ, — значитъ получить отрезвляющій урокъ и поучительный аргументъ, направленный противъ сверхправового «идеализма». Какъ ни горько и ни сурово звучитъ это, но право и правопорядокъ необходимы, какъ своего рода «намордникъ» для своекорыстной злой воли и для хищнаго инстинкта. И этотъ своекорыстный инстинктъ каждый долженъ усмотрѣть въ себѣ самомъ и сказать о самомъ себѣ: «да, и для меня необходимо положительное право». Общественному *животному* необходимо представленіе о строгомъ предѣлѣ допустимаго и недопустимаго, дабы не впасть въ *борьбу всѣхъ со всѣми*; и мысль эта стара и неизбѣжна, какъ міръ.

Современное воззрѣніе на право, утверждая эту необходимость и отстаивая положительное право, впадаетъ однако въ глубокую ошибку, сводя все правосознаніе къ устойчивой привычкѣ считаться съ предписаніями внѣшняго уполномоченнаго авторитета и соблюдать ихъ. Это воззрѣніе ошибочно потому, что повиновеніе внѣшнему авторитету, какъ мотивъ, опредѣляющій дѣятельность человѣка,—не соотвѣтствуетъ его духовному достоинству, и, притомъ, во всѣхъ областяхъ духовной жизни,—въ знаніи и въ нравственности, въ искусствѣ, въ религіи и въ правѣ. Самая основная и глубокая сущность того, за что человѣчество всегда боролось подъ именемъ свободы, состоитъ въ возможности самодѣятельнаго и добровольнаго самоопредѣленія въ духовной жизни. Утрата этой внутренней нестѣсненности и добровольности неизбѣжно ведетъ къ искаженію духовной жизни и, если человѣкъ переживаетъ право только какъ проявленіе чужой воли, стремящейся его связать и ограничить, то онъ утрачиваетъ свою духовную свободу, а вмѣстѣ съ ней и подлинное уваженіе къ себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, правосознаніе, испытывающее право, какъ чужеродное, идущее извнѣ давленіе, какъ понужденіе и, можетъ быть даже, принужденіе, какъ своего рода вѣчные кандалы, наложенные властною рукою на личную жизнь,—остается несвободнымъ и униженнымъ своею несвободою. Конечно, авторитетное давленіе права можетъ привести къ тому, что своекорыстное хотѣніе окажется пресѣченнымъ въ осуществленіи; предстоящія непріятности и угрозы отпугнутъ его, такъ что постепенно оно будетъ ограничено и подавлено. Въ результатѣ этого—наивно-своекорыстное попираніе права сведется постепенно къ минимуму и уступитъ свое мѣсто своеобразному «признаванію» его и вынужденному блюденію; но этому несвободному, мелочно-опасливому и полу-интеллигентному «признаванію» будетъ далеко до истиннаго, свободнаго и духовно-осмысленнаго признанія права. Недугъ наивнаго своекорыстія уступитъ свое мѣсто недугу искушеннаго, опытнаго и придавленнаго своекорыстія; и только. Правосознаніе, доросшее лишь до внѣшней легальности, остается незрѣлымъ правосознаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, долгая и постоянная дрессура, идущая изъ поколѣнія въ поколѣніе, можетъ пріучить душу къ сознательному соблюденію законной формы и законнаго предѣла въ поступкахъ. Явная и тайная кража станетъ исключеніемъ, и цвѣтокъ плодоваго дерева, растущаго у большой дороги, будетъ спокойно превращаться въ зрѣлый плодъ, задѣвающій прохожаго; не станетъ самоуправства, сознательное нарушеніе правъ будетъ рѣдкостью; граждане будутъ еженедѣльно совѣтоваться обо всемъ съ собственнымъ годовымъ адвокатомъ и постоянно, съ особымъ удовлетвореніемъ отъ законности своего поведенія, тягаться другъ съ другомъ въ интеллигентномъ, равномъ и справедливомъ судѣ; забудется эпоха мелкихъ взятокъ и крупныхъ хищеній, и люди перестанутъ видѣть особое удальство въ безна-

казанномъ правонарушенiи; наконецъ, обязанность, частная и публичная, станетъ обычною формою жизни . . . И за всѣмъ этимъ, внѣшне блестящимъ, правопорядкомъ можетъ укрыться правосознанiе озлобленнаго раба.

Своекорыстное хотѣнiе не исчезаетъ и не искореняется отъ того, что встрѣчаетъ внѣшнiй запретъ, угрозу, противодѣйствiе и даже наказанiе. Правда, оно прiучается «не смѣть» и прячется отъ поверхностнаго взгляда; но именно поэтому оно скапливается постепенно, неизжитое, неутоленное, непреодолѣнное,— побѣжденное, но не убѣжденное—и сосредоточивается въ душѣ, окрашивая всю жизнь въ оттѣнокъ сдержаннаго, таящагося озлобленiя. Оно принимаетъ и соблюдаетъ въ отношенiяхъ законную форму, но молчаливо тяготится ею, испытывая ее, какъ кандальную цѣпь. Притаившись, оно попрежнему продолжаетъ искать лицъ и положенiй незащищенныхъ или недостаточно защищенныхъ правомъ и заполняетъ эти пробѣлы дѣятельностью, которая хотя и не расходится съ буквой «дѣйствующаго» закона, но всецѣло противорѣчитъ духу и цѣли права; хищная и властолюбивая душа попрежнему ищетъ себѣ гелота и находитъ его въ лицѣ неорганизованнаго пролетарiя, колонiальнаго инородца или беззащитнаго иностранца. Такое правосознанiе постоянно ненавистничаетъ и ждетъ только, чтобы внѣшнiй правовой авторитетъ снялъ съ него, хотя бы на время, стѣсняющiе запреты; и призывъ къ войнѣ, напримѣръ, означаетъ для него, что въ лицѣ «враговъ» явилась группа абсолютно неправоспособныхъ людей, про которыхъ «законъ не писанъ»: по отношенiю къ нимъ все позволено, и всякое насилiе считается по праву разрѣшеннымъ. Такъ выдрессированный рабъ, прiученный дома къ элементарной честности, не считаетъ зазорнымъ украсть у сосѣда; и уподобляясь ему, современное правосознанiе охотно дѣлитъ людей на «нашихъ» и «чужихъ», пробивая глубокiя бреши въ «справедливомъ» толкованiи и «равномъ» примѣненiи права.

Такое правосознанiе было вынуждено считаться съ правомъ и покорилось; но не признало того, чему покорилось. Оно испытало правовую реакцiю, какъ противодѣйствiе, какъ активный отпоръ, угрожающiй сопротивленiемъ до конца, т.е. какъ силу; и оно признало силу права, но не достоинство его. Оно научилось тому, что право нужно знать, и можетъ быть даже тому, что оно имѣетъ объективное значенiе, но не научилось зрячему, разумному убѣжденiю въ духовной цѣнности права. Оно не претворилось въ волю къ праву, основанную на волѣ къ его цѣли. Мало того: оно утаило въ себѣ волю къ безправiю и увѣренность въ томъ, что силѣ все позволено. Оно прiучило себя лицемѣрно исповѣдывать, что сила тамъ, гдѣ право, и сохранило непоколебимую увѣренность, что право тамъ, гдѣ сила. Могло ли быть иначе, когда оно покорилось праву только потому, что почувствовало силу его организованнаго давленiя? Такое правосознанiе, строго говоря, со-

всѣмъ чуждо идеѣ права, хотя, можетъ быть, и переживаетъ понятіе права адэкватно его смыслу: корыстный инстинктъ человѣка творилъ свою силу до тѣхъ поръ, пока не испыталъ противодѣйствіе чужой организованной силы; онъ уступилъ ей и научился тому, что эта сила есть право и что надо ей покоряться; и въ душѣ современнаго цивилизованнаго человѣка, покорившагося внѣшнему авторитету, осталось полусознательное убѣжденіе въ томъ, что право есть не что иное, какъ организованная сила. Можно ли удивляться, что, напримѣръ, современная нѣмецкая наука проникнута этимъ воззрѣніемъ не менѣе, чѣмъ правосознаніе покорившагося обывателя?

Но правосознаніе раба характеризуется именно тѣмъ, что онъ покоряется, не признавая и не уважая. Власть, связующая его, есть внѣшняя власть, исходящая отъ другого, чуждая ему; она требуетъ отъ него покорности, а не признанія, подчиненія, а не уваженія. Не все ли равно, какіе мотивы заставляютъ раба работать съ напряженіемъ всѣхъ силъ? И, если мотивы безразличны, то почему же бичу не свистѣть надъ его головой? Аристотель сказалъ, что рабу свойственно понимать чужія мысли, но не имѣть своихъ; ибо рабъ получаетъ отъ другихъ указанія, что ему дѣлать и какъ себя вести. Онъ повинуется со скрежетомъ, уступая насилію и не разсуждая. Онъ еще не знаетъ о своемъ неотъемлемомъ, духовномъ правѣ: признать и не признать чужое велѣніе; страхъ и привычка ведутъ его въ ярмо и, можетъ быть, лишь смутно брежжитъ въ его душѣ сознаніе того, что его покорность унизительна и для него, и для его господина. Это-то сознаніе и есть начало правосознанія.

Очередная задача современнаго правосознанія состоитъ въ томъ, чтобы освободить себя отъ этихъ чертъ, характеризующихъ душу раба. И, прежде всего, необходимо понять, что это освобожденіе не можетъ придти ни откуда извнѣ: рабъ, ставшій вольноотпущенникомъ, унесетъ на свободу весь укладъ своей прошлой жизни и наполнитъ свободную форму желаніями, нравами и дѣяніями, достойными раба. Никакая правовая и политическая реформа не можетъ сама по себѣ передѣлать психику человѣка, привыкшаго пассивно покоряться и скрежетать, и не знающаго, что истинное самоуправленіе выростаетъ только изъ глубины свободной и уважающей себя воли. Мотивы, по которымъ человѣкъ соблюдаетъ право, не только не безразличны, но заключаютъ въ себѣ самый корень правосознанія; и, если эти мотивы таковы, что попиряютъ и унижаютъ свободу духа и лишаютъ человѣка уваженія къ себѣ, то правосознаніе оказывается разлагающимся въ самой глубинѣ своей. Слѣпая покорность велѣнію изъ страха и корысти ставитъ человѣка на уровень животнаго, неспособнаго къ праву и лишеннаго правосознанія.

Человѣку подобаетъ избрать одинъ путь изъ двухъ: или отвергнуть право принципіально: исключить себя изъ правовой жизни и противопоставить хищнику и насильнику идею

безправнаго существованія; или же признать право принципіально и сдѣлать изъ этого признанія послѣдовательные выводы.

Однако для того, чтобы такое признаніе могло состояться, должны быть налицо предметныя и убѣдительныя духовныя основанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обоснованіе естественнаго права.

Для того, чтобы сознаніе человѣка могло признать право и совершить его духовное пріятіе, — право должно быть обосновано. Обосновать право значитъ показать, что оно практически необходимо на пути человѣка къ осуществленію верховнаго блага. Это значитъ показать, что основные законы бытія человѣческаго духа таковы, и сущность верховнаго блага такова,—что право, какъ объективно обязательное правило внѣшняго поведенія, является необходимою формою ихъ встрѣчи. Иными словами, право необходимо потому, что безъ него духъ человѣка будетъ лишенъ возможности осуществить въ своей жизни верховное благо. И, если право не можетъ быть признано до тѣхъ поръ, пока оно въ достаточной степени не обосновано, то опознаніе въ его лицѣ необходимой формы духовнаго бытія должно сдѣлать обязательнымъ его творческое пріятіе.

Съ самаго начала можетъ показаться, что такое обоснованіе права невозможно. Всякій, кто знакомъ съ содержаніемъ положительнаго права и со способами его осуществленія, — навѣрное не разъ испыталъ глубокое разочарованіе, преисполнялся чувствомъ протеста и негодованія. Можно даже увѣренно предположить, что на этомъ негодованіи воспитывается принципіальное отрицаніе права и государства. Тотъ, кто жилъ подъ бременемъ тоталитарнаго режима и террора; кто продумалъ сущность имущественнаго неравенства и понялъ закономѣрную связь между размѣрами урожая въ странѣ и количествомъ преступленій противъ собственности; кто знакомъ съ сущностью прежняго русскаго бракоразводнаго процесса; кто былъ въ каторжной тюрьмѣ и слышалъ, какъ на людяхъ бряцаютъ цѣпи; кто знаетъ, что такое тѣлесное наказаніе, и имѣлъ общеніе съ человѣкомъ, приговореннымъ къ смертной казни; кто видѣлъ все это и понялъ, что это совершается тоже по праву,—тотъ имѣетъ достаточно душевныхъ побужденій для того, чтобы отнестись съ недовѣріемъ уже къ одной постановкѣ вопроса о его духовномъ обоснованіи. Глубокіе дефекты и пороки положительнаго права,— какъ въ самомъ порядкѣ его установленія, такъ и въ его содержаніи и примѣненіи—составляютъ всегда наибольшее препятствіе на пути къ его духовному пріятію.

Это препятствіе было бы, конечно, непреодолимо и неустранимо, если бы положительное право по самому суще-

ству своему было связано съ дурнымъ содержаніемъ и непріемлемою формою установленія; или, если бы самая сущность права состояла въ томъ, что одни люди навязываютъ другимъ свою волю, да еще посредствомъ «принужденія» и «насилія». Но такое пониманіе было бы невѣрно: оно смѣшивало бы исторически данное содержаніе права и нѣкоторые несовершенные, хотя бы и распространенные, способы его установленія съ самою основною природою права. А между тѣмъ исторія показываетъ, что право можетъ имѣть содержаніе болѣе неудовлетворительное и менѣе неудовлетворительное, менѣе свободное и справедливое и болѣе свободное и справедливое; мало того, оно можетъ пріобрѣтать содержаніе вполнѣ соотвѣтствующее достоинству человѣческаго духа (напр. всѣ нормы и установленія, гарантирующія «личную неприкосновенность» и свободу духовной жизни). Далѣе исторія права свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣняются и формы его установленія, и притомъ, въ сторону увеличенія самодѣятельности народовъ, самоопредѣленія группъ и самоуправленія индивидуумовъ. Наконецъ, естественно, что по мѣрѣ того, какъ элементъ внѣшнеавторитетнаго повелѣнія уступаетъ въ немъ свое мѣсто элементу самообязыванія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, — по мѣрѣ этого растетъ признаніе права и крѣпнетъ правосознаніе, а угроза непріятными послѣдствіями теряетъ свой реальный характеръ и постепенно перестаетъ быть факторомъ жизни.

Необходимо провести строгое разграниченіе между основною сущностью права и его историческими осуществленіями. Основная сущность права выражается въ терминахъ: объективно значащее правило внѣшняго соціальнаго поведенія. Историческое же осуществленіе этой возможности можетъ быть различно; оно можетъ влить различное содержаніе въ это правило; оно можетъ выдвинуть различные способы установленія права; оно можетъ сдѣлать правоустановителемъ — одного, немногихъ, многихъ или всѣхъ; оно можетъ воззвать къ различнымъ мотивамъ душевной жизни.

Такъ, право по существу своему имѣетъ объективное значеніе; оно устанавливается и погашается не по способу «индивидуальнаго произвола», а по способу «конституціоннаго полномочія». Однако этимъ совсѣмъ еще не сказано, что въ основаніи этого значенія можетъ лежать только воля другихъ людей. Напротивъ, только личное пріятіе и признаніе права сообщаетъ правовой жизни ея истинное достоинство и полноту. Конечно, бываетъ и такъ, что положительное право устанавливается по усмотрѣнію и рѣшенію немногихъ уполномоченныхъ людей, которые окажутся «другими» по отношенію ко всѣмъ остальнымъ; но если эти остальные участвуютъ въ правовой жизни только черезъ сознаніе нормъ и повиновеніе имъ, но не черезъ признаніе ихъ, то въ ихъ душахъ слагается подавленное, изуродованное правосознаніе, а само право, не теряя своего объективнаго значенія, утрачиваетъ свою духовную вѣрность и, можетъ быть даже, свое духовное достоинство. Человѣку достойно признавать правило, ко-

торому онъ повинуется, и только такое сознательное признанiе можетъ обезпечить праву жизненное соблюденiе. Политическая философiя давно усмотрѣла это и не разъ обращалась къ идеѣ «общественнаго договора», пытаясь построить обоснованiе права на этой,—то исторической, то систематической «презумпцiи». Но проблема этимъ не разрѣшается: право должно быть признано каждымъ въ сознательномъ духовномъ рѣшенiи, а не въ безсознательной, молчаливой пассивности; самостоятельно а не въ лицѣ своихъ легендарныхъ предковъ,

Далѣе, право по существу своему регулируетъ внѣшнее поведенiе людей, создавая въ ихъ душахъ особые мотивы: оно всегда обращается къ разумѣющему и волящему сознанiю, какъ руководителю внѣшними поступками человѣка. Однако этимъ совсѣмъ еще не сказано, что право всегда и неизбѣжно апеллируетъ въ душахъ людей къ мотивамъ страха, расчета, выгоды, честолюбiя и т.д. и что санкцiя его состоитъ въ угрозахъ и принужденiи, Уже въ положительномъ правѣ не мало нормъ, лишенныхъ такой санкцiи; и можно съ увѣренностью сказать, что положительный правопорядокъ, почерпающiй свою жизненную силу только въ ней, идетъ быстрыми шагами къ своему разложенiю. Страхъ унижаетъ человѣка и, разъ поколебленный, легко превращается въ озлобленную дерзость; принужденiе воспитываетъ въ душахъ вѣру въ насилiе и надежду на силу; личной корысти и классовому интересу далеко не всегда по пути съ правомъ; а честолюбiе есть мотивъ, какъ бы созданный именно для того, чтобы превысить право и попрать его. Человѣку достойно уважать то правило, которому онъ повинуется и повиноваться ему именно изъ уваженiя. Моральная философiя давно уже признала это въ своей сферѣ и не разъ обращалась къ идеѣ «автономной воли», какъ единственному основанiю моральнаго поведенiя. Но идея автономiи совсѣмъ не имѣетъ специфически моральнаго характера; она глубже, чѣмъ сфера этики, ибо лежитъ въ основанiи всей жизни человѣческаго духа.

Все это можно выразить такъ, что историческое осуществленiе права не исчерпываетъ собою всѣхъ возможныхъ формъ его, не опредѣляетъ его нормальнаго строенiя и не устанавливаетъ само по себѣ его достойнаго, идеальнаго облика. Подобно тому, какъ на всѣхъ другихъ путяхъ творящаго и совершенствующаго человѣка, понятiе предмета опредѣляется не только черезъ описанiе осуществленныхъ уже вещей и состоянiй, но и черезъ изученiе идеальнаго, какъ руководящей цѣли и возможнаго (т.е. осуществимаго); такъ и въ правѣ. Философiя права, формулируя его сущность и обрѣтая его обоснованiе, имѣетъ въ виду не только понятiе права, закрѣпленное въ содержанiи исторически осуществленныхъ нормъ, но и идею права, данную въ опытѣ систематически очищеннаго правосознанiя, предметно—созерцающаго верховную цѣль права и духа. Сущность права не исчерпывается содержанiемъ положительнаго

права; право творится цѣлеполагающимъ человѣкомъ, и тотъ, кто стремится познать эту основную природу права, долженъ созерцать не только плохо сложенныя въ прошломъ «ступени», но и верховную цѣль всего восхожденія. Обосновывая право, философія должна отправляться отъ нормальнаго правосознанія, т.е. отъ такого предметнаго опыта, который шире и глубже, чѣмъ простое знаніе положительнаго права. Этотъ предметный опытъ долженъ имѣть въ виду основную функцію всякаго права, какъ таковаго, и показать, что эта функція необходима въ жизни человѣческаго духа. Обосновать право не значитъ оправдать все исторически осуществленное; но показать, что право въ его родовой сущности и въ его положительномъ видѣ заслуживаетъ духовнаго признанія и пріятія со стороны каждаго человѣка.

Въ чемъ же основаніе для этого пріятія?

Человѣчеству, живущему на землѣ, присущъ такой способъ существованія, который дѣлаетъ право необходимою формою его бытія. Этотъ способъ существованія опредѣляется особымъ соотношеніемъ множества и единства, одинаковости, различія и общности.

Именно, человѣчество живетъ на землѣ такъ, что человѣкъ человѣку остается всегда психо-физическимъ инобытіемъ, а всѣ люди вмѣстѣ представляютъ изъ себя множество одинаково одинокихъ, но своеобразныхъ, духовно-творческихъ монадъ, связанныхъ общею основою существованія. Такой строй бытія, данный отъ природы, дѣлаетъ духовную жизнь возможною лишь при томъ условіи, если человѣчество сумѣетъ организовать свою внѣшнюю жизнь на основаніи объективно значащихъ правилъ, утверждающихъ свободный и справедливый порядокъ въ существованіи этого множества.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество представляетъ изъ себя множество душевныхъ центровъ, изъ которыхъ каждый укрывается таинственнымъ образомъ за одною, для него центральною и специфически ему служащею вещью, именуемою его тѣломъ. Каждый душевный центръ, нуждаясь въ своемъ тѣлѣ для того, чтобы вообще жить и проявляться, испытывая его потребности, какъ свои и потому отдавая ихъ удовлетворенію большую или меньшую часть своихъ силъ, оказывается въ то же время отгороженнымъ отъ другихъ душевныхъ центровъ именно этою, для него центральною вещью. Каждая душа испытываетъ съ силою непосредственности и исключительной подлинности только свои собственныя состоянія и инстинктивно сосредоточивается на нихъ вниманіемъ, аффектомъ и дѣланіемъ; о другихъ же центрахъ и событіяхъ въ нихъ—каждая узнаетъ только опосредствованно, черезъ тѣлесное воспріятіе тѣлесно же выраженныхъ состояній; все это, относящееся къ другимъ, испытывается, какъ чужое, несрав-

ненно менѣе достовѣрное и подлинное. Не только психически, но и физически — каждый каждому остается инобытіемъ: непосредственный процессъ жизни, ея начало и конецъ, душевныя и тѣлесныя состоянія, способности и поступки, словомъ вся судьба каждаго, — отдѣльна и особенна; каждое изъ «недѣлимыхъ» духовныхъ существъ индивидуально и самобытно; здѣсь невозможны повторенія, ибо каждый мигъ жизни безвозвратенъ, неповторимъ и уже пережитъ каждымъ по своему. Поэтому всѣ люди своеобразны и единственны въ своемъ родѣ, несмотря на обиліе отдѣльныхъ, отвлеченно взятыхъ, сходныхъ чертъ. И, не взирая на постоянное, повседневное, сознательное и безсознательное общеніе, каждый человѣкъ совершаетъ свой путь и осуществляетъ свою судьбу въ глубокомъ и неизбывномъ одиночествѣ.

Это одиночество, одинаково присущее всѣмъ и каждому, выражается психически въ томъ, что индивидуальная душевная жизнь протекаетъ въ замкнутой изолированности и недоступности для чужой души, въ своеобразныхъ «потемкахъ» для другого. Никто не испытываетъ «моихъ» состояній, какъ «свои собственныя» и непосредственно ему доступныя, никто,—кромѣ меня самого; никто никого не можетъ «впустить» въ свою душу; никто ни съ кѣмъ не можетъ имѣть «общихъ» переживаній, но лишь «похожія»; никто не можетъ сдѣлать за другого волевыхъ или умственныхъ усилій, или «одолжить» другому свой опытъ и свое настроеніе. Каждый знаетъ о чужой душѣ лишь постольку, поскольку она «означилась» или «выразилась» чужимъ тѣломъ.

Далѣе, это одиночество выражается духовно въ томъ, что верховное благо можетъ осуществляться человѣчествомъ только въ видѣ множества параллельныхъ, одинокихъ, восходящихъ процессовъ. Это осуществленіе верховнаго блага,—познаніе истины, созданіе прекрасныхъ образовъ, расцвѣтъ подлинной доброты, достиженіе предметнаго религіознаго вѣрованія, и, наконецъ, цѣлостное одухотвореніе души и тѣла,—требуетъ, прежде всего, самостоятельнаго, подлиннаго и предметно-адэкватнаго испытанія того, что идетъ къ осуществленію. Здѣсь необходимъ зрѣлый, лично пережитый и систематически очищенный внутренній и внѣшне-внутренній опытъ, который можетъ быть выстраданъ и выкованъ только каждымъ самостоятельно. Никто не можетъ снять съ чужой души бремя его самостоятельнаго вынашиванія, бремя одинокаго исканія и творчества. Самодѣятельность въ исканіи и самостоятельность въ обрѣтеніи есть основной законъ духовной жизни: съ этой самостоятельности начинается научное знаніе, ставящее личную душу лицомъ къ лицу съ самимъ предметомъ; съ нея начинается подлинное религіозное вѣрованіе, устраняющее посредниковъ между личною душою и Божествомъ: съ нея начинается нравственное дѣланіе, пріемлющее на себя рѣшеніе, отвѣтственность и вину; словомъ, вся духовная жизнь и личная зрѣлость опредѣляется тѣмъ моментомъ, когда человѣкъ ставитъ свой личный, — испытующій и творящій, — душевный

центръ въ непосредственное отношеніе къ міру и жизни. Свобода исканія и обрѣтенія необходима для духовной жизни, какъ воздухъ для тѣла. Согласно этому закону, духовная жизнь только тогда имѣетъ свое подлинное значеніе и свою истинную цѣнность, когда движущіе ее мотивы питаются собственными, лично-индивидуальными влеченіями и интересами, такъ что давленіе чужой воли, хотя бы благородной и правой, не имѣетъ въ этомъ творчествѣ рѣшающаго значенія. Здѣсь необходима свобода воли — не въ смыслѣ индетерминизма, но въ смыслѣ отсутствія внѣшнихъ, чуждыхъ велѣній и запретовъ. Это есть свобода—добровольно и самостоятельно узнать и признать истину въ истинѣ, увидѣть красоту въ красотѣ, убѣдиться и утвердиться въ объективныхъ свойствахъ добра, увѣровать въ полученное откровеніе. Основное достоинство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы жить духовною жизнью независимо отъ всякаго инороднаго посягательства и давленія, и, въ то же время, — предметно творчески. Свободное самоопредѣленіе въ духѣ есть глубочайшій законъ этой жизни и, въ то же время, единственный путь къ подлинному осуществленію верховнаго блага; въ немъ лежитъ высшій смыслъ всѣхъ реформацій, всякаго освобожденія и раскрѣпощенія, всякаго индивидуализма и политическаго самоуправленія.

Такимъ образомъ, единый процессъ духовной жизни человѣчества внутренно распадается на множество изолированныхъ, самостоятельныхъ и своеобразныхъ процессовъ индивидуальнаго характера. Всѣ эти одинокіе, индивидуальные процессы стоятъ въ сосуществованіи и болѣе или менѣе несовершенномъ взаимодѣйствіи. Это значитъ, что они, одинаково одинокіе, и одинаково обусловленные связью съ личнымъ тѣломъ, съ вещественною средою и другъ съ другомъ, имѣютъ общую основу существованія. Эта основа есть общая для нихъ въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова: каждый человѣкъ имѣетъ основаніе сказать о пространствѣ, въ которомъ живетъ и движется его тѣло, о воздухѣ, которымъ онъ дышитъ, о солнцѣ, которое его грѣетъ, о матеріальныхъ вещахъ, которыя нужны ему для разныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ потребностей,—«это необходимо для моего бытія», и, далѣе, «это мое и для меня»; и всѣ вмѣстѣ, признавъ это, сразу и одновременно, о всемъ вмѣстѣ, — укажутъ вѣрно на общую основу существованія и выскажутъ неопредѣленное безграничное притязаніе на эту основу. И вотъ, эта единая и общая всѣмъ, внѣшне-матеріальная, основа существованія приводитъ неизбѣжно къ встрѣчѣ множества притязаній.

Движимая первоначально инстинктомъ личнаго и семейнаго самосохраненія, каждая единичная душа выступаетъ въ видѣ агрессивной воли, обращается къ общей основѣ существованія и очерчиваетъ вокругъ себя круги своего нестѣсненнаго самоутвержденія. Это самоутвержденіе составляетъ не только психофизическую, но и духовную необходимость. Для того чтобы достойно существовать, т.е. жить возрастающимъ духомъ, необходимо прежде всего существовать; для того, чтобы

существовать, каждому единичному человѣку необходимо самостоятельно дѣйствовать во внѣшнемъ мiрѣ, создавать нужное и беречь созданное. Круги, очерченные каждымъ вокругъ себя, рано или поздно, но неизбѣжно придутъ въ соприкосновенiе и столкнутся; конфликтъ притязанiй неизбѣжно породитъ вопросъ о правотѣ притязанiй, и произвольному установленiю своихъ предѣловъ придетъ конецъ: вопросъ о правомъ притязанiи есть уже вопросъ о правѣ, зрѣло разрѣшаемый нынѣ признанiемъ опредѣленнаго правового статуса за каждымъ субъектомъ.

Такимъ образомъ, къ созданiю права ведетъ наличность общей основы и среды у множества раздѣльно существующихъ субъектовъ. И, если полная изолированность людей въ этой средѣ (на подобiе монадъ Лейбница, которыя «не имѣютъ оконъ»), сдѣлала бы право ненужнымъ, то невозможность сообщаться черезъ нее, понимать другъ друга и соглашаться другъ съ другомъ, сдѣлала бы право невозможнымъ. Такое сообщенiе людей другъ съ другомъ, при столкновенiи ихъ произвольныхъ притязанiй, можетъ, конечно, вылиться въ форму физическаго насилiя, устрашенiя, обмана и длительной борьбы. Однако всѣ эти, унизительные для человѣческаго духа, исходы не устраняютъ вопроса о правѣ, но даютъ ему искаженное и уродливое разрѣшенiе. Жить въ увѣренности, что «правъ всегда сильный и ловкiй», не значитъ отринуть «правоту» вообще, но значитъ рѣшать вопросъ о правѣ на мнимомъ основанiи. Ибо въ основанiи всякаго рѣшенiя о томъ, что «правильно», въ основанiи всякой нормы, и слѣдовательно въ основанiи всякой правовой нормы, всякаго полномочiя и обязанности, лежитъ необходимо нѣкоторая, открыто или тайно признаваемая цѣнность: «должное» есть всегда именно потому «должное», что содержанiе его точно воспроизводитъ форму и содержанiе цѣнности; такъ, должное въ этикѣ опредѣляется формою и содержанiемъ самого добра; должное въ эстетикѣ—формою и содержанiемъ красоты; должное въ знанiи—формою и содержанiемъ истины и т.д. Однако эта цѣнность нерѣдко уступаетъ свое мѣсто осознаннымъ или полуосознаннымъ суррогатамъ, напримѣръ: личному и классовому интересу, народному предразсудку или предвзятой доктринѣ. Тогда вопросъ о «правильномъ» получаетъ болѣе или менѣе невѣрное разрѣшенiе, а «должное» прiобрѣтаетъ болѣе или менѣе невѣрное обоснованiе: слагается дурно обоснованное правило поведенiя. Такъ, въ положительномъ правѣ не мало такихъ нормъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе невѣрныя, подчасъ дикiя и иногда унизительныя основанiя, или, если угодно, мнимыя цѣнности. Научное вскрытiе и пересмотръ ихъ могли бы дать подчасъ потрясающiе результаты. И, тѣмъ не менѣе, положительное право можетъ и должно получить и получитъ постепенно содержанiе, соотвѣтствующее той цѣнности, которая дѣлаетъ его необходимымъ. Залогомъ этого является особая, внутренняя связь его съ естественнымъ правомъ.

Цѣнность, лежащая въ основанiи естественнаго права, есть достойная, внутренно-самостоятельная и внѣш-

не-свободная жизнь всего множества индивидуальныхъ духовъ, составляющихъ человѣчество. Такая жизнь возможна только въ видѣ мирнаго и организованнаго равновѣсія субъективныхъ притязающихъ круговъ; равновѣсія, каждому одинаково обезпечивающаго возможность духовнодостойной жизни и потому нарушающаго это равенство лишь въ сторону справедливости.

Единичное человѣческое существо есть единственная возможность одухотворенной жизни; вести такую жизнь, создавая ее самостоятельно и свободно, есть основное и безусловное право каждаго. Его можно назвать естественнымъ правомъ, потому что оно выражаетъ существенную природу духовной жизни человѣка: его можно назвать вѣчнымъ правомъ, потому что оно сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ временъ и народовъ; его можно назвать неотчуждаемымъ правомъ, потому что всякое умаленіе или попраніе его извращаетъ духовную жизнь и унижаетъ достоинство человѣка.

Это естественное, субъективное право принадлежитъ каждому человѣку, какъ бы ни былъ онъ малъ, боленъ или плохъ. Тайна одинокаго бытія ненарушима, и никакой проницательный діагнозъ не въ состояніи обосновать квалификацію человѣка, какъ существа, утратившаго свое естественное право. Согласно этому, человѣчество предстаетъ въ видѣ множества субъективныхъ естественно-правовыхъ круговъ, изъ которыхъ каждый замыкаетъ въ себѣ или облекаетъ собою естественно-правомощный центръ духовной жизни. Переферическое соприкосновеніе и коррелятивность этихъ круговъ превращаютъ ихъ въ своеобразную систему естественно-правового разграниченія и естественно-правовыхъ значеній. Въ этой системѣ участвуетъ все человѣчество, независимо отъ пространства и отъ государственной принадлежности: въ ней нѣтъ ни эллина, ни іудея, нѣтъ безправныхъ или исключенныхъ. Она глубже всякаго положительнаго права и всѣхъ положительно-правовыхъ дѣленій и разграниченій. Это есть система духовно-естественной корреляціи: общечеловѣческаго духовнаго братства и естественнаго равенства.

Признаніе такого естественнаго права за каждымъ человѣкомъ, какъ возможнымъ центромъ своеобразной и автономной жизни духа, утверждаетъ, дѣйствительно, начало правовой обязанности и правового равенства въ жизни людей. Люди не равны другъ другу ни тѣломъ, ни душой; они не равны и по содержанію своей духовной жизни, несмотря на то, что обращены къ однимъ и тѣмъ же предметнымъ центрамъ духа, предъ лицомъ которыхъ они живутъ, даже тогда, когда отвращаются отъ нихъ и забываютъ о нихъ; но по своему праву на достойную жизнь каждый равенъ каждому другому. Кругъ свободнаго самоутвержденія, опредѣляющій естественно-правомѣрный статусъ каждаго, простирается не далѣе, чѣмъ до границы сосѣднихъ круговъ, подобныхъ ему по духовному значенію и объему. И всякое отступленіе отъ этой уравнивающей справедливости въ сторону распредѣляющей должно имѣть

предметное основаніе въ свойствахъ индивидуальнаго духа и объективный предѣлъ въ духовной автономіи лица.

Право вести духовно-достойную жизнь не сводится къ тому, чтобы не имѣть нарочитыхъ препятствій къ существованію или «имѣть возможность стараться не погибнуть». Вести духовно-достойную жизнь значитъ имѣть не только «насущный хлѣбъ», но и тотъ досугъ, котораго требовалъ Аристотель для «свободнаго отъ природы» человѣка. Точно также самостоятельность духа предполагаетъ право на образованіе и развитіе души и на самоуправленіе человѣка, какъ свободнаго субъекта права. Послѣдовательное, аналитическое раскрытіе идей живого духовнаго бытія, духовной свободы, духовной самодѣятельности, духовнаго достоинства и равенства можетъ установить цѣлую систему естественныхъ субъективныхъ правъ и обязанностей, слагающихъ вмѣстѣ то, что слѣдуетъ называть естественнымъ правомъ, общее нормативное формулированіе котораго позволитъ говорить о естественномъ правѣ и въ объективномъ смыслѣ. Это единое естественное право окажется, конечно, само по себѣ, не приспособленнымъ къ различнымъ условіямъ мѣста, времени, къ особливымъ условіямъ быта и т.д., но вполнѣ поддающимся такому приспособленію; оно составитъ естественное и духовно вѣрное основаніе для всякаго законопроекта. Въ этомъ смыслѣ его можно, если угодно, охарактеризовать, какъ «формальное», т.е. какъ сравнительно болѣе общее, чѣмъ всякое положительное право. Но если придерживаться строго юридическаго словоупотребленія и разумѣть подъ содержаніемъ объективнаго права — устанавливаемыя имъ полномочія, обязанности и запретности, а подъ содержаніемъ субъективнаго права — предоставленныя и воспрещенныя дѣянія, — то истинное естественное право окажется не «формальнымъ», а содержательнымъ.

Признать, что духовная жизнь человѣчества возможна только при утвержденіи этого естественнаго права, значитъ признать такое право и за собою, но не только за собою; и за всѣми другими, но не только за другими. Это значитъ, далѣе, признать и за собою и за другими обязанность, коррелятивно-соотвѣтствующую этому праву; ибо, по истинѣ, каждая правовая ячейка питается въ своихъ полномочіяхъ обязанностями другихъ и обратно; и каждая изъ нихъ цѣла и жива лишь до тѣхъ поръ, пока цѣлы и живы сосѣднія. Это значитъ, наконецъ, признать объективное значеніе за тѣми, мыслью формулированными, правилами, въ которыхъ выговорены и установлены правовые предѣлы личнаго статуса. Согласно этому, объективное значеніе естественнаго права получаетъ два корня: цѣнностно-предметный, — черезъ связь свою съ жизнью духа, и субъективно-жизненный, — черезъ связь свою съ личнымъ, самообязывающимся признаніемъ.

Признаніе естественнаго права, основанное на зрячемъ и разумномъ убѣжденіи въ его духовной необходимости, есть условіе того, чтобы личный духъ человѣка, соблюдая его, оставался

свободнымъ. Свобода духа не нарушается отъ того, что человѣкъ самостоятельно усмотрѣлъ и призналъ разумную обоснованность правила; напротивъ, самоопредѣленіе его получаетъ отъ этого свое истинное, предметное содержаніе. Признанность правила не поглощаетъ и не отмѣняетъ его объективнаго значенія: оно сохраняется и состоитъ въ томъ, что признаніе его даетъ объективную правоту признавшему, а непризнаніе остается безсильнымъ измѣнить что-либо въ его объективномъ содержаніи и значеніи. Счастливъ тотъ, кто усмотрѣлъ и принялъ его: ему выпала на долю честь — сообщить жизнь и силу подлинной духовной цѣнности, и, въ то же время, утвердить въ этомъ свое автономное самоопредѣленіе. И наоборотъ, тягостно и скорбно состояніе того, кому придется встрѣтиться съ этой цѣнностью въ порядкѣ соціально-гетерономномъ и покоряться ей, не повинуясь добровольно, преслѣдуя ложныя цѣли. Ибо судьба естественнаго права въ томъ, чтобы долго и тщетно ждать отъ людей самостоятельнаго и добровольнаго признанія и постоянно получать форму положительнаго права съ тѣмъ, чтобы подойти къ душамъ въ соціально-гетерономномъ видѣ. Естественное право можетъ быть усмотрѣно и признано каждымъ въ его собственномъ, одинокомъ, предметно-духовномъ опытѣ; но въ большинствѣ случаевъ люди не доходятъ до этого, и тогда имъ предстоитъ встрѣтиться съ естественно правовыми требованіями въ томъ видѣ ихъ, который имъ придаетъ,—формулируя ихъ, урѣзывая и, даже, искажая ихъ сущность, — положительное право, ссылаясь на внѣшній авторитетъ уполномоченныхъ лицъ и, можетъ быть даже, угрожая непріятными послѣдствіями.

Гетерономная установленность, приблизительность содержанія и возможность угрожающей санкціи — отличаютъ положительное право отъ естественнаго и требуютъ для него особаго обоснованія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Обоснованіе положительнаго права.

Право въ своемъ первоначальномъ, «естественномъ» значеніи есть не что иное, какъ *необходимая форма духовнаго бытія человѣка*. Оно указываетъ тотъ строй *равной, свободной самостоятельности каждаго*, при которомъ только и возможна на землѣ духовная жизнь. Отсюда вытекаетъ, что право въ этомъ значеніи своемъ могло бы угаснуть или стать ненужнымъ только тогда, если бы измѣнился основной способъ человѣческаго бытія, т.е. если бы человѣчество перестало быть *множествомъ самостоятельныхъ субъектовъ*, объединенныхъ *общею основою внѣшней жизни*.

Иначе обстоитъ дѣло съ положительнымъ правомъ. *Его* необходимость основывается на извѣстномъ незрѣломъ состояніи человѣческихъ душъ, которое можетъ съ теченіемъ времени измѣниться. Однако до тѣхъ поръ, пока оно не измѣнится, положительное право будетъ существовать, какъ *цѣлесообразная форма поддержанія естественнаго права*.

Эта необходимость слагается въ результатѣ, во первыхъ, неотчуждаемости и неумалимости естественнаго права; во вторыхъ, отсутствія у людей умѣнія регулировать свою внѣшнюю жизнь посредствомъ автономнаго самообязыванія.

Естественное право, какъ необходимая форма духовнаго бытія, есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка. Внѣ этой формы нѣтъ пути ни къ мудрости, ни къ добродѣтели, ни къ Божеству, ни къ послѣднимъ и высшимъ удовлетвореніямъ духа. Каждое умаленіе естественнаго права унижаетъ человѣческое достоинство, каждое нарушеніе его является духовно-противоестественнымъ. Поэтому его необходимо охранять и поддерживать противъ тѣхъ, которые его нарушаютъ и не признаютъ; его необходимо оберегать, утверждая его *коллективнымъ организованнымъ признаніемъ, провозглашеніемъ и осуществленіемъ*. Это коллективное установленіе естественнаго права, какъ общеобязательнаго, придаетъ ему, однако, характеръ *гетерономнаго правила*, въ особенности для всѣхъ тѣхъ, которые не признаютъ его и не считаются съ нимъ. Они встрѣчаются съ организованнымъ, *внѣшнимъ авторитетомъ*, предписывающимъ, позволяющимъ и воспрещающимъ различные внѣшніе поступки и сопровождающимъ свое постановленіе угрожающей санкціей, т.е.

указанiемъ на возможность насильственнаго сопротивленiя насильнику. Люди на долгомъ и горькомъ опытѣ убѣдились въ томъ, что чисто автономное самообязыванiе выростаетъ въ душахъ съ чрезвычайной медленностью, на протяженiи многихъ поколѣнiй; что человѣку свойственно признавать свои полномочiя, преувеличивая ихъ предѣлы и не сознавая ихъ духовной сущности, но не слишкомъ свойственно признавать, въ то же время, свои обязанности и чужiя полномочiя; что это признанiе чужихъ правъ выковывается въ душахъ лишь въ результатѣ долгихъ тренiй, въ результатѣ той борьбы на жизнь и на смерть за «взаимное признанiе», о которой Гегель говорилъ когда то съ такою прозорливой мудростью. Этотъ горькiй опытъ учитъ, что человѣкъ нуждается въ огражденiи своего духовнаго центра правилами внѣшняго поведенiя, поддерживаемыми соцiальнымъ, внѣшне-авторитетнымъ порядкомъ.

Человѣчество существуетъ въ видѣ множества душевно-духовныхъ центровъ, нуждающихся во внѣшней безопасности и неприкосновенности ради свободнаго, изнутри идущаго самоопредѣленiя, и, въ то же время, стоящихъ въ особомъ притязающемъ сосуществованiи; въ этомъ видѣ человѣчество начало свою жизнь безъ того, чтобы были осознаны законы его бытiя, и безъ того, чтобы было на лицо духовное искусство взаимнаго признанiя. Жизнь единичной души въ большинствѣ случаевъ опредѣляется и доселѣ наивнымъ эгоцентрическимъ тяготѣнiемъ, въ которомъ человѣкъ испытываетъ стѣсняющiе его предѣлы чужого статуса,—въ лучшемъ случаѣ, какъ обременительное неудобство. А между тѣмъ невозможно «отложить» осуществленiе естественнаго права и призванiя человѣка къ духовной жизни до тѣхъ поръ, пока люди научатся не попирать взаимно ея предѣловъ.

И вотъ, основная задача положительнаго права состоитъ въ томъ, чтобы принять въ себя содержанiе естественнаго права, развернуть его въ видѣ ряда правилъ внѣшняго поведенiя, приспособленныхъ къ условiямъ данной жизни и къ потребностямъ даннаго времени, придать этимъ правиламъ смысловую форму и словесное закрѣпленiе и, далѣе, проникнуть въ сознанiе и къ волѣ людей, въ качествѣ авторитетнаго связующаго велѣнiя. Этимъ путемъ идеи обязательнаго и запретнаго должны быть внѣдрены въ наивно эгоцентрическую душу; и, если мораль и религiя пытаются достигнуть самостоятельнаго и активнаго пробужденiя души изъ глубины, и встрѣчаютъ въ этомъ содѣйствiе со стороны науки и искусства, то положительное право беретъ на себя элементарную и сравнительно грубую задачу — прiучить человѣка извнѣ къ первичному, внѣшнему, регулированному самоограниченiю; для этого оно обращается къ идеѣ соцiально-организованнаго внѣшняго авторитета, уполномоченнаго и подчиненнаго прави-

ламъ. Необходимо, чтобы люди пріучились признавать сначала хотя бы этотъ внѣшній авторитетъ и его правовыя велѣнія; необходимо, чтобы хищникъ и насильникъ встрѣтили извнѣ организованное и импонирующее сопротивленіе, основанное на идеѣ правоты и полномочія. Сознательное, принципіальное, указаніе на то, что «это недопустимо», а «это обязательно», сдѣланное человѣкомъ человѣку съ чувствомъ правоты и духовнаго достоинства, и поддержанное организованнымъ рѣшеніемъ «не допустить» и «настоять», есть по истинѣ одно изъ самыхъ могучихъ средствъ соціальнаго воспитанія. Наличность такой внѣшней реакціи на внѣшнее поведеніе и необходимость считаться съ организованнымъ постановленіемъ другихъ — составляютъ основную схему положительнаго права. Тому кто не испытываетъ зовы духа и силу добра въ самостоятельномъ, внутреннемъ опытѣ, и кто самъ не умѣетъ находить естественно-правовые предѣлы для своихъ притязаній, приходится узнать объ этихъ предѣлахъ въ порядкѣ соціально-гетерономнаго разграниченія.

Это не означаетъ, однако, что гетерономный характеръ положительнаго права исключаетъ автономное самообязываніе. Напротивъ, положительное право обладаетъ тѣмъ большею духовною вѣрностью, чѣмъ полнѣе оно приспособлено къ основнымъ законамъ духовной жизни, и прежде всего къ закону ея самозаконности. Обосновать положительное право значитъ доказать его пріемлемость для самозаконно живущаго духа; организовать положительное право значитъ найти и создать для него форму творческой самозаконности; преодолѣть положительное право значитъ наполнить его самозаконно живущимъ, нормальнымъ правосознаніемъ и тѣмъ сдѣлать его какъ бы несущественнымъ.

Такъ положительное право пріемлемо для самозаконно живущаго духа потому, что оно по своей основной и руководящей идеѣ, по цѣли своей,—служитъ самозаконно живущему духу. Положительное право, какъ норма, устанавливается живыми духовными существами для огражденія и укрѣпленія самодѣятельности живыхъ духовныхъ существъ. Именно поэтому въ основѣ всякаго положительнаго права лежитъ признаніе человѣка субъектомъ, имѣющимъ правоспособность и дѣеспособность, т.е. признанный кругъ юридически значащаго самостоятельнаго изволенія. Внѣ признанія человѣка субъектомъ нѣтъ и не можетъ быть права. Конечно, люди далеко не сразу поняли, что человѣкъ не можетъ не быть субъектомъ права. Такъ, мысль римскаго юриста пыталась приравнять несвободныхъ и зависимыхъ субъектовъ права къ животнымъ, и допускала идею о томъ, что «рабъ есть вещь»; и, не замѣчая предметной ошибки и противорѣчія, она утверждала за рабами извѣстный, хотя и скудный кругъ полномочій, все увеличивая его съ теченіемъ времени*). Если положительное право регулируетъ способъ

---

*) О противорѣчіи между теоріей права и положительнымъ правомъ въ Римѣ подробныя данныя сообщаетъ І. А. По-

установленія и прекращенія рабства, если оно утверждаетъ за рабовладѣльцемъ правовое полномочіе, то оно вынуждено молчаливо признать за рабомъ коррелятивную правовую обязанность; а если оно признаетъ, что рабъ можетъ стоять въ cognatio servilis, что онъ можетъ покупать, дарить, имѣть obligatio naturalis и даже «своихъ рабовъ» (servi vicarii), то оно тѣмъ самымъ признаетъ коррелятивныя обязанности и полномочія у другихъ субъектовъ права, какъ свободныхъ, такъ и рабовъ.

Положительное право создается въ такихъ условіяхъ, при которыхъ, содержаніе его подвержено вліянію корыстной воли, неосвѣдомленности, ложной теоріи и неумѣнія. И тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были велики и даже чудовищны уклоненія и извращенія, вносимыя въ его содержаніе этими факторами, оно по самой природѣ своей сохраняетъ въ себѣ основное ядро естественнаго права, для служенія которому оно призвано въ жизнь. Положительное право не можетъ не выражать природы той духовной среды, которая создаетъ его; оно можетъ попытаться игнорировать ея конститутивные законы и неизбѣжно впадетъ во внутреннія противорѣчія; ибо духовная жизнь такова, что она неизбѣжно, рано или поздно, загорится огнемъ своей природы, разорветъ искажающіе ее покровы и сниметъ гнетущія ее противорѣчія. Такъ, положительному праву невозможно квалифицировать живого, сознательнаго субъекта духовной жизни, какъ вещь: объективный законъ духовной жизни, лежащій въ основаніи всякаго положительнаго права и руководящій его созданіемъ,—сильнѣе всякаго интереса и всякой теоріи.

Положительное право пріемлемо для автономной воли потому, что оно по своему существу остается всегда «видоизмѣненіемъ» естественнаго права. И даже тогда, когда эта система положительнаго права есть дурная и искаженная, когда она забываетъ свою родовую сущность и попираетъ ее, — ядро естественнаго права продолжаетъ лежать въ ея основѣ. Старое ученіе о томъ, что «право служитъ свободѣ» слѣдуетъ принять не только въ нормативномъ смыслѣ, т.е. что оно должно служить свободѣ, но и въ смыслѣ индуктивнаго обобщенія: положительное право въ дѣйствительности всегда разграничиваетъ круги свободнаго изволенія, стремясь обезпечить ихъ и совмѣстить въ извѣстномъ уравновѣшанномъ порядкѣ. Разумная и добрая воля имѣетъ задачу усмотрѣть въ немъ это ядро естественной свободы, очистить его отъ ложныхъ примѣсей, развить и упрочить. Точно также утвержденіе того, что «право служитъ равенству» совсѣмъ не есть только публицистическій призывъ: положительное право, какія бы личныя сословныя и классовыя привиллегіи оно ни предоставляло, всегда и неизбѣжно осуществляетъ функцію уравненія. Это выражается не только въ нивеллирующемъ характерѣ «общихъ» правилъ, которыя требуютъ, чтобы одинаковое квалифицировалось оди-

---

кровскій въ своемъ трудѣ «Исторія Римскаго права». СПБ. 1913 стр. 174, 285 — 298.

наково; но и въ томъ, что всѣ личныя правовыя состоянія (статусы) взаимно обусловливаютъ и «питаютъ» другъ друга: всѣ они одинаково соотнесены другъ съ другомъ (коррелятивность), взаимно нуждаются другъ въ другѣ и поддерживаютъ другъ друга (мутуальность). Разумная и добрая воля имѣетъ задачу усмотрѣть въ положительномъ правѣ это ядро естественнаго равенства, очистить его отъ неправыхъ нарушеній и создать духовно обоснованный порядокъ справедливаго равенства. Наконецъ, и лозунгъ новаго времени, «право основывается на самоуправленіи», совсѣмъ не представляетъ изъ себя только постулатъ. Положительное право, по самому существу своему, обращается къ разумной волѣ человѣка, какъ къ самоуправляющемуся центру; основная задача его въ томъ, чтобы каждый индивидуумъ управлялъ своимъ внѣшнимъ поведеніемъ согласно его требованіямъ и предписаніямъ. И въ конечномъ счетѣ ничто не можетъ замѣнить этого духовнаго самоуправленія, исходящаго изъ индивидуальнаго центра жизни. Положительное право возникаетъ вслѣдствіе недостатка этого самоуправленія въ душахъ людей; оно создается для того, чтобы воспитать его, помочь ему, упрочить его; и вотъ, разумная и добрая воля должна понять и принять эту задачу положительнаго права и помочь ему справиться съ ней.

Вотъ почему поставить положительное право на высоту и организовать его осуществленіе значитъ создать для него форму самозаконности. Положительное право исполняетъ свое назначеніе тогда, когда простое осознаніе его правилъ слагаетъ въ душѣ человѣка мотивъ къ его соблюденію, т.е. тогда, когда индивидуальный духъ пріемлетъ его въ порядкѣ самообязыванія. Способность индивидуальной воли управлять жизнью человѣка можетъ быть воспитана и выработана только тамъ, гдѣ она планомѣрно упражняется и систематически осуществляется. Задавленная внѣшнимъ авторитетомъ, угнетенная угрозами и страхами, привыкшая ждать во всемъ приказа и позволенія, воля привыкаетъ «не смѣть» и жить пассивно; центръ, руководящій ея жизнью, перелагается изъ нея куда-то вовнѣ, она разучается имѣть «свои мотивы» и «свои рѣшенія», и правосознаніе ея теряетъ свою творческую связь съ правомъ.

Нормальное правосознаніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ самъ управляетъ своимъ поведеніемъ, но согласно положительному праву. Вотъ почему правосознаніе можетъ стоять на высотѣ только тамъ, гдѣ право организуетъ жизнь, какъ школу самоуправленія. Начало самоуправленія есть единое начало: творческая зрѣлость индивидуума и творческая зрѣлость народа,—и во внутреннихъ дѣлахъ, и во внѣшней политикѣ,—одинаково опредѣляется способностью къ самоуправленію. Тамъ, гдѣ не развита одинокая самодѣятельность воли, тамъ общественное самоуправленіе влачитъ жалкое существованіе. И обратно: именно общественное самоуправленіе можетъ воспитать въ душѣ человѣка истинное правосознаніе. Автономія личной воли и политическая автономія связаны взаимно. Народъ, ведущій темную и нетрезвую жизнь, неспосо-

бенъ къ организованному самоуправленію. Но именно тамъ, гдѣ между правящимъ и управляемымъ лежитъ пропасть, народное правосознаніе будетъ неизбѣжно влачить жалкое существованіе. Оно созрѣваетъ и ростетъ только тогда, когда нѣтъ этого противопоставленія; только тамъ, гдѣ политическая организація начинается съ полномочнаго гражданина; гдѣ управленіе народомъ есть въ то же самое время самоуправленіе народа; гдѣ управляемый знаетъ и чувствуетъ себя самоуправляющимся, такъ что повиновеніе положительному праву оставляетъ его свободнымъ. Задача положительнаго права можетъ быть разрѣшена только такъ, что организованное внѣшнее (общественное) самоуправленіе пріучитъ человѣка къ организованному внутреннему (индивидуальному) самоуправленію; самодѣятельность человѣка довершитъ это дѣло въ терминахъ морали и духовной культуры.

Понятно, что только автономному правосознанію можетъ быть дано свободно принять положительное право. Правила поведенія, исходящія отъ внѣшняго авторитета, будутъ необходимы всегда, но въ особенности до тѣхъ поръ, пока разумная и добрая воля не пойметъ ихъ необходимость, не примирится съ ними за скрытое въ нихъ ядро естественной правоты и не приметъ на себя,—какъ свой крестъ и свою судьбу,—задачу ихъ творческаго преобразованія. Положительное право должно неискаженно и адэкватно раскрыть и осуществить собою законы духовнаго бытія, слѣдуя имъ не только въ организаціи способа правоустановленія, но и въ содержаніи своихъ правилъ, и находясь въ творческомъ соотвѣтствіи съ моралью, какъ соціально-практической основой жизни автономнаго духа. Ростъ правосознанія окажется при этомъ въ тѣснѣйшей связи съ преобразованіемъ положительнаго права. Нелѣпо и невозможно воспитывать автономное правосознаніе, фиксируя несвободное, неравное, несправедливое и вполнѣ гетерономное право; ибо добровольное и творческое признаніе положительнаго права совершается тѣмъ легче, чѣмъ болѣе свободы, справедливости и автономіи въ его нормахъ. Самое усовершенствованіе права есть уже могучій факторъ въ развитіи правосознанія. И вотъ, предвидя перспективу этого развитія, можно сказать, что положительное право будетъ становиться все менѣе нужнымъ по мѣрѣ того, какъ оно само будетъ приближаться къ духу и смыслу естественнаго права, а правосознаніе будетъ рости, углубляться и укрѣпляться.

Понятно, что преодолѣніе положительнаго права не совпадаетъ ни съ его противоправнымъ нарушеніемъ, ни съ его правомѣрною отмѣною, ни съ принципіальнымъ отрицаніемъ его. Это есть сложный процессъ вживанія души въ право или усвоенія права сознаніемъ и волею. Сознаніе здѣсь идетъ впереди воли и раскрываетъ духовно-естественные корни положительнаго права; этимъ оно даетъ волѣ основаніе—принять положительное право и открываетъ ей цѣль и пути для его преодолѣнія. Оказывается, что гетерономное регулированіе допускается только ради охраненія автономіи духа

и ради воспитанія личной души къ вѣрному самоуправленію во внѣшнемъ поведеніи; что въ основѣ положительнаго правосознанія должно лежать естественное правосознаніе. Сознаніе открываетъ, что для воли есть два возможные пути. Во-первыхъ, зрѣлый систематическій путь, который состоитъ въ томъ, что воля автономно пріемлетъ естественное право, какъ высшую духовную цѣнность, и, вслѣдъ за тѣмъ, обращается къ признанію и творческому преобразованію положительнаго права; на этомъ пути правосознаніе вырастаетъ въ душѣ изъ своихъ глубокихъ и естественныхъ корней. Во-вторыхъ, обычный, эмпирически-случайный путь, который состоитъ въ томъ, что воля встрѣчается съ положительнымъ правомъ въ порядкѣ гетерономности и не усматриваетъ въ немъ ничего, кромѣ внѣшнеавторитетнаго предписанія. Здѣсь опять имѣются два исхода: воля можетъ признать положительное право въ его объективномъ значеніи и можетъ не признать его. И въ зависимости отъ того, по какимъ мотивамъ она его признаетъ или отвергнетъ, правосознаніе человѣка приметъ болѣе или менѣе незрѣлую или больную форму. Для всѣхъ исходовъ второго пути преодолѣніе положительнаго права останется неразрѣшимой задачей.

Для того, чтобы преодолѣть положительное право, правосознаніе должно не только признать его объективное значеніе, но усмотрѣть и принять его истинную основу. Оно должно понять, что корень этого значенія лежитъ не въ «силѣ» и не въ «классовомъ интересѣ», и не въ «эмоціальной фантасмѣ», и не въ «волѣ другихъ людей», и не въ «безличномъ общественномъ авторитетѣ», и не въ «государственномъ изволеніи», но въ объективномъ достоинствѣ естественнаго права. Положительное право имѣетъ объективное значеніе потому, что въ глубинѣ его скрыта духовная правота и естественное право человѣка; его значеніе основывается на его достоинствѣ, а достоинство его опредѣляется достоинствомъ естественнаго права. Зрѣлое правосознаніе постоянно испытываетъ въ положительномъ правѣ присутствіе чего-то неотносительнаго по своему значенію и подчасъ затрудняется указать, что именно вызываетъ въ немъ это чувство: ибо «воля другихъ людей», хотя бы и «уполномоченная» «третьими людьми», сама по себѣ, не можетъ сообщать своимъ велѣніямъ этого безусловнаго значенія. Предметно изслѣдуя и провѣряя свой опытъ, правосознаніе удостовѣряется, что скрытое внутреннее достоинство дѣйствительно не покидаетъ права, даже если оно по содержанію своему невѣрно или несправедливо.

Это достоинство отнюдь не является продуктомъ воображенія, или, точнѣе: то, что воображенію, и мысли, и чувству предносится здѣсь, — есть нѣчто, дѣйствительно объективно обстоящее. Положительное право, даже невѣрное, т.е. исказившее скрытый въ немъ прообразъ, — переживается правосознаніемъ, какъ несовершенное проявленіе или несозрѣвшая формула естественнаго права, какъ

созданіе человѣчества, смутно и безпомощно искавшаго безусловной духовной правоты. Можетъ быть такъ, что люди не нашли этой правоты и въ исканіи своемъ сбились съ пути: продолжали говорить о ней, а хотѣли уже другого, или же хотѣли ея, но искали ея тамъ, гдѣ она не бываетъ. И въ результатѣ получилась невѣрная формула, несовершенное правило, несправедливое рѣшеніе спора о притязаніяхъ. Пусть это проявленіе невѣрно, пусть эта формула невѣрна; но если естественное право будетъ найдено и формулировано въ совершенствѣ и вѣрности, то оно будетъ и должно быть найдено именно черезъ творческое пріятіе и преобразованіе несовершенной формулы, и черезъ очищеніе ея, выстраданное жизненно и помогшее обрѣсти вѣрный путь. Новая норма займетъ то самое мѣсто, которое нынѣ занято неудачной формулой; она получитъ ея значеніе, которое важно соблюсти не умаленнымъ и не расшатаннымъ; она скажетъ иное и иначе, но о томъ же: о свободѣ лица, о справедливости правоприменѣнія, о самоуправленіи человѣческаго духа. Развитое и зрѣлое правосознаніе видитъ въ положительномъ правѣ, какъ бы перво-проблескъ естественнаго права, и потому дорожитъ имъ: оно не «отстаиваетъ» его отъ реформы, напротивъ,—но оно соблюдаетъ его впредь до отмѣны.

Къ этому мотиву признанія, утверждающему въ лицѣ положительнаго права несовершенно выраженный минимумъ естественнаго права, присоединяется другой мотивъ, основанный на чувствѣ справедливости. Если положительное право, невѣрно формулируя чужія обязанности, вѣрно выражаетъ «мои» полномочія, то «я» его пріемлю: ибо, если бы «я» его не принялъ и не оградилъ «себя» имъ, то «моя» духовная личность навѣрное давно уже угасла бы для земной жизни. Мало того, «я» уже пользовался гарантированной имъ безопасностью задолго до того, какъ успѣлъ понять его необходимость для «моего» существованія. Но, если «я» соглашаюсь утвердить «свои» полномочія на основѣ несовершенныхъ правовыхъ нормъ, то «я» тѣмъ самымъ уже вступаю въ сѣть государственной и общественной правовой взаимности и послѣдовательно долженъ принять обратную сторону этого несовершеннаго правопорядка.

Несовершенство положительнаго права есть общій бичъ людей, союзовъ, государствъ и всего человѣчества; и тотъ, кто принимаетъ его въ мѣру своего интереса, пользуется, блюдетъ и, можетъ быть, постольку отстаиваетъ его, и потомъ умѣетъ уклоняться и ускользать, какъ только чужой правомѣрный интересъ возложитъ на него, по принципу взаимности, неудобную повинность или стѣсняющую обязанность — тотъ осуществляетъ величайшее лицемѣріе. Въ этомъ глубокій смыслъ того молчаливаго согласія, на которое указывалъ Руссо.

Нормальное правосознаніе, пріемля положительное право, какъ явленіе и обѣтованіе естественной правоты, всегда найдетъ въ себѣ силу признать правомѣрный выводъ и приговоръ, когда онъ духовно невѣренъ и несправедливъ по отношенію

къ признающему: именно постольку, поскольку правомъ умаленъ или попранъ «мой» интересъ, «я» могу свободно признать и принять этотъ ущербъ, если только это признаніе не есть отказъ отъ «моего» духовнаго достоинства. Такое поддержаніе положительнаго права есть актъ борьбы за торжество естественнаго права. Вотъ почему образъ Сократа, пріемлющаго неправый приговоръ афинскихъ судей и спокойно выпивающаго ядъ во имя торжества неправаго права,— останется навсегда глубочайшимъ призывомъ къ преодолѣнію положительнаго право-порядка во имя естественнаго.

Нормальное правосознаніе есть творческая воля къ цѣли права.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Борьба за право.

Нормальное правосознанiе есть волевое состоянiе души, активное и творческое; оно ищетъ въ жизни свободнаго, вѣрнаго и справедливаго права и заставляетъ человѣка вести борьбу за его обрѣтенiе и осуществленiе.

Въ этой борьбѣ «дѣйствующее» положительное право прiемлется, какъ послѣднiй этапъ, достигнутый право-творящимъ человѣчествомъ въ дѣлѣ поддержанiя и формулированiя естественнаго права. Сознанiе усматриваетъ не только объективный смыслъ положительнаго права, но и объективную идею естественнаго права, и ставитъ передъ собою задачу довести этотъ «смыслъ» до соотвѣтствiя «идеѣ». Это означаетъ, что нормальное правосознанiе, начиная борьбу за право, должно осуществить три самостоятельныхъ акта познанiя: вопервыхъ, установить объективный смыслъ положительнаго права; во-вторыхъ, формулировать въ раскрытомъ видѣ объективную идею естественнаго права; въ-третьихъ, усмотрѣть скрытое, но не полное присутствiе идеи въ смыслѣ и найти такую формулу для смысла, которая точно и неискаженно воспроизводила бы сущность идеи. Въ результатѣ этого право-творящая душа составляетъ въ себѣ два понятiя права: понятiе положительнаго права, соотвѣтствующее его смыслу; и понятiе естественнаго права, вѣрное его идеѣ. За этими двумя, субъективно переживаемыми понятiями, укроются, предметно говоря, двѣ объективно значащихъ правовыхъ цѣнности, повидимому пребывающихъ во взаимномъ расхожденiи и даже противоборствѣ. Для поверхностнаго взгляда здѣсь обнаруживается «неизбѣжный» дуализмъ «положительнаго» и «естественнаго» права, такъ что совѣстливый, но не вдумчивый человѣкъ можетъ усмотрѣть здѣсь безвыходность для правосознанiя. Однако третiй актъ право-творческаго познанiя снимаетъ этотъ «безъисходный дуализмъ» и указываетъ исходъ и направленiе для всей борьбы: естественное право лежитъ, сокровеннымъ образомъ, въ основѣ положительнаго, присутствуя въ немъ, во-первыхъ, въ качествѣ извѣстнаго «минимума правоты», во-вторыхъ, въ лицѣ своихъ основныхъ категорiй, и, въ третьихъ, въ видѣ имманентнаго, но не доразрѣшеннаго заданiя. Единство положительнаго и естественнаго права уже дано, хотя бы въ зачаткѣ, и еще задано, въ своемъ цѣлостномъ и осуществленномъ видѣ.

И вотъ, поскольку оно «еще задано» къ осуществленiю, правосознанiе, дѣйствительно, имѣетъ передъ собой нѣкую, хотя

и не безъисходную, двойственность. Поскольку положительное право въ своихъ предписаніяхъ и формулахъ расходится съ требованіями естественнаго права, постольку обнаруживаются два различныхъ «должныхъ» правопорядка, свиду одинаково претендующихъ на объективную обязательность и объективное значеніе. Выражая этотъ конфликтъ въ образѣ «почіющихъ огоньковъ», можно сказать, что правосознаніе видитъ на многихъ состояніяхъ, дѣлахъ и отношеніяхъ людей д в а различные огня, изъ которыхъ одинъ, малый, выражаетъ положительно-правовую квалификацію; а другой, большой — «естественно-правовую» квалификацію; такъ, что маленькій синій огонекъ, свидѣтельствующій о «положительной» правомѣрности поступка, можетъ горѣть на ряду съ большимъ, краснымъ огнемъ, знаменующимъ «естественную» неправоту того же самаго дѣянія; и обратно. Обязанность «юриста» можетъ оказаться въ существенномъ противорѣчіи съ обязанностью человѣка, живущаго «естественнымъ» правосознаніемъ, и это можетъ вызвать въ совѣстливой душѣ раздвоенность. Нормальному правосознанію свойственно всегда, съ предметнымъ вниманіемъ всматриваться въ цвѣтъ о б о и х ъ о г н е й, и это дѣлаетъ его особенно доступнымъ для такихъ конфликтовъ. Понятно, что притязающее сосуществованіе обоихъ огней должно найти себѣ конецъ въ предметно-обоснованномъ и принципіальномъ рѣшеніи ихъ спора.

Конфликтъ между естественнымъ и положительнымъ правомъ долженъ быть разрѣшенъ въ пользу п е р в а г о, и притомъ потому, что объективное значеніе положительнаго права опредѣляется въ корнѣ своемъ — духовнымъ достоинствомъ естественнаго, т. е. во-первыхъ, актуальнымъ и содержательнымъ присутствіемъ въ немъ духовно-естественной правоты; во-вторыхъ, формальною возможностью и жизненнымъ заданіемъ его — быть вѣрною и точною формулою естественнаго права. Положительное право по самому существу своему есть о р г а н и з о в а н н а я п о п ы т к а ф о р м у л и р о в а т ь е с т е с т в е н н о е п р а в о; духовно-жизненная важность этого дѣла, сознаніе его отвѣтственности и увѣренность въ томъ, что такая формула едина — составляютъ то д у х о в н о е основаніе, которое побуждаетъ людей сосредоточиться на строгой, формальной регулированности самого порядка, въ которомъ создается право. Понятно, что положительное право во всѣхъ случаяхъ расхожденія оказывается с у р р о г а т о м ъ естественнаго права и, если это расхожденіе обостряется до к о н ф л и к т а, то положительное право можетъ предстать сознанію въ роли «ложнаго» права, лже-права, или «самозванца». По обнаруженіи такого конфликта для правосознанія наступаетъ періодъ и с к у ш е н і я: понятіе права двоится, положительное право начинаетъ утрачивать свой ореолъ правоты, и, если идея объективно-значащаго естественнаго права не живетъ въ умахъ съ достаточной отчетливостью и силою, то «принципіальное» развѣнчаніе в с я к а г о п р а в а оказывается у порога; право начинаетъ изображаться, какъ «простое проявленіе» власти, силы и насилія, какъ орудіе, служащее организованному господству

имущаго класса; оно постепенно развѣнчивается въ послѣдовательномъ, но не зрячемъ критическомъ анализѣ, а незрячій скепсисъ приводитъ къ его категорическому отверженію. Наступаетъ болѣе или менѣе глубокій кризисъ правосознанія, который можетъ привести и къ разложенію правовой жизни, но долженъ привести къ болѣе углубленному обоснованію и пониманію права и къ зарожденію новаго правосознанія *).

Конфликтъ между естественнымъ и положительнымъ правомъ разрѣшается въ жизненной борьбѣ за право, — въ правотворчествѣ. Эта борьба, въ зависимости отъ своего ближайшаго и преимущественнаго заданія можетъ имѣть два вида: она можетъ быть борьбой за «право въ объективномъ смыслѣ» (т. е. за обновленіе правовыхъ нормъ) и борьбой за «право въ субъективномъ смыслѣ» (т. е. за поддержаніе и осуществленіе справедливыхъ полномочій, обязанностей и запретностей). Понятно, что эти два заданія не только не исключаютъ другъ друга, но взаимно предполагаютъ и обосновываютъ одно другое.

Обычный и здоровый путь борьбы за новое, лучшее объективное право (т. е. за «новые законы») есть путь правосозданія: невѣрные, несправедливые, устарѣвшіе законы и учрежденія отмѣняются и вмѣсто нихъ, посредствомъ мирнаго, организованнаго осуществленія тѣхъ внѣшнихъ дѣяній, которыми обусловлено «возгораніе» новыхъ нормъ, устанавливается новое, лучшее право. Нормальное правосознаніе считаетъ этотъ способъ борьбы за объективное право лучшимъ потому, что простое осуществленіе его, само по себѣ, укрѣпляетъ и воспитываетъ въ душахъ людей волю и довѣріе къ праву: то обстоятельство, что правовая жизнь сама открываетъ пути къ совершенствованію права, что самое блюденіе положительнаго права можетъ приблизить его къ «естественной» вѣрности, и, тѣмъ самымъ, къ его преодолѣнію, — это обстоятельство, само по себѣ, какъ бы зоветъ къ его признанію. Значеніе положительнаго права ненарушимо; но всѣ нормы, входящія въ его составъ, по общему, основному существу своему поддаются отмѣнѣ и замѣнѣ новыми. Право обладаетъ способностью обновляться на своихъ внутреннихъ путяхъ и, пока эта способность сохраняется, — правосознанію предстоитъ мирное и органическое развитіе.

Пріемля путь такого обновленія права, нормальное правосознаніе начинаетъ всегда съ добросовѣстной попытки вскрыть и формулировать то естественное право, которое должно лежать въ основаніи новыхъ нормъ. Такая попытка необходима именно потому, что каждая позитивная норма, какъ уже показано выше, беретъ на себя отвѣтственную задачу указать людямъ обязательное для нихъ лучшее поведеніе; эта идея

*) Постановку и освѣщеніе вопроса о кризисѣ современнаго политическаго правосознанія даетъ П. И. Новгородцевъ въ своемъ трудѣ «Кризисъ современнаго правосознанія». М. 1909 особенно на стр. 1, 5, 13, 15, 16, 392, 393.

«лучшаго» отнюдь не совпадаетъ съ понятіями о наиболѣе «удобномъ», «выгодномъ», «полезномъ» и т.д.: разнымъ людямъ «полезно», «выгодно» и «удобно» — разное, а правовая идея «лучшаго» имѣетъ единое, предметное содержаніе; это «лучшее въ правѣ» можетъ разойтись и со всѣми наличными «традиціями», «вѣрованіями», «предразсудками», не исключая и «общественнаго мнѣнія». Ученый юристъ и, въ частности, философъ права долженъ научно вскрыть эту идею и сдѣлать содержаніе ея общимъ достояніемъ. Люди, создающіе и формулирующіе новыя правовыя нормы, должны выработать въ себѣ особый «актъ» правосознанія или, условно говоря, *правовой совѣсти*, провѣряющій или даже впервые формулирующій эту идею и заставляющій положить ее въ основу новыхъ нормъ, въ качествѣ истинной и предметно обоснованной цѣнности. Истинный законодатель есть *художникъ естественной правоты*, ея искатель и служитель. Для него — «лучшее» есть всегда то, что есть лучшее *на самомъ дѣлѣ и само по себѣ*: ибо имъ руководитъ *добрая воля*.

Однако можетъ оказаться, что этотъ здоровый и обычный путь обновленія законовъ и государственнаго строя недоступенъ для того, кто началъ борьбу за право. Общественная группа, руководящая даннымъ государствомъ, можетъ не считать реформу полезною, справедливою и необходимою, а государственное устройство можетъ не обладать достаточной «гибкостью», чтобы обезпечивать обновленіе законовъ при всякихъ условіяхъ. Тогда нормальный путь оказывается закрытымъ и борьба за «объективное право» вступаетъ на новый путь.

Оказывается, что нормы положительнаго права пріобрѣли противоестественный характеръ *неотмѣнимости* или *неизмѣнности*, а свойственная ихъ содержанію «невѣрность» становится бичемъ жизни. Сознаніе человѣка видитъ, что оно закрѣпощено несовершенной и, можетъ быть, даже унизительной жизни, и что конфликтъ между положительнымъ и естественнымъ правомъ не поддается разрѣшенію: право не можетъ развиваться далѣе *по праву*, а выросшее правосознаніе не можетъ вернуться вспять. И вотъ, возникаетъ необходимость найти иной способъ *правотворчества* и остается путь *непосредственнаго осуществленія новыхъ субъективныхъ правъ*.

Этотъ путь состоитъ въ томъ, что *субъектъ, направляемый своимъ правосознаніемъ къ цѣли права, утверждаетъ за собою другія полномочія, обязанности и запретности*, чѣмъ тѣ, которыя ему принадлежатъ въ данный моментъ на основаніи нормъ *дѣйствующаго положительнаго права*, и, далѣе, признавъ ихъ за собою, онъ приступаетъ къ ихъ *непосредственному осуществленію*. Правосознаніе выковываетъ субъекту новый статусъ, принадлежащій къ новому, оффиціально еще не установленному правопорядку, и ставитъ себѣ задачу жить согласно этому новому статусу. Оно какъ бы предвосхищаетъ новый, болѣе справедливый правопорядокъ и торопитъ

его наступленіе, поспѣшая ему навстрѣчу. Естественно-правовой законъ всеобщей соотносительности и взаимности правовыхъ круговъ заставляетъ его признать новыя полномочія, обязанности, запретности и з а д р у г и м и субъектами, и тѣмъ самымъ, сдѣлать всѣ послѣдовательные выводы. Правосознаніе находитъ героическій выходъ изъ создавшагося конфликта, признавая каждаго субъекта членомъ д в у х ъ различныхъ правопорядковъ с р а з у: одного, отвергнутаго по содержанію, но не отмѣненнаго и сохраняющаго «положительное» значеніе, и, другого, признаннаго по содержанію, но еще не установленнаго, неутвержденнаго, и, можетъ быть даже, еще не формулированнаго, однако — вѣрнаго, справедливаго, лучшаго и потому нерѣдко имѣющаго д о с т о и н с т в о естественнаго права.

Конфликтъ и двойственность, неустранимые черезъ созданіе новыхъ правовыхъ нормъ, пріемлются и творчески изживаются сознаніемъ; открытая встрѣча между положительнымъ и естественнымъ правомъ, приводящая всегда къ подчиненію перваго второму, организуется въ порядкѣ ж и з н е н н а г о о с у щ е с т в л е н і я; это дѣлается для того, чтобы внѣшняя встрѣча повлекла за собою ихъ в н у т р е н н ю ю встрѣчу,—въ душахъ, слѣпыхъ, и глухихъ къ естественной правотѣ,—и, въ результатѣ этого, установленіе новаго права. На этомъ пути естественное право осуществляется такъ, к а к ъ е с л и б ы о н о у ж е б ы л о положительнымъ правомъ; оно фактически прививается къ жизни, съ тѣмъ, чтобы стать реальнымъ способомъ жизни и поведенія. Естественное правосознаніе утверждаетъ себя, какъ жизненную с и л у, въ увѣренности, что оно есть правая сила, и что силѣ этой правоты предстоитъ побѣда надъ коснѣющимъ и слабѣющимъ неправымъ правомъ.

Этотъ путь борьбы за право иногда воспринимается и изображается, какъ путь п р а в о н а р у ш е н і я, или какъ путь н а с и л ь с т в е н н а г о ниспроверженія стараго правопорядка. Однако такое воззрѣніе, по существу своему, поверхностно и невѣрно: во-первыхъ, элементъ «правонарушенія» и элементъ «н а с и л ь с т в е н н о с т и» могутъ с о в с ѣ м ъ о т с у т с т в о в а т ь при такомъ способѣ борьбы; во-вторыхъ, наличное правонарушеніе можетъ быть нарушеніемъ не «права вообше», но только п о л о ж и т е л ь н а г о права, и притомъ — во имя естественнаго права, т.е. оно можетъ имѣть характеръ дѣянія, не разрушающаго правопорядокъ, подобно всѣмъ наказуемымъ правонарушеніямъ, но творящаго и совершенствующаго жизнь въ правѣ и по праву.

Итакъ, во-первыхъ, произвольное измѣненіе личнаго статуса принципіально допускается самимъ положительнымъ правомъ, поскольку за человѣкомъ признается не только «правоспособность», но и «дѣеспособность», и въ число правообразующихъ фактовъ включается в о л е и з ъ я в л е н і е. Посредствомъ формальныхъ изъявленій своей воли каждый дѣеспособный человѣкъ можетъ добиться того, что у него будетъ б о л ѣ е и м е н ѣ е тѣхъ или другихъ полномочій и обязанностей, причемъ положительное право остается ненарушеннымъ (secundum legem). Никто

не можетъ помѣшать людямъ использовать эту возможность для того, чтобы приблизить ихъ положительно-правовой статусъ къ естественно-правовому. Мало того, эта возможность остается всегда въ ихъ распоряженіи, т. е. и тогда, когда нормальный путь законодательства открытъ и доступенъ. Нѣтъ никакой необходимости пассивно ожидать, чтобы законъ или административное распоряженіе возложили на меня справедливую обязанность или отмѣнили мое несправедливое полномочіе, особенно, если я самъ чувствую и сознаю, что́ справедливо и что́ нѣтъ. Въ большинствѣ правоотношеній можно найти такой исходъ, который, сразу или постепенно, погаситъ мои неестественныя полномочія и введетъ мои естественныя обязанности.

Каждый изъ людей, если имъ руководитъ естественное правосознаніе, будетъ искать и найдетъ возможность приблизить свой положительно-правовой статусъ къ естественному. Онъ можетъ немедленно перестать осуществлять свое «неестественное» полномочіе и затѣмъ погасить его отреченіемъ; такъ естественное правосознаніе побудило въ свое время нѣкоторыхъ помѣщиковъ, «отпустить на волю» своихъ крестьянъ, и заставило Л. Н. Толстого отказаться отъ авторскаго права на свои произведенія. Онъ можетъ, далѣе, передать свои полномочія другимъ въ ту мѣру, въ какую онъ испытываетъ ихъ несправедливыми; таковъ внутренній смыслъ многихъ «пожертвованій» на благія дѣла, христіанской «раздачи имущества бѣднымъ» и посмертнаго распоряженія Л. Н. Толстого о яснополянской землѣ. Далѣе, каждый можетъ, слѣдуя естественному правосознанію, взять на себя исполненіе чужой обязанности, внести налогъ за бѣдняка, замѣнить больного товарища на службѣ, или, какъ это допускалось въ старину, «пойти въ рекруты», замѣняя многосемейнаго брата. Правосознаніе можетъ побудить каждаго возложить на себя добровольно имущественныя повинности, увеличить чужія полномочія на счетъ своихъ обязанностей, предоставить своимъ несправедливымъ правамъ угаснуть за давностью, пойти добровольцемъ на войну, принять на себя то или иное отвѣтственное служеніе народу и т. д. Нормальное правосознаніе, которое вообще побуждаетъ не уклоняться отъ принятія и несенія публичныхъ полномочій и обязанностей, а напротивъ, искать ихъ и радѣть о нихъ, — постепенно научаетъ человѣка, переживать публичныя полномочія, какъ обязанности гражданина, а публичныя обязанности, какъ неотъемлемыя полномочія; естественно-правовая солидарность людей освѣщаетъ по новому положительный статусъ лица и обновляетъ его пониманіе изъ глубины: участіе въ законодательствѣ, управленіи и судѣ оказывается естественною обязанностью взрослаго гражданина, а личная и имущественная повинность осмысливается, какъ драгоцѣнное естественное полномочіе — поддерживать жизнь своего союза личнымъ трудомъ и участіемъ.

Каждый изъ насъ, пересматривая и перестраивая свой положительно-правовой «статусъ» подъ руководствомъ естествен-

наго правосознанія, увидитъ, что всѣ такія «отреченія», «отчужденія» и «самообязыванія» не являются съ его стороны дѣломъ «сверхдолжнаго милосердія», снисхожденія или жертвы, но простымъ блюденіемъ естественныхъ правъ и обязанностей, и, тѣмъ самымъ, борьбою за осуществленіе естественнаго правопорядка. То, что онъ дѣлаетъ, подсказывается ему непосредственнымъ чувствомъ права и живымъ сознаніемъ своей естественно-правовой обязанности. Именно нормальное правосознаніе побуждаетъ его доброю волею пересмотрѣть и очистить свой положительно-правовой статусъ и такимъ образомъ выступить въ жизни добровольцемъ естественной правоты.

Вступая на этотъ путь, каждый изъ насъ легко убѣдится въ томъ, что естественное правосознаніе призвано руководить не только созданіемъ нормъ положительнаго права, но и жизнью въ повседневныхъ правоотношеніяхъ; что борьба съ неправымъ правомъ должна всегда вестись не только отъ верха, отъ «общаго», черезъ норму, но и снизу, отъ «единичнаго», черезъ субъективное право. Естественное право не только «построяетъ» политическую программу для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, но и указываетъ линію для непосредственнаго личнаго поведенія; осуществленіе его возможно и обязательно теперь же, рядомъ съ положительнымъ правопорядкомъ, черезъ него, гдѣ это возможно, и помимо него,—въ порядкѣ морали, нравовъ, обычая,—гдѣ это невозможно. Естественное право не есть «далекій» или, тѣмъ болѣе «безконечный» идеалъ; нѣтъ: для каждаго изъ насъ оно стоитъ у порога личной жизни, какъ близкая и ближайшая возможность, и отъ насъ зависитъ осуществлять его на каждомъ шагу, не отодвигая эту творческую задачу лицемѣрнымъ прекраснословіемъ.

Такимъ образомъ, возможно, что элементъ «правонарушенія» будетъ совсѣмъ отсутствовать въ этомъ правотворчествѣ: тогда этотъ путь приведетъ къ лойяльной борьбѣ за естественное право въ субъективномъ смыслѣ.

Но далѣе, во-вторыхъ, исторія показываетъ, что въ жизни народовъ бываютъ такія стеченія обстоятельствъ, при которыхъ наиболѣе быстрымъ и прямымъ путемъ, ведущимъ къ обновленію правопорядка, представляется путь, выводящій дѣянія человѣка за предѣлы положительнаго права. Въ этомъ случаѣ правотворчество покидаетъ стезю строгой лойяльности и ищетъ иныхъ мѣръ.

Эти мѣры могутъ имѣть двоякій характеръ въ виду того, что «за предѣлами» положительнаго права лежатъ, съ одной стороны, дѣянія совсѣмъ «непредусмотрѣнныя» въ его нормахъ, съ другой стороны, дѣянія, прямо запрещенныя.

Въ этомъ случаѣ такъ называемое «обычно-правовое» творчество указываетъ драгоцѣнный исходъ для всей правовой жизни, и не только въ «частной», но и въ публичной сферѣ. Исторія англійской конституціи свидѣтельствуетъ о томъ, какое огромное жизнепреобразующее значеніе можетъ имѣть этотъ путь.

Созиданіе юридическаго обычая есть *правомѣрный* способъ постепеннаго *введенія въ предѣлы* положительнаго права тѣхъ элементовъ жизни, которые лежатъ *за его предѣлами*, но въ которыхъ нуждается правосознаніе. Устойчивое осуществленіе *не правового*, какъ *правового*, сопровождающееся сознаніемъ, что «такъ поступать»—*необходимо и правильно*, есть по истинѣ одинъ изъ классическихъ путей, ведущихъ къ побѣдѣ естественнаго права надъ положительнымъ. Непредусмотрѣнныя дѣянія и *состоянія* постепенно вдвигаются въ правопорядокъ, становятся «предусмотрѣнными« и «значащими», и прежній порядокъ уступаетъ мѣсто лучшему. При такомъ исходѣ удается предотвратить конфликтъ между естественнымъ правосознаніемъ и положительнымъ правомъ: творческая воля находитъ средства для избѣжанія разрыва между ними и не видитъ себя вынужденною обратиться къ *правонарушенію во имя права*.

Понятно, что зоркая предусмотрительность стараго порядка можетъ быстро поставить нормальное правосознаніе передъ дилеммой: или отказаться отъ своего творческаго заданія, или вступить на путь *прямого нарушенія* отдѣльныхъ нормъ положительнаго права. Если нормальное правосознаніе, подъ давленіемъ этой безвыходности, избираетъ второй путь, то оно обставляетъ свое рѣшеніе цѣлымъ рядомъ условій, памятуя о томъ, во имя чего оно борется и оставаясь вѣрнымъ себѣ. И эта цѣль, и это повиновеніе, — не превращаетъ состоявшагося правонарушенія въ правомѣрное дѣяніе, но дѣлаетъ совершителя его по праву невиновнымъ, а самое дѣяніе—*ненаказуемымъ* правонарушеніемъ.

Согласно тому, что было установлено выше, рѣшеніе допустить прямое нарушеніе положительнаго права пріемлется нормальнымъ правосознаніемъ только въ крайнемъ случаѣ: ибо сознательное нарушеніе права противорѣчитъ основной сущности правосознанія, т. е. волѣ къ праву. Это рѣшеніе пріемлется, слѣдовательно, какъ бы *противъ воли*; во всякомъ случаѣ — въ результатѣ внутренней борьбы. Внутренняя борьба возникаетъ вслѣдствіе того, что воля къ праву разлагается на два противоположныя влеченія: съ одной стороны, воля къ цѣли права зоветъ къ правому праву и къ творческому обновленію правопорядка; съ другой стороны, та же *воля къ цѣли права* зоветъ къ осуществленію *ненарушимости положительнаго права*. Нормальное правосознаніе твердо знаетъ, что *уваженіе къ положительному праву* есть драгоцѣнный результатъ долгаго и мучительнаго процесса и что расшатывать это уваженіе значитъ разрушать уже наличное и въ грядущемъ необходимое жилище естественнаго права; оно не можетъ стремиться къ разрушенію права и, если допускаетъ *нарушеніе* его, то именно для того, чтобы поддержать его и не *допустить его разрушенія*.

Поэтому правосознаніе, рѣшающееся вступить на этотъ путь, сохраняетъ вѣрность себѣ только въ томъ случаѣ, если оно соблюдаетъ слѣдующія условія.

Во-первыхъ, если всѣ иныя средства борьбы за обновленіе невѣрнаго права уже использованы, исчерпаны и не привели къ необходимому результату. Правосознаніе можетъ допустить нарушеніе положительнаго права только въ крайнемъ случаѣ и, въ частности, лишь послѣ того, какъ борющійся субъектъ преобразилъ свой личный положительный статусъ въ естественный.

Во-вторыхъ, если это рѣшеніе пріемлется не изъ чисто личныхъ или своекорыстныхъ побужденій, но изъ воли къ общему благу; правосознаніе видитъ въ созданіи и поддержаніи правопорядка дѣло великой, — духовной и общей,—необходимости, а не индивидуальной пользы, и поэтому допускаетъ здѣсь личные мотивы лишь въ мѣру ихъ совпаденія съ единымъ и общимъ духовнымъ интересомъ.

Въ-третьихъ, если это рѣшеніе проистекаетъ изъ нормальнаго правосознанія, т.е. изъ воли къ цѣли права. Тогда это правонарушеніе теряетъ свой обычный праворазрушительный характеръ; оно проистекаетъ не изъ воли къ безправію и не изъ недостаточной воли къ правопорядку, но изъ глубокой и цѣлостной воли къ праву; оно направлено не противъ права и правопорядка, но стремится создать болѣе близкое къ естественному положительное право; оно не разрушаетъ существующаго правового строя, именно поскольку онъ правовой строй, а не искажающее природу права неустройство; мало того, оно поддерживаетъ наличный правопорядокъ, какъ таковой, пытаясь исправить тѣ черты его, которыя грозятъ дѣйствительной и, притомъ, общей разрухой.

Въ-четвертыхъ, если эта линія поведенія нарушаетъ только опредѣленныя постановленія положительнаго права, но не стремится разрушить его цѣликомъ или водворить на его мѣсто первобытную нерегулированность жизни. Правосознаніе бережетъ положительное право даже тогда, когда рѣшается нарушить его во имя естественной правоты, и, не только поддерживаетъ всю остальную систему дѣйствующаго права, но, можетъ быть даже, блюдетъ его въ это время съ особымъ тщаніемъ: такъ, искусный и опытный хирургъ не повреждаетъ тканей живого тѣла больше, чѣмъ это необходимо и въ то же время, заботится о тщательномъ питаніи всего организма въ цѣломъ.

Въ-пятыхъ, если это дѣяніе нарушаетъ только тѣ положительныя нормы, которыя поддерживаютъ неотмѣнимость или неизмѣнимость неправаго права: таковы именно всѣ тѣ нормы публичнаго (и только публичнаго) права, которыя формулируютъ и ограждаютъ политическій режимъ, задерживающій естественное возрастаніе и очищеніе права. Тогда эта линія поведенія осмысливается не какъ борьба съ положительнымъ правомъ, но какъ борьба съ неотмѣнимостью и неизмѣнимостью его неправыхъ нормъ, которая и приводитъ къ отмѣнѣ ихъ въ новомъ конституціонномъ порядкѣ.

Въ-шестыхъ, наконецъ, если это дѣяніе нарушаетъ только неправыя нормы положительнаго права, но не нарушаетъ естественныхъ правъ человѣка: правосознаніе можетъ допустить нарушеніе неправаго права, въ мѣру его неправости и ради его исправленія, ибо оно знаетъ, что нарушаемое—неправымъ образомъ медлитъ исчезнуть передъ лицомъ естественной правоты; но оно не можетъ допустить нарушенія естественной правоты ради ея водворенія и осуществленія, ибо средство, убивающее свою цѣль, есть невѣрное и неправое средство: творящій его попираетъ самую сущность своей цѣли и несетъ вину.

Таковы тѣ условія, при которыхъ нарушеніе положительно-правовой нормы не противорѣчитъ правосознанію и которыя даютъ человѣку естественное право на неповиновеніе праву.

И тѣмъ не менѣе такое неповиновеніе представляетъ собою правонарушеніе, которое подлежитъ суду и можетъ быть принято за преступленіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Правосознаніе и уголовная вина.

Рѣшеніе проблемъ уголовной вины и наказанія возможно только на основаніи цѣлостнаго и зрѣлаго ученія о правосознаніи. Виновность и невиновность человѣка, устанавливаемая уголовнымъ судомъ, опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ именно состояніемъ его правосознанія, т. е. отношеніемъ руководившей имъ воли — къ цѣли права, а потому и къ праву. Согласно этому, правонарушитель будетъ виновенъ въ томъ случаѣ, если онъ нарушилъ норму положительнаго права по недостаточной волѣ къ цѣли права и къ праву, какъ необходимому средству, и будетъ невиновенъ въ томъ случаѣ, если вѣрный правопорядокъ былъ его цѣлью и его мотивомъ. Признать и послѣдовательно осуществить такое пониманіе уголовной вины значитъ разрѣшить одну изъ великихъ очередныхъ задачъ уголовной науки и практики.

Формально говоря, нарушеніе положительной нормы, по какимъ бы мотивамъ оно ни состоялось, — есть правонарушеніе, ибо оно превышаетъ полномочія и не соблюдаетъ обязанности, имѣющія значеніе de jure; если же оно, тѣмъ самымъ, преступаетъ запретности, установленныя въ нормахъ положительнаго права подъ страхомъ наказанія за вину, то совершающій его подлежитъ уголовной отвѣтственности,—слѣдствію и суду. Однако уголовный судъ, вѣрно понимающій свою задачу и предметно изслѣдующій дѣяніе подсудимаго, не будетъ въ состояніи найти въ немъ элементъ правовой вины, осудить правонарушителя и возложить на него наказаніе, если дѣяніе его проистекало изъ доброй воли, стремящейся къ цѣли права и къ праву.

Согласно такому пониманію, раскрывающему основную природу суда присяжныхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сущность всякаго уголовнаго суда, — не всѣ уголовныя правонарушенія совершаются виновнымъ образомъ. Согласно общему правилу подсудимый можетъ быть осужденъ только за дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія; но это не значитъ, что онъ долженъ быть осужденъ за всякое такое дѣяніе: возможно нарушеніе закона, при которомъ совершившій его свободенъ отъ вины, — но не потому, что онъ былъ «невмѣняемъ» (т. е. неспособенъ къ разумному волеопредѣленію), а по другимъ основаніямъ. Присяжнымъ предоставляется право рѣшать вопросъ о наличности этихъ основаній «единственно»

по «внутреннему убѣжденію», которое слагается въ результатѣ «всесторонней оцѣнки всѣхъ субъективныхъ условій виновности». *)

Эти субъективныя условія виновности всегда индивидуальны и своеобразны не только у каждаго преступника, но и при каждомъ единичномъ преступленіи. Они имѣютъ не внѣшній, тѣлесно-физическій характеръ, но внутреннюю, душевно-духовную природу: такъ присяжные могутъ, признавъ, что внѣшнее, правонарушающее дѣяніе налицо и что оно осуществлено именно подсудимымъ, установить, вслѣдъ затѣмъ, его невиновность. Виновность человѣка опредѣляется внутреннимъ состояніемъ его души и духа, а не внѣшнимъ дѣяніемъ, фактическая наличность и уголовная предусмотрѣнность котораго даютъ лишь основаніе для начатія предварительнаго слѣдствія. Душевно-духовное состояніе подсудимаго разсматривается на судѣ со стороны сознанія и воли: онъ долженъ быть осужденъ, если его дѣяніе проистекло изъ «полнаго сознанія» и «преступной воли». Однако та «сознательность», которая должна быть налицо для обвиненія, совсѣмъ не исчерпывается ни знаніемъ о противозаконности даннаго дѣйствія, ни отчетливымъ сознаніемъ о своемъ поступкѣ, ни полнымъ предвидѣніемъ его послѣдствій: налицо можетъ быть не только «умыселъ», но глубокая и всесторонняя продуманность поступка, — и это не можетъ помѣшать присяжнымъ вынести оправдательный приговоръ, при наличности извѣстныхъ субъективныхъ условій. Точно такъ же, та «преступность» воли, которая должна быть налицо для обвиненія, совсѣмъ не опредѣляется ни причинной связью между живымъ хотѣніемъ и жизненнымъ послѣдствіемъ поступка, ни естественнымъ слабоволіемъ подсудимаго, ни рѣшеніемъ или намѣреніемъ совершить запрещенное дѣйствіе: «преступившая» воля совсѣмъ еще не есть, тѣмъ самымъ, «преступная воля» и присяжные могутъ вынести оправдательный вердиктъ преднамѣренному нарушителю запрета; но, конечно, при наличности извѣстныхъ субъективныхъ условій.

Эти субъективныя условія, оправдывающія подсудимаго вопреки всему остальному, скрываются въ его правосознаніи и опредѣляются тѣми мотивами и цѣлями, которые вызвали къ жизни запрещенное дѣйствіе. Это означаетъ, что приговоръ присяжныхъ зависитъ не отъ того, зналъ ли подсудимый, что онъ нарушаетъ норму положительнаго права и хотѣлъ ли онъ ее нарушить, но отъ того, что́ именно подвигло его къ этому и какую цѣль онъ преслѣдовалъ. Разрѣшая вопросъ о виновности, судъ долженъ разсмотрѣть и установить: каковы были цѣли и мотивы, владѣвшіе душою подсудимаго во время дѣйствія, и въ какомъ отношеніи стоятъ эти цѣли и мотивы — къ цѣлямъ и мотивамъ нормаль-

*) Срв. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства (въ дореволюціонной Россіи) сост. Шрамченко и Ширковымъ изд. 6. 1913 г. ст. 804 доп. 1. 2. 3. стр. 809 и 810.

наго правосознанія. Здѣсь опять обнаруживается, что мотивы и цѣли входятъ въ самую сущность, какъ *повинующагося*, такъ и *преступающаго* правосознанія: они то и опредѣляютъ виновность человѣка. Нормальное правосознаніе имѣетъ *свои* цѣли и живетъ *своими* мотивами; въ чемъ эти цѣли и каковы эти мотивы,—законъ не говоритъ и правовая теорія доселѣ не разъяснила; законъ предоставляетъ знать объ этомъ — «*совѣсти*» присяжныхъ засѣдателей*) и проявляетъ въ этомъ великое довѣріе къ человѣческому духу. Для того, чтобы быть достойными этого довѣрія, присяжные, подобно законодателю, должны осуществить въ себѣ актъ *правовой совѣсти*, предметно свидѣтельствующій о томъ, *какими объективно-лучшими содержаніями* живетъ *нормальное правосознаніе*; они должны какъ бы «ощутить», по мѣрѣ силъ своихъ, основную *идею права* и его цѣль, и, для этого, внутренно воззвать къ *доброй волѣ*, какъ естественной основѣ правосознанія. Чуткій и совѣстный человѣкъ, выступая въ качествѣ присяжнаго, совершаетъ глубокую внутреннюю работу: ибо *совѣсть* у человѣка—одна, и показанія ея о правѣ (въ качествѣ «правовой совѣсти») неизбѣжно приводятъ въ движеніе ея послѣднюю нравственную глубину; именно эта работа и только она можетъ сдѣлать уголовнаго судью—*художникомъ естественной правоты*.

Итакъ сужденіе о виновности человѣка есть результатъ (смутнаго или отчетливаго, воображаемаго или предметнаго), — сопоставленія: фактически данныхъ мотивовъ и цѣлей съ мотивами и цѣлями нормальнаго правосознанія; а если условно приравнять представляемое содержаніе цѣли — содержанію волевого мотива (послѣднее всегда сложнѣе, безсознательнѣе, неразумнѣе), то можно будетъ сказать: *уголовная виновность опредѣляется расхожденіемъ субъективной воли, породившей правонарушеніе, съ единою объективною цѣлью всякаго права, а степень виновности опредѣляется степенью и сознательностью этого расхожденія въ данномъ дѣйствіи подсудимаго*. Человѣкъ виновенъ въ томъ случаѣ, если его воля, создавшая правонарушеніе, попираетъ *цѣль права*. Сознаніе этого живетъ не только въ каждомъ предметномъ приговорѣ суда присяжныхъ, но и въ сердцахъ простыхъ людей: они знаютъ, что люди, увлекаемые страстями *часто* попираютъ цѣль права, но при этомъ нерѣдко избѣгаютъ уголовнаго правонарушенія; что *виновныхъ по праву и передъ правомъ* гораздо больше, чѣмъ подсудимыхъ, и что, съ другой стороны, есть не мало подсудимыхъ, а можетъ быть и осужденныхъ, совершившихъ «невиновное» правонарушеніе. Вотъ почему народная мудрость совѣтуетъ «не открещиваться отъ тюрьмы» и называетъ осужденныхъ — «несчастными».

---

*) См. тамъ же ст. 804 доп. 2[1] и 4[2].

Но, если виновенъ тотъ, чья преступившая воля попрала цѣль права, то это можно выразить и такъ: виновная воля попираетъ *сущность* права; ибо то, что составляетъ *существенную природу права* опредѣляется именно его *цѣлью*. Эта сущность права, какъ уже показано, лежитъ въ основѣ *положительнаго права* и скрывается въ его глубинѣ; поэтому вопросъ о виновности можетъ быть формулированъ такъ: не стремился ли подсудимый, нарушая положительно-правовой запретъ, нарушить и попрать то, что составляетъ скрытую въ немъ *сущность права*, т. е. естественно-правовую основу положительной нормы? Онъ будетъ признанъ виновнымъ, если воля его тяготѣла къ этому.

Все это можно выразить такъ, что духовная *противоправность* дѣянія, составляющая вину, не совпадаетъ съ формальной *неправомѣрностью* его, полагающей лишь начало уголовной реакціи: воля, *преступившая* запретъ и совершившая неправомѣрный поступокъ, можетъ быть признана *не преступной*, т. е. *не противоправной*, и, слѣдовательно, *не виновной волей*. Напротивъ, виновность состоитъ всегда въ *противоправности воленаправленія*, т. е. въ болѣе или менѣе сознательномъ и дерзающемъ поставленіи своей, частной цѣли—*надъ* цѣлью права, въ попраніи второй, ради осуществленія первой. Иными словами: подсудимый виновенъ въ томъ случаѣ, если онъ нарушилъ норму положительнаго права ради такой своей частной цѣли, которая несовмѣстима со свободнымъ, справедливымъ и мирнымъ сожительствомъ людей. Виновенъ тотъ, кто нарушаетъ положительное право, исходя изъ такой *въ высшемъ смыслѣ противоправной* цѣли; и *степень* его виновности зависитъ отъ того, какой видъ имѣла въ его душѣ эта противоправность: обнаружила ли она *обычный* для подсудимаго уровень воленаправленія (правосознаніе «привычнаго» преступника), или же это было *исключительное* уклоненіе, и, притомъ, *повторное* (правосознаніе «рецидивиста»), или *случайное* (правосознаніе «случайнаго» нарушителя); и, далѣе, имѣло ли это противоправное воленаправленіе въ моментъ преступленія — характеръ *отвергающаго* правовую цѣль *намѣренія* (отсутствіе правой воли), или только *пренебрегающей* правовою цѣлью *неосторожности* (дефектъ правой воли); и наконецъ, насколько эта противоправность сложилась «сознательно», т. е. насколько сознаніе было вовлечено и поглощено служеніемъ противоправной волѣ (градація дефектовъ въ знаніи и сознаніи высшей и низшей противоправности). Всѣ эти разновидности *виновнаго правосознанія* должны, конечно, найти для себя классификацію.

Такимъ образомъ терминъ «виновности» квалифицируетъ *состояніе преступившей воли въ моментъ совершенія запретнаго дѣянія*. Отсюда уже ясно, что вопросъ о *наказаніи* долженъ быть отдѣляемъ на судѣ отъ вопроса о виновности и разсматриваемъ самостоятельно:

ибо наказаніе возлагается на человѣка не въ моментъ совершенія преступленія, а черезъ извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго состояніе преступившей воли могло радикально измѣниться. Человѣкъ, преступившій запретъ по дефекту или отсутствію правой воли или сознанія, могъ пережить въ самомъ дѣяніи своемъ или въ привлеченіи къ судебной отвѣтственности—нѣкое обновляющее и перерождающее потрясеніе души, выростившее въ немъ здоровое и устойчивое правосознаніе. Совершая преступленіе, онъ былъ виновенъ и тогда, можетъ быть, нуждался въ организованномъ воздѣйствіи на его правосознаніе; и, можетъ быть, если бы формы общественнаго взаимовоспитанія были болѣе совершенно развиты и осуществляли бы организованную реакцію на дурные поступки въ порядкѣ «уголовной морали» и «нравовъ», — то его правосознаніе не привело бы его совсѣмъ на скамью подсудимыхъ. Однако въ моментъ суда онъ можетъ быть уже совсѣмъ не нуждается въ постороннемъ воздѣйствіи на его правосознаніе, или, если нуждается, то въ самой мягкой и бережной формѣ.

Уголовное наказаніе имѣетъ и только и можетъ имѣть одно единое назначеніе: *принудительное воспитаніе правосознанія*. Присудить человѣка къ наказанію значитъ признать, что его правосознаніе находится въ *данный моментъ* въ такомъ состояніи, что для него необходимо подвергнуть его обязательному, публично организованному взращиванію и укрѣпленію; это значитъ признать, что онъ не можетъ быть предоставленъ, безъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, обычной нормальной жизни, свойственной человѣку, какъ *самоуправляющемуся* духовному центру; это значитъ признать, что за періодъ времени между преступленіемъ и судомъ онъ не сумѣлъ самостоятельно познать *неправоту* своей преступившей воли и преодолѣть ея силу въ порядкѣ самовоспитанія. Но для того, чтобы признать это, наличное состояніе его правосознанія должно быть подвергнуто особому, самостоятельному разсмотрѣнію, или въ судѣ, или же въ особой коллегіи, компетентной въ изслѣдованіи правосознанія и въ путяхъ его живого воспитанія. «Наказанію» подлежитъ тотъ, кто не можетъ, не умѣетъ или не хочетъ побороть въ себѣ противоправную волю; но это означаетъ, что наказаніе не есть уже «наказаніе», а соціально педагогическая мѣра и что характеръ этой мѣры долженъ быть, въ примѣненіи ея, строго индивидуализированъ.

При такомъ пониманіи уголовной вины оказывается, что возможно не только «невиновное» нарушеніе запрета, но и *не подлежащее наказанію «виновное» преступленіе*. Вопросъ о «винѣ» и вопросъ о «наказаніи» ставятся и разрѣшаются порознь, но въ строгой послѣдовательности, такъ, что признаніе виновности еще не предрѣшаетъ вопроса о наказуемости вины, а присужденіе къ наказанію возможно только послѣ квалификаціи *наличнаго* правосознанія. Въ то же время «наказаніе» утрачиваетъ свой позорящій характеръ и не отмѣряется по формальному масштабу; его непосредственной цѣлью остается *исправленіе правосознанія и на*

основаніи этого отвергаются всѣ мѣры возмездія, не укрѣпляющія, но расшатывающія правосознаніе, или, тѣмъ болѣе, прекращающія его жизнь (смертная казнь). Современный уголовный процессъ оказывается глубоко неудовлетворительнымъ и даже судъ присяжныхъ получаетъ существенное переустройство: его основная идея ,— «интуитивно-совѣстное сужденіе свободнаго коллегіальнаго правосознанія о воленаправленіи подсудимаго»,—раскрывается во всемъ ея значеніи и глубинѣ и получаетъ сознательное дифференцированное осуществленіе; мало того, задача уголовнаго суда устанавливается, какъ единственная и универсальная, для всѣхъ его формъ: на основаніи внѣшняго акта, нарушающаго положительно-правовую запретность, изслѣдовать и квалифицировать правосознаніе нарушителя, устанавливая противоправность его воли въ моментъ дѣянія (виновность) и въ моментъ суда (наказуемость). Понятно, что, при такомъ разрѣшеніи проблемы, институтъ «условнаго осужденія», ученіе объ «опасномъ состояніи» преступника и углубленная реформа пенитенціарной системы получатъ свою истинную основу и полное признаніе. Присяжные засѣдатели поймутъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ и не будутъ вынуждены констатировать отсутствіе вины тамъ, гдѣ она была налицо, но теперь духовно преодолѣна подсудимымъ. Уголовный судъ будетъ отправляться отъ увѣренности, что «право» не то же самое, что «данное положительное право» и что правосознаніе не есть слѣпая воля къ покорности исторически даннымъ позитивнымъ нормамъ,—къ повиновенію несправедливому праву во что бы то ни стало и при всякихъ условіяхъ. Только признающее, зрячее и творческое повиновеніе праву способно поддерживать на высотѣ его содержаніе и самую жизнь духа.

Естественно, что уголовный судъ, вѣрно понимающій свою задачу и предметно изслѣдующій дѣяніе человѣка, какъ цѣлостное проявленіе его правосознанія, не признаетъ подсудимаго ни виновнымъ, ни заслуживающимъ «наказанія», если убѣдится, что нарушеніе запрета проистекло изъ воли къ праву и его цѣли. Не встрѣчая помѣхи въ ошибочной организаціи процесса, въ ложныхъ теоріяхъ и постороннихъ тенденціяхъ, зоркое око правосудія неизбѣжно увидитъ и открыто признаетъ за видимымъ неповиновеніемъ праву—искренное и убѣжденное служеніе Праву; оно установитъ здѣсь отсутствіе всякаго посягательства на сущность правопорядка и констатируетъ лишь наличность болѣе или менѣе удачнаго правотворческаго исканія. Не можетъ быть уголовной вины въ дѣяніи, не нарушающемъ естественной правоты и вызванномъ къ жизни подлинною волею къ цѣли права и къ усовершенствованію положительныхъ нормъ. Полное отсутствіе гибкости въ конституціи, использованность другихъ путей, наличность воли къ общему и принципіальное признаніе положительнаго права—довершаютъ тѣ условія, въ которыхъ правосознаніе «преступило», но осталось свободнымъ отъ уголовной вины: въ борьбѣ съ неотмѣнимостью неправаго права, съ негибкостью

конституцiи, оно не покидаетъ публично-правового пути, но совершаетъ вынужденный переходъ отъ законодательнаго порядка къ другому, представляющему сложное сочетанiе изъ — обычно-правового порядка, непосредственнаго, предвосхищающаго примѣненiя legis ferendae и первоначальнаго, учреждающаго провозглашенiя.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ за естественное право и за достойную жизнь, правосознанiе не видитъ себя покидающимъ пути Права даже тогда, когда рѣшается нарушить тотъ или иной позитивный запретъ. Оно сознаетъ, что, нарушая «право», осуществляетъ Право и что осудить и присудить его носителя можно только или вслѣдствiе невѣрной организацiи уголовнаго суда или въ видѣ внѣправовой расправы. Если «наказанiе» есть мѣра принудительнаго воспитанiя и укрѣпленiя больного или слабаго правосознанiя, то здѣсь оно оказывается ненужнымъ: правосознанiе, которое умѣетъ ради Права и права, принять на себя по Праву бремя правонарушенiя и сохранить свою уголовную невиновность, нуждается не въ исправленiи, а въ предметномъ изученiи и подражанiи. И не естественно ли, что изучающему этотъ исходъ вспоминается образъ Сократа, назначившаго себѣ предъ лицомъ осудившихъ его афинскихъ судей справедливое возмездiе—въ видѣ почетнаго стола въ Пританеѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Основа здороваго правосознанія.

Изъ всего, высказаннаго мною доселѣ, должно быть уже яснымъ, что̀ есть здоровое правосознаніе. Это есть нѣчто болѣе широкое и глубокое, чѣмъ «сознаніе», какъ таковое. Въ правосознаніи участвуетъ не только «знаніе» и «мышленіе», но и вообраҗеніе, и воля, и чувство, и вся человѣческая душа. Недостаточно вѣрно знать свои правовыя полномочія, обязанности и запретности; бываютъ люди, которые отлично знаютъ ихъ и постоянно злоупотребляютъ этимъ знаніемъ для того, чтобы превысить свои полномочія, преуменьшить свои обязанности и сложить съ себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и признавать въ порядкѣ самовмѣненія; и, признавая, имѣть достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное. Надо обратиться къ своему инстинкту и пріучить его къ «законопослушности» или «лояльности»; а это удастся только тому, въ комъ живетъ духовность инстинкта, достаточно сильная и опредѣленная, чтобы усвоить духовный смыслъ права, его цѣль и его назначеніе.

Напрасно думать, будто духъ и инстинктъ враждебны другъ другу: будто они несовмѣстимы и находятся въ вѣчной борьбѣ. Это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Конечно, бываютъ люди, почти не живущіе духомъ, безразличные къ духовному началу и духовнымъ содержаніямъ; они живутъ духовно-безразличнымъ инстинктомъ, которому и слѣдуетъ вся ихъ дѣятельность. Но и у нихъ духъ можетъ внезапно загорѣться въ глубинѣ инстинкта и привести ихъ къ необычайнымъ для нихъ проявленіямъ совѣсти, молитвы, художественно вѣрнаго выбора, чувства права или справедливости, милосердія, щедрости и любви. А задача вѣрнаго воспитанія состоитъ именно въ томъ, чтобы съ дѣтства пробудить въ человѣческомъ инстинктѣ духовное начало и притомъ не въ смыслѣ дисциплинарно навязаннаго обыкновенія, а въ смыслѣ свободной радости и свободнаго предпочтенія.

Гдѣ-то, въ глубинѣ безсознательнаго, живетъ священная способность человѣка отличать лучшее отъ худшаго, предпочитать именно лучшее, радоваться ему, желать его и любить его. Съ этого и начинается духовность человѣка, въ этомъ и состоитъ жизнь духа. При этомъ, говоря о «лучшемъ», надо разумѣть не субъективно-пріятное или удобное, а объективно-совершеннѣйшее, въ смыслѣ художественномъ, нрав-

ственномъ, соціальномъ и религіозномъ. Человѣку дано отъ Бога и отъ природы нѣкое инстинктивное чувствилище для объективно-лучшаго; и воспитать ребенка значитъ пробудить и укрѣпить въ немъ на всю жизнь это инстинктивное чувствилище. Въ искусствѣ это называется художественнымъ чутьемъ или «вкусомъ», въ нравственнности — совѣстью, или чувствомъ справедливости или еще органической добротой души; въ наукѣ — чувствомъ истины или, иногда, очевидностью; въ религіи — жаждою Совершенства, молитвою или, иногда, Богосозерцаніемъ; въ общественной жизни это выражается въ здоровомъ и крѣпкомъ правосознаніи.

Поэтому правосознаніе можно было бы описать, какъ естественное чувство права и правоты; или какъ особую духовную настроенность инстинкта въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ людямъ. Правосознаніе есть особаго рода инстинктивное правочувствіе, въ которомъ человѣкъ утверждаетъ свою собственную духовность и признаетъ духовность другихъ людей; отсюда и основныя аксіомы правосознанія: чувство собственнаго духовнаго достоинства, способность къ самообязыванію и самоуправленію, и взаимное уваженіе и довѣріе людей другъ къ другу. Эти аксіомы учатъ человѣка самостоянію, свободѣ, совмѣстности, взаимности и солидарности. И прежде всего, и больше всего — духовной волѣ.

Можно было бы сказать, что правосознаніе есть инстинктивная воля къ духу, къ справедливости и ко всяческому добру. Но именно поэтому — живой корень его надо искать въ религіозномъ чувствѣ и въ совѣсти. Можно представить себѣ, конечно, правосознаніе внѣ религіи и внѣ совѣсти; но это будетъ что-то вродѣ воли, лишенной неба и земли; это будетъ дисциплина влеченій, а не качественное и не творческое начало жизни; черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцанія.

Право въ его основной сущности есть необходимый для человѣка образъ его духовной жизни на землѣ; или иначе: необходимая форма «встрѣчи» между верховнымъ благомъ и человѣческою душою. Право есть прежде всего право человѣка быть независимымъ духомъ, право бытія и право свободы, право самостоятельно обращаться къ Богу, искать, находить, исповѣдовать и осуществлять узрѣнное и предпочтенное совершенство. Однимъ словомъ: право есть аттрибутъ духа, его способъ жизни, его необходимое проявленіе. А правосознаніе есть воля къ вѣрному праву и къ единой, верховной цѣли права, какъ таковой.

Эта связь между правомъ и духомъ настолько подлинна и существенна, что внѣ признанія ея, — яснаго и зрѣлаго, или незрѣлаго, лишь предчувствующаго, — невозможна жизнь нормальнаго правосознанія. Только духовная жизнь человѣчества нуждается въ естественномъ и содержательно-совершенномъ правѣ; только душа, имѣющая органъ для (сознательной или безсознательной) духовной жизни, способна къ нормальному правосознанію. Человѣку-животному можно совсѣмъ обойтись безъ права; онъ будетъ осуществлять торжество наивной

силы. Человѣку, какъ созидателю хозяйства, невозможно жить внѣ права, но за то возможно ограничиться одною поверхностною видимостью правоты, одною схемою права, культивируя и примѣняя дурныя и несправедливыя «положительныя» нормы. Только человѣку, какъ творцу духовной жизни, доступно нормальное правосознанiе, только ему дано искать и находить правое право, ибо только ему открыта цѣль права и его живой источникъ.

Разрѣшить проблему правосознанiя, значитъ установить и формулировать то безусловное основанiе, которое дѣлаетъ его бытiе — необходимымъ, его внутреннее строенiе — нормальнымъ, его содержанiе — духовно вѣрнымъ и достойнымъ, а его силу — жизненно творческою и непобѣдимою. Это основанiе должно быть не отвлеченнымъ принципомъ, хотя и пригоднымъ для философскаго построенiя, но безсильнымъ въ дѣйствительной жизни человѣчества; его слѣдуетъ искать среди основныхъ, присущихъ каждому человѣку жизненныхъ влеченiй и побужденiй, выражающихъ, въ то же время, духовную сущность человѣка, какъ таковаго. Такимъ основанiемъ можетъ быть только мотивъ, вытекающiй изъ самой природы человѣка, какъ духовнаго существа, и составляющiй эту природу. Понятно, что этотъ мотивъ, какъ проявленiе основной и универсальной жизненной воли человѣка, не можетъ быть наполненъ какимъ-нибудь преходящимъ, или случайнымъ, или чисто субъективнымъ содержанiемъ, но долженъ быть прикованъ къ существенному, непреходящему и для каждаго доступному. Такое универсальное жизненное влеченiе дано каждому живому человѣку въ видѣ воли къ духу и духовности.

Какъ бы ни была темна и скудна жизнь души, какъ бы низменны и убоги ни были ея обычныя содержанiя, она всегда имѣетъ состоянiя, въ которыхъ обнаруживается ея воля къ духу, даже тогда, когда она не думаетъ объ этомъ, не сознаетъ этого и, можетъ быть, даже не знаетъ, что вообще возможна духовная жизнь. Эти состоянiя обнаруживаютъ тяготѣнiе души то къ формѣ духа, то къ его содержанiю.

Каждому человѣку, какъ таковому, присуще тяготѣнiе къ жизненной самостоятельности и самодѣятельности, къ автономному самоопредѣленiю; значительность и зрѣлость индивидуальной души опредѣляются прежде всего глубиною и объемомъ этой автономiи. Эта самозаконность, въ ея простѣйшемъ видѣ, распространяется лишь на житейскiя функцiи человѣка, — физiологическiя, хозяйственныя и душевно бытовыя стороны жизни; и постольку, не находя себѣ достойнаго содержанiя, она изливается нерѣдко въ чисто субъективныя проявленiя: въ прихоть, капризъ, произволъ, упрямство, своеволiе и оригинальничанье. Эти низшiя проявленiя самобытности, сами по себѣ еще не духовныя, обнаруживаютъ однако формальную потенцiю духа: исканiе автономной жизни есть уже тяготѣнiе къ духу, ибо самозаконность есть именно его конститутивная форма. Но это исканiе есть не болѣе, чѣмъ «потенцiя», потому что истинное достиженiе и удовлетворенiе возможно

только на безусловныхъ предметныхъ содержаніяхъ; низшія содержанія оставляютъ душу всегда голодной и именно потому легко уводятъ ее къ пустой формѣ, т. е. къ безсодержательной независимости, — на путь непомѣрнаго властолюбія, преступнаго честолюбія и безудержнаго любостяжанія.

Точно такъ же каждому человѣку присуще тяготѣніе къ тому, чтобы найти нѣкоторое безусловное по своей цѣнности жизненное содержаніе и прилѣпиться къ нему своею вѣрою и своею любовью; значительность и зрѣлость индивидуальной души опредѣляется объективнымъ достоинствомъ этого содержанія и интенсивностью личнаго прикрѣпленія къ нему. Это содержаніе избирается людьми обыкновенно изъ среды житейскаго обихода, — изъ физіологическихъ, хозяйственныхъ и душевно-бытовыхъ сторонъ жизни; и постольку люди осуществляютъ содержательное вырожденіе духа: вѣра становится непредметнымъ суевѣріемъ, радость жизни связуется съ эфемернымъ и пошлымъ, сила любви остается инстинктивнымъ влеченіемъ, разрастается въ уродливую страсть или вырождается въ безпредметную меланхолію. Духовное содержаніе подмѣняется болѣе или менѣе ничтожнымъ и жалкимъ суррогатомъ, а душа вынашиваетъ безплодную скуку (taedium vitae) или влачится въ низинахъ животной страсти. И тѣмъ не менѣе эта потребность въ «главной», любимой, безусловной жизненной цѣнности обнаруживаетъ въ человѣкѣ содержательную потенцію духа: исканіе ея есть уже тяготѣніе къ духу, ибо безусловная цѣнность есть объективное свойство его содержаній и предметовъ. Но такое тяготѣніе есть не болѣе, чѣмъ «потенція»: безусловную по достоинству и по силѣ жизненную опору можетъ дать только автономное и предметное исканіе; творческій актъ, а не пассивная прилѣпленность; предметно-вѣрный выборъ, а не случайная опредѣленность души пріятнымъ содержаніемъ. Отсутствіе такого исканія всегда отдаетъ душу въ рабство низшимъ содержаніямъ и потому дѣлаетъ ее жертвою самообмана, позволяя принимать мелкое за великое и ничтожное за абсолютную цѣнность.

Однако во всѣхъ этихъ явленіяхъ духовнаго искаженія и содержательнаго вырожденія мудрый и зоркій глазъ сумѣетъ узнать первоначальное и первобытное тяготѣніе къ духу, — къ его самозаконному способу жизни и къ его абсолютно-цѣннымъ предметнымъ содержаніямъ. Это тяготѣніе, при всей своей явной неопредѣленности и безсознательности, есть низшая и наиболѣе элементарная ступень воли къ духу. Мудрый воспитатель долженъ найти эту смутную волю въ каждой душѣ съ тѣмъ, чтобы превратить ее въ высшее состояніе, — въ опредѣленную и сознательную, жизнеопредѣляющую и могучую волю къ духу, т. е. къ свободной и активной жизни, посвященной предметному знанію и самодѣятельному осуществленію высшихъ, безусловныхъ цѣнностей. Каждый человѣкъ не просто «имѣетъ душу», но самъ есть индивидуальный духъ, т.е. самодѣятельный центръ возможной и уже наличной

(хотя бы въ зачаткахъ «очевидности», «совѣсти», «вкуса», «исповѣданія» и «правосознанія») духовной жизни. Быть человѣкомъ — значитъ быть индивидуальнымъ духомъ и, сознательно или безсознательно, хотѣть быть имъ. Но хотѣть быть индивидуальнымъ духомъ значитъ нуждаться въ естественномъ, а потомъ и въ положительномъ правѣ; а это значитъ имѣть, — сознательную или безсознательную — волю къ праву и къ его цѣли.

Воля къ духу, т. е. воля къ автономной жизни, посвященной абсолютно-цѣнному, есть именно тотъ мотивъ который лежитъ въ основѣ нормальнаго правосознанія и который долженъ лечь въ основу всякаго правосознанія, какъ таковаго. Это есть тотъ универсальный мотивъ, который уже присущъ каждому человѣку и который, въ своемъ истинномъ развитіи и углубленіи, неизбѣжно выковываетъ въ душѣ волю къ цѣли права.

Такъ, воля къ духу, единая и цѣльная по существу, ведетъ къ праву и къ его цѣли — во всѣхъ трехъ возможныхъ тяготѣніяхъ своихъ: предметномъ, индивидуальномъ и соціальномъ.

Предметное тяготѣніе воли къ Духу требуетъ того, чтобы въ жизни человѣка вообще осуществлялось истинное знаніе, подлинная доброта и объективная красота, какъ законъ и присутствіе Божества. Но это осуществленіе, какъ уже показано выше, возможно только въ видѣ множества одинаково одинокихъ и самобытныхъ индивидуальныхъ процессовъ, протекающихъ, по своему внѣшнему существованію, въ единой, общей средѣ и требующихъ поэтому праваго размежеванія, т. е. права. Воля къ Духу есть воля къ его необходимымъ условіямъ; такими условіями являются — естественно-правовая сопринадлежность индивидуальныхъ духовъ и положительно-правовая организація ихъ внѣшняго сосуществованія. Духъ есть цѣль права, а право его необходимое средство; но не всякое право, а лишь духовно-вѣрное, свободное и справедливое право. Такъ возникаетъ нормальное правосознаніе.

Индивидуальное тяготѣніе воли къ духу, требующее, чтобы «моя личная жизнь» восприняла абсолютно-цѣнное содержаніе и осуществила въ немъ форму автономіи, — ведетъ къ тому же самому результату. Для того, чтобы я могъ вести духовную жизнь, необходимо, во-первыхъ, чтобы центръ моего духовнаго изволенія былъ огражденъ отъ насильственныхъ вторженій извнѣ; во-вторыхъ, чтобы я имѣлъ досугъ и доступъ къ созданнымъ и осуществленнымъ уже духовнымъ обстояніямъ. Правовыя гарантіи личности и правовая организація достойной жизни необходимы «мнѣ», какъ существу, движимому волею къ духу. Правое право остается необходимымъ средствомъ и въ томъ случаѣ, когда цѣлью является бытіе индивидуальнаго духа. И снова открывается путь къ нормальному правосознанію.

Наконецъ соціальное тяготѣніе воли къ духу требуетъ, чтобы другіе и притомъ всѣ другіе выковали себѣ авто-

номное самоопредѣленіе въ абсолютно-цѣнныхъ содержаніяхъ. Этотъ духовный расцвѣтъ другихъ и всѣхъ является для «меня» не только *подчиненною цѣлью*, — необходимою для «моего» духовнаго роста, обогащенія и огражденія; но и *самостоятельною* цѣлью, которую «я» признаю и въ чисто духовномъ, и въ чисто нравственномъ порядкѣ. Предметная воля къ Духу глубже и шире, чѣмъ воля къ его индивидуальному осуществленію и расцвѣту «во мнѣ». Тотъ, кто дѣйствительно любитъ Духъ, какъ самостоятельный предметъ, тотъ естественно и незамѣтно живетъ любовью ко всему сонму дѣйствительныхъ и возможныхъ индивидуальныхъ духовъ; и эта любовь его получаетъ всю глубину нравственнаго и религіознаго оправданія. Понятно, что такое исканіе духа *во всѣхъ и для всѣхъ* заставляетъ волю сосредоточиться съ особенною силою на созданіи *общаго и праваго правопорядка*. Духовное единеніе людей, раскрывающее имъ духовное единство человѣчества, есть одна изъ самыхъ существенныхъ основъ нормальнаго правосознанія; оно обнаруживаетъ съ очевидностью *духовную* природу права и общества и обнажаетъ въ глубинѣ правосознанія его нравственный корень.

Итакъ, истинною основою нормальнаго правосознанія можетъ быть только *воля къ духовной жизни, какъ верховному благу*.

Нормальное правосознаніе подходитъ къ праву не съ точки зрѣнія частныхъ, чисто личныхъ интересовъ, но отправляясь, прежде всего, отъ его основной, единой и всеобщей *цѣли*. Право, какъ совокупность объективно значащихъ правилъ внѣшняго соціальнаго поведенія, создается людьми ради этой единой и универсальной цѣли, которая состоитъ въ *огражденіи и организаціи духовной жизни человѣчества на землѣ*. Необходимость права есть необходимость его для жизни духа; содержаніе права опредѣляется основными законами духовной жизни; творческая жизнь права есть жизнь его въ человѣческомъ духѣ и ради человѣческаго духа. Поэтому всякое право должно быть признано тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ полнѣе и точнѣе оно выражаетъ эти законы, чѣмъ успѣшнѣе оно организуетъ мирное и справедливое равновѣсіе субъективныхъ притязающихъ круговъ, и чѣмъ быстрѣе и безболѣзненнѣе оно воспитываетъ въ душахъ автономное правосознаніе.

Нормальное правосознаніе пріемлетъ право, культивируетъ и совершенствуетъ его, движимое волею къ его верховной *цѣли, т. е. къ духовной жизни и ея организаціи*. Оно усматриваетъ въ этой жизни, посвященной свободному, предметному обрѣтенію и осуществленію высшихъ и безусловныхъ цѣнностей, — *верховное благо*, и, согласно этому, переноситъ свое волевое утвержденіе на все то, что необходимо ведетъ къ его правому осуществленію. *Нормальное правосознаніе есть воля къ праву, проистекающая изъ воли къ духу*.

Эту волю надлежитъ понимать, не какъ «рѣшеніе» одной только сознательно-разумной части души, но какъ цѣлостное

стремленіе, охватывающее и неразумные тайники ея и въ нихъ именно почерпающее свою жизненную силу. Такое состояніе цѣлостнаго, гармоническаго и разумно-оправданнаго хотѣнія, направленнаго на верховное и универсальное благо, является, само по себѣ, однимъ изъ высшихъ достиженій въ нравственной жизни человѣка. А это означаетъ, что нормальное правосознаніе можетъ быть развито и упрочено въ душѣ только въ связи съ ея общимъ, моральнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ. Это воспитаніе должно прикрѣпить смутную и элементарную «духовную волю» къ инстинктивному корню жизни и указать ей предметный путь къ достойнымъ ея, безусловнымъ содержаніямъ. Оно должно ввести правосознаніе въ жизнь нравственно-доброй души.

Правосознаніе можно разсматривать отдѣльно отъ морали и нравственности, какъ сферу, расположенную рядомъ со всею сферою этики. Тогда обнаружится, что правосознаніе и нравственное сознаніе суть особыя проявленія и стороны духовной жизни человѣка, одинаково опредѣленныя способомъ бытія, заданіями и предѣлами человѣческаго духа. Однако, такое обособленное разсмотрѣніе, допустимое по методологическимъ соображеніямъ, нисколько не упускаетъ изъ вида того обстоятельства, что въ реальной жизни духа эти стороны стоятъ въ необходимомъ и плодотворномъ взаимодѣйствіи и что разрѣшеніе духовныхъ заданій возможно только при цѣлостномъ и гармоническомъ способѣ жизни.

Съ одной стороны, самая воля къ духу, въ ея истинномъ значеніи, слагается какъ зрѣлый итогъ личной и общественной нравственной культуры. Такъ, она возникаетъ лишь въ результатѣ примиренія разумно-сознательной силы души съ безсознательными влеченіями инстинкта, и, притомъ, не только въ порядкѣ ихъ дисциплинированія, но въ порядкѣ ихъ содержательнаго перерожденія и одухотворенія; она остается всегда разновидностью единаго и универсальнаго начала любви, въ его наиболѣе чистомъ и благородномъ — христіанскомъ — видѣ; она требуетъ непрестаннаго самоотверженія и своеобразнаго, утонченнаго безкорыстія; наконецъ, она расцвѣтаетъ свободно и приноситъ плоды только тамъ, гдѣ имѣется налицо высокій общественный уровень, создающій нравственную атмосферу предметнаго служенія.

Съ другой стороны, духовная жизнь, сама по себѣ, является всегда орудіемъ моральнаго воспитанія души и источникомъ ея нравственной силы. Предметное служеніе безусловнымъ цѣнностямъ удерживаетъ душу въ своеобразномъ чистилищѣ, научая ее самопознанію и самообладанію, выковывая въ ней способность къ самоотреченію и воспитывая ее къ безкорыстной радости предметнаго совершенства. Въ то же время это служеніе сообщаетъ душѣ ту силу и ту власть, которая дается только въ результатѣ дѣйствительной предметной одержимости, и то увѣреннное спокойствіе, которое порождается только сліяніемъ своей судьбы съ судьбою подлинно реальнаго верховнаго блага.

Наконецъ, нравственно-зрѣлая воля несетъ съ собою и духовному служенію, и правосознанію великій даръ: искусство предметнаго изслѣдованія «совѣсти», на которомъ можетъ воспитываться и оріентироваться всякое вообще предметное познаніе. Въ частности развитая и углубленная нравственная воля можетъ иногда, сама по себѣ, поглотить и замѣнить своими мотивами — волю къ праву: такъ, напримѣръ, признаніе чужихъ правъ на свободу и на достойную жизнь можетъ проистекать не только изъ сознанія сущности духовной жизни и всеобщей взаимной связи субъективныхъ круговъ, но и изъ глубочайшаго источника, — духовной любви къ каждому явленію живого духа.

Такъ въ цѣлостной жизни души воля къ добру питаетъ собою и обслуживаетъ волю къ духу; и обратно. Это и не можетъ быть иначе потому, что добро само по себѣ входитъ въ составъ духовныхъ предметовъ и жизнь его въ душѣ есть уже реальная жизнь духа.

И обѣ эти воли, каждая порознь и сообща порождаютъ и воспитываютъ волю къ правому праву. Но въ порядкѣ обоснованія, воля къ духу, какъ болѣе общее и конститутивное состояніе, имѣетъ первенство и опредѣляющее значеніе. Воля къ добру въ конечномъ счетѣ тяготѣетъ къ тому, чтобы замѣнить «право» собою и сдѣлать его ненужнымъ. Наоборотъ, воля къ духу утверждаетъ право и правосознаніе въ самой его сущности.

Правосознаніе, постигающее свой духовный корень, находитъ свою существенную основу и источникъ своего содержанія. Оно совершаетъ какъ бы актъ самопознанія и разъ навсегда перестаетъ видѣть въ правѣ подкарауливающаго врага и насильника. Оно знаетъ отнынѣ, чему оно повинуется, и признаетъ его объективное значеніе; оно повинуется тому, что признаетъ необходимымъ и что уважаетъ, въ чемъ полагаетъ духовную цѣнность. Человѣкъ, живущій такимъ правосознаніемъ, обладаетъ тѣмъ правовымъ органомъ, который можетъ разрѣшить самыя, свиду, безнадежныя проблемы правовой жизни. Такъ, именно правосознаніе, созерцающее цѣль права и осуществляющее въ себѣ актъ правовой совѣсти, способно къ тому индивидуализирующему усмотрѣнію при примѣненіи права, которое должно основываться на подлинной и предметной правовой интуиціи и не позволять, чтобы summum jus превращалось въ summa injuria. Именно такое правосознаніе сумѣетъ найти правый выходъ изъ необходимости повиноваться неправому праву и невозможности правомѣрно преобразить его неправоту. Оно способно разрѣшить проблему правовой вины и указать положительному праву его идеалъ.

Такое правосознаніе, исходя изъ воли къ духу и питаясь волею къ добру, начнетъ неминуемо перестраивать соціальную жизнь людей на принципахъ духовнаго самоуправленія, чувства собственнаго достоинства, уваженія, довѣрія и справедливости.

Истинный патріотизмъ и чувство государственности будутъ его зрѣлыми плодами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О патріотизмѣ.

Воля къ духу, т. е. желаніе самому вести духовную жизнь и обезпечивать ее другимъ есть безусловная и универсальная основа правосознанія.

Она безусловна, во первыхъ, потому, что направлена на верховную и самостоятельную цѣнность, которая не служитъ уже ничему высшему, но сама составляетъ послѣднюю цѣль человѣческой жизни. Человѣку стоитъ жить на свѣтѣ только для того, чтобы быть духомъ и служить Духу Божію; внѣ этого жизнь его безцѣльна и унизительна. За то воля, направленная на этотъ, безусловный, по своему значенію, предметъ, не нуждается ни въ оправданіи, ни въ обоснованіи: она вполнѣ права и объективно права; и въ этомъ смыслѣ безусловна.

Она безусловна, во вторыхъ, потому, что присуща каждому человѣку, независимо отъ условій мѣста, времени и національности. Нѣтъ человѣка, который былъ бы лишенъ ея; ибо она составляетъ самую сущность «человѣка». Человѣкообразное существо, вполнѣ свободное отъ нея, могло бы быть подведено подъ понятіе человѣка только съ зоологической точки зрѣнія.

Далѣе, воля къ духу универсальна, во первыхъ, по составу тѣхъ субъектовъ, которымъ она присуща и правосознаніе которыхъ она, такъ или иначе, мотивируетъ. Она живетъ во всѣхъ людяхъ, то сосредоточиваясь на пустой формѣ духа, то изнемогая отъ его неоформленнаго содержанія, проявляясь всегда съ безконечнымъ разнообразіемъ и разноцѣнностью. Воинственность, татуировка, тотемизмъ дикаря свидѣтельствуютъ по своему о ея незрѣлости, такъ же какъ зрѣлость ея обнаруживается во всякомъ справедливомъ законѣ, въ картинѣ Леонардо да Винчи или въ философскомъ ученіи Гегеля.

Она универсальна, во вторыхъ, по составу тѣхъ субъектовъ, которыхъ она признаетъ, включая ихъ въ сферу правового общенія и единенія. Воля къ духу есть воля ко всѣмъ его индивидуальнымъ очагамъ, уже угасшимъ и еще не возгорѣвшимся, дѣйствительнымъ и возможнымъ. Она выводитъ душу за условные предѣлы всякой исторически-сложившейся соціальной группы и заставляетъ человѣка реально испытать и осознать общечеловѣческую взаимную связь естественно-правового характера.

Воля къ духу имѣетъ значеніе «для всѣхъ»; но не въ томъ смыслѣ, что всѣ фактически знаютъ о ней и сознательно живутъ ею, а въ томъ смыслѣ, что всѣ должны жить ею и мо-

гутъ предаться ей, какъ высшему. Ея правота и значенiе не зависятъ отъ субъективнаго признанiя и непризнанiя; она субъективна по истоку и явленiю, но объективна по цѣнности и предмету. И вотъ, именно безусловность ея значенiя возноситъ ее въ ту сферу, гдѣ раскрываются горизонты универсальнаго, общечеловѣческаго объема.

Движимый предметною волею къ Духу, человѣкъ незамѣтно для себя вовлекается въ естественно-правовой порядокъ общечеловѣческаго братства. Каждый изъ всего сонма индивидуальныхъ духовъ воспринимается имъ, какъ живое жилище Духа, какъ самостоятельный и самобытный очагъ духовной жизни. Связанный съ каждымъ изъ этихъ духовныхъ очаговъ нитями естественно-правовой и положительно-правовой сопринадлежности, онъ признаетъ эту правовую связь, уважаетъ ее и поддерживаетъ, какъ необходимое условiе своей и чужой духовной жизни. Такимъ образомъ основа нормальнаго правосознанiя дѣлаетъ человѣка членомъ единой всемiрной правовой общины, — «гражданиномъ вселенной».

Свиду для такого правосознанiя дѣленiе людей на особыя правовыя, — территорiальныя, нацiональныя, государственныя, — общины не могло бы имѣть значенiя. Всякое такое единенiе людей покоится на раздѣленiи всемiрной правовой общины, такъ, что единый и безусловный естественный правопорядокъ дѣлится на множество частныхъ и условныхъ положительныхъ правопорядковъ и соотвѣтственно—государствъ. Но духовное братство и естественно-правовая связанность не угасаютъ и не могутъ угаснуть отъ того, что человѣчество за всѣ вѣка своего существованiя не сумѣло организовать устойчивое всемiрное единенiе на основѣ положительнаго международнаго права.

Если же кто нибудь выразитъ это такъ, что «гражданинъ вселенной» не можетъ быть патрiотомъ, и что отвергающiй родину «интернацiонализмъ» является послѣднимъ словомъ нормальнаго правосознанiя, то такое рѣшенiе будетъ совершенно невѣрнымъ.

Дѣйствительно, проблема патрiотизма должна быть поставлена и разрѣшена въ терминахъ нормальнаго правосознанiя. Имѣть родину значитъ имѣть особый, самостоятельный естественно-правовой союзъ, не совпадающiй со всемiрной, общечеловѣческой общиной, и отдавать ему преимущество въ дѣлѣ любви и служенiя. Этотъ союзъ покоится на нѣкой преимущественной духовной однородности и близости людей; а духовная однородность создаетъ то преимущественное, — жизненное и дѣйственное,—патрiотическое единенiе, которое имѣетъ всегда естественно-правовой характеръ, а обычно изливается и въ положительно-правовую организацiю. Патрiотическое единенiе людей имѣетъ въ корнѣ духовную природу, слагаясь и протекая въ формахъ права и государства.

Это можетъ быть выражено такъ, что истинный патрiотизмъ родится изъ того же источника, какъ и нормальное правосознанiе: изъ духовной природы человѣка и изъ

воли къ духу. Любовь патріота посвящена тому же предмету, которому служитъ право: духовной жизни, ея устроенію и расцвѣту. Но, питая духовную волю изъ глубины силою страстнаго чувства, патріотизмъ въ то же время сосредоточиваетъ ее на особомъ, частномъ предметѣ и явно ограничиваетъ объемъ ея непосредственнаго дѣйствія; и вотъ это то патріотическое ограниченіе воли къ духу должно быть осмыслено и оправдано въ своемъ существѣ. Патріотизмъ долженъ быть обоснованъ, какъ необходимое и вѣрное проявленіе воли къ духу.

Для разрѣшенія этой задачи недостаточно установить его эмпирическую необходимость и его пріемлемость для положительнаго правосознанія; то и другое не вскрываетъ еще самаго основного и глубокаго корня любви къ отечеству.

Эмпирическія условія человѣческой жизни дѣлаютъ необходимымъ раздѣленіе всемірной общины на особыя, — территоріальныя, національныя и государственныя, — общины. Пространственная разбросанность человѣчества по лицу земли и хозяйственная необходимость осѣдлаго труда и осѣдлой жизни являются первою основою этого раздѣленія: человѣческому роду неизбѣжно жить въ видѣ множества пространственно-дифференцированныхъ «провинцій». Единая, общая всему человѣчеству, внѣшняя основа существованія (прежде всего — пространство и земля) не только объединяетъ людей, но и разъединяетъ ихъ: спаянныя кровною и родовою связью, группы людей незамѣтно вовлекаются въ мѣстныя, ограниченныя заданія и постепенно вырабатываютъ мѣстный, ограниченный способъ размежеванія и упорядоченія индивидуальныхъ притязаній и круговъ. Климатъ и раса естественно закрѣпляютъ эту пространственную дифференціацію и интеграцію человѣчества; хозяйственное раздѣленіе труда и обмѣнъ продуктами воспитываютъ волю къ единенію и устроенію; сходство интересовъ, быта и привычекъ завершаетъ эту спайку, а совмѣстная организація обороны выковываетъ общую власть и дисциплину. Такъ слагается цѣлый рядъ независимыхъ правовыхъ центровъ, государственныхъ общинъ и положительныхъ правопорядковъ. Инстинктъ самосохраненія, краткосрочность личной жизни и ограниченность индивидуальной воспріимчивости заставляютъ человѣка со всѣми его жизненными содержаніями прилѣпиться всецѣло къ одной опредѣленной соціальной группѣ, искать опоры и взаимопомощи именно у нея и только у нея, въ ущербъ и въ противоположность общечеловѣческому единенію. Нужда и страхъ вызываютъ къ жизни первые проблески «патріотизма»; но эмпирическая неизбѣжность такой «любви къ отечеству» не говоритъ еще ничего о ея духовной сущности и о ея философскомъ обосновании.

Положительное правосознаніе можетъ сообщить такому патріоту уже нѣкоторую духовную санкцію. Гетерономный правопорядокъ, объединяющій одну единую—территоріальную, національную или хозяйственную общину, — разрѣшаетъ въ своихъ предѣлахъ и по своему духовную задачу естественнаго права: онъ воспитываетъ человѣка къ идеѣ объективно-значащаго

порядка, основаннаго на совмѣстности и взаимности, и ведущаго къ свободѣ и справедливости. Единенiе, построенное на нуждѣ и страхѣ, получаетъ въ этомъ элементарно-духовное и моральное освященiе. Человѣкъ, выросшiй въ извѣстномъ правопорядкѣ, сознаетъ себя всецѣло обязаннымъ правосознанiю своихъ согражданъ и правовой культурѣ своего отечества: родина получаетъ для него значенiе положительно-правового установленiя, уже обезпечившаго его существованiе и нынѣ ограждающаго его духовную жизнь. Благодаря этому принадлежность къ извѣстному государственному союзу начинаетъ опредѣляться уже не только нуждою и страхомъ, но чувствомъ долга, чести и признательности. Житейскiй интересъ «патрiота» прiобрѣтаетъ моральный смыслъ, а тяготѣнiе къ родинѣ—естественно-правовую основу. Правда, государственный союзъ, воспитывая своихъ гражданъ, урѣзываетъ естественно-правовую взаимность, ограничивая ее объемомъ единой общины. Однако правовое единенiе внутри государства отнюдь не исключаетъ правового общенiя, уходящаго за его предѣлы: государственный патрiотизмъ устанавливаетъ преимущественность правовой культуры, но отнюдь не исключительность ея. Граждане другихъ общинъ и государствъ остаются по принципу правоспособными субъектами и всемiрное единенiе народовъ на основѣ международнаго права признается очереднымъ заданiемъ человѣчества: это единенiе слагается долго и медленно, восходя отъ малаго къ большому, отъ перефирiи къ центру, отъ множества положительныхъ правопорядковъ къ единому положительному правопорядку.

Однако всѣ эти соображенiя не вскрываютъ еще самаго основного и глубокаго корня патрiотической любви, расторгающей всемiрное естественное братство — и чувствомъ, и волею, и дѣйствiемъ. Любовь къ родинѣ должна быть осмыслена, какъ творческiй актъ духовнаго самоопредѣленiя, ибо только въ этомъ видѣ своемъ она достигаетъ истинной высоты и зрѣлости, сообщая послѣднюю санкцiю и «нуждѣ», и «долгу», и «чести», и «признательности».

Для того, чтобы любить свое отечество, его необходимо найти и реально испытать, что оно есть, дѣйствительно, «мое отечество». Повидимому, это испытанiе дается большинству людей безъ поисковъ, въ результатѣ естественно и незамѣтно слагающейся привычки къ окружающимъ ихъ условiямъ жизни. Но именно благодаря этому духовная сущность патрiотизма остается очень часто неосознанной. Любовь къ родинѣ живетъ въ душахъ въ видѣ неразумной, предметно неопредѣленной склонности, которая то совсѣмъ замираетъ и теряетъ свою силу при отсутствiи «надлежащаго раздраженiя», то вспыхиваетъ слѣпою и противоразумною страстью, непомнящею духовнаго родства, блуждающею въ темнотѣ, заглушающею и зовы доброй воли и голосъ правосознанiя. Этотъ слѣпой аффектъ раздѣляетъ участь всѣхъ аффектовъ, надъ уясненiемъ и очищенiемъ которыхъ человѣкъ не работаетъ: онъ незамѣтно вырождается и унижаетъ человѣка.

Онъ вырождается то въ пустую форму воинственнаго шовинизма и тупого національнаго сомомнѣнія, то въ слѣпое пристрастіе къ эмпирическимъ второстепенностямъ, то въ лицемѣрный пафосъ, прикрывающій личную или классовую корысть. Человѣкъ, скрывающій въ себѣ такой патріотизмъ, не знаетъ — ни того, ч т ó онъ любитъ, ни того, з а ч т о онъ это любитъ. Онъ слѣдуетъ не духовно-политическимъ мотивамъ, а стадно-политическому инстинкту; и жизнь его чувства колеблется, какъ у настоящаго животнаго, между безплодною апатіею и хищнымъ порывомъ.

Человѣкъ можетъ прожить всю жизнь въ предѣлахъ своего государства и не обрѣсти своей родины, такъ, что душа его будетъ до конца патріотически пустынна и мертва; и эта неудача или неспособность приведетъ его къ своеобразному духовному сиротству, къ творческой безпочвенности и безплодности. Ибо обрѣтеніе родины есть а к т ъ д у х о в н а г о с а м о о п р е д ѣ л е н і я, указывающій человѣку его собственную творческую почву и обусловливающій поэтому духовную плодотворность его жизни. Такой человѣкъ не будетъ любить свою родину потому, что онъ ее не обрѣлъ.

Но можетъ быть и такъ, что человѣкъ, не обрѣтшій свою родину, проживетъ всю жизнь, ошибочно считая себя патріотомъ: тогда предметомъ его любви будетъ н е отечество, а что то иное, принимаемое имъ за отечество. Такимъ суррогатомъ можетъ быть любое изъ обычныхъ содержаній и условій жизни, поскольку оно берется самостоятельно, въ отрывѣ отъ своего духовнаго смысла и значенія. Ни одно изъ нихъ, взятое само по себѣ, не составляетъ «родины»: ни пространственное рядомъ-жительство людей, ни кровная связь происхожденія, ни національная и расовая принадлежность, ни привычный бытъ, ни хозяйственное единеніе, ни природа, ни общность положительнаго права и государства. Наличность каждаго изъ этихъ условій не указуетъ еще человѣку его духовной родины; и обратно: патріотизмъ можетъ сложиться при отсутствіи любого изъ этихъ содержаній. Долгая жизнь на чужбинѣ не дѣлаетъ ее родиной, несмотря на привычку къ быту и природѣ, и на устойчивое правовое общеніе; кровная и національная связь не выясняетъ вопроса о родинѣ для людей смѣшаннаго происхожденія; принадлежность къ государству можетъ быть недобровольной и создавать въ душѣ устойчивое «анти-патріотическое» напряженіе. Это значитъ, что р о д и н а не опредѣляется и не исчерпывается этими содержаніями: она б о л ь ш е и г л у б ж е, чѣмъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ. Вотъ почему образъ протестанта Роджера Вилльямса, порывающаго со всѣмъ, что обычно считается отечествомъ и создающаго себѣ новую, истинную родину, останется навсегда живымъ призывомъ къ углубленному пониманію патріотизма.

Но, если эти эмпирическія связи, сами по себѣ, не исчерпываютъ сущность родины, то онѣ могутъ все же п р і о б р ѣ т а т ь то духовное значеніе, которое дѣлаетъ ихъ достойнымъ предметомъ патріотической любви. Тогда онѣ становятся вѣрнымъ

внѣшнимъ знакомъ духовной связи, соединяющей людей; и черезъ это онѣ пріобрѣтаютъ священный смыслъ и вызываютъ въ душахъ патріотическій культъ. Для истиннаго патріотизма характерна не приверженность къ внѣшнимъ условіямъ и формамъ жизни, но любовь къ духу, укрывающемуся въ нихъ и являющемуся черезъ нихъ. Важно не «внѣшнее», а «внутреннее»; не видимость, а сокровенная сущность. Важно то, что именно любится въ любимомъ и за что оно любится. И вотъ, истиннымъ патріотомъ будетъ тотъ, кто обрѣтетъ для своего чувства предметъ, дѣйствительно заслуживающій самоотверженной любви и служенія.

Это можно выразить такъ, что истинный патріотъ любитъ свое отечество не обычнымъ, слѣпымъ пристрастіемъ, мотивированнымъ чисто-субъективно и придающимъ своему предмету мнимую цѣнность; но духовною, зрячею любовью, исходящею изъ признанія дѣйствительнаго, немнимаго, объективнаго достоинства, присущаго любимому предмету. Любить родину значитъ любить нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ, объективно заслуживаетъ любви; такъ, что любящій ее правъ въ своемъ чувствѣ, и служащій ей правъ въ своемъ служеніи. Мало того, предметъ, именуемый родиною, настолько самъ по себѣ, объективно и безусловно прекрасенъ, что душа, нашедшая его, обрѣтшая свою родину,—не можетъ ее не любить.

Человѣкъ не можетъ не любить свое отечество; если онъ не любитъ его, то это означаетъ, что онъ его не нашелъ и не имѣетъ. Ибо родина отыскивается именно волею къ духу; а духъ есть самостоятельная и высшая прекрасность; можно не видѣть ея и не знать, но увидѣвъ и познавъ, нельзя не полюбить. Родина обрѣтается именно живымъ и непосредственнымъ духовнымъ опытомъ; человѣкъ, лишенный его, будетъ лишенъ и патріотизма. Душа, безплодная въ познаніи истины, мертвая въ творчествѣ добра, безсильная въ созерцаніи красоты, религіозно пустынная и политически индифферентная,— не имѣетъ духовнаго опыта; и все, что есть духъ, и все, что отъ духа,—останется для нея всегда пустымъ словомъ, безпредметнымъ звукомъ. Такая душа не найдетъ и родины, но въ лучшемъ случаѣ будетъ довольствоваться пожизненно ея суррогатами; и патріотизмъ ея останется субъективнымъ пристрастіемъ. Имѣть родину значитъ имѣть ее именно любовью. Но не тою любовью, которая знаетъ о негодности своего предмета, и потому, не вѣря въ свою правоту и въ себя, стыдится и себя, и его; и вдругъ выдыхается подъ напоромъ новаго пристрастія. Патріотизмъ присущъ той душѣ, которая живымъ опытомъ испытала объективное и безусловное достоинство своего предмета; такая душа предметно знаетъ, что любимое ею есть высшая на свѣтѣ прекрасность, живая въ людяхъ и творящаяся черезъ людей; и огонь этого чувства загорается въ ней отъ одного, простого, но подлиннаго, касанія къ духовному предмету. Найти родину значитъ реально испытать это касаніе и унести въ душѣ загорѣвшійся огонь этого чувства; это значитъ пережить своего рода духовное

обращеніе: открыть въ предметѣ безусловное достоинство, дѣйствительно и объективно ему присущее, и прилѣпиться къ нему волею и чувствомъ; открыть въ самомъ себѣ подлинную жажду этого высшаго и способность безкорыстно радоваться его совершенству, любить его и служить ему. Это значитъ, наконецъ, соединить свою жизнь съ его жизнью, и свою судьбу съ его судьбою.

Вотъ почему въ основѣ патріотизма лежитъ актъ духовнаго самоопредѣленія. Человѣкъ вообще опредѣляетъ свою жизнь тѣмъ, что находитъ себѣ любимый предметъ; тогда имъ овладѣваетъ новое состояніе, въ которомъ его жизнь заполняется любимыми содержаніями, прилѣпляясь къ нимъ и къ ихъ источнику. При этомъ истинная любовь даетъ всегда способность къ самоотверженію, ибо она заставляетъ любящаго человѣка любить свой предметъ больше себя. И вотъ, если человѣкъ обрѣтаетъ для такой любви предметъ, дѣйствительно заслуживающій ея по своему объективному достоинству, и если этимъ предметомъ является духовная жизнь и духовное достояніе его народа, — то онъ становится истиннымъ патріотомъ: онъ совершаетъ актъ духовнаго самоопредѣленія, которымъ онъ отождествляетъ, въ цѣлостномъ и творческомъ состояніи души, свою судьбу съ духовною судьбою своего народа.

То, на что направлена моя любовь къ отечеству есть духовная жизнь моего народа, ея творческія созданія и ея необходимыя условія (матеріальныя, культурныя и политическія). Не просто самый народъ, но народъ, ведущій духовную жизнь; и не просто самая жизнь народа, но жизнь подлинно духовная и духовно высокая; и не просто всѣ условія жизни, — и земля, и климатъ, и хозяйство, и организація, и власть, и законы,— но все это, какъ данное для духа и созданное духомъ и ради духа. Именно духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народъ, бороться за него, и погибнуть за него. Черезъ нее все получаетъ свое истинное значеніе и подлинную цѣнность. Въ ней сущность родины, та сущность, которую стоитъ любить больше себя, которою стоитъ жить именно потому, что за нее стоитъ и умереть. Съ нею дѣйствительно стоитъ слить и свою жизнь, и свою судьбу, потому что она имѣетъ объективную цѣнность передъ лицомъ Божіимъ. Духовная жизнь моего народа и ея созданія важны, необходимы и драгоцѣнны сами по себѣ, а потому и универсально: не только для меня, но и для меня; и для моего народа, но не только для моего народа; всегда и для всѣхъ; для всѣхъ людей, которые живутъ или когда нибудь будутъ жить.

Соединяя свою судьбу съ судьбою своего народа, — въ его достиженіяхъ и въ его паденіи, въ опасности и въ благоденствіи,—истинный патріотъ отождествляетъ себя не съ множествомъ эмпирическихъ индивидуумовъ; онъ не сливается съ жизнью темной массы, принимая ее за народъ, и не приноситъ себя

въ жертву корыстнымъ интересамъ бѣдной или богатой черни; онъ отнюдь не преклоняется передъ «множествомъ», какъ передъ чѣмъ то высшимъ и сильнѣйшимъ, якобы одареннымъ мудрою и безошибочною волею. Нѣтъ, онъ сливаетъ свой духъ съ духомъ своего народа, а эмпирическая индивидуальность естественно и незамѣтно слѣдуетъ за этимъ отождествленіемъ. Подобно тому, какъ тѣло человѣка живетъ только до тѣхъ поръ, пока оно одушевлено; такъ душа истиннаго патріота можетъ жить только до тѣхъ поръ, пока она творчески одухотворяется въ единеніи съ духомъ своего народа. Ибо между нимъ и его народомъ не только устанавливается духовное единеніе, но обнаруживается прямое единство въ духѣ. И это единство онъ передаетъ словомъ «мы».

Такое отождествленіе не можетъ быть создано искусственно, произвольно или преднамѣренно. Оно можетъ сложиться только непроизвольно; оно возникаетъ само собою, естественно, какъ бы расцвѣтаетъ въ душѣ. Но это, свиду ирраціональное, расцвѣтаніе имѣетъ свои глубокіе и разумные законы.

Прежде всего, оно должно быть пережито каждымъ изъ людей самостоятельно и самобытно. Никто не можетъ указать другому человѣку его родину,—ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнѣніе, ни государственная власть. Патріотизмъ есть состояніе духовное и поэтому онъ можетъ возникнуть только самостоятельно въ порядкѣ автономіи, —въ личномъ, но подлинномъ и предметномъ духовномъ опытѣ. Всякое извнѣ идущее предписаніе можетъ только помѣшать этому опыту или привести къ злосчастной симуляціи. Нельзя любить по принужденію или по чужой указкѣ; любовь можетъ возникнуть только «сама», въ легкой и естественной предметной радости, побѣждающей и умиляющей душу. Эта предметная радость или осѣняетъ человѣка,—и тогда онъ становится живымъ органомъ любимаго предмета, и не тяготится этимъ, а радуется своему счастью; или она минуетъ его душу,—и тогда ничто не въ состояніи помочь ему.

Въ основѣ такого сліянія лежитъ всегда нѣкоторая однородность въ путяхъ и способахъ духовной жизни. Патріотическое единеніе людей покоится на нѣкоторой сопринадлежности ихъ, столь необходимой, естественной и священной, сколь необходимъ, естественъ и священенъ человѣку духовный предметъ и духовный способъ жизни. Бремя эмпирическаго существованія преодолѣвается только творчествомъ, т.е. страдающимъ и трудящимся созданіемъ новыхъ предметныхъ цѣнностей; человѣка освобождаетъ только порывъ къ духу, только осуществленіе духовныхъ состояній; личный страхъ и личная гибель перевѣшиваются только тою любовью и тѣмъ радованіемъ, которыя посвящены негибнущему, божественному содержанію. И вотъ, въ этомъ духовномъ творчествѣ каждый народъ имѣетъ свои, существенныя особенности. Самые узлы эмпирически-даннаго характера, — обу-

словленнаго расою, національностью и языкомъ, климатомъ и природою, общественнымъ укладомъ и воспитаніемъ, — распутываются и расплетаются у каждаго народа по своему и по своему же онъ превращаетъ эти нити въ духовную ткань. Въ борьбѣ души съ ея ограниченностью и съ ея несчастіемъ, съ ея страстями и съ ея невозможностями, каждый индивидуумъ слагаетъ себѣ особый духовный путь; но этотъ путь выстраданной духовности роднитъ индивидуальную душу одинаковостью и близостью съ другими душами единаго національнаго лона. Нити духовнаго подобія связуютъ людей глубже, а потому и крѣпче, всѣхъ другихъ нитей. Самый способъ личнаго одухотворенія; самый ритмъ духовной жизни въ ея созерцаніи и дѣйствіи; самая степень жажды и удовлетворенія; самый подъемъ отчаянія и славословія, — все скрѣпляетъ души единаго народа подобіемъ и близостью. И это подобіе ведетъ къ тому, что люди связуются взаимнымъ глубокимъ тяготѣніемъ, заставляющимъ ихъ дорожить совмѣстною жизнью, устраивать ее и совершенствовать ея организацію. Одинаковость духовной жизни ведетъ незамѣтно къ интенсивному общенію и взаимодѣйствію, а это, въ свою очередь, порождаетъ и новыя творческія усилія, и новыя достиженія, и новое уподобленіе. Духовное подобіе родитъ духовное единеніе; и обратно. И весь этотъ процессъ духовнаго «симбіоза» покоится на общности духовнаго предмета. Нѣтъ болѣе глубокаго единенія, какъ въ одинаковомъ созерцаніи единаго Бога; но именно такое единеніе людей лежитъ въ основѣ истиннаго патріотизма.

Каждый духовный актъ имѣетъ свое особое строеніе, слагаясь по своему изъ мысли, чувства, воли, воображенія и ощущенія. Понятно, что каждому духовному акту открывается по своему единый и объективный предметъ, — и въ познаніи истины, и въ созданіи красоты, и въ осуществленіи добра, и въ политическомъ единеніи. И вотъ, каждый народъ вынашиваетъ и осуществляетъ духовные акты особаго, національнаго строенія и потому творитъ всю духовную культуру по-своему: онъ по-своему научно изслѣдуетъ и философствуетъ; по-своему видитъ красоту и воспитываетъ эстетическій вкусъ; по-своему тоскуетъ и молится; по-своему любитъ и умираетъ, творитъ добродѣтель и осуществляетъ низину порока. И каждое достиженіе его, — личное и вещественное, въ мысли и въ чувствѣ, — становится новымъ звеномъ, выковывающимъ его единеніе и его единство. Каждое духовное достиженіе народа является единымъ, общимъ для всѣхъ очагомъ, отъ котораго размножается, не убывая, огонь духовнаго горѣнія; такъ, что вся система національной духовной культуры предстаетъ въ видѣ множества общихъ возженныхъ огней, у которыхъ каждый можетъ и долженъ воспламенить огонь своего личнаго духа. И пламя это, перекидываясь въ новые очаги, сохраняетъ свою изначальную однородность - въ ритмѣ, въ силѣ, въ окраскѣ и во всемъ характерѣ горѣнія. Народы слагаются въ своеобразныя духовныя единства и, въ результатѣ этого, пространственная, расовая и всякая иная

эмпирическая связь получаетъ свое истинное и глубокое значенiе, — предметно-духовной сопринадлежности.

Вотъ почему нацiональный генiй и его творчество оказываются, нерѣдко, по преимуществу предметомъ патрiотической любви. Жизнь народнаго духа, слагающая самую сущность родины, находитъ себѣ въ творчествѣ генiя сосредоточенное и зрѣлое выраженiе. Онъ говоритъ о т ъ себя, но не з а себя только, а за весь свой народъ; и то, о ч е м ъ онъ говоритъ, есть единый для всѣхъ, но неясный большинству предметъ; и то, ч т ò онъ говоритъ о немъ, есть истинное слово, раскрывающее и природу предмета, и сущность народнаго духа; и то, к а к ъ онъ его говоритъ, — разрѣшаетъ скованность и томленiе народнаго духа, ибо слово его несомо подлиннымъ ритмомъ народной жизни. Генiй подъемлетъ бремя своего народа, бремя его несчастiй, его исканiя, его жизни, все его onus essendi; и, поднявъ его, онъ побѣждаетъ такъ, что его побѣда становится, — на путяхъ непосредственнаго или опосредствованнаго общенiя, — источникомъ побѣды для всѣхъ, связанныхъ съ нимъ нацiонально-духовнымъ подобiемъ. Ему дана та мощь, о которой томились и ради которой страдали цѣлыя поколѣнiя въ прошломъ; и отъ этой мощи изойдетъ духовная помощь для цѣлыхъ поколѣнiй въ будущемъ. Творческое достиженiе генiя указываетъ путь всѣмъ, ведущимъ полутворческую жизнь, освобождая ихъ черезъ воспрiятiе, художественное отождествленiе и подражанiе. Вотъ почему генiй навсегда остается для своего народа живымъ источникомъ духовнаго освобожденiя, радости и любви. Онъ есть тотъ очагъ, на которомъ, прорвавшись, вспыхнуло пламя нацiональнаго духа; тотъ вождь, который открываетъ народу доступъ къ Богу, — Прометей, дарящiй ему небесный огонь, Атласъ, несущiй на своихъ плечахъ духовное небо своего народа. Его актъ — есть актъ н а р о д н а г о с а м о о п р е д ѣ л е н i я в ъ д у х ѣ; и къ творчеству его потомки стекаются, какъ къ нѣкоему единому и общему алтарю нацiональнаго богослуженiя.

Генiй ставитъ свой народъ предъ лицо Божiе и выговариваетъ за него и отъ его имени символъ его предметной вѣры, его предметнаго созерцанiя, знанiя и воленiя. Онъ открываетъ и утверждаетъ этимъ нацiональное духовное единство, то великое, духовное «мы», которое составляетъ самую сущность родины. Генiй есть тотъ творческiй центръ, который создаетъ для народа духовную предметность его бытiя: онъ оправдываетъ жизнь своего народа предъ лицомъ Божiимъ и тѣмъ становится и с т и н н ы м ъ з и ж д и т е л е м ъ р о д и н ы.

Тотъ, кто говоритъ о родинѣ, разумѣетъ,—сознательно или безсознательно,—д у х о в н о е е д и н с т в о с в о е г о н а р о д а. Онъ разумѣетъ нѣчто такое, что остается наличнымъ и объективнымъ, несмотря на гибель единичныхъ субъектовъ и на смѣну поколѣнiй. Родина есть нѣчто е д и н о е д л я м н о г и х ъ; каждый изъ насъ можетъ сказать про нее: «это м о я родина», и будетъ правъ; и всѣ сразу могутъ сказать про нее: «это моя родина, это наша родина», и тоже будутъ правы. Родина есть предметъ, объединяющiй собою в с ѣ х ъ своихъ сы-

новъ; такъ, что каждая душа соединена съ нею нитью живой связи; и эта связь сохраняется даже и тогда, когда душа почему нибудь не культивируетъ ее, пренебрегаетъ ею или извращаетъ ее. Не во власти человѣка перестать быть силою, способною и призванною къ духовной жизни; не во власти человѣка оторваться отъ той духовной среды, которая его взрастила, погасить свой національно-духовный обликъ и сдѣлать себя объективно лишеннымъ духа и родины. Но для того, чтобы найти свою родину и слиться съ нею чувствомъ, и волею, и жизнью, — необходимо прежде всего жить духомъ и культивировать его въ себѣ; и, далѣе, необходимо осуществить предметное самопознаніе, или хотя бы обрѣсти предметное самочувствіе, — себя и своего народа въ духѣ. Необходимо вѣрно ощутить свою духовную жизнь и духовную жизнь своего народа; и реально утвердить себя въ силахъ и средствахъ этой послѣдней. Это значитъ признать, что предметность и своеобразіе моего личнаго духа связаны подобіемъ, общеніемъ и общностью съ духовною культурою моего народа, такъ, что ея творцы и ея созданія суть мои достиженія. Мой путь къ духу — есть путь моей родины; ея восхожденіе къ Богу—есть мое восхожденіе. Ибо я тождественъ съ нею и неотрывенъ отъ нея въ обращеніи къ Божеству. Въ этомъ религіозный корень патріотизма.

Такое сліяніе патріота съ его родиной ведетъ къ чудесному и плодотворному отождествленію ихъ духовныхъ энергій. Въ этомъ отождествленіи духовная жизнь народа укрѣпляется всѣми личными силами патріота, а патріотъ получаетъ неизсякаемый источникъ творческой энергіи во всенародномъ духовномъ подъемѣ; и это взаимное питаніе, возвращаясь и удесятеряя силы, даетъ человѣку непоколебимую вѣру въ его родину. Сливая мою жизнь съ жизнью моей родины, я испытываю духъ моего народа, какъ безусловное благо и безусловную силу; и, въ то же время, я отождествляю себя съ этою живою силою добра: я чувствую, что я несомъ ею, что я силенъ ея силою, что я правъ ея правотою, что я побѣждаю ея побѣдами; я чувствую и знаю, что я становлюсь живымъ сосудомъ или, по слову Гегеля, живымъ органомъ моего отечества, въ его восхожденіи къ духу и Богу. И на этомъ то пути любовь къ родинѣ соединяется съ вѣрою въ нее, такъ, что истинный патріотъ не можетъ сомнѣваться въ грядущемъ расцвѣтѣ, ожидающемъ его родину въ будущемъ. Что бы ни случилось съ его народомъ, онъ знаетъ вѣрою и вѣдѣніемъ, живымъ опытомъ и побѣдами прошлаго, что его народъ не покинутъ Богомъ, что дни паденія преходящи, а духовныя достиженія вѣчны, что тяжкій молотъ исторіи навѣрное выкуетъ изъ его отечества булатъ могучій и побѣдный. Нельзя любить родину и не вѣрить въ нее; ибо родина есть живая духовная сила, въ которую нельзя не вѣрить. Но вѣрить въ нее можетъ лишь тотъ, кто живетъ ею, вмѣстѣ съ нею и ради нея, кто соединилъ съ нею истоки своей творческой воли и своего духовнаго самочувствія.

Понятно, что въ такомъ сліяніи и отождествленіи незамѣтно преодолѣвается тотъ психическій атомизмъ, въ которомъ человѣку доступна жизнь на землѣ*). Это преодолѣніе состоитъ однако не въ томъ, что атомизмъ исчезаетъ и человѣкъ перестаетъ быть замкнутой душевной монадой. Нѣтъ, способъ эмпирическаго бытія сохраняется; но на ряду съ нимъ возникаетъ могучее, творческое единеніе людей въ общемъ и сообща творимомъ предметѣ — въ національной духовной культурѣ. Все духовное достояніе нашей родины едино для всѣхъ насъ и обще всѣмъ намъ: и творцы духа, и созданія, и всѣ необходимыя условія и формы духовнаго творчества; и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ нравственности, и въ религіи, и въ правѣ, и въ государствѣ. Каждый изъ насъ живетъ этимъ, независимо отъ того, знаетъ онъ объ этомъ или не знаетъ и полагаетъ ли онъ центръ своей жизни въ эти содержанія или нѣтъ. Въ духовной культурѣ нашей родины мы всѣ — одно; въ ней объективировано то лучшее, что есть въ каждомъ изъ насъ; ея созданіями заселяется, и обогащается, и творчески пробуждается индивидуальный духъ каждаго изъ насъ; она дѣлаетъ то, что душевное одиночество людей отходитъ на задній планъ и уступаетъ первенство духовному единенію и единству.

Такова сущность родины. И при такомъ пониманіи ея обнаруживается воочію, что человѣкъ, лишенный ея, будетъ дѣйствительно обреченъ на своеобразное духовное сиротство и безродность; что обрѣтеніе ея есть поистинѣ актъ духовнаго самоопредѣленія; что имѣть родину есть счастье, а утратить съ нею связь есть великое горе; что любить родину и чувствовать тоску по ней не стыдно, и что, наоборотъ, человѣку естественно гордиться своимъ отечествомъ.

Но именно постольку патріотизмъ вполнѣ пріемлемъ и для религіи и нисколько не противорѣчитъ всемірному братству.

Истинный патріотъ любитъ духъ своего народа, и гордится имъ, и видитъ въ немъ источникъ величія и славы именно потому, что онъ есть Духъ, т. е. что онъ прекрасенъ высшею прекрасностью, сіяющею всѣмъ людямъ и народамъ, и заслуживающею съ ихъ стороны такой же любви и гордости. Каждое истинное духовное достиженіе, — въ знаніи или въ добродѣтели, въ религіи, въ красотѣ или въ правѣ, — есть достояніе общечеловѣческое, которое можетъ и должно объединить на себѣ взоры, и чувства, и мысли, и сердца всѣхъ людей, независимо отъ эпохи, націи и гражданской принадлежности. Истинное духовное достиженіе выходитъ за эмпирическія подраздѣленія людей, а потому уводитъ и самихъ людей за эти предѣлы. Оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ высшемъ и глубочайшемъ сродствѣ ихъ, о нѣкоторомъ подлинномъ единствѣ рода человѣческаго, пребывающемъ несмотря на всѣ подраздѣленія, грани и войны. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что самый патріотизмъ расцвѣтаетъ въ глубокомъ лонѣ общечеловѣческой духовности и что есть вершина, съ которой открывается обще-

*) См. главу пятую.

человѣческое братство, братство всѣхъ людей передъ лицомъ Божіимъ.

Любить родину значитъ любить ея духъ и черезъ него все остальное; не просто «душу народа», т.е. его національный характеръ, но именно духовность его національнаго характера и національный характеръ его духа. Тотъ, кто совсѣмъ не знаетъ, что такое духъ и не умѣетъ любить его, тотъ не имѣетъ и патріотизма, но развѣ лишь инстинктъ группового и національнаго самосохраненія. Но тотъ, кто умѣетъ любить духъ, тотъ знаетъ его сверхнаціональную, общечеловѣческую сущность; поэтому онъ не умѣетъ ненавидѣть и презирать другіе народы, ибо видитъ ихъ духовную силу и ихъ духовныя достиженія. Онъ любитъ въ нихъ духовность ихъ національнаго характера, хотя національный характеръ ихъ духа можетъ быть ему чуждъ. И эта любовь къ чужому духу и его достиженіямъ совсѣмъ не мѣшаетъ ему любить свою родину.

И вотъ, любить свою родину умѣетъ только тотъ, кто не умѣетъ ненавидѣть и презирать другіе народы; ибо только онъ знаетъ, что такое духъ, а безъ этого нельзя любить во истину свое отечество. Истинный патріотъ любитъ въ своемъ народѣ то, что должны любить, — и будутъ любить, когда узнаютъ, — и всѣ другіе народы; но за то и онъ любитъ у другихъ народовъ то, что составляетъ истинный источникъ ихъ величія и славы. Истинный патріотъ не только не слѣпъ къ духовнымъ достиженіямъ другихъ народовъ, но онъ стремится постигнуть и усвоить ихъ, ввести ихъ въ духовное творчество своей родины, чтобы обогатить ея жизнь, углубить ея путь и исцѣлить возможную неполноту ея достиженій.

Вотъ почему любовь къ своему отечеству не растворяется и не исчезаетъ въ этомъ сверхнаціональномъ радованіи каждому,—и чужому,—духовному достиженію. Эта открытость личной души всѣмъ достиженіямъ есть прямо путь къ истинному патріотизму: только тотъ умѣетъ любить свою родину, кто хоть разъ испыталъ, что вселенная дѣйствительно можетъ быть отечествомъ мудреца. И обратно: только тотъ можетъ нелицемѣрно говорить о «братствѣ народовъ», кто сумѣлъ найти свою родину, усвоить ея духъ и слить съ нею свою судьбу. Понятно, что въ своей родинѣ истинный патріотъ любитъ не только духовность ея національнаго характера, но и національный характеръ ея духа, испытывая этотъ общій характеръ своего народа, какъ свой собственный, а себя и свое творчество—восходящимъ къ сверхнаціональнымъ достиженіямъ именно на своеобразно-національныхъ путяхъ своего народа. Патріотъ чувствуетъ, что жизнь его индивидуальнаго духа сразу какъ бы растворена въ духовной жизни его народа и, въ то же время собрана изъ нея и сосредоточена въ живое индивидуальное единство; онъ культивируетъ это своеобразное и чудесное единеніе и дорожитъ этимъ духовнымъ «мы», участіе въ которомъ только и можетъ ввести его

индивидуальныя достиженія въ ткань общечеловѣческой духовной жизни. Патріотизмъ есть правая и вѣрная любовь индивидуальнаго «я» къ тому народному «мы», которое возводитъ его къ великому, общечеловѣческому «мы»; это есть реальное, духовное единеніе человѣка и народа въ великомъ лонѣ общечеловѣческаго.

Это единеніе человѣка съ его народомъ слагается всегда въ форму правовой связи и обычно принимаетъ видъ государственнаго союза. И когда это государственное единеніе людей творится нормальнымъ правосознаніемъ, движимымъ любовью и волею къ духу, то патріотизмъ придаетъ душѣ всю силу, необходимую для героической обороны своей родины, и въ то же время онъ не позволяетъ ей впасть въ дикую, агрессивную жадность международнаго разбойника.

Такъ для нормальнаго правосознанія весь родъ человѣческій входитъ въ правопорядокъ, въ эту живую сѣть субъективныхъ правовыхъ ячеекъ; и любовь къ своему отечеству не ведетъ его къ отрицанію естественнаго права на существованіе и на духовный ростъ у другихъ народовъ. Право другихъ не кончается для него тамъ, гдѣ начинается интересъ «моего» народа; а право «моего» народа не простирается до предѣловъ его «силы», но лишь до предѣловъ его духовной необходимости. Каждый народъ имѣетъ неотъемлемое, естественное право вести національно-автономную жизнь, ибо автономія составляетъ самую сущность духа; и каждый народъ, въ борьбѣ за свою національную автономію—правъ передъ лицомъ Божіимъ. Только борьба за духовную самобытность можетъ обосновать необходимость войны; но и тогда, когда эта необходимость доказана, война испытывается нормальнымъ правосознаніемъ, какъ подлинное братоубійство. Любовь къ духу побуждаетъ человѣка защищать его жизнь, ея достоинство и ея необходимыя условія, а любовь къ духу своего народа способна подвигнуть его къ принятію на себя тяжкой вины братоубійства, противнаго по существу и совѣсти, и нормальному правосознанію*). Но тогда противникъ не остается безправнымъ и въ самомъ сраженіи; и воинъ, руководимый нормальнымъ правосознаніемъ получаетъ въ бою обликъ рыцаря.

Только незрѣлое или больное правосознаніе можетъ культивировать патріотизмъ, какъ слѣпое, внѣ-этическое изступленіе, забывая о томъ, что внѣ-этическій экстазъ нуженъ только для того, чтобы развязать унизительное для человѣка животное своекорыстіе, а слѣпота только для того,—чтобы не видѣть этого собственнаго униженія. Столкновеніе народовъ есть на самомъ дѣлѣ не просто столкновеніе исключающихъ другъ друга корыстныхъ посягательствъ, какъ думаютъ нерѣдко и «трезвые» обыватели и «мудрые» политики; это есть, по существу своему, столкновеніе естественныхъ правъ, требующихъ своего призна-

*) См. мой опытъ «Основное нравственное противорѣчіе войны». Вопросы Философіи и Психологіи. 1915. Книга 5.

нія и нормативнаго регулированія. А такъ какъ естественное право остается всегда правымъ притязаніемъ духа на достойную жизнь, то рѣшеніе этого столкновенія посредствомъ силы есть явленіе духовно-противоестественное, ибо духъ опирается не на «силу» вещей, или обстоятельствъ, или оружія, а на свое достоинство и на правомѣрность своего притязанія. И война служитъ для того, чтобы разувѣрить ослѣпленныхъ до неистовства людей въ возможности рѣшить споръ духовныхъ притязаній посредствомъ грубой силы.

Столкновеніе правъ есть споръ о правѣ, а споръ о правѣ можетъ быть разрѣшенъ только на путяхъ правовой организаціи, и долженъ быть разрѣшенъ на основѣ естественнаго права. Поэтому борьба за международное право должна вестись именно не оружіемъ, а на путяхъ международной организаціи; и духовное назначеніе войны именно въ томъ, чтобы убѣдить людей въ достоинствѣ и необходимости этого пути. Вотъ почему патріотизмъ, вскормленный духомъ и сроднившійся съ нормальнымъ правосознаніемъ не можетъ видѣть въ войнѣ вѣрнаго способа бороться за право. Любить свою родину не значитъ считать ее единственнымъ средоточіемъ духа, ибо тотъ, кто утверждаетъ это,—не знаетъ, чтó есть духъ и не умѣетъ любить и духъ своего народа. Нѣтъ человѣка и нѣтъ народа, который былъ бы единственнымъ средоточіемъ духа, ибо духъ живетъ во всѣхъ людяхъ и во всѣхъ народахъ. Не видѣть этого значитъ быть духовно-слѣпымъ, а потому быть лишеннымъ и патріотизма и правосознанія. Этотъ путь духовнаго ослѣпленія есть по истинѣ «внѣ-этическій» путь, чуждый настоящей любви къ родинѣ; ибо истинный патріотизмъ есть любовь не слѣпая, а зрячая, и пареніе ея не чуждо добру и справедливости, но само есть одно изъ высшихъ нравственныхъ достиженій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О государственномъ правосознанiи.

Духовная сопринадлежность людей, племенъ и нацiй естественно ведетъ ихъ къ организацiи жизни на основахъ общаго права, общей власти и общей территорiи. Однородность духовной жизни, совмѣстность духовнаго творчества и общность духовной культуры составляютъ глубочайшую и подлинную основу всякаго государственнаго единенiя. Именно эта связь, — самая утонченная и подчасъ наименѣе сознательная и уловимая, — творитъ самое могучее, самое нерасторжимое, безусловное и священное соединенiе людей въ правовые и государственные союзы. Государство опредѣляется именно тѣмъ, что оно есть положительно-правовая форма родины, а родина есть его творческое, духовное содержанiе. Отсюда — сущность государства, его способъ бытiя, его обоснованiе, его цѣль, его средства и его нормальное строенiе.

Съ незапамятныхъ временъ люди живутъ въ государственныхъ союзахъ и размѣры накопленнаго ими политическаго опыта огромны. Вся исторiя есть рядъ великихъ предметныхъ уроковъ, выстраданныхъ человѣчествомъ въ дѣлѣ общественнаго строенiя; и, казалось бы, что эти уроки могли бы научить людей — и отвлеченному пониманiю государственности, и практическому умѣнiю созидать и поддерживать политическое единенiе. И, тѣмъ не менѣе, ученый государствовѣдъ доселѣ затрудняется указать тѣ категорiи, въ которыхъ обстоитъ его предметъ, а практическiй политикъ доселѣ повторяетъ старыя ошибки и нерѣдко ведетъ свой корабль неувѣренною и неискусною рукою.

Эти ошибки объясняются не только случайными недосмотрами или личными неспособностями, но общими и основными дефектами государственнаго правосознанiя.

Люди все еще не усвоили основную аксiому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутренняго мiра и осуществляются именно черезъ правосознанiе. И въ наукѣ, и въ жизни все еще господствуетъ формальное пониманiе государства, извращающее его природу и разлагающее въ душахъ всѣ основныя начала гражданственности. Слѣдуя этому пониманiю, люди строятъ государственную жизнь такъ, какъ если бы она сводилась къ извѣстнымъ, механически осуществляемымъ, внѣшнимъ поступкамъ, оторваннымъ отъ внутренняго мiра и отъ духовныхъ корней человѣка; наличность или отсутствiе этихъ внѣшнихъ поступковъ,

должны быть, по ихъ мнѣнію, обезпечены какими угодно средствами и какою угодно цѣною, — насиліемъ или страхомъ, корыстью или наказаніемъ; и къ этому, будто бы, сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только бы не совершали преступленій и не творили безпорядковъ, — а остальное неважно. Государство понимается, какъ строй *внѣшней* жизни, а *не внутренней*. Этимъ оно отрывается отъ правосознанія и, питаясь поверхностными слоями или дурными силами души, вырождается въ своемъ содержаніи и расшатывается въ своихъ основахъ. Оно уводится изъ подлинной стихіи народной жизни, сосредоточивается въ изволеніяхъ и актахъ тѣснаго круга правящихъ лицъ и превращается для всѣхъ остальныхъ гражданъ въ чуждую имъ и неосмысленную систему мертвящаго принужденія. Государственная принадлежность начинаетъ переживаться, какъ ненавистная кандальная цѣпь, а правители кажутся чуть ли не безсмѣнными тюремщиками.

Если право безсильно и безсмысленно внѣ правосознанія, то государство *унизительно, эфемерно и мертво внѣ государственнаго образа мыслей*. Ибо на самомъ дѣлѣ не только его корни, но и обыденная жизнь его имѣетъ внутреную, душевно-духовную природу. Нелѣпо и пагубно думать, что человѣкъ можетъ жить внѣшними поступками въ отрывѣ отъ внутреннихъ состояній; или, что государство можетъ достойно существовать, механически регистрируя своихъ «подданныхъ», устанавливая для нихъ повинности и пошлины и не превращая ихъ въ *гражданъ*, участвующихъ *сознаніемъ, волею, чувствомъ и дѣйствіемъ* въ созданіи единой, разумно-организованной жизни. Государство не есть внѣшняя вещь среди вещей; и бытіе его не имѣетъ матеріально-тѣлеснаго характера, хотя природный и хозяйственный «субстратъ» его и матеріаленъ, а личный составъ его ведетъ тѣлесное существованіе. Государство есть нѣчто *отъ духа* и нѣчто *для души*. Оно есть *духовное единство людей*, ибо въ основѣ его лежитъ *духовная связь*, предназначенная для того, чтобы *жить въ душахъ* и *создавать въ нихъ мотивы для правильнаго внѣшняго поведенія*.

Въ сознаніи этого лежитъ первая основа всякой государственности и политики; въ осуществленіи этого — первое условіе ея истиннаго расцвѣта. Государственный образъ мыслей есть разновидность *правосознанія*; этимъ уже сказано все основное.

Государственный образъ мыслей не сводится къ знанію о томъ, что «есть на свѣтѣ государство», къ которому «я принадлежу». Но именно съ этого онъ начинается.

Каждый человѣкъ, претендующій на умственную и духовную зрѣлость, долженъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, принадлежитъ ли онъ къ какому-нибудь государству и къ какому именно? И къ чему это его обязываетъ и уполномочиваетъ? И что значитъ вообще «принадлежать къ государству»? Внѣ этого — политическое отличіе гражданина отъ дикаря и даже отъ живот-

наго можетъ стать неуловимымъ. Человѣкъ, который вообще не знаетъ о своей государственной принадлежности, или не знаетъ, къ какому именно государству онъ принадлежитъ, — пребываетъ въ состоянiи первобытной наивности и политической невмѣняемости. Въ его душѣ еще не прозябло сѣмя государственности. Дикарь, лишенный, подобно ребенку, политическаго самосознанiя, дѣйствительно можетъ не знать о самомъ фактѣ своего гражданства; но именно поэтому онъ совсѣмъ не ведетъ политической жизни, да и не способенъ къ ней. Безсмысленно ждать отъ него государственнаго изволенiя или акта, когда онъ настолько духовно немощенъ, что неспособенъ даже ни къ политической вѣрности, ни къ политическому предательству. Строго говоря, такiе люди не входятъ въ государство, а только причисляются къ нему; они суть тѣ «граждане in spe», которые пребываютъ, можетъ быть, пожизненно, въ состоянiи полу-рабовъ, полу-подданныхъ, политически отличаясь отъ животныхъ только этимъ «возможнымъ будущимъ».

Понятно, что государственный союзъ, имѣющiй въ своемъ составѣ большое количество такихъ полу-дикарей, ведетъ мнимое существованiе: правящiе «причисляютъ» подданныхъ, повелѣваютъ и взыскиваютъ съ нихъ такъ, какъ если бы тѣ были способны кь государственно-осмысленному акту. А, между тѣмъ, политическое слабоумiе (imbecillitas) первобытной души дѣлаетъ ее безсмысленнымъ орудiемъ чужой воли: это орудiе можетъ «испортиться» въ критическiй моментъ или перейти внезапно въ другiя руки, служащiя инымъ цѣлямъ, и тогда оно погубитъ государственное дѣло. Человѣкъ, таящiй въ себѣ политическое слабоумiе, — незнающiй о своемъ гражданствѣ или непонимающiй его природы, — имѣетъ только видимость разумнаго существа; и всякая политическая организацiя, разсчитывающая на его разумъ и на его волю, обречена на печальный конецъ.

Однако этого мало: необходимо признавать свою принадлежность къ опредѣленному государству, т. е. принимать ее волею и чувствомъ, дорожить ею и культивировать ее. Политическая принадлежность должна быть сознательно принята каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ и признана имъ въ нестѣсненномъ, свободномъ рѣшенiи; и это рѣшенiе должно привести каждаго къ духовному акту добровольнаго самообязыванiя, или, что то же, къ акту духовнаго вмѣненiя себѣ публично-правовыхъ полномочiй, обязанностей и запретностей. Внѣ этого государству неизбѣжно предстоитъ разложенiе.

Необходимо имѣть въ виду, что государственная принадлежность опредѣляется, вообще говоря, не свободнымъ и одностороннимъ рѣшенiемъ гражданъ, а гетерономными правовыми правилами, налагающими свое опредѣленiе на человѣка до его рѣшенiя и помимо его согласiя. Еще до моего рожденiя было юридически установлено, что имѣющее въ моемъ лицѣ родиться существо будетъ принадлежать къ такому-то государственному союзу; такъ, что потомъ мое «незнанiе» было безсильно измѣнить въ этомъ что-либо, а мое одностороннее «несогласiе»

всегда будетъ недостаточнымъ для того, чтобы погасить мое гражданство. Государственная принадлежность имѣетъ объективное значеніе и не зависитъ отъ воли одного лица. Но именно въ этомъ обнаруживается опасность, характерная для всякаго права: духовное назначеніе гражданства и его жизненная эффективность нуждаются именно въ томъ, въ чемъ не нуждается его формальное значеніе — въ живомъ, содержательномъ, волевомъ пріятіи, наполненіи и осуществленіи. Непризнанное человѣкомъ гражданство создаетъ трагическую иллюзію: мертвый или эфемерный государственный союзъ. Объективному значенію — противостоитъ душевная пустота или духовная ложь и симуляція; и это неизбѣжно убиваетъ всякій смыслъ гражданства и всякую жизнь государства.

Нельзя быть членомъ политическаго союза вопреки собственному чувству и желанію; это значитъ превратить всю свою жизнь въ систему явнаго и тайнаго полу-предательства, разлагающаго изнутри тотъ самый союзъ, который гражданину подобаетъ создавать и поддерживать. Государство, имѣющее въ своемъ составѣ такихъ членовъ, совершаетъ величайшую ошибку, сохраняя за ними званіе гражданъ; оно творитъ самообманъ и готовитъ себѣ разложеніе.

Однако столь же нелѣпо быть членомъ политическаго союза помимо собственнаго чувства и желанія; это значитъ превратить себя въ мертвую, зарегистрированную вещь, механически выполняющую извѣстныя внѣшнія движенія въ мѣру чужой воли и чужого рѣшенія. Государство, готовое мириться съ такимъ состояніемъ гражданъ, извращаетъ самую сущность политическаго единенія, ибо политическое единеніе творится именно волею, питаемою чувствомъ и вѣдомою сознаніемъ.

Государственный образъ мыслей, государственное настроеніе чувствъ, государственное воленаправленіе — все это вмѣстѣ составляетъ необходимую и реальную основу всякаго живого государства; или, вѣрнѣе, — подлинную ткань его жизни. Это какъ бы тотъ воздухъ, которымъ оно дышитъ и безъ котораго оно задыхается и гибнетъ. Гдѣ этого совсѣмъ нѣтъ, тамъ нѣтъ государства, а есть только его пустая видимость; и первыя же серьезныя затрудненія не замедлятъ обнаружить это. Человѣкъ творитъ государство именно сознаніемъ, чувствомъ и волею; не «просто» внѣшними поступками, но тѣми мотивами, которые побуждаютъ его дѣйствовать такъ, а не иначе; не только правовыми нормами или силою принужденія, но длительнымъ, устойчивымъ и содержательно-вѣрнымъ напряженіемъ души и духа.

Для того, чтобы государство существовало въ видѣ «внѣшней» общественной организаціи, оно должно жить въ душахъ людей, занимая ихъ вниманіе, вовлекая ихъ интересъ, постоянно заставляя ихъ мысль — работать, ихъ волю — напрягаться, ихъ чувство — горѣть. Народъ, у котораго политическая жизнь безчувственна, безвольна, безмысленна, — государственно мертвъ и безплоденъ; его политическая организація

«имѣетъ значеніе» и «обстоитъ de jure», но не имѣетъ духовнаго существованія. Такой народъ, строго говоря, совсѣмъ не ведетъ политической жизни; ибо политическая жизнь есть разновидность духовнаго творчества. Это можно выразить такъ, что государство, какъ предметъ, творимый человѣкомъ, соотвѣтствуетъ своему назначенію и достинству только тогда, если оно творится надлежащимъ органомъ и, притомъ, органомъ, стоящимъ на должной высотѣ. Порочная воля, изуродованное или безсильное чувство, скудное и темное сознаніе — не въ состояніи строить государственную жизнь. Ибо государство есть организованное единеніе духовно-солидарныхъ людей, понимающихъ мыслью свою духовную солидарность, пріемлющихъ ее патріотическою любовью и поддерживающихъ ее самоотверженною волею.

Таково истинное положеніе дѣлъ: внѣ мысли — политическое правосознаніе смутно и безпредметно, а государство безформенно и незрѣло: внѣ чувства — политическое правосознаніе поверхностно и немощно, а государство неустойчиво и подвержено распыленію; внѣ воли — политическое правосознаніе пассивно и инертно, а государство обречено на рыхлое и экстенсивное прозябаніе. Народъ, который настолько неинтеллигентенъ разумомъ, что не понимаетъ ни своего единства, ни природы государственности; настолько безразличенъ или мертвъ чувствомъ, что не любитъ свою родину, ея политическую форму и независимость; настолько робокъ или слабъ духомъ, что не имѣетъ воли къ духовно-политическому самоподдержанію, — такой народъ не имѣетъ государства: онъ политически аморфенъ и его государственное существованіе есть траги-комическая иллюзія.

Но для того, чтобы мысль, чувство и воля человѣка творчески зажили политическою связью, должно состояться духовное пріятіе государства. Каждый человѣкъ, пребывающій въ состояніи наивнаго своекорыстія, долженъ принять государство сначала въ порядкѣ эгоистическаго, а затѣмъ предметно-духовнаго интереса.

Прежде всего онъ долженъ удостовѣриться на самостоятельномъ и подлинномъ, всегда суровомъ и мучительномъ опытѣ, что онъ лично заинтересованъ въ существованіи и поддержаніи государства. Онъ долженъ извѣдать и убѣдиться, что онъ самъ настоятельно нуждается въ политическомъ единеніи; что его собственныя, основныя и насущныя потребности ведутъ его къ признанію государства; мало того, что его частный, эгоистическій интересъ самъ по себѣ есть уже въ извѣстныхъ предѣлахъ не что иное, какъ интересъ самого государства и всего государства въ цѣломъ; что, наконецъ, самая жизнь его невозможна внѣ или помимо политической организаціи.

Въ этомъ первоначальномъ, корыстномъ пріятіи государства, человѣчество медленно и постепенно, — столѣтіями вынашивая опытъ феодализма, гражданскихъ войнъ и классовой борьбы, — научается публично-правовому и патріотическому

безкорыстію. Оно научается тому, что жизнь имѣетъ не только измѣреніе личной корысти, но и измѣреніе духовнаго достоинства, творящаго верховный судъ надъ всякимъ «интересомъ»; оно научается тому, что государство есть нѣчто не только «полезное», но духовно-правое и духовно-необходимое; что нельзя быть человѣкомъ, т. е. индивидуальнымъ духомъ, въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова, — и не участвовать личными силами въ жизни и дѣятельности политически организованнаго союза. И, только убѣдившись въ этомъ, человѣкъ получаетъ достаточное и, въ то же время, принудительное основаніе признать государство и добровольно принять его законы въ порядкѣ самовмѣненія и повиновенія.

Государство необходимо и пріемлемо именно потому, почему необходимо и пріемлемо положительное право*): незрѣлое состояніе человѣческихъ душъ, одержимыхъ наивно-порочнымъ, эгоистическимъ тяготеніемъ и неумѣющихъ мотивировать свое внѣшнее поведеніе самостоятельнымъ признаніемъ естественной правоты, — дѣлаетъ государство необходимымъ и цѣлесообразнымъ способомъ поддержанія естественнаго права черезъ его положительно-правовое провозглашеніе и вмѣненіе. Неотчуждаемость и неумалимость естественныхъ правъ, съ одной стороны, и весьма ограниченная способность людей къ автономному самообязыванію, съ другой, — ведутъ къ организаціи такихъ союзовъ, которые должны устанавливать и ограждать естественный правопорядокъ посредствомъ гетерономныхъ правовыхъ правилъ и поддерживать ихъ блюденіе силою внѣшняго, общепризнаннаго, властвующаго авторитета. Единая власть союза, уполномоченная правомъ и сама подчиненная праву, получаетъ обязанность: формулировать естественное право въ видѣ объективно-значащихъ, общеобязательныхъ правилъ внѣшняго поведенія (т. е. въ видѣ положительнаго права), съ тѣмъ, чтобы эти правила проникали въ сознаніе и къ волѣ людей и порождали въ нихъ мотивы къ правильному дѣйствованію.

По своей основной идеѣ государство есть союзъ духовно сопринадлежащихъ людей, племенъ и націй, объединенныхъ ради гетерономнаго осуществленія естественнаго права. Это означаетъ, что государство имѣетъ единую, объективную и высшую цѣль и что только свободное, волевое пріятіе этой цѣли дѣлаетъ человѣка воистину гражданиномъ.

Такъ, государство, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ такую единую, высшую цѣль, которой оно должно служить и которой оно въ дѣйствительности, — съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, — служитъ. Неискушенному, поверхностному взгляду можетъ, конечно, казаться, что люди въ ихъ политической дѣятельности преслѣдуютъ множество разнообразныхъ цѣлей; такъ, что не только у каждаго отдѣльнаго человѣка имѣется своя, особая «политическая» цѣль, но что одинъ и тотъ же человѣкъ мо-

---

*) См. главу шестую.

жетъ по произволу мѣнять свои «политическія» цѣли, отдаваясь имъ по очереди и перебирая ихъ одну за другой. И каждая изъ этихъ субъективныхъ и относительныхъ цѣлей, независимо отъ ея содержанія и ея достоинства, будетъ имѣть политическій характеръ лишь благодаря тому, что кто-нибудь пожелаетъ осуществить ее черезъ посредство государственной власти. При такомъ пониманіи рѣшающимъ является не вопросъ о томъ, чего желаетъ тотъ или другой индивидуумъ, а вопросъ о томъ, на какомъ пути онъ задумалъ этого достигнуть. Всякая, самая нелѣпая, своекорыстная и пртивогосударственная цѣль окажется «политическою» цѣлью, а дѣятельность, клонящаяся къ ея осуществленію, окажется государственною дѣятельностью. Формальное пониманіе государственности и политики, удовлетворяясь пустыми признаками «организованной власти» и «общаго правила», отрываясь отъ естественно-правовой основы всякаго государства и прилѣпляясь къ его положительно-правовой формѣ, — мирится со всякимъ интересомъ, освящаетъ всякое вожделѣніе, допускаетъ всякое посягательство, вырождая тѣмъ и природу своего предмета, и самую жизнь человѣчества. Политическій формализмъ насаждаетъ въ душахъ и въ дѣйствіяхъ людей самый безпринципный политическій релятивизмъ; и въ результатѣ этого цѣлыя поколѣнія людей выростаютъ въ увѣренности, что «въ политикѣ все дозволено» и что авторитетомъ государственной власти можетъ быть «все прикрыто». И человѣчество, пожиная отъ времени до времени плоды этой деградаціи, продолжаетъ слѣпо держаться за такую противоестественную традицію и нелѣпую практику.

Въ противоположность этому, нормальное правосознаніе, еще со временъ Платона и Аристотеля, утверждало и будетъ утверждать единство и объективность государственной цѣли. Терминъ «политическаго» указываетъ не только на путь организованнаго властвованія, но, прежде всего, на нѣкоторую высшую цѣнность, обслуживаемую государствомъ. Такъ, что изъ всѣхъ цѣлей, съ которыми люди восходятъ къ власти, политическими будутъ только тѣ цѣли, которыя соотвѣтствуютъ этой высшей цѣнности. Интересъ, «политическій» съ формальной точки зрѣнія, можетъ быть на самомъ дѣлѣ — противо-политическимъ; и дѣятельность, «государственная» по своей внѣшней видимости, можетъ быть на самомъ дѣлѣ — совершенно противо-государственною. Политика совсѣмъ не есть пустая форма «организованнаго властвованія»; нѣтъ, она имѣетъ особое, конституирующее ее содержаніе. Государство совсѣмъ не есть соціальный механизмъ, безразличный къ творимому дѣлу; нѣтъ, оно имѣетъ свое особое, содержательно-опредѣленное заданіе. Если государство совсѣмъ не осуществляетъ его, или осуществляетъ совсѣмъ не его, то оно не только «въ идеѣ» перестаетъ быть государствомъ, но фактически, жизненно разлагается и гибнетъ. Государство имѣетъ свою, объективную природу, которая опредѣляется его объективною цѣлью и которая не можетъ безнака-

занно разрушаться и попираться. Тѣ, кто не понимаютъ этого, — тѣ неспособны къ политической дѣятельности; тѣ, кто не блюдутъ этого, — готовятъ себѣ и своему государству трагическій конецъ. Государственность таитъ въ себѣ нѣкій имманентный ей рокъ, и этотъ рокъ несетъ горе и мзду — и политически-немудрому правителю, и политически-слѣпому народу.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сущность государства.

Объективная природа государства опредѣляется его высшею цѣлью, его единымъ и неизмѣннымъ заданіемъ. Это заданіе состоитъ въ ограждeніи и организаціи духовной жизни людей, принадлежащихъ къ данному политическому союзу. Огражденіе духа состоитъ въ обезпеченіи всему народу и каждому индивидууму его естественнаго права на самобытное опредѣленіе себя въ жизни, т. е. права на жизнь и, притомъ, на достойную жизнь, внѣшне-свободную и внутренне-самостоятельную. Организація такого сожительства людей и, притомъ, на основахъ права и власти, составляетъ ту единую, политическую цѣль, которой служитъ государство. Только вѣрное пониманіе этой цѣли открываетъ доступъ къ пониманію средствъ и строенія политическаго союза.

Основная природа этой цѣли, т. е. именно то, что дѣлаетъ ее политическою — состоитъ въ ея единствѣ и общности для всѣхъ гражданъ.

Огражденіе индивидуума, какъ творческаго центра духовной жизни, есть нѣчто такое, въ чемъ каждый заинтересованъ, повидимому, лишь для себя и про себя. Постольку обнаруживается, что у каждаго человѣка есть эгоцентрическое тяготѣніе къ свободѣ, что каждый ищетъ обезпечить себѣ свои естественныя права. Это означаетъ, что у многихъ людей имѣются похожія или даже одинаковыя цѣли, не совпадающія, однако, въ одну единую и общую цѣль. Сколько людей, — столько цѣлей; ибо каждый — о себѣ. Въ опредѣленіи своего интереса каждый можетъ «согласиться» съ другимъ; но интересы эти не сливаются въ единый и общій. Иными словами: здѣсь есть подобіе, и, можетъ быть, согласіе; но нѣтъ солидарности, ибо одинаковые интересы не объединились въ общій. А между тѣмъ политическая дѣятельность есть именно солидарная дѣятельность во имя общей цѣли. Отсутствіе ея разрушаетъ политическій союзъ и превращаетъ народъ во множество разъединенныхъ атомовъ. Тогда эгоцентрическое тяготѣніе ведетъ къ эгоистической дѣятельности; сходство интересовъ порождаетъ лишь параллелизмъ и конкуренцію; и, въ концѣ концовъ, ду-

ховный атомизмъ и своекорыстіе остаются послѣднимъ словомъ этого противо-политическаго разброда.

Сущность государства состоитъ въ томъ, что всѣ его граждане имѣютъ, помимо многихъ различныхъ, противоположныхъ или одинаковыхъ интересовъ и цѣлей, одну, единую цѣль и одинъ, общій интересъ. Объ этой цѣли каждый можетъ сказать: «это моя цѣль»; и будетъ правъ; но долженъ добавить: «не только моя». И всѣ сразу могутъ сказать: «это наша общая цѣль»; и, высказавъ это, всѣ будутъ правы. Но это и значитъ, что цѣль эта—общая. Множество тѣлесно—и душевно-разъединенныхъ людей желаютъ одного и того же, такого, что или сразу у всѣхъ будетъ, или чего сразу у всѣхъ не будетъ. Каждый желаетъ одиноко и по своему; «интересъ», какъ личное переживаніе, остается своеобразнымъ и множественнымъ. Но предметъ желанія — единъ для всѣхъ и можетъ быть созданъ только въ организованномъ, совмѣстномъ и не одинокомъ творчествѣ. Общность цѣли, создаетъ общность путей и средствъ; и основа политической дѣятельности дана.

Эта солидаризація интересовъ возникаетъ такъ, что каждый членъ союза начинаетъ понимать неосуществимость своей цѣли помимо осуществленія чужихъ одинаковыхъ цѣлей, и, притомъ, всѣхъ чужихъ. Личный духовный центръ, нуждаясь въ опредѣленной и обезпеченной сферѣ свободнаго изволенія, убѣждается въ томъ, что его полномочія поддерживаются и питаются исключительно чужими обязанностями и запретностями, и что, въ то же время, они отовсюду ограничиваются чужими полномочіями. Всѣ субъективные правовые «статусы» какъ бы соприкасаются отовсюду другъ съ другомъ, образуя живую систему взаимнаго поддержанія и ограниченія. Каждая ячейка цѣла лишь до тѣхъ поръ, пока цѣлы сосѣднія; а такъ какъ всѣ ячейки связаны другъ черезъ друга со всѣми остальными, то нарушеніе одной изъ нихъ нарушаетъ тѣмъ самымъ всѣ остальныя, или, во всякомъ случаѣ, ставитъ всѣ остальныя подъ угрозу *). Именно коррелятивное (связное) и мутуальное (взаимное) со-существованіе всѣхъ субъективно-правовыхъ ячеекъ убѣждаетъ людей въ томъ, что самая форма правовой связи не только одинакова для всѣхъ, но есть нѣчто общее всѣмъ. Такъ, создать разграниченіе и огражденіе для каждыхъ двухъ субъектовъ—значитъ установить общій обоимъ предѣлъ; мало того, это значитъ установить общій для обоихъ рѣшающій органъ, т. е. правовой авторитетъ, творящій и примѣняющій право; и, наконецъ,—общее обоимъ правило, т. е. правовую норму или кодексъ нормъ. Иными словами: организовать правопорядокъ значитъ создать единый общій союзъ (политическое «мы»), съ единою, общею правовою властью («наше» правительство) и единою общею системою права («наши» законы). Именно въ этомъ и состоитъ организующая задача государства, въ

*) См. главы третью и четвертую.

осуществленіи которой всѣ одинаково заинтересованы. Каждый одинаково заинтересованъ въ общемъ дѣлѣ; или, что то же: всѣ солидарны. На этой солидарности, именно на ней и только на ней — зиждется государство; въ обнаруженіи ея и въ служеніи ей состоитъ политическая дѣятельность.

Понятно, что эта солидарность въ вопросѣ о правовой формѣ жизни получаетъ свое освященіе изъ глубины духовнаго содержанія, національно-единаго и патріотически-общаго. Государство есть разновидность организованнаго сожительства; а въ основѣ всякаго сожительства людей, если оно не унизительно для нихъ и не эфемерно, лежитъ духовная однородность и общность духовной культуры. Вотъ почему въ основѣ всякаго могучаго и духовно-продуктивнаго политическаго союза лежитъ духовная солидарность сыновъ общей родины. Любовь къ отечеству есть любовь къ тому самому національному духу, совокупную и совмѣстную жизнь котораго организуетъ и ограждаетъ государство. Чувство патріота посвящено тому самому, чему служитъ мысль и воля государственнаго дѣятеля. Политикъ, стоящій на высотѣ, творитъ то дѣло, въ которомъ солидаренъ весь народъ его; и, если онъ творитъ его огнемъ своей души, то онъ патріотъ. Патріотъ, активно работающій надъ организаціей духовной жизни своего народа, творящій общественную форму ея расцвѣта, — есть, тѣмъ самымъ, государственный дѣятель, національно-политическій строитель и вождь. Политика внѣ патріотизма — безпредметна, нелѣпа и гибельна; патріотизмъ внѣ государства — нежизненъ, немощенъ и безформенъ. Итакъ: государство есть положительно-правовая форма родины; а отечество составляетъ истинное содержаніе политики.

Именно борьба за духовную культуру народа есть то, что сообщаетъ государству высшее и послѣднее оправданіе предъ лицомъ Божіимъ; именно духовное содержаніе патріотизма придаетъ государству его естественную правоту, противопоставляя его вселенскому братству и, въ то же время, примиряя его съ нимъ *). Въ борьбѣ за свою духовную культуру граждане государства являются сразу сынами своей родины и поборниками вселенскаго дѣла; они суть граждане національнаго града Божія, и, въ то же время, творцы міровой культуры, признающіе вселенское дѣло — своимъ. Государство, какъ орудіе духовной жизни, не только не противорѣчитъ вселенскому единенію, но прямо созидаетъ его; ибо всякое единеніе людей свято и прочно лишь постольку, поскольку оно имѣетъ духовную природу; но именно постольку оно не раскалываетъ людей на непримиримыя группы, но связуетъ ихъ въ высшее единство. Созидая и организуя жизнь національнаго духа, каждое государство является óрганомъ единой для всего міра, вселенской

---

*) См. главу десятую.

духовной жизни. И понятно, что, поскольку государство извращаетъ свою природу и организуетъ не жизнь національнаго духа, а національную жадность и агрессивность постольку оно становится орудіемъ разъединенія, бѣдъ, войнъ и всеобщаго вырожденія.

Итакъ, духовная солидарность есть подлинная и реальная основа государства. Именно на этой основѣ государство должно быть понято и осуществлено, какъ живая система братства, не только не противорѣчащая христіанству, но соотвѣтствующая духу евангельскаго ученія.

Вести политическую жизнь или, что то же, быть настоящимъ гражданиномъ, значитъ испытывать живое неразрывное тождество между интересомъ государства и своимъ собственнымъ интересомъ; и, черезъ это, признавать своимъ собственнымъ интересомъ — каждый духовно-вѣрный интересъ каждаго изъ своихъ согражданъ. Къ этому сводится основное содержаніе политической жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, первое, что дѣлаетъ человѣка — гражданиномъ, есть пріятіе государственной цѣли. Принять государственную цѣль значитъ испытать ее, какъ свою собственную; значитъ не только «примириться» съ нею или «согласиться» на нее, но признать ее своею собственною цѣлью и не противопоставлять ее больше своимъ интересамъ. Это возможно только при томъ условіи, если личный интересъ человѣка влечетъ его къ тому самому, къ чему ведетъ и государственное дѣло. А для этого необходимо, или чтобы государство опустилось до содержанія личной, частной корысти, — что означало бы для него вырожденіе и разложеніе,—или чтобы индивидуумъ возвысился до содержанія подлиннаго государственнаго интереса. Это значитъ, что гражданинъ долженъ быть патріотомъ, ищущимъ расцвѣта для духовной культуры своего народа: тогда основная цѣль его жизни сама по себѣ совпадаетъ съ единою и объективною цѣлью государства и, въ результатѣ, живое, неразрывное тождество интересовъ устанавливается легко и естественно.

Если индивидуумъ сознаетъ себя прежде всего духомъ, то дѣло Духа становится для него первымъ и основнымъ дѣломъ. А оно есть не чисто-личное и не частное дѣло, но, по существу своему, одинаковое для всѣхъ и общее всѣмъ, а, по соціальной формѣ осуществленія, — политическое и государственное. Обрѣсти въ себѣ духовный интересъ значитъ обрѣсти въ себѣ общечеловѣческій и патріотическій корень и политическое воленаправленіе. Это значитъ утвердить основу своей личности въ той глубинѣ, на которой «мое дѣло» неразрывно сливается съ дѣломъ «моего государства», а интересъ «моего государства» раскрывается, какъ интересъ общечеловѣческій.

Однако это пріятіе государственнаго интереса совершается совсѣмъ не только въ порядкѣ самопожертвованія, но и въ порядкѣ самоутвержденія: ибо государство, ог-

раждая и созидая національную духовную культуру, пріемлетъ, ограждаетъ и питаетъ духовный интересъ каждаго изъ своихъ членовъ. Созданное ради естественнаго права, государство утверждаетъ естественныя полномочія каждаго гражданина, оберегая его, какъ самобытный, творческій центръ духовной жизни и благопріятствуя ему въ его автономномъ самоопредѣленіи. Это значитъ, что каждый гражданинъ находитъ въ государственной цѣли всю полноту своего духовнаго интереса — признанною, соблюденною и утвержденною; такъ, что его патріотическое «самопожертвованіе» есть, въ то же самое время, актъ «самоутвержденія»: ибо его личный духовный интересъ не только не исключенъ изъ обще-политическаго, но входитъ въ него цѣликомъ, составляетъ самую ткань его. Духовная правота всякаго личнаго интереса дѣлаетъ его интересомъ самого государства; и такъ обстоитъ даже и въ томъ случаѣ, если историческая государственная власть почему нибудь не признаетъ этого, или оказывается не въ состояніи организовать удовлетвореніе каждаго такого интереса. Государственный интересъ слагается изъ всѣхъ духовно-правыхъ интересовъ всѣхъ гражданъ, причемъ каждый духовно-правый личный интересъ оказывается черезъ эту государственную включенность — общимъ и политическимъ. Такъ, все, что необходимо гражданину для творческаго труда и достойнаго существованія — все это входитъ въ интересъ самого государства, заполняя содержаніе его единой цѣли и его практическихъ задачъ. Духовная жизнь народа есть духовная жизнь всѣхъ его гражданъ; и этимъ опредѣляется направленіе и объемъ политической дѣятельности.

Именно при такомъ пониманіи государство неизбѣжно становится орудіемъ братства и солидарности. Пріемля государственный интересъ, какъ свой собственный, каждый индивидуумъ дѣйствительно усвоиваетъ всѣ цѣли и всѣ задачи государства; здѣсь нѣтъ ограниченій или резервацій: гражданинъ, какъ истинный патріотъ не отдѣляетъ себя—отъ своего политическаго союза, его задачъ—отъ своихъ задачъ, его судьбы — отъ своей судьбы. Но именно черезъ это онъ пріемлетъ и усвоиваетъ каждый духовно-правый интересъ каждаго изъ своихъ согражданъ; и, принявъ его, онъ испытываетъ и разсматриваетъ его, какъ свой собственный, личный и насущный. «Частный интересъ», если онъ есть духовно-правый, является уже не просто «интересомъ», но естественнымъ правомъ, и не просто «частнымъ интересомъ», но общимъ и политическимъ; а это значитъ, что нѣтъ въ государствѣ гражданина, который имѣлъ бы основаніе отнестись къ нему съ политическимъ безразличіемъ и пассивностью.

Интересъ государства состоитъ въ поддержаніи и осуществленіи всѣхъ естественныхъ правъ всѣхъ его гражданъ; и поэтому вовлеченіе личной воли въ «политику» означаетъ вовлеченіе ея въ борьбу за естественныя права всѣхъ и каждаго.

Поэтому восхожденіе личной, частной воли къ политической цѣли есть тѣмъ самымъ ея расширеніе по объему и по содержанію; и, въ то же время, это есть освобожденіе ея отъ всякой чисто личной, групповой или классовой корысти, — освобожденіе и очищеніе. Ибо политика не пріемлетъ никакого чисто личнаго, группового или классоваго интереса, но—или отвергаетъ его совсѣмъ, или же признаетъ его вѣрнымъ и справедливымъ естественнымъ правомъ и тѣмъ превращаетъ его въ интересъ общій и политическій.

Истинно-политическое пониманіе отвергаетъ всѣ частныя посяганія, всѣ личныя вожделѣнія, всѣ классовые интересы. Ибо, если классовый интересъ имѣетъ за себя духовныя основанія, то онъ уже не есть просто «классовый», но общій и государственный; и тогда настаивать на его «классовомъ» характерѣ нѣтъ смысла: это значило бы, овладѣвъ цѣлымъ, добиваться его части, или же изъ двухъ общеутвердительныхъ сужденій дѣлать частно-утвердительный выводъ. Если же классовый интересъ не имѣетъ за себя духовныхъ основаній и не скрываетъ за собою естественнаго права, то никакія усилія, — ни «организація», ни «пропаганда», ни «агитація», ни ложь, ни терроръ, ни возстаніе, ни гражданская война, ни классовая диктатура, — не превратятъ его въ общій, политическій или государственный; онъ останется частнымъ вожделѣніемъ и неоправданнымъ посягательствомъ, а политическая партія, отстаивающая его всѣми средствами, будетъ подготовлять вѣрную гибель — себѣ, своему классу и своему государству, оставаясь «политическою» только по имени. Ибо фактически возможно сдѣлать государственную организацію орудіемъ какого-нибудь классоваго интереса; но это значитъ расшатать или даже погасить волю къ политическому единенію во всѣхъ остальныхъ классахъ и тѣмъ разложить государство заживо. Къ счастью такой образъ дѣйствій таитъ въ самомъ себѣ свою обреченность: объективная необходимость государства не допуститъ его до полнаго разложенія и тактика посягающаго класса неминуемо вызоветъ въ народѣ углубленіе и очищеніе государственнаго правосознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе попранной государственности.

Это можно выразить такъ, что государство вообще построяется не по принципу корысти, а по принципу правоты; и не по принципу конфликта, а по принципу солидарности. Такъ, что каждый разъ, какъ въ политикѣ начало корыстнаго конфликта выдвигается на первый планъ или торжествуетъ надъ началами права и солидарности, — такъ деструктивный элементъ получаетъ преобладаніе и государство вступаетъ на путь разложенія. Сущность политики не въ томъ, что граждане борятся другъ съ другомъ, но въ томъ, что они сотрудничаютъ; государство есть разновидность не войны и разброда, но единенія и творческаго сотрудничества; и формула его: не «компромиссъ своекорыстныхъ посягательствъ», а «совпаденіе правыхъ и солидарныхъ воленаправленій». По самому основно-

му существу своему государство стремится не организовать столкновеніе частныхъ или классовыхъ интересовъ и не просто примирить ихъ, но исключить ихъ; и жизненная прочность его опредѣляется именно тою сферою интересовъ и политическихъ актовъ, въ предѣлахъ которой борьба классовъ стихаетъ или не возникаетъ вовсе (напримѣръ, оборонительная война).

Естественно, что при надлежащемъ пониманіи государственности и политики, своекорыстная борьба между гражданами или классами совсѣмъ не имѣетъ почвы для возникновенія. Если каждый гражданинъ обсуждаетъ свои и чужіе интересы по масштабу ихъ естественной правоты, то онъ не имѣетъ основаній ни для того, чтобы настаивать на своемъ неправомѣрномъ интересѣ, ни для того, чтобы отвергать чужое правомѣрное притязаніе. Напротивъ, онъ готовъ принять каждый чужой правомѣрный интересъ и пребываетъ въ увѣренности, что его собственное правомѣрное притязаніе будетъ признано всѣми остальными гражданами. Именно такое соотношеніе гражданъ, составляющее основную природу политическаго единенія, превращаетъ государство въ живую систему братства и примиряетъ его съ ученіемъ Христа о любви.

Можно было бы подумать, что тысячелѣтняя практика государственности достаточно наглядно показала несовмѣстимость ея съ духомъ Христова ученія. По крайней мѣрѣ на этомъ настаиваютъ всѣ теоріи, которыя сводятъ государство къ организаціи насилія, къ «мечу» и страху, или превращаютъ ученіе Христа въ аскетическую мораль, въ «непротивленіе» и сентиментальное ханжество. Упуская изъ вида, съ одной стороны, духовное назначеніе и идеальную сущность государства, съ другой стороны, задачу творческаго преобразованія жизни, возложенную на послѣдователей Христа, — эти теоріи видятъ противоположность тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Конечно, историческій опытъ человѣчества измѣрилъ все великое расхожденіе между пустою и, потому, извращенною формою государственности и пустою, искаженною формою евангельскаго ученія; однако это расхожденіе, эта противоположность между началомъ «насилія» и началомъ «аскетической покорности» нисколько не разрѣшаетъ основного вопроса. Нормальное правосознаніе не только не исключаетъ любви къ ближнему, но ищетъ и находитъ пути для систематической организаціи ея соціальнаго осуществленія; ибо принять каждый правый интересъ другого, какъ свой собственный, значитъ именно относиться къ ближнему, какъ къ самому себѣ. Правильно понятая политическая дѣятельность не только не исключаетъ служенія Богу, но, наоборотъ, является, сама по себѣ, достойнымъ поклоненіемъ Ему «въ духѣ и истинѣ». Ученіе Христа никогда не призывало къ отреченію отъ чувства собственнаго духовнаго достоинства; но именно это правое чувство лежитъ въ основѣ борьбы человѣка за свое естественное право *). И, обратно: нормальное правосознаніе не только не поощряетъ

*) См. главу пятнадцатую.

своекорыстія, какъ двигателя человѣческихъ поступковъ, но предполагаетъ въ человѣкѣ именно ту способность ставить Божіе дѣло превыше всего, о которой Христосъ говорилъ, какъ объ основѣ всей жизни.

Напрасно анархисты и другіе сторонники сверхполитическаго «идеализма» считаютъ свою критику неотразимою и окончательною: они отвергаютъ лишь пустую форму государственности, которую слѣдуетъ отвергать, и не будучи анархистомъ; но они упускаютъ изъ вида истинное содержаніе политической дѣятельности и потому критикуютъ то, чего не понимаютъ сами. Убѣжденный анархистъ есть всегда жертва собственной политической наивности: онъ судитъ о правѣ и государствѣ, какъ понимающій, не только не понимая предмета, но и не подозрѣвая о своемъ непониманіи; ибо пониманіе дается здѣсь только въ результатѣ предметнаго созерцанія цѣли государства и сущности политическаго единенія. Именно наивность позволяетъ ему вѣрить, что, съ «отмѣною» государства, естественное правосознаніе внезапно созрѣетъ въ душахъ людей и начнетъ опредѣлять собою ихъ поведеніе; что поэтому положительное право не нужно; что жизнь можетъ быть организована даже совсѣмъ внѣ права; или, что можно установить право помимо общепризнанной власти; что власть не нуждается въ санкціи организованнаго принужденія и т. д. Все это обнаруживаетъ, что анархисты одержимы дефективнымъ правосознаніемъ и что пропаганда ихъ остается восхваленіемъ и популяризаціей собственнаго духовнаго заблужденія *).

Правильно понятое государственное правосознаніе не только не враждебно нравственно-доброй волѣ, но принимаетъ ея цѣль и служитъ ея задачамъ **). Политическая жизнь покоится на братскомъ настроеніи душъ, и, если это настроеніе исчезаетъ, то вырождается и политическая жизнь. Право фактически служитъ не только «свободѣ» ***), но и «братству», столь торжественно и, въ то же время, столь безпомощно провозглашенному первой французской революціей. Но «братство» и есть тотъ способъ отношенія человѣка къ человѣку, глубочайшее истолкованіе котораго дано Христомъ. Поэтому истинный политикъ имѣетъ всѣ основанія признавать себя, — по цѣли и по духу, — христіаниномъ: ибо «кесарево» и «Божіе» образуютъ въ нормальномъ правосознаніи живое единство.

---

*) См. главу четвертую.
**) См. главу девятую.
***) См. главу шестую.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Форма государства.

Государство, по своей основной идеѣ, есть духовный союзъ людей, обладающихъ зрѣлымъ правосознаніемъ и властно утверждающихъ естественное право въ братскомъ, солидарномъ сотрудничествѣ.

Такова идея государства. Но, исторически говоря, оно лишь очень медленно пріобрѣтаетъ эти идейно-вѣрныя черты и осуществляетъ нерѣдко, сохраняя свое наименованіе, цѣлый рядъ глубокихъ уклоненій. Исправленіе этихъ недостатковъ и искаженій возможно только съ ростомъ, очищеніемъ и углубленіемъ правосознанія; такъ что, если исторія государства обнаруживаетъ прогрессъ въ смыслѣ роста государственности, то этотъ прогрессъ долженъ быть понятъ, какъ душевно-духовное возрастаніе человѣчества. Политическій строй и правосознаніе образуютъ живое неразрывное единство, настолько, что ни одна реформа невозможна до тѣхъ поръ, пока не назрѣетъ извѣстный сдвигъ въ правосознаніи; и всякая реформа, несоразмѣренная съ состояніемъ народнаго правосознанія — можетъ оказаться нелѣпою и гибельною для государства. Единственно вѣрный путь ко всякимъ реформамъ есть постепенное воспитаніе правосознанія.

Именно на этомъ пути и только на немъ разрѣшается основное противорѣчіе между идеею государства и ея историческимъ осуществленіемъ. Ибо, съ одной стороны, государство живетъ правосознаніемъ людей; а существенной чертой правосознанія является способность къ самоуправленію; отсюда, по идеѣ, государство сводится къ самоуправленію народа. Однако, съ другой стороны, единая и объективная цѣль государства настолько высока и требуетъ отъ гражданъ столь зрѣлаго правосознанія, что, исторически говоря, народы оказываются неспособными къ самоуправленію, осуществляющему эту цѣль. И вотъ, обнаруживается великое расхожденіе между идейною формою государства и его историческимъ обличіемъ. Политическая философія должна вскрыть корни этого расхожденія; государственная власть должна найти пути къ его исцѣленію.

Проблема сводится къ тому, что въ идеѣ государство есть корпорація, а въ дѣйствительности оно является учрежденіемъ. Проблема разрѣшается черезъ сочетаніе учрежденія съ корпораціей, однако при соблюденіи аристократической природы государства.

Необходимо признать, что исторія придала государству особую положительно-правовую форму, не укладывающуюся въ обычныя категоріи юриспруденціи. Безспорно, что государство есть нѣчто, способное къ совершенію самостоятельныхъ правовыхъ актовъ (напримѣръ: объявленіе войны, заключеніе договора, изданіе закона, конфискація); поэтому оно должно быть признано не объектомъ права и не правоотношеніемъ, но субъектомъ права (лицомъ). Это есть, конечно, не «физическое лицо» (духовный индивидуумъ, единоличный субъектъ права), но «юридическое лицо» (соціально-организованный субъектъ права). Однако этимъ и исчерпывается все, что могутъ опредѣленно высказать о государствѣ обычныя юридическія категоріи.

Современная наука права знаетъ два вида юридическихъ лицъ: «корпораціи» и «учрежденія». Но историческая форма государства, строго говоря, не можетъ быть отнесена ни къ одной изъ этихъ группъ.

Отличіе корпораціи въ томъ, что ея строй восходитъ отъ одинаковаго интереса къ общему по принципу солидарности, причемъ изъ многихъ субъектовъ, одинаково заинтересованныхъ, одинаково цѣлеполагающихъ и уполномоченныхъ — слагается единый субъектъ, съ единымъ общимъ интересомъ, общею цѣлью, общимъ «субстратомъ», съ единымъ субъективно-правовымъ статусомъ и единою системою дѣйствій; интересъ и полномочіе, интересъ и цѣлеполаганіе, цѣлеполаганіе и дѣйствованіе — не отрываются другъ отъ друга самымъ существомъ корпораціи, но остаются принципіально слитыми даже тогда, когда корпорація, изъ практическихъ соображеній, создаетъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ цѣлый рядъ подчиненныхъ и дѣйствующихъ отъ ея лица учрежденій; въ корпоративномъ единеніи — заинтересованные сами устанавливаютъ свою общую цѣль, сами несутъ полномочіе и сами осуществляютъ полномочнымъ дѣйствіемъ ту цѣль, въ которой они заинтересованы.

Напротивъ, самая сущность учрежденія состоитъ въ томъ, что интересъ и полномочіе, интересъ и цѣлеполаганіе, цѣлеполаганіе и дѣйствованіе отрываются (или попарно могутъ отрываться) другъ отъ друга и распредѣляются среди различныхъ субъектовъ: заинтересованный не формулируетъ своей цѣли, но ее формулируютъ за него другіе, со стороны; полномочія дѣйствовать во имя этой цѣли онъ также не имѣетъ; субъектъ, полагающій цѣль, можетъ быть совсѣмъ не заинтересованъ самъ въ ея осуществленіи и не имѣть полномочія дѣйствовать для ея достиженія; а уполномоченный къ дѣйствованію можетъ быть совершенно чуждъ — и учреждающему цѣлеполаганію и житейской заинтересованности въ данной цѣли. Именно вслѣдствіе этого учрежденіе слагается обычно не по принципу солидарности заинтересованныхъ, а по принципу опеки надъ ними; единство не включаетъ въ себя множества, но противопоставляетъ себя ему; одинаковое не восходитъ къ общности; сознаніе, признаніе, полномочная воля и дѣйствіе заинтересованныхъ не слагаютъ правового бытія и правового акта

учрежденія, но остаются индифферентными и могутъ отсутствовать*).

Можно понимать государство, по его основной сущности, какъ корпорацію, а не какъ учрежденіе. Тогда его жизнь будетъ осуществляться именно въ восхожденіи отъ одинаковаго интереса къ общему по принципу солидарности; граждане его связуются общею цѣлью (духовное процвѣтаніе родины и организація ея на основахъ права), общимъ субстратомъ (территорія и вся остальная «природа») и общей организаціей (единый союзъ, единая власть, единая система правовыхъ нормъ, единый правопорядокъ). Тогда эта связь должна жить въ ихъ сознаніи, поддерживаться ихъ признаніемъ, питаться ихъ полномочною волею и осуществляться ихъ дѣйствіемъ. Государство, по идеѣ, пребываетъ не надъ гражданами, но живетъ въ нихъ. Оно творится не только для нихъ (т. е. въ ихъ интересѣ), но ими и черезъ нихъ (безразлично пока, кѣмъ, какъ и насколько). Они сами пріемлютъ ту цѣль, которая выражаетъ ихъ общій духовный интересъ и сами испытываютъ тотъ интересъ, во имя котораго они вступаютъ въ политическое единеніе. Государство существуетъ въ лицѣ гражданъ; такъ, что всѣ граждане, какъ организованное политическое единство, составляютъ само государство. Граждане не причисляются къ нему по принципу опеки; они вообще не противостоятъ ему, но включаются въ него, какъ призванные участники и творцы общаго дѣла.

Согласно этому воззрѣнію государство является корпораціей. Однако это есть не частно-правовая корпорація, а публично-правовая; и здѣсь начинается цѣлый рядъ осложненій. Въ число основныхъ полномочій государства входитъ полномочіе властно направлять жизнь политическаго союза: авторитетно и окончательно устанавливать правовыя нормы и принудительно примѣнять ихъ къ отношеніямъ гражданъ. Государству свойственно творить въ терминахъ положительнаго права, т. е. въ порядкѣ организованнаго властвованія. Оно уполномочено не просить, а требовать; оно обязано не уговаривать несогласныхъ, но авторитетно предписывать и запрещать, сохраняя въ перспективѣ возможность, обязательность и неизбѣжность понужденія. И по отношенію къ этой власти, творящей объективно-значащее право, граждане имѣютъ обязанность подчиненія и повиновенія; такъ, что, формально говоря, ихъ согласіе и несогласіе безразлично — какъ для значенія нормъ, такъ и для значенія всякаго личнаго правового статуса.

Этотъ публично-правовой характеръ государства выражается въ томъ, что оно создаетъ въ своихъ предѣлахъ цѣлый рядъ учрежденій, уполномоченныхъ къ власти и дѣйствующихъ формально по принципу опеки. Понятно, что это придаетъ политическому строю характеръ авторитарности и гетерономіи, и

*) Срв. положеніе больныхъ въ клиникѣ; сумасшедшихъ въ лѣчебницѣ; призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ; стипендіата передъ лицомъ стипендіи; подданныхъ авторитарнаго государства.

уподобляетъ государство не корпораціи, а учрежденію. И дѣйствительно, исторически всякое государство живетъ и дѣйствуетъ именно какъ учрежденіе.

Корпоративный строй требуетъ отъ гражданъ прежде всего зрѣлаго правосознанія; ибо безъ него общій интересъ останется неосознаннымъ, принципъ солидарности отпадетъ, интересъ и политическое цѣлеполаганіе разойдутся, и, въ результатѣ, государство или перестанетъ существовать или сложится по типу учрежденія. И вотъ, государство всегда имѣло и всегда будетъ имѣть въ своемъ составѣ гражданъ съ незрѣлымъ правосознаніемъ; ибо даже при совершенномъ строѣ въ немъ будутъ дѣти и несовершеннолѣтніе, составляющіе приблизительно половину всего населенія, а, можетъ быть, и душевно-больные. А такъ какъ для нихъ правильное политическое цѣлеполаганіе будетъ недоступнымъ, то государство навсегда сохранитъ по отношенію къ нимъ (т. е. повидимому нѣсколько больше чѣмъ для половины своихъ гражданъ) характеръ учрежденія. Исторія же присоединяетъ къ нимъ еще всѣхъ гражданъ съ незрѣлымъ правосознаніемъ, фактически неспособныхъ участвовать въ жизни и творчествѣ публично-правовой корпораціи. Они неспособны осознать свой интересъ, какъ политическій, и вслѣдствіе этого ихъ сознаніе, признаніе, воля и дѣйствіе не могутъ создавать правового бытія и правового акта политическаго союза; государство остается для нихъ учрежденіемъ: т. е. оно продолжаетъ работать для нихъ, но творитъ свою жизнь не черезъ ихъ изволеніе.

Все это означаетъ, что государство въ своемъ историческомъ осуществленіи совмѣщаетъ въ себѣ черты корпораціи съ чертами учрежденія. Его строй будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ выше и сильнѣе будетъ уровень правосознанія въ странѣ, и, соотвѣтственно, чѣмъ сильнѣе будетъ преобладаніе корпоративнаго духа, надъ духомъ опекающаго учрежденія. Понятно, что политикъ, организующій государство, долженъ отправляться каждый разъ отъ вѣрнаго учета наличнаго уровня правосознанія въ данной странѣ, опредѣляя согласно этому уровню ту жизненную комбинацію изъ «корпораціи» и «учрежденія», которая будетъ наилучшей для государства при данныхъ обстоятельствахъ (при наличной территоріи, плотности населенія, составѣ политическихъ и хозяйственныхъ задачъ, при уровнѣ правосознанія въ странѣ и т. д.).

Найти эту исторически-наилучшую комбинацію изъ «солидарнаго самоуправленія и властвующей опеки» значитъ вѣрно разрѣшить проблему организаціи государственной власти.

Природа государственной власти опредѣляется тою цѣлью, ради которой она создается; а эта цѣль есть цѣль самого государства. Это значитъ, что политическая власть служитъ родинѣ, т. е. національному духовному расцвѣту: въ этомъ служеніи она обрѣтаетъ, формулируетъ, ограждаетъ и обезпечиваетъ естественное право, придавая ему форму положительнаго правопорядка.

Отсюда уже ясно, что политическое властвованіе возлагаетъ на человѣка величайшую отвѣтственность: властвующій, по самому призванію своему, есть законодатель естественной правоты; поэтому онъ долженъ быть способенъ къ предметному постиженію Духа и Права, или, что то же, онъ долженъ обладать развитымъ и углубленнымъ правосознаніемъ. Законодатели, организаторы, судьи только тогда стоятъ на высотѣ своего призванія, когда они руководятся волею къ цѣли права, а потому и къ праву; когда они разсматриваютъ всякое положительное право, какъ явленіе естественной правоты и сами выступаютъ въ жизни ея изслѣдователями и творцами*). Именно это имѣлъ въ виду Платонъ, когда говорилъ о «власти философовъ» и о «философствованіи правителей».

Властвующій долженъ имѣть вѣрное понятіе о верховной цѣли государства и его средствахъ. Его правосознаніе должно имѣть свои корни въ доброй волѣ и патріотизмѣ. Онъ долженъ непоколебимо вѣрить въ благородство государственности и въ жизненную духовную необходимость политическаго единенія. Онъ долженъ совмѣщать въ себѣ изощренное видѣніе права съ непреклонною волею къ его властному осуществленію; углубленное чувство отвѣтственности со способностью къ императивному рѣшенію. Властвующій не можетъ быть безъ воли къ власти; но эта воля должна быть не безпредметнымъ властолюбіемъ, а живымъ вдохновеніемъ государственности. Властитель, стоящій на высотѣ, видитъ въ своемъ публичномъ полномочіи не жадно блюдомую выгоду, но обязанность и отвѣтственное бремя. Онъ не останавливается и передъ бременемъ жизненно-необходимаго компромисса, но не «придумываетъ» для него санкціи отъ лица совѣсти и не извращаетъ нравственную природу государства ложнымъ ученіемъ о томъ, что «хорошая цѣль оправдываетъ всякія средства». Однимъ словомъ, властвующій долженъ сдѣлать свою волю живымъ органомъ государственности, или, что то же, его душа должна быть предметно одержима государственною цѣлью. И всякій дефектъ въ его правосознаніи чреватъ тягостными послѣдствіями для всего политическаго союза. Властитель, кто бы ни былъ онъ, — законодатель, правитель, или судья, — лишенный государственнаго смысла или патріотизма; одержимый злою волею, своекорыстіемъ или классовымъ интересомъ; не чувствующій права, не вѣрящій въ назначеніе и силу государства, и не сознающій своей отвѣтственности, безвольный или трусливый, — будетъ всегда истиннымъ бѣдствіемъ для своего союза: ибо дѣятельность его подрываетъ самое важное въ политической жизни — вѣру въ право и волю къ государственному единенію.

Все это можно выразить такъ, что во всякомъ государствѣ и при всякомъ строѣ власть должна принадлежать лучшимъ людямъ. По своей цѣли и по своему существу

---

*) См. главы седьмую, восьмую и девятую.

государство аристократично; вотъ аксіома, непоколебленная со временъ Конфуція, Гераклита и Аристотеля. Государство, поставившее къ власти худшихъ людей или, тѣмъ болѣе, вынесшее наверхъ общественные подонки, — переживаетъ смертельный недугъ; государство, «изгоняющее» или убивающее своихъ лучшихъ людей,—нуждается «въ переворотѣ» (Гераклитъ); государство, не умѣющее выдѣлить лучшихъ гражданъ,—обречено на прострацію и вырожденіе. И при всемъ этомъ критерій, по которому опредѣляются лучшіе граждане, не условенъ, не относителенъ и не спорен: это есть способность къ безкорыстному служенію духу и способность къ соціальной организаціи братства; первая составляетъ этическій цензъ, вторая — политическій цензъ аристократіи. Политическое «благородство» отнюдь не то же самое, что «древность рода», «знатность» или, тѣмъ болѣе, «богатство»; это есть благородство воли и правосознанія. И всѣ «аристократіи», осуществлявшіяся въ исторіи, но не удовлетворявшія этому критерію, были правленіемъ «лучшихъ» только по имени.

Далѣе, самая цѣль государства показываетъ, что власть фактически не можетъ и не должна осуществляться всѣмъ народомъ сообща или въ одинаковой степени.

Въ самомъ дѣлѣ, существованіе политической организаціи не является само по себѣ ни самостоятельной, ни высшей цѣлью человѣческой жизни. Государство необходимо для того, чтобы огражденіе естественныхъ правъ дало человѣку возможность не только и не просто «жить», но вести жизнь, достойную человѣческаго духа. Поэтому политическая дѣятельность не можетъ и не должна поглощать народныхъ силъ болѣе, чѣмъ это необходимо; ибо въ конечномъ счетѣ государственный дѣятель остается не столько непосредственнымъ творцомъ духа, сколько слугою народа и его духовныхъ вождей. Народъ учреждаетъ или пріемлетъ власть для того, чтобы жить и созидать, но не обратно. Именно поэтому процессъ формированія власти есть всегда процессъ соціальной дифференціаціи, т.е. выдѣленія нѣкоторыхъ, уполномоченныхъ императивно осуществлять государственныя цѣли. Къ этому присоединяются техническая невозможность творить власть большою массою: власть есть, прежде всего, живое дѣйствующее единство, требующее единаго воленаправленія и, слѣдовательно, согласія отдѣльныхъ воль въ вопросѣ объ общихъ задачахъ и общихъ средствахъ. Это единое воленаправленіе вырабатывается тѣмъ труднѣе, чѣмъ большее количество людей участвуетъ въ немъ своимъ мнѣніемъ и чѣмъ болѣе принципъ субординаціи вытѣсняется началомъ сговора. Политическая исторія знаетъ примѣры того, какъ цѣлыя учрежденія, партіи и даже режимы гибли въ бездѣйствіи и безплодіи потому, что въ процессѣ организаціи нарушали законъ экономіи силъ. Наконецъ, далеко не всякій гражданинъ обладаетъ тѣми свойствами, которыя необходимы для власти, — развитымъ правосоз-

ніемъ, вѣрнымъ пониманіемъ государственной цѣли, неподкупною волею, научнымъ разумѣніемъ соціально-экономическихъ процессовъ, гражданскимъ мужествомъ и организаторскимъ даромъ. Способность къ власти есть очень высокая квалификація личной души, а при современномъ историческомъ уровнѣ человѣчества,—людей, стоящихъ на такомъ уровнѣ, окажется особенно немного.

Все это можно выразить такъ, что властвованіе отъ лица государства всегда было и всегда будетъ связано съ опредѣленнымъ духовнымъ «цензомъ» *). Отвергать это можно только по недоразумѣнію, или же вслѣдствіе полной некомпетентности въ государственномъ дѣлѣ. Мало того, слѣдуетъ прямо поставить вопросъ о томъ, отвергаетъ ли кто нибудь вообще эту политическую аксіому. Ибо насколько извѣстно, никто и никогда не выдвигалъ столь нелѣпаго утвержденія, что всякій гражданинъ, какъ таковой, способенъ осуществлять публично-правовое полномочіе, или, что то же, можетъ обладать публично-правовою дѣеспособностью... Напротивъ, всѣ политическіе писатели и всѣ политическія партіи всегда признавали, что среди гражданъ есть люди, духовно-незрѣлые и духовно-несостоятельные, которымъ нелѣпо и пагубно поручать государственныя функціи; и найти разногласіе въ этомъ вопросѣ повидимому прямо невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, предоставить отправленіе публично-правовыхъ полномочій малолѣтнимъ или душевно-больнымъ людямъ было бы настолько нелѣпо и пагубно для политическаго союза, что на этомъ никто и не настаиваетъ. Граждане, еще не пріобрѣвшіе «зрѣлаго и здраваго разумѣнія», уже утратившіе его или никогда не имѣвшіе его (юродивые), естественно устраняются отъ дѣлъ, требующихъ такого разумѣнія. И такое устраненіе покоится, очевидно, на признаніи государственной власти дѣломъ, требующимъ духовнаго ценза. Разногласіе начинается только съ вопроса о размѣрахъ этого ценза и о способахъ его опредѣленія.

Напрасно было бы думать, что всякій человѣкъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста и не сошедшій явно съ ума, способенъ строить государственную власть. Это значило бы поставить политику ниже всякаго элементарнаго ремесла или рукодѣлія, требующаго, кромѣ возраста и отсутствія помѣшательства, еще наличности соотвѣтствующаго органа, тѣлесной сноровки и хотя бы смутнаго сознанія цѣли. И вотъ, политическая дѣятельность, не хуже любого ремесла или рукодѣлія, требуетъ, кромѣ возраста и «не — безумія», — наличности соотвѣтствующаго духовнаго органа, сознанія государственной цѣли и хотя бы минимальныхъ интеллектуальныхъ навыковъ. Нелѣпо строить государственную власть, не обладая государственнымъ правосознаніемъ; плачевные результаты будутъ всегда обезпечены: это будетъ или противо-го-

*) Не смѣшивать съ сословнымъ, имущественнымъ, профессіональнымъ и вѣроисповѣднымъ цензомъ.

сударственная власть, или государственное безвластіе, или же,— худшее—противо-государственное безвластіе. Первое приметъ форму личнаго деспотизма или классовой диктатуры; второе создастъ режимъ малодушія, уступокъ, попущенія и, соотвѣтственно, режимъ государственнаго распыленія, т. е, расхищенія власти, распаденія націи и территоріи; третье породитъ худшій строй,— охлократію: господство черни, руководимой демагогами. Политическая исторія знаетъ всѣ эти пути и возможности; и, осуществляя ихъ, она давала и даетъ доказательство того, что публичная дѣеспособность измѣряется всецѣло государственнымъ правосознаніемъ.

Поэтому необходимо признать, что историческія государства, медленно и постепенно допуская народныя массы къ публичной дѣятельности, руководятся вѣрнымъ инстинктомъ самосохраненія. Политическій союзъ, не соблюдающій этой постепенности, рискуетъ своимъ существованіемъ, онъ предаетъ свою судьбу въ руки государственныхъ младенцевъ или политическихъ слабоумцевъ и дни его бываютъ сочтены. Въ этой вѣрной постепенности нѣтъ ничего политически предосудительнаго; напротивъ, въ ней есть глубокій смыслъ и государственная мудрость. Зато гибельнымъ и преступнымъ является поведеніе властвующихъ группъ и классовъ, если они пользуются не-дѣеспособностью народа для того, чтобы подмѣнить государственный интересъ — классовымъ, и удержать народное правосознаніе на низменномъ уровнѣ. Этимъ они готовятъ бѣду не только себѣ, но и всему государству: они компрометируютъ самую идею политическаго единенія, связывая ее въ народномъ представленіи съ идеею классоваго своекорыстія; они воспитываютъ въ народѣ слѣпое недовѣріе ко всякой власти, глухую злобу и темную жадность; они сами взращиваютъ того Калибана, ту чернь, которая однажды, потерявъ страхъ, попытается упразднить культуру и государство и открыто замѣнить политическую власть своекорыстнымъ произволомъ. Такое поведеніе властвующихъ группъ и классовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ихъ собственное правосознаніе далеко не соотвѣтствуетъ необходимому уровню; что противъ нихъ нужны формальныя правовыя гарантіи, ибо лучшая, содержательная гарантія, — благородство правосознанія, — отсутствуетъ. И тягостнымъ является положеніе того государства, въ которомъ правящія группы не способны править въ порядкѣ истинной государственной опеки, а широкія массы неспособны ни принять отъ нихъ власть, ни осуществить формальныя правовыя гарантіи. Такое государство не можетъ строиться по типу учрежденія, но не въ состояніи обратиться и къ корпоративному строю; и только общественная работа надъ развитіемъ правосознанія можетъ спасти его отъ медленнаго распада.

Опасность такого злоупотребленія властью свидѣтельствуетъ, конечно, не о «не-нужности» духовнаго ценза, но, наоборотъ, о его безусловной необходимости. Основная задача государственнаго устройства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить выдѣленіе къ власти лучшихъ гражданъ; и можно сказать, что госу-

дарственная зрѣлость широкихъ массъ опредѣляется именно способностью къ такому выдѣленію. Государственная власть всегда и безусловно должна имѣть аристократическій характеръ; это первое основное требованіе, предшествующее всѣмъ остальнымъ. И переходъ отъ режима государственной опеки къ режиму государственнаго самоуправленія имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку онъ не нарушаетъ этого основного условія.

Исторически государство можетъ быть описано такъ: по формѣ — это есть публичное учрежденіе, медленно приближающееся къ корпораціи; по духу — это есть самоуправляющаяся корпорація, медленно втягивающая въ себя широкіе круги и народныя массы. Политическая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать режимъ опеки только въ мѣру дѣйствительной необходимости и въ то же время энергично работать надъ преодолѣніемъ политической недѣеспособности массъ; или, иначе: воспитывать въ массахъ духъ корпоративнаго самоуправленія и закрѣплять этотъ духъ соотвѣтствующею государственною формою. Задача государственной опеки состоитъ не въ томъ, чтобы поддерживать опекаемаго въ состояніи духовнаго несовершеннолѣтія, въ состояніи гражданскаго скудоумія и политической невмѣняемости; но въ томъ, чтобы воспитывать опекаемаго, сообщая ему способность къ волевому самообузданію и самодисциплинированію, — способность къ самоопекѣ. Ибо государство сильно и достойно не тогда, когда власть влачитъ населеніе къ правопорядку противъ его воли, навязывая народу патріотическую солидарность посредствомъ страха и казней; но тогда, когда въ самомъ народѣ живетъ духъ государственнаго патріотизма и политическаго добровольчества.

Согласно этому, одна изъ основныхъ задачъ государственной власти есть политическое воспитаніе народа. Это значитъ, что широкія массы должны быть вовлекаемы въ политическую жизнь до того, какъ за ними будетъ формально утверждена публичная дѣеспособность; или, что то же: только тотъ можетъ приступить къ отправленію публичныхъ полномочій, кто осмыслилъ и усвоилъ свои публичныя обязанности и запретности; ибо самоуправленіе и самоорганизація предполагаютъ въ массѣ высокую дисциплину, т.е. непоколебимую вѣрность обязанностямъ и запретностямъ. Это можно выразить еще такъ: широкія массы народа должны быть вовлекаемы въ государственную жизнь сначала черезъ правосознаніе, а потомъ только черезъ политическій актъ. Ибо политическій актъ, не выросшій изъ здороваго правосознанія, гибеленъ и безсмысленъ; а здоровое правосознаніе, не изливающееся ни въ какой опредѣленный и оформленный политическій актъ, отнюдь не безсмысленно и не гибельно, — напротивъ, оно остается драгоцѣнной способностью, возможностью грядущихъ достиженій.

Можно признать, конечно, что человѣкъ, которому совсѣмъ не позволяютъ стоять на ногахъ и ходить,—такъ и не научится

ходить. Однако ребенокъ, котораго воспитатель ставитъ на ноги преждевременно и побуждаетъ ходить пока онѣ еще не окрѣпли, — выростаетъ съ изуродованными, кривыми ногами. Это означаетъ, что народу необходимо упражняться въ общественномъ самоуправленіи; однако не въ той сферѣ, въ которой изволеніе окончательно строитъ государственную жизнь въ ея основныхъ жизнеопредѣляющихъ линіяхъ. Важно, чтобы люди пріучались къ строительству и поддержанію общественныхъ организацій; но нелѣпо, вредно и гибельно, когда эта школа общественнаго самоуправленія, пріучающая людей къ азбукѣ координаціи и субординаціи, перемѣщается въ сферу судьбоносныхъ рѣшеній и государственной политики. Политика не терпитъ ни ребячества, ни игры, ни дилетантизма, ни маньякальнаго экспериментаторства. И то, что умѣстно въ сферѣ частной общественности,—спортъ и клубы, благотворительность и кооперація,—тому не мѣсто въ вопросахъ національнаго водительства и обороны.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ намъ возможность освѣтить вопросъ о государственной формѣ и вопросъ о демократіи.

Этотъ вопросъ распадается при внимательномъ отношеніи на два различные вопроса: на вопросъ объ эмпирически-наиболѣе-цѣлесообразной формѣ и на вопросъ о наиболѣе совершенной формѣ.

Нѣтъ и не можетъ быть единой политической формы, наиболѣе цѣлесообразной для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Этому мечтательному и безпочвенному предразсудку пора угаснуть. Ибо политическая форма опредѣляется всею совокупностью духовныхъ и матеріальныхъ данныхъ у каждаго отдѣльнаго народа и прежде всего присущимъ ему уровнемъ правосознанія. Для каждаго даннаго народа въ каждую данную эпоху наиболѣе цѣлесообразна та политическая форма, которая наилучше учитываетъ присущую именно ему зрѣлость и прочность государственной воли и сообразуетъ съ нею ту комбинацію изъ корпоративнаго и опекающаго начала, которая ведетъ и строитъ національную жизнь. И притомъ эта форма должна вести народъ именно къ единой и объективной государственной цѣли и обезпечивать аристократическую природу власти. Понятно, что здѣсь не можетъ быть единаго разрѣшенія; мало того, возможно, что наиболѣе цѣлесообразною формою окажется rebus sic stantibus форма наименѣе духовно совершенная: такъ, чернь, какъ таковая, требуетъ деспотическаго господства, и при отсутствіи монархическихъ предпосылокъ въ странѣ— государство можетъ оказаться обреченнымъ на форму тираніи.

Иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о наиболѣе совершенной политической формѣ.

Здѣсь опредѣленно можно установить, что наиболѣе совершенна та политическая форма, которая соотвѣтствуетъ основнымъ и неизмѣннымъ аксіомамъ правосознанія и обращается въ душахъ гражданъ именно къ этимъ аксіоматическимъ основамъ гражданственной жизни. Такихъ аксіомъ можно указать три: 1) чувство собственнаго духовнаго достоинства и его проявленія:

уваженіе къ себѣ, начало чести и духовнаго измѣренія жизни. 2) способность къ волевому самоуправленію, — и ея проявленія: принципіальность, убѣжденность, самодѣятельность, дисциплина и долгъ. 3) взаимное довѣріе и уваженіе — гражданина къ гражданину, гражданина къ власти и власти къ гражданину. И вотъ наиболѣе совершенна та политическая форма, которая соотвѣтствуетъ этимъ аксіоматическимъ основамъ, взываетъ именно къ нимъ и именно ихъ приводитъ въ дѣйствіе, въ качествѣ политически-движущаго мотива.

Это можно было бы выразить такъ, что наиболѣе совершенна та политическая форма, которая воспринимаетъ въ себя духъ христіанства и пропитываетъ ритмъ политическаго единенія — началами любви, уваженія и довѣрія, началами духовнаго самоутвержденія, бытового-земного самоотверженія и героизма. При такомъ подходѣ будетъ вѣрно освѣщенъ и вопросъ о демократіи.

Демократія есть государственный строй, при которомъ власть организована по принципу корпоративнаго самоуправленія. Отсюда вытекаетъ уже все существенное.

Демократическій строй есть способъ государственнаго устроенія. Слѣдовательно, какъ и всякій другой строй, онъ цѣненъ и допустимъ лишь въ ту мѣру, въ какую онъ не противорѣчитъ государственной цѣли. «Государство» есть родовое понятіе; «демократическое государство»—видовое. Видъ, теряющій признаки рода, есть nonsens; государство, пытающееся быть демократіей цѣною своего государственнаго бытія,—есть нелѣпое и обреченное явленіе. Иными словами: если вторженіе широкихъ массъ въ политику разрушаетъ государство, то государство или погибнетъ, или найдетъ въ себѣ силы остановить это вторженіе и положить ему конецъ. Демократія, какъ начало антигосударственное, не имѣетъ ни смысла, ни оправданія; она есть охлократія т.е. правленіе черни и этимъ уже предначертана ея судьба.

Это значитъ, что демократія цѣнна и допустима лишь постольку, поскольку она создаетъ аристократическое осуществленіе государственной цѣли, т.е. служитъ общему дѣлу власти, права и духа. Демократія не есть ни высшая цѣль; ни самостоятельная цѣль; она есть лишь способъ выдѣленія немногихъ, лучшихъ къ власти; и притомъ одинъ изъ способовъ. Въ качествѣ способа аристократизаціи власти, она и подлежитъ рѣшающей оцѣнкѣ; въ этомъ ея испытаніе и отсюда ея приговоръ. И если этотъ приговоръ отрицательный, то государство или обратится къ другимъ способамъ, или погибнетъ.

Демократическій строй, самъ по себѣ, есть лишь форма: и потому его цѣнность зависитъ отъ того, какое содержаніе вольется въ эту форму.

Такъ называемая «народная воля» имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку она вѣрна политическому содержанію; внѣ этого она оказывается лишь дурнымъ вожделѣніемъ толпы; и качество этого дурного вожделѣнія нисколько не становится выше отъ того,

что имъ увлечены многіе или даже большинство. Не всякая «потребность народа» священна; ибо и человѣку и многимъ людямъ бываютъ свойственны потребности, не заслуживающія удовлетворенія. И вотъ, политически-дѣеспособный народъ долженъ умѣть не только осознать свои потребности, но и понять ихъ природу, ихъ достоинство и затѣмъ произвести среди нихъ отборъ. И тѣ потребности, которыя духовно вѣрны, должны быть постигнуты, какъ общія и солидарныя, и вслѣдъ затѣмъ введены въ рамки публичнаго правосознанія, для того, чтобы можно было организовать ихъ аристократическое осуществленіе. Только въ этомъ значеніи «народная воля» есть нѣчто драгоцѣнное, ибо народъ перестаетъ быть темною массою, толпою, или механическою суммою классовъ и профессій: онъ является политически организованнымъ, духовнымъ единствомъ, онъ выступаетъ, какъ единый національный духъ, вѣрно и автономно осуществляющій свое назначеніе.

Такъ разрѣшается вопросъ о государственной «формѣ». Она должна опредѣляться во взаимодѣйствіи двухъ основъ: единой, объективной государственной цѣли и наличнаго въ странѣ уровня правосознанія. Она должна всегда обезпечивать аристократическую природу власти и, въ то же время, сообразовать размѣры самоуправленія народа со зрѣлостью и прочностью его государственной воли. Нѣтъ и не можетъ быть единой политической формы, «наилучшей» для всѣхъ временъ и народовъ: пора угаснуть этому мечтательному и безпочвенному предразсудку, пора политическимъ вождямъ и партіямъ пріобщиться мудрости, сочетающей духовное вѣдѣніе «единаго» съ эмпирическимъ видѣніемъ «множественнаго» и различнаго... Единой, наилучшей формы нѣтъ: но есть основныя, непреходящія аксіомы власти и аксіомы правосознанія, на соблюденіи которыхъ должна покоиться всякая правовая организація. Эти аксіомы опредѣляются всецѣло природою человѣческаго духа и права.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Аксіомы власти.

Историческій опытъ человѣчества показываетъ, что авторитетъ положительнаго права и создающей его власти покоится не только на общественномъ сговорѣ, не только на полномочіи законодателя, не только на внушительномъ воздѣйствіи приказа и угрозы, — но прежде всего и глубже всего на духовной правотѣ или, что то же, на содержательной вѣрности издаваемыхъ повелѣній и нормъ. Именно эта духовная вѣрность творимаго права является всегда лучшимъ залогомъ того, что авторитетъ права и власти будетъ дѣйствительно признанъ правосознаніемъ народа и что ихъ политическая прочность соединится съ жизненною продуктивностью. Духовная правота сама по себѣ обладаетъ вообще нѣкою, свиду таинственною, силою, которая импонируетъ даже и тѣмъ, кто возстаетъ противъ нея, даже и тогда, когда она повидимому остается вопіющею въ пустотѣ. Это вліяніе правоты объясняется тѣмъ, что она обладаетъ не только духовною цѣнностью, но и жизненною вѣрностью; и въ частности, изученіе естественнаго права разрѣшаетъ не только теоретическую проблему, но и насущный вопросъ человѣческаго устроенія. Духовно вѣрное право вѣрно не только «въ теоріи»; нѣтъ, оно вѣрно рѣшаетъ практическія задачи общественности; оно устанавливаетъ ту основу жизни, по отношенію къ которой всѣ злободневные политическіе вопросы и затрудненія являются лишь вторичными видоизмѣненіями или частными случаями. Вѣрное обрѣтеніе этой личной и соціальной духовной формы составляетъ глубочайшую и безусловную потребность человѣчества. Напрасно думать, что какое нибудь очередное политическое заданіе можетъ быть во-истину разрѣшено внѣ утвержденія этой духовно-вѣрной формы жизни: внѣ ея всякое «разрѣшеніе» будетъ мнимымъ, — или условною отсрочкою, или источникомъ новыхъ бѣдъ. Спасеніе въ одномъ: форма духа должна установить актъ правосознанія, содержаніе права и строеніе политической власти. Правовая и политическая жизнь должна быть вѣрна своимъ глубокимъ, послѣднимъ корнямъ; а эти корни имѣютъ духовную природу.

Это можно выразить такъ: необходимо, чтобы люди въ ихъ совмѣстной жизни блюли нѣкоторыя элементарныя, но священныя основы права и государства. Внѣ этого ни одна политическая организація не создастъ ниче-

го кромѣ разложенія и страданій. Эти основы могутъ быть формулированы въ видѣ ряда *аксіомъ*, и этотъ рядъ, при нисхожденіи отъ поверхности въ глубину, можетъ быть раздѣленъ на двѣ группы: одна содержитъ *аксіомы власти*, а другая *аксіомы правосознанія*.

Политическое властвованіе состоитъ въ соціально-сосредоточенномъ и юридически-организованномъ *вліяніи воли* однихъ, лучшихъ и уполномоченныхъ людей на волю другихъ, подчиненныхъ, причемъ подчиненные связуются не только *правотою* и *силою власти*, но и *собственнымъ правосознаніемъ*; это вліяніе должно служить торжеству естественнаго права, т.е. его обрѣтенію и осуществленію, какъ единаго и общаго порядка жизни.

Это означаетъ, что власть по родовой сущности своей есть *сила* и притомъ *волевая сила*, а по видовому отличію своему она является *правовою* силою.

Власть есть, прежде всего *сила*. Это выражается въ томъ, что она есть способность къ воздѣйствію и вліянію. Безсильная власть есть въ логическомъ отношеніи безсмыслица, а въ государственномъ отношеніи пагубный призракъ, фантомъ или симуляція; такая власть никому не нужна, ибо она лишена подлинной, жизненной реальности; она опасна и гибельна, потому что ведетъ весь государственный союзъ къ разложенію. Для того, чтобы государство могло *быть* и *дѣйствовать*, ему необходима эта *подлинная энергія*, *сосредоточенная* и *организованная* въ живое единство. Сущность *жизни* состоитъ въ дѣйствіи и притомъ въ *цѣлесообразномъ дѣйствіи*; способность же къ такому дѣйствію есть *живая сила*. Поэтому, сказать «сильная власть» все равно, что сказать «подлинная, живая власть» или «власть, соотвѣтствующая своей природѣ и своему назначенію». Государство со слабою властью нежизнеспособно. Ослабленіе и расшатаніе власти есть умерщвленіе государства. Поэтому все то, что слагаетъ силу власти,—*авторитетъ*, *единство*, *правота цѣли*, *организованность* и *исполнительность понудительнаго аппарата*,—все это образуетъ самую основу государственнаго бытія.

Въ отличіе отъ всякой физической силы, государственная власть есть *волевая* сила. Это означаетъ, что способъ ея дѣйствія есть по самой природѣ своей *внутренній*, *психическій* и притомъ *духовный*. Физическая сила, т.е. способность къ вещественно-тѣлесному воздѣйствію человѣка на человѣка — необходима государственной власти, но она отнюдь не составляетъ основного способа дѣйствовать, присущаго государству. Мало того, государственный строй тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе онъ обращается къ физической силѣ; и именно тотъ строй, который тяготѣетъ къ исключительному господству физической силы, — подрываетъ себя и готовитъ себѣ разложеніе. «Мечъ» отнюдь не выражаетъ сущность государственной власти; онъ есть лишь крайнее и болѣзненное ея средство; онъ составляетъ ея *послѣднее* слово и *слабѣйшую изъ ея*

опоръ. Бываютъ положенія и періоды, когда власть безъ меча есть негодная и гибельная власть; но это періоды исключительные и ненормальные. Нормально сила власти не въ мечѣ, а въ авторитетномъ вліяніи ея волевого императива.

Власть есть сила воли. Эта сила измѣряется не только интенсивностью и активностью внутреняго волевого напряженія, осуществляемаго властителемъ, но и авторитетною непреклонностью его внѣшнихъ проявленій. Поэтому человѣкъ съ нерѣшительною, колеблющеюся, раздвоенною волею, поддающійся непредметнымъ вліяніямъ, мягкій и уступчивый—неспособенъ къ власти. Назначеніе власти въ томъ, чтобы создавать въ душахъ людей настроеніе опредѣленности, завершонности, импульсивности и исполнительности. Властвующій долженъ не только хотѣть и рѣшать, но и другихъ систематически приводить къ согласному хотѣнію и рѣшенію. Властвовать значитъ какъ бы налагать свою волю на волю другихъ; однако съ тѣмъ, чтобы это наложеніе добровольно принималось тѣми, кто подчиняется. Властвованіе есть тонкій, художественно слагающійся процессъ общенія болѣе могучей воли съ болѣе слабой волей. Этотъ процессъ создаетъ незримую и невѣсомую атмосферу тяготѣнія периферіи къ центру, многихъ разрозненныхъ воль къ единой, организованной, ведущей волѣ. Созданіе такой атмосферы есть дѣло особаго искусства, требующаго не только интенсивности волевого бытія, но и душевно-духовной прозорливости, подлиннаго воспріятія безсознательной жизни другихъ и умѣнія ее воспитывать. Властвующій долженъ сдѣлать изъ своей воли, во-первыхъ, силу, предметно одержимую государственною цѣлью, и, во-вторыхъ, дѣйствительный и единый волевой фокусъ народной жизни. Жизнь государства состоитъ въ такомъ согласованіи воль (координація), которое, оставаясь по существу добровольной координаціей, принимаетъ форму волевой субординаціи (подчиненія). И вотъ задача властвующаго состоитъ въ томъ, чтобы на путяхъ подчиненія воспитать волю къ автономному согласованію и насытить духомъ этой добровольной координаціи — субординирующую форму государственности *). Таково волевое заданіе власти; и только на этомъ основаніи государство можетъ превратиться въ дѣйствительное и неунизительное единеніе воль.

Къ этому присоединяется правовой характеръ государственной власти. Онъ обозначаетъ, что воля государства, какъ разновидность человѣческой воли, не безпредметна и не развязана, но предметно связана этическимъ содержаніемъ. Этимъ опредѣляется духовное, а не просто соціально-психическое бытіе государства. Выдѣленная въ процессѣ соціальной дифференціаціи и политически организованная

*) См. главы четвертую, семнадцатую и восемнадцатую.

воля народа сохраняетъ свою *духовную природу*, *свою объективную цѣль*, *свои принципы* и *свои мѣрила*. Государственная власть соблюдаетъ свою истинную духовную природу только тогда, если она остается вѣрна своей цѣли, своимъ путямъ и средствамъ; она получаетъ свое священное значенiе только изъ этой послѣдней, духовной, нравственной и религiозной глубины.

Въ этихъ основополагающихъ соображенiяхъ содержатся уже, въ сущности говоря, всѣ *аксiомы власти*. Взятыя вмѣстѣ, онѣ утверждаютъ, что основная природа права и государства мирится *не* со всякимъ восхожденiемъ къ власти; что есть пути къ власти, вступать на которые—значитъ разрушать и самую власть, и государство. Борьба за государственную власть должна при всякихъ условiяхъ сохранять свою *политическую* природу; въ противномъ случаѣ путь погубитъ самое достиженiе и средство убьетъ свою цѣль. Политика имѣетъ свои необходимые пути и формы, и людямъ никогда еще не удавалось нарушать и попирать ихъ безнаказанно.

Первая аксiома власти гласитъ, что государственная власть не можетъ принадлежать никому помимо *правового полномочiя*.

Это явствуетъ изъ того, что законодатель естественной правоты долженъ обладать особою—предметною и духовною *компетентностью*: только духовно-зрячiй человѣкъ имѣетъ *основанiе* и *право* принять на себя властное руководство общественной жизнью. В порядкѣ политической цѣлесообразности этого требуетъ принципъ *организацiи*, покоющейся на раздѣленiи функцiй, на ихъ распредѣленiи, на общественномъ соглашенiи и признанiи. Мало того, правосознанiе требуетъ, чтобы самая власть воспринималась не какъ сила, порождающая право, но какъ *полномочiе*, *имѣющее жизненное влiянiе* (силу) *только въ мѣру своей правоты*. Право родится не отъ силы, но исключительно отъ права и, въ конечномъ счетѣ, всегда отъ естественнаго права. Это значитъ, что грубая сила, захватившая власть, будетъ создавать положительное право лишь въ ту мѣру, въ какую *правосознанiе* людей *согласится* (подъ давленiемъ какихъ бы то ни было соображенiй) признать ее *уполномоченной* силой.

Власть, совсѣмъ лишенная *правовой санкцiи*, есть юридически индифферентное явленiе: она не имѣетъ правового измѣренiя. Получить правовую санкцiю она должна *и* отъ конституцiоннаго закона, *и* отъ признающаго правосознанiя.

Власть, лишенная законной санкцiи, возникаетъ въ катастрофическихъ случаяхъ дезорганизацiи или переворота; и тогда ея задача и ея спасенiе въ томъ, чтобы опереться на санкцiю *правосознанiя* (своего и народнаго), которое одно только и компетентно создать *новую* конституцiонную форму и тѣмъ восполнить недостающую формальную санкцiю. Если же это ей не удастся и новая форма не будетъ создана, то неизбѣжное разложенiе, проистекающее изъ непризнанiя власти и

углубленія дезорганизаціи, увлечетъ за собою и дефективную власть и самое государство.

Власть, лишенная признанія и уваженія, обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда исторически сложившійся режимъ изживается и переживаетъ себя, такъ, что правосознаніе властвующихъ круговъ отстаетъ отъ роста народныхъ потребностей и общественнаго правосознанія; задача и спасеніе такой власти состоитъ въ томъ, чтобы, опираясь на имѣющуюся формальную санкцію закона, обновить свое политическое воленаправленіе и тѣмъ заслужить санкцію правосознанія. Если же это ей не удастся и правосознаніе народа не приметъ ея, то ее настигнетъ переворотъ со всѣми опасностями перваго исхода.

Понятно, что власть, не уполномоченная ни конституціонною формою, ни пріемлющимъ правосознаніемъ,—можетъ только симулировать законодательство, управленіе и судъ, ибо она останется претендующею и посягающею силою; и даже естественное право, случайно ею провозглашенное и утвержденное, останется или отвлеченною формулою, или навязаннымъ и мертвымъ жизненнымъ трафаретомъ. Повидимому, эта первая аксіома власти, требующая правового полномочія, поддерживается самою жизненною механикою государства.

Вторая аксіома власти утверждаетъ, что государственная власть въ предѣлахъ каждаго политическаго союза должна быть едина.

Это явствуетъ изъ того, что естественное право выражаетъ необходимую форму самого духа и что, поэтому, оно само едино, какъ единъ Духъ и едина Его правота. Въ порядкѣ политической цѣлесообразности этого требуетъ принципъ государственнаго единенія, связующаго множество людей именно ихъ отношеніемъ къ общему и единому источнику положительнаго права.

Единство государственной власти слѣдуетъ понимать, конечно, не въ смыслѣ единства «органа» или нераспредѣлимости функцій и компетенціи, но въ смыслѣ единаго организованнаго воленаправленія, выражающагося въ единствѣ обрѣтаемаго и осуществляемаго права. Въ предѣлахъ одного союза въ одинъ и тотъ же моментъ одно и то же —не можетъ быть сразу «правомъ» и «не-правомъ». Положительное право, по самому смыслу своему, опредѣлительно, недвусмысленно и едино; это единство его есть проявленіе присутствующей въ немъ и освящающей его естественной правоты. И государственная власть, имѣющая высокое назначеніе формулировать естественную правоту въ видѣ положительныхъ нормъ, получаетъ отсюда значеніе единаго и единственнаго компетентнаго источника права; такъ, что только полномочное пріобщеніе къ ней можетъ сообщить человѣку или органу правоустанавливающую компетенцію.

Правосознаніе, по самому существу своему, не можетъ признать одинаково «правовыми» двѣ исключающія другъ друга нормы или два исключающія другъ друга велѣнія. И, точно также, оно не можетъ признать одинаково «государственными» двѣ исклю-

чающія другъ друга или стоящія въ противоборствѣ власти. Въ каждомъ политическомъ союзѣ государственная власть, несмотря на всѣ свои развѣтвленія, по самому существу своему единственна; наличность двухъ государственныхъ властей свидѣтельствуетъ о наличности двухъ политическихъ союзовъ. Можетъ быть такъ, что эти два «государства» только еще зарождаются или уже отживаютъ, или же являются обломками распавшагося политическаго союза; но, если двѣ возникшія власти не сливаются въ одну единственную, то онѣ, рано или поздно, начинаютъ между собою борьбу изъ за личнаго состава и территоріи юридическаго лица, и война между ними становится неизбѣжною. Поэтому государство, внутри котораго возникли двѣ власти, стоитъ передъ гражданскою войною и внутреннимъ разложеніемъ; а правосознанію приходится отмѣтить попраніе одной изъ аксіомъ власти и совершить выборъ.

Третья аксіома власти утверждаетъ, что государственная власть всегда должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу *).

Это опредѣляется высотою, сложностью и отвѣтственностью самаго заданія, разрѣшеніе котораго предполагаетъ въ человѣкѣ художника естественной правоты. Въ порядкѣ политической цѣлесообразности этого требуетъ принципъ авторитета власти и принципъ добровольнаго признанія ея со стороны правосознанія подчиненныхъ. Власть, лишенная авторитета, хуже, чѣмъ явное безвластіе; народъ, принципіально отвергающій правленіе лучшихъ или не умѣющій его организовать и поддерживать, является чернью; и демагоги суть его достойные вожди.

Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дѣло, движимые не политическимъ правосознаніемъ, но частною корыстью; но именно поэтому они не ищутъ лучшихъ людей и не хотятъ передавать имъ власть. Къ черни можетъ принадлежать всякій: и богатый, и бѣдный, и темный человѣкъ, и «интеллигентъ». Чернь отличается корыстною волею и убогимъ правосознаніемъ, а въ революціонныя эпохи сверхъ того и политическою притязательностью. Государственная власть есть для нея лишь удобное средство, служащее для достиженія личныхъ или классовыхъ цѣлей. Различіе между публично-правовой сферою и частно-правовою, преимущественность публичнаго блага передъ частнымъ, священность публичной обязанности, — все это недоступно черни; именно поэтому она вѣками беретъ и даетъ взятки, распродавая и расхищая государственное дѣло; уклоняется всѣми средствами отъ обременительныхъ повинностей; сохраняетъ безразличіе въ годину общественныхъ бѣдъ, а въ смутное время бунтуетъ и грабитъ, легко мѣняя вождя и знамя. Чернь не понимаетъ ни назначенія государства, ни его путей и средствъ; она не знаетъ общаго интереса и не чувствуетъ солидарности; именно поэтому она не способна къ организаціи и дисциплинѣ

*) См. главу тринадцатую.

и легко распыляется при первомъ же энергичномъ сопротивленіи государственно-организованныхъ силъ. Она совершенно лишена сознанія государственнаго единства и воли къ политическому единенію; и потому, предоставленная себѣ, она быстро распадается на враждебные станы и шайки и начинаетъ безконечную гражданскую войну. Право есть для нея вопросъ силы, ловкости и удачи; и потому, видя силу на своей сторонѣ, она обнаруживаетъ дерзость и быстро становится наглою, а растерявшись, трепещетъ и пресмыкается. Чернь ненавидитъ государственную власть, пока эта власть не въ ея рукахъ; и, ненавистничая, покоряется изъ страха; и, покоряясь, ждетъ и требуетъ отъ нея подачекъ, Но, посадивъ своюо власть, она не умѣетъ дать ей — ни уваженія, ни довѣрія, ни поддержки; она начинаетъ подозрѣвать и ее, проникается ненавистью и къ ней и тѣмъ расшатываетъ и губитъ свое собственное противо-политическое порожденіе. А если ей все таки удается создать нѣкоторое подобіе «режима», то этотъ «режимъ» осуществляетъ подъ видомъ «демократіи» торжество жадности надъ общимъ благомъ, равенства надъ духомъ, лжи надъ доказательствомъ и насилія надъ правомъ; этотъ «режимъ» зиждется на лести и подкупѣ и осуществляетъ власть демагоговъ.

Въ ряду корыстныхъ честолюбцевъ, стремящихся къ власти, во что бы то ни стало, демагогъ занимаетъ низшее мѣсто: ибо онъ выбираетъ путь наиболѣе пагубный для народнаго правосознанія. Онъ обращается къ черни, ищетъ у нея успѣха и получаетъ власть изъ ея рукъ. Для того, чтобы добиться этой «инвеституры», онъ пользуется всѣми путями, не останавливаясь и передъ такими, которые разрушаютъ самое государство; онъ взываетъ къ слѣпой, противо-государственной корысти, столь легко поглощающей темную душу, и, разжигая ее до состоянія страсти, говоритъ ей слова лести и подкупа. Онъ обращается къ худшему, что есть въ человѣкѣ и это худшее полагаетъ въ основу политики и власти; онъ низводитъ государственное дѣло на уровень черни и ея пониманія и на этомъ строитъ свой успѣхъ. Поэтому онъ есть худшій врагъ народнаго правосознанія и государственности.

Демагогъ затемняетъ сознаніе массы, бросая ей, въ видѣ готовыхъ популярныхъ лозунговъ, соблазнительныя для нея противо-государственныя «идеи»; онъ развращаетъ ея чувство, питая въ ней аффекты ненависти и жадности; онъ совращаетъ ея волю, наводя ее на противо-политическія и порочныя цѣли. Демагогъ осуществляетъ систему угожденія темной массѣ; онъ мобилизуетъ чернь тамъ, гдѣ она уже имѣлась и создаетъ ее тамъ, гдѣ ея еще не было. И въ этомъ угожденіи, онъ, естественно, восхваляетъ чернь, изображая ее «суверенным народомъ», и славитъ ея низкія вожделѣнія и дѣянія, изображая ихъ мнимую высоту и доблесть. Этимъ онъ воспитываетъ въ душахъ политическую продажность: онъ внушаетъ черни, будто государственная власть есть ея товаръ, который она можетъ выгодно продать; и затѣмъ назначаетъ цѣну этому товару въ видѣ «политическихъ» обѣщаній и посуловъ. Демагогъ ищетъ купить

государственную власть такъ, какъ если бы эта власть дѣйствительно принадлежала темной толпѣ. И, подкупая ее противо-государственными, неосуществимыми и нелѣпыми посулами, онъ осуществляетъ худшій, ибо наиболѣе утонченный и развращающій, видъ политической коррупціи; и, въ то же время, онъ творитъ политическій обманъ, ибо нелѣпое обѣщаніе завѣдомо безнадежно, а осуществленіе противо-государственнаго посула, если бы оно было предпринято, погубило бы и посулившаго демагога, и полуразрушенный уже политическій союзъ. И такъ, нагромождая обманъ на подкупъ, демагоги осуществляютъ распродажу съ молотка государственной власти.

Такъ, нарушеніе третьей аксіомы власти создаетъ постепенно режимъ политической порочности и извращаетъ въ самомъ корнѣ аристократическую природу государственности.

Четвертая аксіома власти утверждаетъ, что политическая программа можетъ включать въ себя только такія мѣры, которыя преслѣдуютъ общій интересъ.

Это явствуетъ изъ того, что государственная власть имѣетъ призваніе утверждать естественное право, а естественное право совпадаетъ именно съ общимъ, духовнымъ интересомъ народа и гражданина *). Въ порядкѣ политической цѣлесообразности это опредѣляется тѣмъ, что только служеніе общему интересу превращаетъ государственную власть въ дѣйствительный, авторитетный центръ политическаго единенія.

Эту аксіому можно выразить такъ, что программа власти должна быть пріемлема для зрѣлаго государственнаго правосознанія; не просто для «наличнаго въ народѣ правосознанія», но для его духовно-вѣрной, предметной глубины. Поставленіе себя лицомъ къ лицу съ этой глубиною правосознанія и съ общимъ государственнымъ интересомъ—составляетъ основную задачу всякой честной политической партіи.

Партія есть не шайка, не банда, не клика и не котерія именно постольку, поскольку она стремится создать государственную власть, а не просто захватить власть въ государствѣ. Но воля къ государственной власти есть тѣмъ самымъ воля къ государственной цѣли, которая не включаетъ въ себя никакого частнаго,—личнаго или классоваго, — интереса, какъ такового. Поэтому политическая партія не можетъ быть классовою по своей программѣ: она должна быть непремѣнно всеклассовою и притомъ сверхклассовою. Ибо государственная власть есть нѣчто единое для всѣхъ и общее всѣмъ; и поэтому программа, намѣчающая ея желанную и грядущую линію поведенія, можетъ содержать указанія только на общіе интересы. Партія, лишенная государственной программы, поддерживающая одинъ классовый интересъ, есть противо-государственная партія; она политически недѣеспособна; если она захватитъ власть, то она поведетъ нелѣпую и гибельную политику и погубитъ государство раньше, чѣмъ сила вещей заставитъ ее наскоро придумать по-

*) См. главы пятую и двѣнадцатую.

литическія добавленія къ ея противо-политической программѣ.

Зрѣлое правосознаніе есть единственная сила, которая можетъ обезпечить государственность партійныхъ программъ. При наличности такого правосознанія партія отъ партіи отличается не по тому, чей интересъ отстаиваетъ каждая изъ нихъ: ибо всѣ отстаиваютъ одинъ и тотъ же интересъ—государственный; но по тому, какъ онѣ понимаютъ этотъ единый и общій всѣмъ интересъ. Тогда борьба партій является уже не конкурсомъ классовыхъ претензій, но споромъ политическихъ пониманій. Тогда всѣ партіи хотятъ одного и того же: государственнаго, т.е. всеклассоваго и сверхклассоваго, всегражданскаго блага; всѣ партіи вынашиваютъ единое воленаправленіе; всѣ партіи стараются прежде всего отличить государственный интересъ отъ личнаго и классоваго; и всѣ сознаютъ непозволительность построенія программы по принципу корысти.

Въ результатѣ этого партія можетъ и должна быть своего рода политическимъ чистилищемъ: она очищаетъ волю своихъ членовъ отъ противо-государственнаго своекорыстія, отрывая ихъ близорукій взглядъ отъ непосредственныхъ эгоистическихъ задачъ и заставляя ихъ отыскивать духовныя заданія родины и государства; она пріучаетъ ихъ побѣждать личную и классовую жадность на самомъ порогѣ государственнаго акта: этимъ она воспитываетъ ихъ души къ государственному воленаправленію и подготовляетъ торжество политическаго разума надъ противо-политическою страстью. Первая задача политической партіи состоитъ въ томъ, чтобы взростить въ своихъ членахъ вѣрное публичное правосознаніе и объединить ихъ въ государственномъ единомысліи. Это вноситъ въ государственную жизнь необходимую духовную гигіену, ибо освобождаетъ ее отъ дурныхъ и слѣпыхъ страстей. Неослѣпленная этими страстями, партія перестаетъ видѣть врага въ другой партіи, но находитъ въ ней сотрудника въ дѣлѣ государственнаго разумѣнія и строительства. Самое различіе программъ перестаетъ быть вопіющимъ: ибо всѣ программы вынашиваются въ одинаковомъ направленіи воли къ единой цѣли. Взаимное признаніе партій и классовъ совершается не въ порядкѣ взаимнаго давленія, угрозъ или насилія, но въ порядкѣ взаимнаго государственнаго оправданія или пріятія. Политика теряетъ характеръ скрытой гражданской войны и пріобрѣтаетъ свою истинную высоту.

Тогда единство государственной цѣли не возникаетъ въ результатѣ борьбы за власть,—въ видѣ «компромисса» или «равнодѣйствующей»,—но созрѣваетъ въ преддверіи этой борьбы. Борьба за власть предполагаетъ уже единство воле-направленія у гражданъ и у партій. Только при этомъ условіи политическая борьба не разъединяетъ народъ, а объединяетъ его вокругъ единаго, общаго всѣмъ и одинаково чтимаго источника права: государственной власти. Споръ различныхъ по-

ниманій, при наличности общей цѣли, обезпечиваетъ и достоинство предмета, и творческое сотрудничество разномыслящихъ. И политика становится уже не крикливымъ торжищемъ, но исканіемъ солидарности и школою естественной правоты.

Однако, нормальное восхожденіе къ власти предполагаетъ не только государственность программы, но и ея осуществимость. Поэтому пятая аксіома власти утверждаетъ, что программа власти можетъ включать въ себя только осуществимыя мѣры и реформы.

Это явствуетъ изъ того, что задача государственной власти есть жизненная и дѣйственная; призваніе ея не въ томъ, чтобы грезить о совершенномъ строѣ, но въ томъ, чтобы творчески влить въ жизнь народа возможный максимумъ естественно-правовой формы. Въ порядкѣ политической цѣлесообразности это опредѣляется тѣмъ, что химерическія и утопическія затѣи не только подрываютъ въ народѣ довѣріе къ власти, вѣру въ политическую организацію вообще и волю къ государственному строительству, но просто разлагаютъ и губятъ государство.

Каковы бы ни были послѣднія причины неосуществимости реформы, — будь то естественныя причины, техническія или хозяйственныя, — въ глазахъ государственнаго дѣятеля онѣ получаютъ политическій характеръ: ибо для него «возможно» лишь то, что можетъ быть осуществлено при данномъ уровнѣ народнаго правосознанія посредствомъ императивной правовой организаціи. Это значитъ, что въ каждый данный историческій моментъ онъ можетъ осуществить лишь извѣстную часть того, что вообще говоря необходимо для общаго блага; и только эту часть онъ долженъ включить въ «программу дня». Нарушеніе этой аксіомы порождаетъ болѣзненное явленіе «политическаго максимализма» и ведетъ государство къ разложенію.

Именно принципъ «осуществимости» заставляетъ партіи имѣть двѣ программы: «максимальную» и «минимальную»; причемъ первая указываетъ на тотъ «идеалъ», во имя котораго надлежитъ осуществлять вторую, а вторая устанавливаетъ реформы, осуществимыя rebus sic stantibus, т. е. при наличныхъ историческихъ условіяхъ. Поэтому «программа — максимумъ», строго говоря, не есть программа; она описываетъ нѣкую идеальную цѣль, которая теперь не можетъ осуществиться; она перечисляетъ тѣ мѣры и реформы, которыя можно будетъ проводить въ жизнь только тогда, когда осуществится программа-минимумъ и указанный въ ней строй, и когда при этомъ новомъ строѣ сложится новое правосознаніе. Партіи, поддерживающія такое раздѣленіе программъ, правы.

Въ общественномъ и политическомъ развитіи есть своя необходимая послѣдовательность, которою нельзя пренебрегать безнаказанно; и если партіи начинаютъ пренебрегать ею, то онѣ вступаютъ на путь злосчастныхъ нелѣпостей и губятъ государство. Партія, стирающая различіе между далекою цѣлью, неосуществимою при настоящемъ положеніи вещей, и очередною, необходимою реформою, — является политически недѣеспособ-

ною. Ибо, включая максимальные пункты въ программу дня, она даетъ избирателямъ завѣдомо неисполнимыя обѣщанія и призываетъ ихъ къ завѣдомо безнадежной борьбѣ; она побуждаетъ «требовать» того, чего не только никто не можетъ «дать», но чего и самъ «требующій» не могъ бы ни «взять», ни сдѣлать, ни осуществить, если бы всѣ согласились ему не мѣшать; она побуждаетъ вѣрить въ возможность того, что на самомъ дѣлѣ невозможно и, — обманомъ или самообманомъ, — разжигая страсти, она будитъ въ душахъ неутолимыя притязанія и готовитъ повѣрившимъ тяжелое разочарованіе. Убѣждая въ возможности невозможнаго, максималистъ начинаетъ, съ одной стороны, умалять, искажать и извращать далекую идеальную цѣль; съ другой стороны, искажать и извращать окружающую дѣйствительность, то умалчивая о неблагопріятныхъ явленіяхъ, то выдумывая несуществующее и т.д. Такимъ образомъ онъ вступаетъ на путь безсознательной или сознательной политической лжи и тѣмъ подрываетъ государственное единеніе, ибо онъ нарушаетъ необходимое довѣріе людей другъ къ другу,—и партіи къ вождямъ, и партіи къ другимъ партіямъ, и, главное, неорганизованной массы народа къ партіямъ и ко всей политикѣ вообще. Политическій индифферентизмъ и упадокъ правосознанія являются зрѣлымъ плодомъ этой тактики.

Въ самомъ дѣлѣ, двигаясь по этому пути, максималисты заражаютъ другихъ тѣмъ недугомъ, которымъ страдаютъ сами: своеобразною болѣзнью политической перспективы, — дурною дальнозоркостью; она заставляетъ ихъ видѣть далекое, какъ близкое, а близкаго не видѣть вовсе. Они всегда имѣютъ дѣло съ воображаемою дѣйствительностью, воображая ее такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ихъ желаніямъ; благодаря этому сужденіе ихъ о событіяхъ, о цѣли и средствахъ получаетъ характеръ постояннаго уклоненія отъ истины и отъ цѣлесообразности. Они начинаютъ галлюцинировать въ политикѣ и служить химерѣ. Ими руководитъ слѣпая вѣра во всемогущество «революціоннаго акта», въ созидающую силу разрушенія; эта вѣра вовлекаетъ ихъ въ слѣпую борьбу за неосуществимую цѣль, а слѣпая борьба заставляетъ ихъ судорожно хвататься за всѣ средства и не останавливаться ни передъ какими мѣрами. И трагедія этого судорожнаго метанія отъ средства къ средству и этой неразборчивости въ мѣрахъ состоитъ въ томъ, что передъ лицомъ неосуществимой цѣли всѣ средства, и даже самыя безпринципныя и дурныя,—одинаково безсильны.

А между тѣмъ, обращаясь ко всѣмъ и ко всякимъ средствамъ, борьба теряетъ и организованную форму, и политическій характеръ. Прилѣпившись къ неосуществимымъ цѣлямъ, тактика максималистовъ отворачивается отъ публично-правового пути, восходящаго черезъ воспитаніе правосознанія и черезъ планомѣрную организацію народа — къ полномочію властвовать отъ лица государства. Понятно, что этотъ путь не сулитъ и не можетъ сулить осуществленія максимальнымъ требованіямъ; и максималисты покидаютъ его. Они ищутъ не права и

не публичнаго полномочія, но фактическаго обладанія, и обращаются къ нарушенію публичнаго и частнаго права — захватомъ. Политическое движеніе превращается въ состязаніе сильныхъ и ловкихъ правонарушителей другъ съ другомъ, въ своего рода торжество «кулачнаго права», въ гражданскую войну: люди ищутъ улучшенія жизни на пути кражъ, поджоговъ, погромовъ, вооруженныхъ нападеній, взаимныхъ убійствъ и классоваго террора. Слѣпота усиливаетъ безпомощность и ненависть, а ненависть и жадность не позволяютъ душѣ одуматься и прозрѣть. И только утомленіе и общее разстройство жизни можетъ остановить этотъ процессъ слѣпого самоистребленія. А государственное разложеніе и связанныя съ нимъ бѣдствія останутся надолго печальнымъ памятникомъ того, что была нарушена аксіоматическая основа государственной власти.

Наконецъ, шестая аксіома власти утверждаетъ, что государственная власть принципіально связана распредѣляющей справедливостью, но что она имѣетъ право и обязанность отступать отъ нея тогда и только тогда, когда этого требуетъ поддержаніе національно-духовнаго и государственнаго бытія народа.

Это явствуетъ изъ того, что національная духовная культура есть та общая первооснова жизни, помимо которой индивидуальный духъ существовать не можетъ; интересъ же этой культуры включаетъ въ себя всякій индивидуальный интересъ, подобно тому, какъ интересъ организма включаетъ въ себя и подчиняетъ себѣ отдѣльные интересы всѣхъ своихъ членовъ. Въ порядкѣ политической цѣлесообразности это опредѣляется тѣмъ, что государство, какъ цѣлое, имѣетъ извѣстныя самостоятельныя задачи, разрѣшеніе которыхъ бываетъ иногда возможнымъ только при условіи отказа отъ справедливаго учета и огражденія всѣхъ интересовъ всѣхъ группъ и классовъ; послѣдовательное и немедленное проведеніе справедливости можетъ при извѣстныхъ условіяхъ разрушить національное и политическое бытіе народа.

Водвореніе справедливости въ общественной жизни людей является несомнѣнно одною изъ основныхъ задачъ государственной власти: это вытекаетъ уже изъ самой природы права и государства. Однако, реальныя условія государственнаго существованія бываютъ таковы, что поставленіе этой задачи выше всѣхъ остальныхъ можетъ привести государство къ гибели и разложенію. Это означаетъ, что въ составѣ духовно-вѣрныхъ и справедливыхъ реформъ могутъ оказаться такія, которыя придется признать политически-неосуществимыми. Государственная власть не всемогуща: она скована политическою неосуществимостью и вынуждена сообразоваться съ нею. Политически неосуществимо, прежде всего, все то, что разрушаетъ самое государство — въ его организаціи, или въ его личномъ составѣ, или въ его необходимомъ «субстратѣ»;

и далѣе, все то, что превышаетъ наличныя силы народнаго правосознанія и народной организованности. Власть не должна и не можетъ проводить реформъ, разрушающихъ самое бытіе государства или попирающихъ жизнь и автономію національнаго духа. Поддержаніе государства, какъ автономной формы національнаго духа, какъ жилища и какъ ограды національной духовной культуры, составляетъ ту грань, которая ненарушима для государственной власти и передъ которой долженъ склониться всякій, и даже самый справедливый и духовно-вѣрный интересъ гражданъ.

Это станетъ особенно нагляднымъ, если, напримѣръ, истолковать соціальную справедливость въ смыслѣ «формальнаго уравненія всѣхъ гражданъ во всѣхъ отношеніяхъ». Водвореніе такой (уравнивающей) «справедливости» оказалось бы государственно-пагубнымъ и поэтому оно должно быть признано политически-неосуществимымъ. Жизнь государственно-организованнаго народа есть процессъ глубоко дифференцированный, покоящійся на различіи въ способностяхъ, занятіяхъ и укладахъ, и создающій, въ свою очередь, эти различія. Формальное уравненіе можетъ только разрушить это живое и согласное единство разно-дѣйствующихъ силъ. Государство, какъ духовный союзъ, заинтересовано не въ томъ, чтобы устранить духовныя различія между людьми, но въ томъ, чтобы обезпечить этимъ различіямъ свободный творческій исходъ, полноту бытія и жизненное примиреніе. Передъ лицомъ этой задачи формальное уравненіе будетъ всегда духовно-противоестественнымъ; аристократическая же сущность государства исключитъ его и въ смыслѣ политической пріемлемости.

Однако, на самомъ дѣлѣ, соціальная справедливость совсѣмъ не сводится къ формальному уравненію гражданъ. Она состоитъ въ безпристрастномъ, предметномъ учетѣ, признаніи и огражденіи каждаго индивидуальнаго духовнаго субъекта во всѣхъ его существенныхъ свойствахъ и основательныхъ притязаніяхъ. Это значитъ, что сущность ея не въ слѣпотѣ къ человѣческимъ различіямъ, но въ признаніи ихъ и въ приспособленіи къ нимъ. Соціальная справедливость совсѣмъ не уравниваетъ людей, т. е. не «утверждаетъ» ихъ одинаковости, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и не «дѣлаетъ» ихъ одинаковыми, что на самомъ дѣлѣ и невозможно. Она требуетъ, во-первыхъ, одинаковаго предметнаго безпристрастія въ разсмотрѣніи человѣческихъ сходствъ и различій; во-вторыхъ, устойчиваго содержанія для тѣхъ мѣрилъ и масштабовъ, по которымъ совершается это разсмотрѣніе; и, въ-третьихъ, дѣйствительнаго соотвѣтствія между даннымъ различіемъ и связуемыми съ нимъ правовыми и жизненными послѣдствіями. Понятно, что справедливость въ такомъ «распредѣляющемъ» значеніи, требуетъ правового неравенства и создаетъ его, связуя, напримѣръ, публичную дѣеспособность (голосованіе, служба) съ извѣстнымъ духовнымъ цензомъ, или вводя подоходное прогрессивное обложеніе.

И вотъ, принципіально говоря, власть связана распредѣляющей справедливостью, и корыстное попираніе ея никогда не проходитъ ей безнаказанно. Режимъ, поддерживающій безъ достаточныхъ основаній несправедливыя привилегіи, есть режимъ противо-политическій: онъ компрометируетъ достоинство государственной власти и подрываетъ волю къ государственному единенію, Такой режимъ не можетъ быть прочен, ибо онъ самъ воспитываетъ тѣ центробѣжныя силы, которыя рано или поздно разложатъ его и поставятъ вопросъ о самомъ существованіи государства. И тогда—или политическій союзъ погибнетъ, или же возстановится его сверхклассовая природа. Это можно выразить такъ, что всякое отступленіе власти отъ справедливости, всякое неудовлетвореніе духовно-вѣрнаго интереса гражданъ — должно быть открыто оправдано предметнымъ указаніемъ на политическую неосуществимость обратнаго: справедливый интересъ можетъ быть и долженъ быть оставленъ безъ удовлетворенія, или «урѣзанъ», или «отложенъ», если его удовлетвореніе угрожаетъ самому существованію государства или наноситъ ущербъ національно-духовному развитію. Нельзя вводить во имя справедливости такой государственный строй, который погубитъ самое государство или разложитъ и погаситъ духовную жизнь народа: ибо справедливость служитъ духу, а не духъ — справедливости. Нелѣпо осуществлять политическое «внутреннее противорѣчіе», зная заранѣе о его жизненной обреченности: не стоитъ бороться за справедливую жизнь съ тѣмъ, чтобы погубить и справедливость, и жизнь. Имущественное уравненіе особенно въ условіяхъ капиталистическаго производства и при низкомъ уровнѣ правосознанія можетъ послужить примѣромъ такой политической неосуществимости.

Таковы основныя аксіомы власти. И можно сказать съ увѣренностью, что грядущая судьба государственности связана съ ихъ усвоеніемъ и осуществленіемъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Первая аксіома правосознанія.

Всѣ аксіомы власти могутъ быть по существу сведены къ тому, что политика, какъ живая дѣятельность, служитъ всегда въ конечномъ счетѣ д у х у, ради него утверждая «правое право» и созидая государственное единеніе. Д о с т о й н а я и т в о р ч е с к а я ж и з н ь ч е л о в ѣ ч е с к а г о д у х а остается высшею ц ѣ л ь ю политики, а положительное право и государственная организація являются с р е д с т в о м ъ. Политика стоитъ на высотѣ только тогда, если она остается вѣрна своей верховной цѣли *). Это означаетъ не только то, что она должна служить огражденію и организаціи духовной жизни народа, но что самое это с л у ж е н і е должно совершаться на путяхъ, д о с т о й н ы х ъ духа и с о б л ю д а ю щ и х ъ е г о з а к о н ы. Нелѣпо прибѣгать къ средству, убивающему цѣль; безсмысленно ограждать жизнь духа, попирая его сущность и угашая его огонь. Политика, убивающая духовную жизнь или хотя бы не содѣйствующая ея воспитанію и расцвѣту, являетъ глубокое жизненное противорѣчіе: она не только отрывается отъ своей цѣли, но п р е с ѣ к а е т ъ и с т о ч н и к ъ с в о е й с о б с т в е н н о й ж и з н и и тѣмъ предаетъ себя вырожденію и гибели. Ибо политика, въ ея истинномъ значеніи, творится лучшими, существенными и глубочайшими силами души, т. е. д у х о м ъ, и служитъ тому самому, чѣмъ творится. И потому она должна не попирать, а блюсти законы духа.

Духовнымъ называется такое состояніе души, которое является воспріятіемъ, переживаніемъ и осуществленіемъ верховной, объективной цѣнности **). Такое состояніе, превращающее душу въ живой органъ Божіей жизни, открываетъ человѣку его назначеніе и въ то же время указуетъ ему подобающія и необходимыя ему ф о р м ы б ы т і я. Притязаніе человѣка на эти, духовно необходимыя ему формы жизни, есть обоснованное, вѣрное, п р а в о е п р и т я з а н і е, или, что то же, оно имѣетъ за собою е с т е с т в е н н о е п р а в о. Отсюда уже ясно, что духовная жизнь не мыслима внѣ п р а в а г о п р а в а и что переживаніе естественнаго права, какъ объективной цѣнности, есть само по себѣ д у х о в н о е с о с т о я н і е. Эту связь между д у х о м ъ и п р а в о м ъ можно выра-

*) См. главы десятую, одиннадцатую и двѣнадцатую.
**) См. главы пятую, шестую и девятую.

зить такъ: необходимыя формы духа составляютъ основы правосознанія. Ибо тотъ, кто предметно переживаетъ право,—усматриваетъ, что въ основѣ его всегда лежитъ живое и правое притязаніе человѣка на духовность, или, что то же, притязаніе на извѣстныя духовно-необходимыя формы жизни. Но, если необходимыя и вѣрныя формы духа составляютъ основы правосознанія, т. е. его необходимые мотивы и способы жизни, то теоретическое выраженіе придаетъ имъ видъ аксіомъ.

Аксіомы правосознанія суть его основныя истины, которымъ въ жизни соотвѣтствуютъ основные способы бытія, мотивированія и дѣйствованія. Всюду, гдѣ есть правосознаніе, тамъ имѣются налицо эти способы жизни; и чѣмъ зрѣлѣе правосознаніе, тѣмъ эти способы жизни оказываются сознательнѣе, устойчивѣе и, въ качествѣ мотивовъ, сильнѣе и чище. Чѣмъ духовнѣе человѣкъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ законамъ своего духа; такъ что эти универсальные законы или способы жизни являются одновременно — и конститутивными формами человѣческаго духа, и, въ ихъ чистомъ и цѣлостномъ видѣ, его нормами. Человѣкъ живетъ по этимъ законамъ даже и тогда, когда духовность вспыхиваетъ въ немъ случайно, слабо или безсознательно; тогда онъ осуществляетъ ихъ искаженно, нецѣлостно, смутно и безпомощно. Но въ одухотворенной душѣ эти способы жизни и дѣйствія превращаются въ главные и единственные; и тогда они слагаютъ привычный и устойчивый уровень человѣка,—его атмосферу, его характеръ, иногда незамѣтный и для него самого и для другихъ. Законы духа образуютъ тогда какъ бы художественную форму души, неотрывную отъ всѣхъ ея содержаній; эта форма незримо присутствуетъ въ каждомъ движеніи чувства, въ каждомъ рѣшеніи воли, въ каждомъ проявленіи и дѣйствіи человѣка; душа какъ бы цвѣтетъ и расцвѣтаетъ по законамъ духа, ибо они стали ея собственными законами. Нормы какъ бы становятся реальными способами жизни и правосознаніе достигаетъ своей законченной зрѣлости.

Такими аксіомами правосознанія являются: законъ духовнаго достоинства, законъ автономіи и законъ взаимнаго признанія.

Форма человѣческой жизни опредѣляется въ основѣ тѣмъ, что человѣкъ есть не просто живое существо, и не только существо, одаренное душевными способностями, но существо духовное. Правда, на низшей ступени духовная природа человѣка остается въ потенціальномъ состояніи и имѣетъ видъ пробуждающейся способности или зарождающагося, но предметно еще не опредѣлившагося, влеченія. Однако и въ такомъ видѣ человѣческая душа остается живымъ духовнымъ существомъ, т. е. не только способностью къ объективно-цѣннымъ содержаніямъ, но и силою, имѣющею необходимый для этихъ содержаній способъ жизни. Человѣкъ даже самый первобытный, таитъ въ себѣ волю къ духу, форму

духа и способность къ духу*). И именно этимъ утверждается первая и глубочайшая основа его бытія и его дѣятельности: — присущее ему духовное достоинство и живое чувствованіе его въ самомъ себѣ.

Чувство собственнаго достоинства есть необходимое и подлинное проявленіе духовной жизни; оно есть знакъ того духовнаго самоутвержденія, безъ котораго немыслимы ни борьба за право, ни политическое самоуправленіе, ни національная независимость. Гражданинъ, лишенный этого чувства — политически недѣеспособенъ; народъ, не движимый имъ—обреченъ на тяжкія историческія униженія.

Чувство собственнаго достоинства зарождается въ душѣ человѣка, какъ результатъ подлиннаго, хотя бы элементарнаго и формальнаго духовнаго опыта. Такой опытъ удостовѣряетъ человѣка въ томъ, что онъ дѣйствительно способенъ къ осуществленію или воспріятію чего-то безусловно цѣннаго; что и ему дано пережить реальную встрѣчу съ жизненнымъ заданіемъ и въ этой встрѣчѣ принять и выдержать бремя труда и отвѣтственности. Хотя бы въ малѣйшихъ размѣрахъ, хотя бы смутно и неосознанно, хотя бы въ жизни элементарнаго инстинкта—но человѣкъ долженъ почувствовать себя носителемъ нѣкой «миссіи», съ честью вышедшимъ изъ предначертаннаго ею заданія; стоя лицомъ къ лицу съ нѣкою опасностью, или съ чужою силою, или хотя бы съ трудною житейскою задачею, онъ долженъ связать съ ея преодолѣніемъ свое личное самочувствіе и выйти изъ этого положенія побѣдителемъ. Передъ лицомъ противодѣйствующей или наступающей силы инобытія — человѣкъ долженъ совершить напряженіе своихъ лучшихъ и основныхъ силъ и устоять въ борьбѣ. И тогда въ немъ утвердится чувство собственнаго достоинства. Понятно, что это чувство получитъ духовный характеръ и духовное значеніе именно тогда, если у человѣка было живое чувство, что онъ стоитъ передъ лицомъ высшихъ цѣнностей и послѣднихъ тайнъ жизни, т. е. передъ лицомъ Божіимъ; а это чувство возникаетъ тогда, когда самая «миссія» и самое преодолѣніе дѣйствительно имѣютъ измѣреніе абсолютной цѣнности. Для того, чтобы испытать и утвердить свое духовное достоинство, необходимо на дѣлѣ убѣдиться въ своей способности къ воспріятію и осуществленію объективной, высшей цѣнности. Это значитъ, что человѣкъ долженъ пережить реальную встрѣчу съ божественными содержаніями, испытать и признать ихъ сродство со своею личною природою, и утвердить ихъ въ себѣ и себя черезъ нихъ. Такъ, религіозный человѣкъ обрѣтаетъ свое духовное достоинство въ томъ смиреніи, съ которымъ онъ пріемлетъ волю Божію, какъ свою собственную, и черезъ которое ему открывается его подлинное единство съ Богомъ, его высшее, абсолютное значеніе; такъ, нравственное до-

*) См. главу девятую.

стоинство человѣка утверждается именно тѣмъ, что онъ жизненно соединяетъ «себя» со «своею» совѣстью и въ служеніи добру находитъ свое дѣйствительное, личное призваніе; такъ, духовное достоинство ученаго и художника опредѣляется именно тѣмъ, что они сливаютъ свой личный интересъ съ дѣломъ сверхличной очевидности и добровольно предаются предметному служенію истинѣ или красотѣ. Только личный опытъ, духовный и по формѣ, и по содержанію, порождаетъ въ человѣкѣ чувство духовнаго достоинства: душа должна почувствовать, что она дѣйствительно стояла и стоитъ передъ лицомъ Божіимъ; что она обрѣла въ себѣ добрую волю къ божественнымъ содержаніямъ, ибо увидѣла и полюбила ихъ; что она утвердила въ себѣ эту волю и, черезъ это, утвердила свое духовное достоинство.

Христіанинъ совершаетъ это обрѣтеніе и утвержденіе каждый разъ, какъ онъ читаетъ Молитву Господню, пребывая въ ней сердцемъ и волею: «Отче нашъ»... Ибо въ этой молитвѣ онъ возноситъ себя къ Богу, чтобы исповѣдать передъ Его лицомъ — Его духовное Отцовство и свое по отношенію къ Нему духовное сыновство. Этимъ онъ и совершаетъ утвержденіе своего духовнаго достоинства.

Душа должна знать о себѣ, что это высшее заданіе и высшая отвѣтственность не сломили ее, а укрѣпили ея силы и оформили ея жизнь; такъ, что она можетъ, даже переживъ паденіе, вновь найти свое сродство съ божественными содержаніями и вновь утвердить ихъ въ себѣ и себя черезъ нихъ. Самоутвержденіе души въ абсолютно-цѣнномъ предметѣ — всегда было и всегда будетъ единственнымъ источникомъ чувства собственнаго духовнаго достоинства.

Конечно, это духовное самоутвержденіе можетъ быть пережито не въ отчетливой мысли, а въ смутной, аффективной формѣ. Далѣе, оно переживается каждымъ индивидуально, а потому различно; каждый осуществляетъ его по своему. Такъ, оно можетъ состояться въ раннемъ дѣтствѣ или въ зрѣломъ возрастѣ; оно можетъ созрѣть быстро и легко, или же въ результатѣ долгаго и мучительнаго процесса борьбы духа съ дурными влеченіями души; оно можетъ почти не удаться или совсѣмъ не удаться человѣку, а можетъ завершиться въ глубокой старости. Но оно безусловно необходимо для достойной жизни,—какъ личной, такъ и общественной.

Духовное самоутвержденіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ находитъ правильное разрѣшеніе конфликта между духовнымъ призваніемъ и инстинктомъ самосохраненія. Первое же пробужденіе духа въ человѣкѣ нарушаетъ въ немъ наивную, зоологическую цѣльность души и убѣждаетъ его въ томъ, что инстинктъ самосохраненія, съ его непосредственнымъ самопредпочтеніемъ и близорукимъ своекорыстіемъ всегда грозитъ увлечь душу въ состояніе, унизительное для ея духовнаго достоинства. Человѣкъ вообще стоитъ выше животнаго настолько, насколько духъ стоитъ выше инстинкта самосохраненія. Поэтому достойная жизнь человѣка требуетъ, чтобы

духъ совершилъ извѣстный отрывъ отъ наивнаго и своекорыстнаго инстинкта, противопоставилъ себя ему и обуздалъ его. Это не значитъ однако, что такая побѣда можетъ или должна привести къ обезсиленію побѣжденнаго инстинкта. Нѣтъ; достойная жизнь остается прежде всего жизнью; а поддерживать и отстаивать свою жизнь человѣкъ можетъ, только слѣдуя своему инстинкту самосохраненія. Отсюда необходимость не только овладѣть своимъ инстинктомъ и подчинить его духу, но и оправдать его передъ лицомъ духа, освятить его и развязать его въ необходимыхъ предѣлахъ. Инстинктивное своекорыстіе въ человѣкѣ подлежитъ не искорененію и не «отмѣнѣ», но духовному осмысленію и оправданію, или, что то же, признанію, и примиренію, и одухотворяющему использованію. Но для того, чтобы это осуществлялось, человѣку необходимо воспринимать себя самого, какъ извѣстную цѣнность, которую стóитъ отстаивать въ борьбѣ за существованіе: человѣкъ долженъ осуществить духовное самоутвержденіе и черезъ него оправдать инстинктивную центростремительность своей души. И такъ обстоитъ дѣло не только въ личной жизни, но и въ національной: человѣку нѣтъ жизни на землѣ внѣ инстинкта личнаго и народнаго самосохраненія; но ему нѣтъ достойной жизни на землѣ внѣ духовнаго обузданія и, въ то же время, оправданія этого инстинкта. А это оправданіе дается только черезъ утвержденіе собственнаго духовнаго достоинства.

Духовное достоинство, его вѣрное воспріятіе и утвержденіе является самымъ глубокимъ корнемъ зрѣлаго характера и здороваго правосознанія. Ибо право, по своей глубочайшей сущности, есть необходимый аттрибутъ духа: его притязаніе, его сфера свободы, его полномочіе, его предѣлъ, его правило, его свободное повиновеніе. И цѣнность права, его значеніе, его связующая компетентность опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ именно цѣнностью духовныхъ содержаній и духовныхъ состояній. Право есть или обиходная условность, создаваемая силою и спокойно уживающаяся съ лицемѣріемъ и симуляціей; или же оно есть нѣчто подлинно цѣнное, неотмѣнимое и священное, и тогда въ основѣ его должно лежать и дѣйствительно лежитъ нѣчто объективно священное, нѣкая безусловная и высшая цѣнность. И вотъ, вѣрное переживаніе права есть переживаніе его, какъ аттрибута этой высшей, священной цѣнности. Вѣрное пониманіе права есть пониманіе его духовной природы и его духовнаго назначенія; такое пониманіе свойственно только тому, кто самъ живетъ этимъ назначеніемъ и кто осозналъ и утвердилъ въ себѣ эту духовную природу. Вѣдь право немыслимо и невозможно помимо субъекта права, т.е. того существа, для котораго оно, чье оно, черезъ которое оно. Но это существо, создавая право, какъ нѣчто свое и для себя, должно нуждаться въ правѣ, должно хранить въ себѣ его мѣрило и критерій, должно переживать его, какъ свой необходимый аттрибутъ. Оно должно быть само достой-

но права и, въ то же время, оно должно создавать такое право, которое соотвѣтствовало бы его собственному достоинству. А это достоинство права и его субъекта — есть достоинство духа: его содержаній, его способа жизни, его состояній.

Вотъ почему здоровое правосознаніе покоится всецѣло на чувствѣ собственнаго духовнаго достоинства. Только субъектъ, знающій или, по крайней мѣрѣ, чувствующій свое духовное достоинство, можетъ уважать право и, въ то же время, создавать такое право, которое не было бы унизительно для человѣка, не извращало бы способъ его жизни, не обслуживало бы его порочныхъ и гибельныхъ влеченій. Право и государство творятъ форму жизни; а чтобы выбрать достойную форму, необходимо самому быть живымъ очагомъ духовнаго достоинства.

Это можетъ быть выражено такъ: человѣку, какъ субъекту права и творцу права, необходимо уважать себя.

Уважать себя значитъ признавать свое достоинство; и, притомъ, именно духовное достоинство; и, признавая, дорожить имъ, гордиться имъ и блюсти его въ жизни и въ дѣлахъ. Для этого необходимо испытывать самого себя, какъ благую силу: именно какъ силу, могущую утверждать и созидать, бороться и одолѣвать; именно какъ благую силу, способную отличать добро отъ зла, выбирать и опредѣлять себя къ добру. Субъектъ права имѣетъ основаніе уважать себя потому, что онъ есть духовный субъектъ, т. е. живое средоточіе воли къ духу и добру, или, что то же, благая сила; эта живая духовная сила нуждается въ правѣ и творитъ право, какъ свою необходимую жизненную форму и потому эта форма должна ограждать достоинство своего творца и выражать его естественное уваженіе къ себѣ. И, подобно тому, какъ достоинство индивидуальнаго духа зависитъ именно отъ того, чѣмъ онъ живетъ (верховная цѣнность) и какъ онъ живетъ (порядокъ автономіи), такъ и уваженіе его къ себѣ должно быть соціально самодовлѣющимъ, опредѣляясь всецѣло его личнымъ предметнымъ опытомъ. Въ основѣ нормальнаго правосознанія лежитъ предметно обоснованное, но соціально самодовлѣющее уваженіе субъекта къ себѣ, какъ духовной благой силѣ. Человѣкъ, чтущій въ самомъ себѣ духовное начало, будетъ признавать его и дорожить имъ независимо отъ того, какъ относятся къ нему другіе; и чужое неуваженіе или даже презрѣніе не поколеблетъ ни его реальнаго духовнаго достоинства, ни соотвѣтствующаго ему чувства уваженія къ себѣ.

Чувство собственнаго духовнаго достоинства и проистекающее изъ него уваженіе къ себѣ необходимо и отдѣльному гражданину, и народу въ цѣломъ, и государственной власти, и арміи; оно необходимо и въ частной, и въ политической, и въ международной жизни.

Это чувство, живущее въ душѣ гражданина, является глубочайшей и вѣрнѣйшей гарантіей того, что поведеніе его будетъ въ высшемъ смыслѣ слова предметнымъ, т. е. оно будетъ соотвѣтствовать цѣли и предписаніямъ права. Сознаніе того, что «я есмь духъ», и наличность воли къ духу—заставляетъ человѣка цѣнить право, какъ необходимую форму духовной жизни, дорожить имъ и соблюдать его предписанія. Мало того: чувство собственнаго духовнаго достоинства, само по себѣ, уже таитъ въ себѣ живую волю къ цѣли права, т. е. къ огражденію и расцвѣту духовной жизни. Быть духомъ и дорожить своею духовностью значитъ нуждаться въ правѣ, признавать его и имѣть самый сильный и самый чистый мотивъ, побуждающій къ лояльному поведенію. Духъ есть цѣль права; а право есть форма духа и его средство. Именно поэтому чувство собственнаго духовнаго достоинства создаетъ въ душѣ самый могучій стимулъ къ праву и правопорядку.

Предметнымъ правовымъ поведеніемъ будетъ такое, которое соотвѣтствуетъ объективной цѣли права, а потому и его предписаніямъ. И вотъ, человѣкъ постоянно нуждается въ живомъ мотивѣ и сильномъ побужденіи, которое заставляло бы его соблюдать предметное поведеніе, т. е. не уклоняться отъ цѣли права. Этотъ мотивъ долженъ быть настолько зрѣлъ и силенъ, чтобы онъ могъ выдерживать всякія искушенія, возникающія отъ дурныхъ, своекорыстныхъ и противо-общественныхъ влеченій. Для того, чтобы не поддаваться этимъ влеченіямъ, ихъ вкрадчивымъ зовамъ и лукавымъ нашептамъ, человѣкъ долженъ усвоить духовное измѣреніе жизни и дѣяній, которое дало бы ему возможность отличать высшее отъ низшаго, достойное отъ недостойнаго, безусловное отъ условнаго, значительное и священное отъ пошлаго, духовно-необходимое и правое отъ лично-важнаго, «нужнаго» и «полезнаго». Онъ долженъ, далѣе, вѣрно осознать цѣль права, которая состоитъ въ огражденіи и организаціи жизни, посвященной высшему, достойному, безусловному и значительному *); онъ долженъ признать правоту этой цѣли и ея преимущество передъ другими возможными цѣлями; и, вслѣдъ затѣмъ, въ душѣ его должна сложиться живая градація жизненныхъ цѣлей, какъ болѣе цѣнныхъ и менѣе цѣнныхъ и, притомъ такъ, чтобы цѣль права, какъ безусловная и общая всѣмъ людямъ и какъ желанная и для него лично, получила бы предпочтеніе передъ всякою условною и чисто личною цѣлью. И, если въ душѣ слагается такая градація цѣлей по ихъ цѣнности и соотвѣтствующая градація желаній по ихъ силѣ, то человѣкъ пріобрѣтаетъ устойчивый стимулъ для неуклонно-правомѣрнаго поведенія.

Это означаетъ, что предметное поведеніе въ правѣ покоится всецѣло на духовномъ самосознаніи человѣка и на его чувствѣ собственнаго духовнаго достоин-

*) См. главу пятую.

ства. Именно на этой основѣ и только на ней можетъ сложиться тотъ гражданственный характеръ, который всегда будетъ истиннымъ творцомъ и строителемъ общественной и государственной жизни. Только духовно-зрѣлый человѣкъ можетъ быть истиннымъ гражданиномъ и патріотомъ *); ибо только онъ живетъ тѣмъ, за что стòитъ и умереть; только у него есть нѣчто такое, что дѣйствительно стòитъ любить больше самого себя; только онъ имѣетъ достаточныя основанія и побужденія для того, чтобы добровольно и всѣми силами защищать духовную культуру своей родины. Душа гражданина должна быть достаточно сильна въ любви къ духу и тверда волею для того, чтобы поднять и снести бремя государственной отвѣтственности; ей необходимо и безкорыстное воленаправленіе, и вѣрность убѣжденіямъ, и жизненная неустрашимость. Но такой характеръ политическаго адаманта возможенъ только на нѣкой безусловной основѣ, на основѣ непоколебимаго духовнаго самосознанія и достоинства. Такую основу огромное большинство людей можетъ найти только въ религіи, которая открываетъ доступъ къ духу даже самой элементарной душѣ. Вотъ почему живая религія всегда была самымъ могучимъ и вѣрнымъ источникомъ достойнаго правосознанія; и исторія человѣчества не разъ показывала, какъ народъ, забывшій Бога, разрушалъ свое государство.

Гражданинъ, обладающій зрѣлымъ духовнымъ самосознаніемъ, осмысливаетъ и освѣщаетъ всѣ элементы своего субъективно-правового статуса: всѣ свои полномочія, обязанности и запретности**).

Такъ, онъ чувствуетъ себя достойнымъ всѣхъ необходимыхъ ему полномочій и воспринимаетъ эти полномочія, какъ средства, необходимыя ему для утвержденія своей духовной личности. Онъ вливаетъ въ нихъ энергію своей воли и творитъ изъ нихъ живую форму для своего духовнаго существа. Имущественныя полномочія вызываютъ въ немъ не жадность, не склонность къ аскетическому отреченію, но чувство личной и общественной отвѣтственности и волю къ ихъ правомѣрному использованію. Политическія полномочія, вводящія его въ живую систему государственнаго властвованія, воспринимаются имъ, какъ его священныя обязанности: ***) — обязанности содѣйствовать словомъ, голосованіемъ и, гдѣ необходимо, принужденіемъ автономному, сверхклассовому и аристократическому устроенію своего государства.

Онъ пріемлетъ, далѣе, все бремя своихъ правовыхъ обязанностей, добровольно вмѣняя себѣ въ долгъ ихъ исполненіе. Чувство собственнаго достоинства вызываетъ въ немъ сознаніе своей отвѣтственности, а взаимность обязанностей и полномочій, взаимная связь правовыхъ ячеекъ ****) и солидарность всѣхъ въ отношеніи къ единому и общему правопорядку *****) — вызываютъ въ его душѣ непреклонную волю и живую готов-

*) См. главу десятую. **) См. главу седьмую. ***) См. главу седьмую. ****) См. главы четвертую, пятую и шестую, *****) См. главы девятую и двѣнадцатую.

ность къ блюденію своихъ обязанностей. Онъ вливаетъ въ свои правовыя обязанности энергію своей воли и питаетъ ими, не за страхъ, а за совѣсть, чужія полномочія, поддерживая тѣмъ личную правовую форму другихъ духовныхъ существъ. Его имущественныя обязанности вызываютъ въ немъ не злобу, не зложелательство, не склонность къ сутяжничеству, кривотолку или подкупу, но чувство правовой непреложности, неоспоримости, уваженія и отвѣтственности. Политическія обязанности, вводящія его въ живую систему государственнаго подчиненія, воспринимаются имъ, какъ его неотъемлемыя п о л н о м о ч і я *): полномочія содѣйствовать имуществомъ, дѣломъ и жизнью духовному устроенію и расцвѣту своей родины. Такъ, налоговая повинность является для него драгоцѣннымъ п р а в о м ъ поддерживать свою родину посильными взносами въ ея казну; воинская повинность осмысливается имъ, какъ почетное п р а в о отстаивать духовную культуру своего народа съ оружіемъ въ рукахъ и т. д. Гражданинъ выступаетъ добровольцемъ государственнаго «тягла»: патріотизмъ является живою творческою силою, а дезертирство, и въ большомъ, и въ маломъ, оказывается исключеннымъ.

Наконецъ, з а п р е т н о с т ь не тяготитъ душу, исполненную чувствомъ собственнаго достоинства. Такая душа или соблюдаетъ свои запретности легко и естественно, осязая за ними объективную и непреложную цѣль права и не у н и ж а я с е б я п р е с т у п л е н і е м ъ. Или же она, исчерпавъ всѣ лояльные пути, ведущіе къ обновленію права, рѣшается на политическое правонарушеніе во имя идеи права и его цѣли; но такое правонарушеніе не только не унижаетъ, но утверждаетъ и углубляетъ ея духовное достоинство.

Именно уваженіе къ себѣ, какъ духу, лежитъ въ основаніи жизненной борьбы за субъективное право. Чувство собственнаго достоинства устанавливаетъ въ этой борьбѣ какъ бы двѣ грани: во-первыхъ, грань, отъ которой начинается невозможность п о с т у п а т ь с я своими правами,— таковы всѣ права личной свободы; и во-вторыхъ, грань, отъ которой начинается невозможность н а с т а и в а т ь на своихъ правахъ, — таковы всѣ «неестественныя», несправедливыя полномочія, унизительныя для другихъ, а потому унизительныя и для самого уполномоченнаго **). Есть права, отъ которыхъ нельзя отречься, сохраняя уваженіе къ своему духу; но есть права, отъ которыхъ нельзя н е отречься изъ чувства собственнаго достоинства. И лучшіе люди не разъ засвидѣтельствовали вѣрность этого—и словомъ, и дѣломъ, и смертью.

Чувство собственнаго духовнаго достоинства исключаетъ вообще всѣ кривые пути жизни. Такъ, прежде всего, оно не мирится съ л о ж ь ю, свидѣтельствующею о недостаткѣ уваженія къ себѣ, о недостаткѣ мужества и довѣрія. Говоритъ ли человѣкъ не то, что думаетъ; или дѣлаетъ не то, что говоритъ; или

*) См. главу седьмую.
**) См. главу седьмую.

не дѣлаетъ того, что говоритъ, подрывая цѣнность и силу своего изъявленія; или же, наконецъ, молчитъ, притворяясь,—чувство собственнаго достоинства оказывается неизмѣнно протестующимъ; ибо человѣкъ есть органическое единство духа, души и тѣла и отреченіе отъ этого единства умаляетъ достоинство духа. Уваженіе къ себѣ не терпитъ ни лести, унижающей и льстимаго и льстящаго; ни подкупа, извращающаго мотивы поведенія и разлагающаго самую основу правосознанія; ни насилія, отрицающаго идею права, какъ идею духовной автономіи; ни безпринципнаго жизненнаго компромисса, граничащаго съ предательствомъ. Заключеніе жизненнаго или въ частности политическаго компромисса есть вообще особое искусство, требующее истиннаго уваженія къ себѣ и истинной преданности предмету. Именно эти два условія устанавливаютъ предѣлъ доступности компромисса: нельзя соглашаться на средство исключающее свою цѣль или роняющее ея достоинство; нельзя дѣлать уступокъ въ области идеи, идеала, убѣжденій; нельзя измѣрять свои уступки однимъ мѣриломъ интереса, хотя бы и обоснованнаго, хотя бы и общаго. Именно чувство собственнаго духовнаго достоинства есть та живая сила, которая не позволяетъ политическому соглашенію превратиться въ безпринципную сдѣлку корыстныхъ личныхъ интересовъ. Дѣло духа не есть дѣло торговли, а политика есть именно дѣло духа; государственность есть благая сила исторіи, имѣющая свои имманентные законы и потому всѣмъ, торгующимъ въ политикѣ, грозитъ разоблаченіе и «разореніе».

Чувство собственнаго духовнаго достоинства, необходимое индивидуальному гражданину, опредѣляетъ собою и духовный уровень народа въ цѣломъ. Духовная культура каждаго народа въ своемъ развитіи и въ своемъ содержаніи, зависитъ отъ того, свойственна его гражданамъ черта уваженія къ себѣ или не свойственна. Національная духовная культура можетъ возрастать, углубляться и крѣпнуть на достойныхъ предметныхъ содержаніяхъ только при томъ условіи, если уваженіе къ себѣ является достояніемъ не только избранныхъ индивидуумовъ, непосредственно творящихъ ее, но и широкой массы народа. Ибо безъ уваженія къ себѣ не можетъ быть вѣры въ свои силы; а безъ вѣры въ свои силы не можетъ быть настоящаго духовно-творческаго полета и расцвѣта. При этомъ человѣку естественно уважать въ себѣ не только свою личную духовную силу, но и ея національный характеръ*): Ему необходимо уважать въ себѣ духовную силу своего народа и уважать свой народъ, какъ великую энергію духа, питающую его личныя силы. Уваженіе къ національному «мы» есть основа истиннаго уваженія къ личному «я».

Національное самоуваженіе воспитывается въ народѣ долго и медленно. Оно проникаетъ сначала въ души немногихъ; оно начинается какъ бы отъ атома; и лишь на протяженіи цѣлыхъ поколѣній оно можетъ окрѣпнуть и сложиться въ ту «атмосферу» духовнаго

---

*) См. главу десятую.

бытія, отъ которой каждый новый индивидуумъ получаетъ свое воспитаніе, опору и санкцію. Для того, чтобы создать эту «атмосферу»,—эту духовную солидарность, эту предметную жизнь, проникнутую взаимной увѣренностью,—каждый народъ долженъ выстрадать великій опытъ индивидуальнаго и коллективнаго самоутвержденія и осознать этотъ опытъ. Необходимо, чтобы народу, какъ живому единству удалось это самоутвержденіе въ духѣ: чтобы культура его накопила цѣлый пантеонъ духовныхъ достиженій и побѣдъ,—личныхъ и объективированныхъ, какъ въ религіи и добродѣтели, такъ и въ искусствѣ, какъ въ государственномъ строительствѣ, такъ и въ войнѣ за родину. Именно въ созданіи этого духовнаго «пантеона» народъ утверждаетъ и формируетъ свою родину, творя ее въ духовныхъ напряженіяхъ, взлетахъ и страданіяхъ, пріобрѣтая ее побѣдами и любовью *). Народъ, лишенный своего духовнаго «пантеона», не совершилъ еще національнаго самоутвержденія: онъ не оправдалъ еще себя передъ лицомъ Божіимъ; онъ еще не доказалъ себѣ самому своего права на самоуваженіе; и вслѣдствіе этого его чувство собственнаго духовнаго достоинства пребываетъ въ незрѣломъ, слабомъ, проблематическомъ состояніи: оно можетъ легко поколебаться въ часъ испытаній и увлечь націю въ злосчастныя паденія.

Еще существеннѣе, еще глубже необходимо чувство собственнаго достоинства для всякой государственной власти. Въ самой идеѣ «государства» и въ самой идеѣ «власти» заложено начало духовнаго достоинства: ибо достоинство государства опредѣляется его цѣлью, а достоинство власти устанавливается ея призваніемъ и ея общественнымъ рангомъ. Государственная власть есть именно благая сила **) и духовная сила; но именно поэтому ея жизненная успѣшность опредѣляется ея духовной правотою и ея благородствомъ. Признать въ себѣ эту духовную правоту и это благородство — значитъ вообще утвердить свою власть; для государственной власти—это значитъ совершить свое духовное самоутвержденіе. Это самоутвержденіе государственной власти не совпадаетъ съ духовнымъ самоутвержденіемъ отдѣльныхъ представителей ея: ибо индивидуумы смѣняютъ другъ друга и уходятъ въ могилу, а государственная власть соблюдаетъ свое единство и непрерывность. Поэтому ея самоутвержденіе должно принять форму зрѣлой и прочной традиціи, укоренившейся въ правосознаніи множества индивидуумовъ; это традиціонное волевое и эмоціональное самочувствіе должно вступать въ душу и заражать собою каждаго, кто пріобщается публичному полномочію или осуществляетъ публичную дѣеспособность. Государственная власть стоитъ на высотѣ только тамъ, гдѣ прикосновенность къ ней вызываетъ уваженіе къ себѣ даже и въ томъ, кому въ обычной жизни несвойственно уважать себя въ достаточной степени. Нельзя властвовать, не уважая въ себѣ властителя и его до-

*) См. главу десятую.
**) См. главу четырнадцатую.

стоинство. Самая сущность государственной власти состоитъ въ томъ своеобразномъ духовномъ импонированіи, внѣ котораго остается неприкрытая физическая сила, терроръ и обоюдное униженіе. Вотъ почему уваженіе къ себѣ входитъ въ самое существо государственной власти: она должна знать и исповѣдывать передъ всѣми, — словомъ и дѣломъ, — свое высшее призваніе, свою правоту и благородство своего воленаправленія. Она должна блюсти свое духовное достоинство, какъ національно-политическую драгоцѣнность, какъ корень государственнаго правосознанія и государственнаго бытія своего народа.

Понятно, что и армія, какъ сосредоточенное воплощеніе государственной силы, должна положить чувство собственнаго достоинства въ самую основу своей жизни. Армія, какъ элементъ государственнаго бытія, есть организованное множество людей, систематически воспитывающихъ себя къ побѣдѣ и ради нея — къ смерти и къ убіенію во имя государственной цѣли. Именно этимъ опредѣляется ея достоинство и ея трагическая природа. Каждый членъ арміи, каждый воинъ, независимо отъ своего высшаго или низшаго ранга, долженъ носить въ душѣ сознаніе государственной цѣли и ея волевое и эмоціональное пріятіе. Армія можетъ существовать только въ ту мѣру, въ какую ее одушевляетъ государственно-патріотическое правосознаніе. Такое правосознаніе остается всегда волею къ государственной цѣли; а эта воля порождаетъ и готовность къ государственному служенію. Поэтому служеніе въ арміи должно быть проникнуто живымъ вдохновеніемъ государственности. Воинъ есть гражданинъ, принявшій на себя сосредоточенное бремя гражданскаго званія и бытія: ибо онъ является живымъ воплощеніемъ государственной силы, живымъ орудіемъ государственной воли, органомъ, связавшимъ свое дѣло съ вопросомъ о личной жизни и смерти. Но живое орудіе не оторвано отъ своей цѣли; напротивъ, цѣль его незримо присутствуетъ въ немъ и движетъ его. Отсюда то высокое достоинство и та высокая отвѣтственность, которыя необходимо сопряжены съ воинскимъ званіемъ.

Армія невозможна внѣ идеи достоинства и чувства чести. Достоинство и его живое воспріятіе въ себѣ составляютъ самую сущность солдата: гражданинъ, утверждая въ себѣ воина, утверждаетъ духовную правоту своего государства и священное значеніе своей родины; и обратно: только пріемля родину—любовью, а государственность — волею, онъ можетъ воспринять свое истинное достоинство и утвердить его въ жизни. Воинъ, оторвавшійся отъ государственной цѣли, становится авантюристомъ; солдатъ, лишенный патріотизма, уподобляется безвольному орудію казни или профессіональному убійцѣ. Достоинство арміи опредѣляется достоинствомъ духа и духовной культуры; воинское званіе есть духовное званіе и дѣло воина есть подвигъ въ духѣ и во имя духа. Именно поэтому ратная побѣда остается или эфемерной случай-

ностью или порожденіемъ духовнаго подъема; и только настоящій духовный подъемъ можетъ сообщить душѣ силу, необходимую для практическаго разрѣшенія основного нравственнаго противорѣчія войны *) и для обороны родины.

Итакъ, воину необходимо духовное самоутвержденіе. Онъ долженъ вѣрить въ духовную правоту своей родины, своего государства и своего жизненнаго дѣла. Онъ долженъ воспитывать въ себѣ предметную одержимость государственною цѣлью и именно этою предметностью его воли и его жизни опредѣляется его честь. Мечъ воина имѣетъ единое назначеніе: государственное; блюсти вѣрность этому назначенію значитъ для воина блюсти свою честь и свое званіе. Армія, движимая чувствомъ чести, есть реальная опора родины и гарантія ея государственнаго бытія; армія, утратившая чувство чести, есть сбродъ насильниковъ, мародеровъ и убійцъ.

Воспитывая себя къ смерти, воинъ долженъ помнить во имя чего онъ это дѣлаетъ; сообщая себѣ способность убивать другихъ, онъ долженъ почерпать свой мотивъ и свою рѣшимость въ государственной цѣли и въ волѣ къ ней. Военное воспитаніе, оторванное отъ чувства духовнаго достоинства, есть воспитаніе къ систематическому и безпринципному убійству; но это уже не воспитаніе души, а ея нравственное умерщвленіе и духовное извращеніе. Именно поэтому военная подготовка нелѣпа и гибельна внѣ духовнаго воспитанія человѣка. Техническое умѣніе воина должно имѣть непреступаемую грань въ предметно-духовныхъ мотивахъ и побужденіяхъ: внутреннее и внѣшнее умѣніе убивать, умирая, и умирать, убивая, нуждается не только въ формально-волевой дисциплинѣ, но и въ способности мотивировать свое поведеніе подлиннымъ, предметнымъ отношеніемъ къ духовнымъ содержаніямъ и цѣлямъ. Воинъ внѣ духовнаго самоутвержденія есть реальная опасность для своей родины и своего государства. Армія внѣ достоинства и чести эфемерна, какъ воинская сила, но подлинна, какъ источникъ государственнаго разрушенія и гибели. Первая аксіома правосознанія формулируетъ живую основу ея правосознанія, ея силы, ея бытія.

Итакъ, духовное достоинство есть корень всякой истинной жизни, а уваженіе къ себѣ есть источникъ государственной силы и политическаго здоровья.

Такова первая и основная аксіома правосознанія.

---

*) См. мой опытъ «Основное нравственное противорѣчіе войны».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Недуги самоутвержденія.

Человѣкъ, не знающій о своемъ духовномъ достоинствѣ, т. е. не испытывающій его, ведетъ жизнь уродливую, униженную, больную; и недуги его являются глубоко поучительными: они могутъ быть описаны, какъ недуги духовнаго самоутвержденія.

Въ основаніи духовнаго уваженія къ себѣ должно лежать вѣрное воспріятіе себя, а не иллюзія и не болѣзненное самомнѣніе; подлинное духовное достоинство, а не выдохшійся внѣшній знакъ отжившихъ преимуществъ; личный актъ самоутвержденія, а не чужія, можетъ быть, ошибочныя или лживыя изъявленія. Чувствованіе себя, какъ благой силы должно быть не случайнымъ и не эфемернымъ, но подлиннымъ и предметнымъ само-чувствіемъ. Оно не можетъ быть и не должно быть замѣняемо никакими суррогатами: ни мечтательнымъ воображеніемъ о своихъ мнимыхъ достоинствахъ и о своемъ «историческомъ предназначеніи», ни пустою гордостью или культивированіемъ формальной «чести», ни случайнымъ и измѣнчивымъ приговоромъ «общественнаго мнѣнія», ни корыстнымъ и капризнымъ «народнымъ плескомъ». Чувство собственнаго духовнаго достоинства имѣетъ въ основѣ своей опытъ лично-самостоятельный и, въ то же время, цѣнностно-предметный. Субъектъ права долженъ быть живымъ, самостоятельнымъ хранилищемъ духовнаго достоинства; и всякій недостатокъ этого опыта, — дефектъ самостоятельности или дефектъ предметности, — дѣлаетъ правосознаніе зыбкимъ и шаткимъ, жизненно слабымъ и неустойчивымъ.

Человѣкъ, уважающій себя лишь потому и лишь постольку, поскольку его уважаютъ другіе,—въ сущности говоря не уважаетъ себя: его духовное самочувствіе зависитъ отъ чужихъ вторичныхъ впечатлѣній, т. е. отъ чужой неосвѣдомленности и некомпетентности; на самомъ же дѣлѣ его снѣдаетъ чувство собственной малоцѣнности, тщеславіе и жажда внѣшняго успѣха; и если этотъ успѣхъ и популярность измѣняютъ ему, то онъ перестаетъ чувствовать свое духовное достоинство и личность его утрачиваетъ свою форму. Подобно этому, человѣкъ, уважающій себя лишь за свои мнимыя, или чисто внѣшнія, или же эмпирически-случайныя свойства, — за то, что не составляетъ его духовнаго существа (за силу, за красоту, за богатство),—въ сущности говоря, уважаетъ не себя: его духовное самочувствіе зависитъ отъ того, что, можетъ быть и при-

надлежитъ ему, но что не есть онъ самъ, т.е. отъ случайныхъ и не существенныхъ, не самоцѣнныхъ и преходящихъ акциденцій его личности; на самомъ же дѣлѣ онъ собираетъ мнимыя богатства и умножаетъ свою силу или свое имущество, но не утверждаетъ внутренняго достоинства своего духа.

Еще плачевнѣе состояніе того человѣка, который совсѣмъ не умѣетъ уважать себя и привыкъ къ этому настолько, что совсѣмъ не испытываетъ своего духовнаго достоинства. Однажды, можетъ быть въ дѣтствѣ, душа такого человѣка не выдержала испытанія, свалившагося тяжелымъ бременемъ на ея самочувствіе; она не вынесла напора со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ или со стороны своихъ собственныхъ инстинктивныхъ влеченій, не справилась съ жизненнымъ заданіемъ и отвѣтственностью, поддалась, подчинилась и въ самомъ подчиненіи нашла отраву нѣкотораго наслажденія. Актъ духовнаго самоутвержденія не удался; душа не устояла въ борьбѣ и согласилась, подавленная и униженная, на свое униженіе. Ей не удалось утвердить себя, какъ силу; а согласившись на униженіе, она поколебала вѣру въ себя и въ свою благую природу. Разъ подчинившись своимъ страстямъ или чужой волѣ, и открывши больную сладость въ подчиненіи и униженіи, душа оказывается уже не въ силахъ выковать себѣ личную форму духа. Она не видитъ своего достоинства и не уважаетъ себя; а такъ какъ скрыть это самочувствіе невозможно, то другіе незамѣтно привыкаютъ не уважать ее и тѣмъ закрѣпляютъ ея неуваженіе къ себѣ. Человѣкъ постепенно пріобрѣтаетъ душевный укладъ раба, привыкшаго не уважать себя. И трагизмъ его положенія обнаруживается съ особенною силою именно тогда, когда онъ пытается освободить себя внѣшнимъ бунтомъ или возстаніемъ: этотъ бунтъ не освобождаетъ его, ибо оковы его имѣютъ внутреннюю природу; этотъ бунтъ обнаруживаетъ только, къ чему способенъ человѣкъ, лишенный чувства собственнаго достоинства; а бремя неуваженія къ себѣ совлекаетъ возставшаго обратно въ состояніе приниженности. Именно таковы, напримѣръ, послѣдствія тѣлесныхъ наказаній, особенно вынесенныхъ въ раннемъ дѣтствѣ, и тольку духовная слѣпота могла создать народную поговорку о преимуществѣ битаго передъ небитымъ.

Понятно, что правосознаніе такихъ людей, не уважающихъ себя, или уважающихъ «не себя», страдаетъ глубокими недугами. Ихъ личность является какъ бы лишенною корня и ствола; она ведетъ призрачное несамостоятельное существованіе; строго говоря, она имѣетъ только человѣкообразную видимость бытія. Она является лишь медіумомъ своихъ страстей и чужихъ вліяній, — индивидуальныхъ и соціальныхъ; эти вліянія въ каждый данный моментъ вступаютъ между собою въ компромиссъ, который и опредѣляетъ собою ея поведеніе. Поэтому она не въ состояніи опредѣлять свою жизнь самостоятельными рѣшеніями, строить свою судьбу и вести борьбу за поставленныя себѣ цѣли. Утративъ свой духовный центръ, она ослабила или даже разложила тѣмъ самымъ центръ своего изволенія и замѣняетъ волю—упрямствомъ, уваженіе къ себѣ — самолюбіемъ, чувство собственнаго

достоинства — тщеславіемъ. Душа переживаетъ духовное вырожденіе и можетъ быть даже разложеніе.

Неутвержденное и неокрѣпшее, или разъ поврежденное и не исцѣлившееся чувство собственнаго достоинства подрываетъ въ человѣкѣ довѣріе къ себѣ и къ своимъ силамъ. Въ глубинѣ его личнаго духа образуется нѣкая пустота и зіяніе, обезсиливающее его жизненный актъ и дѣлающее его неспособнымъ къ стойкому и мужественному сопротивленію силѣ вещей и людей. Всякое испытаніе пробуждаетъ въ немъ растерянность, сомнѣніе въ себѣ и страхъ; трепетъ и трусость вселяются въ его душу и уводятъ ее на путь недостойной уступчивости и покорности. Такой человѣкъ оказывается неспособнымъ ни къ духовному самоутвержденію, ибо онъ превращаетъ его въ разгулъ страстей; ни къ душевному самоотверженію, ибо онъ не имѣетъ живого отношенія къ высшей цѣнности, къ святынѣ. Истинное самоотверженіе есть отказъ не отъ духа, а отъ души во имя духа; и потому оно предполагаетъ истинное уваженіе къ духу и къ себѣ, и ведетъ не къ униженію, а къ утвержденію личнаго достоинства.

Не уважать себя—значитъ испытывать свою слабость въ добрѣ. И тотъ, кто пріемлетъ эту слабость и примиряется съ нею,—вынашиваетъ въ себѣ приниженное самочувствіе и стоитъ всегда на порогѣ новыхъ униженій; разъ «махнувъ на себя рукой», онъ пребываетъ постоянно наканунѣ новаго духовнаго паденія, все легче переступая грань моральнаго и правомѣрнаго. А тотъ, кто не примиряется со своею слабостью, но не можетъ и утвердиться въ добрѣ,—тотъ пытается утвердить свою силу помимо добра или въ противовѣсъ ему и превращаетъ свою жизнь въ своеобразную смѣсь изъ цинизма и лицемѣрія.

Если же, въ довершеніе всего, въ душѣ человѣка шевелится сознаніе своей недостойности или плохости, а самолюбіе является повышеннымъ и обостреннымъ, то возникаетъ такъ называемый подпольный характеръ, во всей его несчастности и уродливости. Человѣкъ начинаетъ испытывать свое собственное неуваженіе къ себѣ, какъ неуваженіе другихъ къ нему; чувство своей исконной неудачливости не даетъ ему покоя; каждое чужое преимущество является для него какъ бы оскорбленіемъ и жизнь его постепенно превращается въ сплошную, бередящую и непрощаемую обиду. Душа терзается голоднымъ самочувствіемъ, котораго она иногда не можетъ даже осознать; это самочувствіе не можетъ удовлетвориться никакимъ внѣшнимъ успѣхомъ, не можетъ насытиться никакою лестью, ибо спасеніе ея вообще не можетъ придти извнѣ. Успокоеніе можетъ наступить только отъ центростремительнаго обращенія души, только отъ цѣлительнаго акта духовнаго самоутвержденія; а этотъ актъ не можетъ быть осуществленъ по сознательному, произвольному рѣшенію, ибо душа бѣжитъ отъ невыносимаго зрѣлища собственной пустоты, недостойности и уродства, и хоронитъ свой недугъ и свои страданія въ глубокомъ подпольѣ безсознательнаго; и, вытѣсняя свой недугъ,

она теряетъ доступъ къ нему и власть надъ нимъ, запутываясь въ трагической безвыходности.

И при всѣхъ этихъ исходахъ человѣкъ не находитъ предметной основы жизни и блуждаетъ, въ страданіяхъ и униженіяхъ, порочный и несчастный, отвергнутый собою, неоправданный и непримиренный.

Утратить предметную основу жизни значитъ утратить д у х о в н о е и з м ѣ р е н і е вещей и дѣяній, утратить всякій критерій объективной цѣнности. Жизнь такого человѣка становится истиннымъ царствомъ п о ш л о с т и, ибо пошлость есть с л ѣ п о т а д у ш и к ъ о б ъ е к т и в н о й з н а ч и т е л ь н о с т и п р е д м е т о в ъ. Духовно слѣпая душа живетъ убогими содержаніями и скудными мѣрками личнаго быта; она воспринимаетъ все въ плоскости своихъ п о т р е б н о с т е й и с т р а с т е й и измѣряетъ жизнь и н т е р е с о м ъ и с и л о ю. И именно поэтому ея жизнь превращается въ болото заблужденій, слабостей и пороковъ. Но главное заблужденіе ея въ непризнаніи духа, его объективности и безусловной цѣнности. Человѣкъ пребываетъ въ наивной, непосредственной увѣренности, что «главное въ жизни — это онъ»; а въ немъ самомъ важнѣе всего—чисто личное, «интимное», эмпирически-единичное, субъективное; а отсюда уже недалеко до предпочтенія всему — своей потребности, вспыхнувшей въ данный моментъ. Именно въ этомъ духовный корень всякой п р о д а ж н о с т и.

Въ основѣ всякой продажности, — взятки, публичной коррупціи, всяческой демагогіи *), и международнаго корыстнаго предательства — лежитъ д у х о в н а я с л ѣ п о т а и о т с у т с т в і е с о б с т в е н н а г о д у х о в н а г о д о с т о и н с т в а. Слѣпота родитъ неспособность къ цѣнностной градаціи цѣлей, а дефектъ духовнаго достоинства создаетъ расшатанную волю, безпринципную готовность отдать духовное, объективное, общее за личный интересъ и пріобрѣтеніе. Вотъ почему политическій режимъ, не взращивающій въ народѣ чувство собственнаго достоинства, обреченъ на то, чтобы разложиться однажды отъ торжества ч а с т н о й к о р ы с т и надъ общимъ интересомъ и п о ш л о с т и надъ духомъ.

Отсюда уже ясно, что человѣкъ, лишенный чувства собственнаго достоинства, можетъ сохранять обличіе человѣка только подъ давленіемъ ч у ж о й с и л ы, — домовладыки, государственной власти,—и л и ч н о й в ы г о д ы; съ отпаденіемъ обоихъ факторовъ онъ легко теряетъ человѣкообразіе и страсти вовлекаютъ его въ паденіе и хаосъ. Духовное увѣчье всегда можетъ повергнуть его въ состояніе почти невмѣняемаго слабоволія и малоумія. И въ политическомъ отношеніи онъ является существомъ н е д ѣ е с п о с о б н ы м ъ. Ему недоступны ни здоровое правосознаніе, ни истинная лояльность, ни государственный образъ мыслей, ни патріотизмъ: ибо все это имѣетъ духовную природу, для которой онъ слѣпъ и безразличенъ. Поэтому онъ не можетъ осмысленно нести публичныя полномочія

*) См. главу четырнадцатую.

и строить общественную организацію. Не уважая себя, онъ не уважаетъ и гражданина въ себѣ; не понимая своего духовнаго достоинства, онъ не видитъ духовнаго достоинства ни въ другихъ гражданахъ, ни въ государствѣ, ни въ государственной власти. Онъ воспринимаетъ чужое достоинство, какъ чужую силу, и видитъ въ ней или свое орудіе или свою опасность. Становясь лицомъ къ лицу съ государственной властью или хотя бы съ ея представителями, онъ извлекаетъ изъ души не уваженіе, не довѣріе и не чувство живого единства, но притаившуюся покорность, которая изливается, въ зависимости отъ обстоятельствъ, то въ хитрую лесть, то въ дерзкую угрозу. Такой человѣкъ не блюдетъ своего достоинства ни передъ высшими, ни передъ низшими. Съ высшими онъ вкрадчивъ, угодливъ и раболѣпенъ; въ лучшемъ случаѣ онъ служитъ имъ, какъ вѣрный холопъ; въ худшемъ случаѣ онъ таитъ за раболѣпіемъ злобную готовность унизить своего господина такъ, какъ онъ самъ унижался передъ нимъ. Съ низшими онъ презрителенъ, грубъ и деспотиченъ; въ лучшемъ случаѣ онъ пользуется ими, какъ своими орудіями; въ худшемъ случаѣ онъ вымещаетъ на нихъ всѣ обиды своего голоднаго самолюбія и перелагаетъ на ихъ плечи все бремя своего рабства. Діапазонъ его душевныхъ колебаній опредѣляется пресмыканіемъ Калибана и дерзостью Хама, неуважительностью Терсита и свирѣпостью Пугачева. И, если такой душевный укладъ оказывается въ извѣстную эпоху типичнымъ или даже преобладающимъ въ народѣ, то жизнь народа являетъ картину истиннаго разложенія: темный трепетъ смѣняется темнымъ бунтомъ, «безсмысленнымъ и безпощаднымъ»; и тамъ, гдѣ властвовали «ярмо и бичъ», — осуществляется поруганіе святынь и совлеченіе неприкосновеннаго.

Народъ, неумѣющій уважать свое духовное достоинство, создаетъ недугующую власть, вынашиваетъ больное самочувствіе и больную идеологію.

Создавая свою власть, такой народъ не умѣетъ передать ей ни чувства собственнаго достоинства, ни уваженія къ себѣ. Онъ учреждаетъ власть, которая не вѣритъ въ духовное назначеніе государства, не видитъ своихъ духовныхъ заданій и не соблюдаетъ жизненныхъ формъ, необходимыхъ для духовной культуры; власть, которая не понимаетъ, въ чемъ сущность государственности и для чего необходимо самодѣятельное правосознаніе; которая не уважаетъ своего народа и не воспитываетъ его; которая тѣшитъ себя своею деспотическою неограниченностью и вырождаетъ государственность въ пустую форму покорности и порядка. Она не понимаетъ, что господство надъ рабомъ унижаетъ и развращаетъ самого господина и не замѣчаетъ, какъ недугъ рабствующаго правосознанія разлагаетъ ея собственную волю и ея политическое творчество. Такая власть признаетъ видимость государственной покорности и политическую лесть за вѣрное и достаточное проявленіе своего достоинства и укрываетъ за этою видимостью публичную продажность, разложеніе нравовъ и про-

тивогосударственную политику; она принимаетъ лесть и пресмыкательство за уваженіе, формальную дисциплину — за правовое повиновеніе, напуганную покорность—за правосознаніе, безволіе — за лояльность, политическое безсмысліе народа — за гарантію правопорядка. Но яснѣе всего она обнаруживаетъ свою несостоятельность тогда, когда народное недовольство начинаетъ грозить ея существованію. Тогда она, лишенная уваженія къ себѣ, ставитъ свое самосохраненіе выше своего достоинства и предпочитаетъ разложить до конца народное правосознаніе, унизить свое назначеніе и свое званіе, расшатать основы государства, его силы и его международное положеніе, — чтобы только сохранить свой составъ, свою форму и свое воленаправленіе. Соблюдая гибельное въ политикѣ правило «divide et impera», она начинаетъ будить и углублять рознь между гражданами, разжигая искусственную дифференціацію и бросая націю на націю, классъ на классъ, дѣтей на отцовъ. Ложь и угнетеніе, политическій сыскъ и провокацію, подкупъ и терроръ — насаждаетъ она щедрою рукою по всей странѣ, подрывая въ народѣ самое главное — волю къ государственному единенію. И все это неудивительно и понятно: ибо она не уважаетъ ни себя, ни своего призванія; и въ борьбѣ за свое существованіе предаетъ то, чего не умѣетъ цѣнить: глубочайшую скрѣпу своего государства, растрачивая это драгоцѣнное духовное достояніе въ порывахъ личнаго и группового самовластія или въ партійныхъ интересахъ.

Естественно, что такой народъ, слагая свое національное самочувствіе и свою политическую судьбу, идетъ невѣрными путями и готовитъ себѣ тяжелыя историческія испытанія. Въ частности именно отсюда возникаютъ всѣ тираніи и особенно худшая изъ нихъ—тиранія тоталитарнаго государства.

Тоталитарное государство, даже въ своей несуровой разновидности (итальянскій фашизмъ), не склонно придавать чувству личнаго духовнаго достоинства особое значеніе. Тамъ, гдѣ личность блюдетъ его, какъ свое основное жизненное условіе, тоталитарный режимъ и не возникаетъ. Нужно, чтобы это чувство поколебалось, чтобы народъ расшаталъ или потерялъ его, для того, чтобы возникъ тоталитарный режимъ. Такъ именно было съ итальянцами въ концѣ первой міровой войны (битва при Капоретто), съ нѣмцами (послѣ пораженія и разложенія 1918 года), въ Россіи послѣ пораженій 1915 года и во время революціи, и, наконецъ, въ Китаѣ послѣ затяжной революціи и бесконечныхъ, внѣшнихъ и гражданскихъ войнъ. Острое чувство своего безсилія и обусловленнаго имъ публичнаго позора, невѣріе въ свои благія силы, щемящее чувство обреченности, униженія и, главное, отсутствіе живого и глубокаго религіознаго чувства, — все это подготовляетъ въ народѣ то особое ощущеніе безчестія, на которомъ строятъ свой успѣхъ всѣ демагоги и тираны. Это безчестіе ведетъ къ разложенію правосознанія: въ душахъ возникаетъ разочарованіе въ дисциплинѣ и лояльности и соотвѣтственно—готовность ко всяческой нелояль-

ности, къ презрѣнію запретовъ, къ преступленію, предательству и насилію; люди ищутъ авторитета, который разрѣшилъ бы имъ безчестіе и передаютъ ему власть. Замѣчательно, что Муссолини удалось сначала создать новую авторитетную власть, не только не разрѣшившую безчестія, но, напротивъ, воздвигшую идеалъ новой, фашистской чести.

Со своей стороны, тоталитарная власть строитъ весь свой режимъ на подавленіи и извращеніи чувства собственнаго духовнаго достоинства. Она требуетъ слѣпой и унизительной покорности, включающей въ себя добровольный и вынужденный политическій шпіонажъ гражданъ другъ за другомъ; она требуетъ безмѣрной лести и публичнаго унизительнаго мнимо-покаянія отъ недостаточно лояльныхъ; она старается вовлечь въ свои политическія преступленія какъ можно больше гражданъ, поставить всѣхъ на колѣни и сломать имъ духовный хребетъ. Рожденная сама изъ нечестія и безчестія она создаетъ новый, невиданный еще режимъ безчестія и нечестія и развертываетъ потрясающія картины нравственнаго разложенія. Послѣ политическаго опыта, подареннаго намъ исторіей въ первую половину 20-го вѣка, врядъ ли кто нибудь рѣшится оспаривать значеніе первой аксіомы правосознанія.

Невозможно допускать, чтобы чувство національной и государственной сопринадлежности оставалось у народа въ смутномъ, незрѣломъ, немощномъ состояніи; чтобы онъ не испытывалъ своего единства, не искалъ его, не желалъ его и не умѣлъ его создавать; его инстинктъ самосохраненія долженъ не только блюсти л и ч н у ю форму, но и восходить къ формѣ н а ц і о н а л ь н о й. Тогда онъ научится бороться за свое государственное существованіе, увидитъ грозящія ему опасности и никогда не оставитъ дѣло публичнаго спасенія за частное вожделѣніе и прибытокъ. Испытывая себя въ качествѣ духовнаго единства, онъ увидитъ свое духовное достоинство, будетъ уважать себя и окажется способнымъ къ активному иниціативному самоутвержденію; тогда онъ сможетъ поддерживать свое государственное единство не только въ формѣ у ч р е ж д е н і я и не распылится при переходѣ къ корпоративному строю. Великая война не явится для него непосильнымъ испытаніемъ и великія историческія униженія не нужны будутъ ему для пробужденія и укрѣпленія въ немъ способности къ духовному и политическому самоутвержденію.

Понятно, что эти и подобные недуги неизбѣжно находятъ себѣ выраженіе въ д у х о в н о м ъ т в о р ч е с т в ѣ и, въ частности, въ и д е о л о г і и народа.

Оторваться отъ своего духовнаго достоинства значитъ утратить или самостоятельную форму духа, или его безусловныя содержанія, или и то, и другое вмѣстѣ. Народъ, не осуществившій еще своего духовнаго самоутвержденія, не уважаетъ духа ни въ себѣ, ни въ предметѣ, ни въ государственности; поэтому онъ вырабатываетъ больныя формы духовной жизни и создаетъ больныя явленія духовной культуры. Эти формы и явленія мо-

гутъ быть повидимому лишены взаимной связи, но по существу они обнаруживаютъ единый органическій духовный недугъ.

Не умѣя находить достойную средину между самоуничиженіемъ и самопревознесеніемъ, такой народъ всегда колеблется между этими обѣими крайностями и нерѣдко совмѣщаетъ ихъ самымъ причудливымъ образомъ. Его религіозность то исходитъ изъ чувства личнаго ничтожества, и тогда питается страхами и суевѣріемъ; то изъ чувства соблазнительной вседозволенности, и тогда исповѣдуетъ святость грѣха и принимаетъ форму коллективнаго извращенія (хлыстовство); то изъ чувства немощи духа, и тогда исповѣдуетъ грѣховность плоти и превращаетъ человѣка въ урода (скопчество). Его искусство то отрекается отъ автономнаго служенія красотѣ и становится орудіемъ соціально-политической борьбы и проповѣди; то вдругъ впадаетъ въ духовную слѣпоту, лирически воспѣваетъ ничтожныя мелочи быта или идеализируетъ духовное паденіе и пошлость; то предается культу больныхъ страстей, полагая, что эстетическая форма можетъ ужиться со всякимъ содержаніемъ; и тогда оно губитъ и самую форму прекраснаго и достоинство искусства, превращая его въ утѣху слѣпыхъ или больныхъ душъ («модернизмъ»).

Эти недуги искажаютъ и національную идеологію такого народа. Съ одной стороны, неудавшееся или еще несостоявшееся духовное самоутвержденіе подрываетъ его вѣру въ свои способности и нарушаетъ цѣльность его самоуваженія. Это мѣшаетъ ему подойти къ своимъ недостаткамъ и порокамъ съ чувствомъ собственнаго достоинства: онъ созерцаетъ ихъ въ преувеличенномъ, каррикатурномъ, подчасъ кошмарномъ видѣ, воспринимаетъ ихъ какъ что то исключительное и неисцѣлимое, какъ своего рода національное проклятіе. И тогда его идеологія преисполняется чувствомъ національной ничтожности и обреченности; она предается чрезмѣрному и потому безплодному, больному самобичеванію, вселяя въ души уныніе и упадокъ духа. Изъ этого сознанія, что «мы гнилы» проистекаетъ преувеличенная оцѣнка другихъ народовъ, исторически ушедшихъ впередъ; возникаетъ вѣра въ инороднаго учителя, въ «варяга» и эта вѣра питаетъ и закрѣпляетъ невѣріе въ свои силы, пассивность, безволіе, готовность покоряться другимъ народамъ и служить имъ. Однако, наличность такого сознанія и такой идеологіи не мѣшаетъ ему предаваться своимъ осужденнымъ порокамъ, предаваться съ вызывающимъ легкомысліемъ и самодовольной рисовкой.

Съ другой стороны, голодное самолюбіе и самочувствіе внушаетъ національному сознанію, творящему идеологію страны, необычайную самоувѣренность и самодовольство. Здоровая потребность въ самоуваженіи, не находя себѣ правильнаго удовлетворенія, вызываетъ непреодолимую склонность къ само-идеализаціи, къ выдѣленію въ національномъ характерѣ однѣхъ свѣтлыхъ чертъ и, вслѣдъ затѣмъ, къ превознесенію національныхъ недостатковъ. Сознаніе обнаруживаетъ сентиментальную нѣжность къ своему обиженному самочувствію и умиленно вознаг-

раждаетъ его ѳиміамомъ преклоненія. Слагается ученіе о «высшемъ изъ народовъ», о народѣ-мессіи, избранномъ вождѣ; выдвигается идеологія самовосхваленія, опьяняющая умы и обезсиливающая волю; появляются идеологи національныхъ недуговъ, доказывающіе моральное преимущество духовной отсталости и темноты (толстовство); идеологи, усматривающіе въ незрѣлости и уродливости публичнаго правосознанія ключъ къ разрѣшенію соціальной проблемы, (анархисты). Возникаетъ слѣпой и пагубный націонализмъ, проповѣдующій презрѣніе къ иноземцамъ, усыпляющій народную совѣсть и разлагающій корни истиннаго патріотизма. Предметное самосознаніе смолкаетъ и идеологи оказываются слѣпыми вождями слѣпыхъ.

Таковы духовные недуги, возникающіе изъ нарушенія первой аксіоматической основы духа и правосознанія. Утратить свое духовное достоинство значитъ утратить въ самомъ себѣ тотъ жизненный центръ, изъ котораго творится духовная жизнь, который нуждается въ естественномъ правѣ, формулируетъ его и учреждаетъ правопорядокъ; это значитъ лишиться того жизненнаго корня, изъ котораго выростаетъ правосознаніе, т.е. воля къ праву, воля къ цѣли права и способность самозаконно мотивировать свои поступки сознаніемъ этой цѣли.

Такова первая изъ нашихъ аксіомъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Вторая аксіома правосознанія.

Человѣку, какъ существу духовному, невозможно жить на землѣ внѣ права, ибо оно *опредѣляетъ и поддерживаетъ соціальныя грани индивидуальнаго духа*. Именно для этого право необходимо живому духу; оно свойственно ему и только ему. Въ качествѣ матеріальной вещи, человѣкъ совсѣмъ не нуждается въ правѣ: груда камней или труповъ индифферентна ко всякому правовому опредѣленію; она просто не подлежитъ правовому измѣренію. Но въ качествѣ живого организма, хотя бы одушевленнаго и сознательнаго, человѣкъ можетъ обойтись безъ права въ его истинномъ и глубокомъ значеніи; онъ будетъ замѣнять его суррогатами: произвольными велѣніями; выработанными, душевными механизмами; привычками, закрѣпленными страхомъ, обманомъ и настойчивостью; а въ критическіе моменты прямымъ насиліемъ, — поединкомъ, «наводкою», набѣгомъ, убійствомъ, войною. Именно духовный и только духовный составъ человѣка можетъ рѣшать столкновенія человѣческихъ притязаній на основѣ *идеи права*, исходя изъ подлинной воли къ *объективному благу*.

Но въ такомъ случаѣ право есть *знакъ духа*, его созданіе, орудіе, его способъ жизни *). Оно должно выражать и въ дѣйствительности болѣе или менѣе совершенно выражаетъ природу духа. Такъ, абсолютная *цѣнность* духовныхъ *содержаній* сообщаетъ праву его *значеніе*, его безусловную основу, его достоинство; а необходимая духу *форма* или *способъ его жизни* сообщаетъ праву его основной законъ — *автономію*.

Именно этимъ опредѣляется вторая аксіома правосознанія.

Автономія или самозаконность есть подлинная, основная форма духа: это присущій ему, необходимый для него *способъ бытія и дѣятельности*.

Быть духомъ,—индивидуумомъ или соціальной организаціей, —значитъ *опредѣлять себя и управлять собою*; это значитъ имѣть *силу*, направляющую жизнь къ *благимъ* цѣлямъ. Управлять собою значитъ волею *рѣшать* о своихъ дѣйствіяхъ и *выбирать* свои жизненныя содержанія; *утверждать* свое достоинство и свои силы, и, въ то же время, устанавливать и соблюдать свои предѣлы; *отстаивать* свои полномочія и *исполнять* свои обязанности.

---

*) См. главу девятую и пятнадцатую.

Духовному существу подобаетъ самому усматривать и знать, что такое добро и зло, гдѣ кончается право и гдѣ начинается обязанность; самому искать и находить, находить и рѣшать, рѣшать и поступать согласно своему рѣшенію; и, совершивъ дѣяніе, открыто исповѣдывать, что совершилъ его сознательно и преднамѣренно, слѣдуя собственному убѣжденію и заранѣе принимая на себя всю отвѣтственность за содѣянное. И, если дѣяніе окажется ошибочнымъ и виновнымъ, то мужественно принимать и нести свою вину, не отыскивая мнимыхъ оправданій и не унижая себя малодушною ложью; если же дѣяніе окажется вѣрнымъ и правымъ, то спокойно признавать свою заслугу, не впадая въ уничиженіе, не предаваясь гордынѣ и памятуя о смиреніи передъ лицомъ Божіимъ.

Духовная жизнь есть самодѣятельность въ осуществленіи высшихъ предметныхъ цѣнностей *).

Она есть, прежде всего, дѣятельность. Быть духомъ значитъ опредѣлять себя любовью къ нѣкоему объективно-цѣнному предмету **). Но духовная любовь есть состояніе не разслабляющее, а творчески напрягающее душевныя силы; любить значитъ имѣть активное желаніе, значитъ питать нѣкій предметный голодъ, добиваться неосуществленнаго, или, по слову Платона, испытывать подъемъ и богатство силъ отъ чувства лишенности. Любовь есть самый могучій двигатель; пассивная любовь есть не любовь, а мечта о любви или больное вожделѣніе. Поэтому духовное состояніе есть состояніе активное; оно естественно изливается въ систему организующихъ дѣйствій, въ осуществляющую борьбу. И тамъ, гдѣ царитъ пассивность, гдѣ активность пресѣкается расчетомъ, страхами, лѣнью или просто инстинктомъ самосохраненія, тамъ нѣтъ любви, нѣтъ духовной жизни, нѣтъ ни патріотизма, ни религіи. Быть духомъ значитъ найти въ самомъ себѣ живой источникъ для дѣятельности во имя любимаго предмета. Вотъ почему духовная жизнь есть самодѣятельность.

Однако это есть самодѣятельность, направленная именно на осуществленіе высшихъ, безусловныхъ цѣнностей. Это есть самоопредѣленіе въ мысли, активно восходящей къ истинному знанію; въ воленіи, свободно обрѣтающемъ свой совѣстный корень; въ воображеніи, самобытно осуществляющемъ законы подлинной красоты; въ чувствованіи, искренно любящемъ все живое и цѣлостно радующемся совершенству Божества; ***) въ трудѣ, умножающемъ достояніе и богатство семьи и родины. Вотъ способъ бытія и жизненныя содержанія, присущія духу. Внѣ этихъ цѣнностей и внѣ автономіи — нѣтъ духовной жизни; приближеніе къ нимъ есть приближеніе къ ней. И все, что нарушаетъ этотъ способъ жизни и эту самодѣятельность; все, что не служитъ автономности и предметности ****)

*) См. главы девятую и пятнадцатую. **) См. главу десятую. ***) См. главы пятую, шестую, девятую, десятую и пятнадцатую. ****) Подъ «предметностью» слѣдуетъ разумѣть вѣрность души созерцаемому и осуществляемому предмету. См. главу пятнадцатую.

человѣческой жизни, — все является враждебнымъ единому, общему интересу народа, государства и человѣчества.

Согласно этому гражданинъ есть не отвлеченная единица, не объектъ власти, и не просто психо-физіологическій индивидуумъ; но существо духовное, такое, для котораго автономія нужна, какъ воздухъ. Быть гражданиномъ въ истинномъ смыслѣ слова значитъ вести автономную духовную жизнь, имѣть автономное правосознаніе и строить имъ свою жизнь и жизнь своего государства.

Быть гражданиномъ значитъ, прежде всего, имѣть самостоятельныя убѣжденія въ томъ, что́ есть добро и зло, въ чемъ состоитъ сущность человѣка и его назначеніе, что такое право и государство и какова ихъ высшая цѣль. Гражданину необходимо имѣть самостоятельныя убѣжденія по вопросамъ политики: онъ долженъ понимать сущность государства и власти, онъ долженъ понимать духовную природу и назначеніе политики, и, главное, онъ долженъ имѣть сознательную и зрѣлую волю къ объективной цѣли права и государства. Внѣ этого гражданинъ неспособенъ ни къ личному, ни къ политическому самоуправленію и, если онъ все-таки именуется гражданиномъ, то являетъ собою нѣчто, не соотвѣтствующее этому званію. Званіе дѣеспособнаго гражданина предполагаетъ въ человѣкѣ умственную и волевую,—духовную зрѣлость. Подавленная, угнетенная личность, «причастная разуму лишь настолько, чтобы понимать чужую волю, но не настолько, чтобы имѣть свои убѣжденія и рѣшенія» (Аристотель), — неспособна къ устроенію жизни — ни своей, ни семейной, ни общинной, ни государственной. Ибо признаніе блага, выборъ цѣли и организація ея осуществленія недоступны существу, страдающему духовнымъ малоуміемъ.

Напротивъ, гражданинъ, ведущій автономную духовную жизнь является истиннымъ строителемъ жизни, — какъ внутренней, душевной, такъ и внѣшней. И для этого строительства ему безусловно необходимо, чтобы его внутренняя автономія находила себѣ нестѣсненное внѣшнее проявленіе. Онъ долженъ имѣть возможность опредѣлять себя вовнѣ такъ, какъ опредѣляетъ онъ себя внутренно: ему необходимо правовое признаніе и правовая гарантированность личной свободы. Напрасно стоики и аскеты пытались построить жизнь внѣ правъ личной свободы: отказъ отъ внѣшняго проявленія духовной автономіи урѣзываетъ расцвѣтъ духовной жизни и умаляетъ продуктивность ея горѣнія; этотъ отказъ вноситъ глубокій расколъ въ цѣльность человѣческаго существа, лишая индивидуальный духъ его вѣрнаго знака и повергая внѣшній составъ человѣка въ состояніе неодухотворенности; не говоря уже о томъ, что самый отказъ отъ осуществленія этихъ правъ и отъ борьбы за нихъ есть уже осуществленіе внѣшней свободы духа, хотя и негативное. Напрасно также сторонники деспотизма пытаются даже доселѣ утвердить правопорядокъ и государственность внѣ автономнаго субъекта правъ: право и

государство безсмысленны и эфемерны внѣ правосознанія *), а правосознаніе безсильно и безплодно внѣ сферы свободнаго, — частнаго и публичнаго,—изволенія. Связь между гражданствомъ и личной свободой есть связь взаимной обусловленности: человѣкъ, совершенно лишенный права на внѣшнее самоопредѣленіе никогда не станетъ гражданиномъ, ибо нельзя научиться дышать безъ воздуха; и въ то же время нелѣпо предоставлять права̀ свободы тому, кто совсѣмъ лишенъ гражданскаго правосознанія, ибо что же будетъ дѣлать съ воздухомъ существо, совершенно неумѣющее дышать? Свобода самоопредѣленія, высшее духовное благо, — можетъ оказаться опаснѣйшимъ ядомъ, губительнымъ для индивидуума и для народа. Однако, эта обнаружившаяся вредность свободы будетъ свидѣтельствовать не о ея ненужности или обреченности, но о необходимости систематическаго внутренняго подготовленія къ ней. Свобода совѣсти священна; но она мертва и безразлична для того, кто живетъ безъ вѣры и убѣжденій. Свобода слова есть драгоцѣнное средство для оформленія духа; но какъ предоставить ее человѣку, способному произносить лишь хулу и оскорбленіе? Свобода печати не есть право распространенія лжи и клеветы; свобода собраній не есть право погрома; свобода собственности не есть право шиканы, т.е. злоупотребленія своею собственностью. Ибо всегда и во всемъ: внѣшняя автономія имѣетъ смыслъ только какъ проявленіе внутренней автономіи. Иными словами: правопорядокъ невозможенъ безъ правосознанія; а правосознаніе требуетъ духовной автономіи. И обратно: именно духовная автономія обусловливаетъ здоровое правосознаніе и только такое правосознаніе способно вынести бремя внѣшней свободы.

Все это можно выразить такъ: въ основѣ внѣшняго самоопредѣленія человѣка должна лежать духовная зрѣлость. Поэтому рабъ можетъ быть по истинѣ освобожденъ не внѣшне, но внутренно; и только внутренно. И, если онъ получитъ внѣшнюю свободу преждевременно, то онъ не сумѣетъ воспользоваться ею до тѣхъ поръ, пока не освободитъ себя духовно. Вывести изъ рабскаго состоянія не значитъ снять съ раба внѣшнія цѣпи и внѣшніе запреты; но значитъ помочь ему перестать въ нихъ нуждаться. Освободить не значитъ разнуздать, но значитъ научить свободному признанію правъ и обязанностей. Освобожденіе есть выходъ не въ беззаконіе, но въ автономную закономѣрность. Это означаетъ, что, въ сущности говоря, нельзя освободить другого; свободу можно пріобрѣсти только самому, — въ самостоятельномъ напряженномъ бореніи за духовную автономію. Свобода добывается только черезъ самоосвобожденіе; и, притомъ, черезъ предметное самоосвобожденіе. Человѣкъ, не сумѣвшій освободить себя внутренно, не можетъ быть творцомъ внѣшней, общественной свободы, но, въ лучшемъ случаѣ, лишь ея пассивнымъ участникомъ; ибо внѣш-

*) См. главы вторую, четвертую, девятую и одиннадцатую.

няя свобода, въ ея истинномъ смыслѣ, есть простое и естественное проявленіе внутренней свободы. Вотъ почему мудрый политикъ, вводя политическую свободу, сообразуется съ культурнымъ и духовнымъ уровнемъ массъ: онъ твердо знаетъ, что духовная зрѣлость народа неизбѣжно приметъ форму политической свободы; тогда какъ преждевременно захваченная или несвоевременно дарованная свобода можетъ оказаться напраснымъ и гибельнымъ даромъ.

Итакъ, самоуправленіе есть единое начало. Ибо духъ всюду, гдѣ дышитъ, вноситъ однѣ и тѣ же, присущія ему, формы и остается вѣренъ себѣ,—какъ въ моральномъ самообязываніи индивидуума, такъ и въ самоопредѣленіи частной корпораціи, и въ національно-политической автономіи. Жизнь человѣка невозможна внѣ правовой формы; но ему подобаетъ воспринимать эту правовую форму самостоятельно: воспринимать предѣлъ своей свободы и поддерживать его, какъ необходимую и священную грань своего поведенія. Это самообязываніе остается для духа основнымъ способомъ жизни, независимо отъ того, осуществляется оно въ видѣ императивной нормы или въ видѣ самопочиннаго договора: ибо, хотя соціальная дифференцированность воли въ обоихъ случаяхъ различна,—въ первомъ случаѣ правоустанавливающая воля соціализирована и выдѣлена, во второмъ случаѣ она остается двойственною (или множественною) и индивидуальною, — но автономный характеръ ея можетъ и долженъ быть соблюденъ на всѣхъ путяхъ.

Народъ и индивидуумъ должны дорожить автономностью своего правового состоянія. Однако, человѣкъ дорожитъ свободою только тогда, когда чувствуетъ въ ней живую потребность; а живая потребность въ свободѣ родится только изъ подлинныхъ предметныхъ глубинъ духа. Только тотъ умѣетъ отстоять и сберечь свою свободу, кто, движимый предметной потребностью, сумѣлъ добыть и утвердить ее въ самостоятельной, дисциплинировавшей его волю, борьбѣ; у кого потребность въ свободѣ была такъ велика, что онъ вложилъ въ эту борьбу свой главный жизненный интересъ, рискуя своимъ достояніемъ, благополучіемъ и, можетъ быть, жизнью. Но рисковать своею жизнью имѣетъ смыслъ только тогда, если есть на свѣтѣ предметъ, именно потому заслуживающій самоотверженной любви, что онъ дороже жизни; а такой предметъ постигается и добывается только на путяхъ духа. Поэтому истинная автономія доступна лишь тому, кто совершилъ духовное самоутвержденіе и утвердилъ въ себѣ духовное достоинство. Такова связь между первыми двумя аксіомами правосознанія.

Автономія, или, что то же, свобода есть свойство духа; и потому судьба политической свободы опредѣляется тѣмъ, ведетъ или не ведетъ народъ духовную жизнь, т.е. возрастаетъ ли онъ умственно, нравственно, эстетически и религіозно. Духовное возрастаніе народа есть единственный путь къ полити-

ческой свободѣ; и всякій другой путь создаетъ только пустую и опасную видимость. Политика есть соціальная форма духовной жизни — и потому она всегда опредѣляется экстенсивностью и интенсивностью этой жизни, ея уровнемъ и ея размѣрами. Отсюда глубочайшая связь политики съ религіей, этикой, искусствомъ, наукою и философіей народа. Эта связь является вѣрнѣйшей гарантіей того, что безбожная и безнравственная, безпредметная политика всегда обречена на крушеніе, какъ бы ни казалась она порою «утонченной» и «хитроумной», «самоотверженной» и «народолюбивой».

Итакъ, правовая свобода, въ ея основной сущности, есть духовная, внутренняя свобода. Она состоитъ въ томъ, что въ жизни индивидуума и народа внутренно снимается противоположность между «правящимъ» и «управляемымъ»; но не потому, что всякое управленіе прекращается, а потому, что оно получаетъ смыслъ самоуправленія*). Самоуправленіе совсѣмъ не сводится къ тому, что процессъ политическаго разслоенія, выдѣляющій особые органы власти, прекращается или сводится къ минимуму; отождествленіе политическаго самоуправленія съ непосредственными способами его осуществленія есть ошибка, характерная для наивнаго или незрѣлаго правосознанія. Самоуправленіе совсѣмъ не исключаетъ того, что одни рѣшаютъ вмѣсто другихъ, за другихъ и для другихъ: ибо оно есть по существу своему не система внѣшняго порядка и внѣшнихъ дѣйствій, но внутренній духовный строй индвидуальныхъ правосознаній и особая связь между ними**). А именно, общественное самоуправленіе предполагаетъ предметную солидаризацію воль, объединеніе индивидуальныхъ желаній на общемъ предметѣ, т.е. на цѣли права***). Такая солидарность въ вопросѣ о цѣли позволяетъ каждому найти единомышленника въ пониманіи и формулированіи этой цѣли и тѣмъ обезпечить себѣ возможность участвовать волею въ рѣшеніи дѣлъ, не участвуя личными силами въ проявленіи и осуществленіи этого рѣшенія. Политическая солидаризація воль даетъ возможность принимать чужое воленаправленіе, какъ свое, и чужое рѣшеніе, какъ свое, не отказываясь отъ автономіи и свободы: отсутствующій и свиду безмолвствующій гражданинъ высказывается и присутствуетъ своею автономною волею въ словахъ и рѣшеніяхъ своего солидарнаго единомышленника и своего правительства; онъ сохраняетъ при этомъ духовную вѣрность себѣ въ содержаніи воленаправленія, и, въ то же время, соблюдаетъ свою формальную автономію, во-первыхъ тѣмъ, что избираетъ себѣ единомышленниковъ свободно, во-вторыхъ, тѣмъ, что добровольно соглашается на не-автономную видимость управленія. Въ результатѣ этого его «самостоятельность» повидимому оказывается урѣзанной, но по суще-

*) См. главу шестую.
**) См. главу девятнадцатую.
***) См. главы пятую, шестую, двѣнадцатую и четырнадцатую.

ству эта урѣзанность скрываетъ за собою его автономное самообязываніе, т. е. свободное воленаправленіе, избраніе и рѣшеніе. Экономія духовныхъ силъ вознаграждаетъ его съ избыткомъ за это кажущееся умаленіе свободы: ибо она открываетъ ему возможность жизненнаго творчества и самоутвержденія въ болѣе цѣнныхъ и, можетъ быть, абсолютно цѣнныхъ предметныхъ содержаніяхъ; личная автономія является соблюденной, огражденной и углубленной черезъ созданіе національнаго правительства, нѣкоего самозаконнаго «мы» слагающагося черезъ солидарное объединеніе множества самозаконныхъ «я».

Все это можно выразить такъ, что свобода не только не исключаетъ повиновенія, но обосновываетъ и организуетъ его: она полагаетъ въ основаніе его предметную автономію личнаго духа, свободно признавшаго необходимый законъ и свободно склонившагося передъ нимъ за его правоту. Духъ человѣка освобождается не сверженіемъ закона, а утвержденіемъ его изъ себя и себя въ немъ; и это относится ко всякому закону,—и нравственному, и эстетическому, и правовому. Нормальное строеніе жизни состоитъ въ томъ, что законъ пріемлется правосознаніемъ въ порядкѣ самовмѣненія, а правосознаніе признается, чтится и уполномочивается закономъ; и, въ то же время, личная душа находитъ себѣ въ законѣ предѣлъ и воспитывающую дисциплину, а законъ находитъ въ лицѣ индивидуальнаго духа своего осуществителя и усовершенствователя. Возникаетъ нѣкое органическое, конкретное единеніе между правовою нормою и личнымъ духомъ. И это единеніе всегда было источникомъ духовно-достойнаго общественнаго правопорядка. Ибо правопорядокъ состоитъ какъ разъ въ томъ, что правосознаніе, добровольно наполняясь содержаніемъ закона, исполняетъ законъ въ жизни, или, что то же, наполняетъ требованіе закона внутреннею и внѣшнею жизнью,—волею и дѣлами; тогда законъ оказывается уже не отвлеченною отъ жизни формулою, но вовлеченною въ жизнь формою: жизнь становится порядкомъ, а законъ — творческою силою.

Отсюда уже ясно, что задача всякаго человѣка, всякой власти и всякаго режима состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать въ душѣ правосознаніе и соблюдать его автономную природу. Автономнымъ является такое правосознаніе, воля котораго не только остается вѣрною праву, но пребываетъ вѣрною себѣ въ правѣ: исполняя требованія закона, она не насилуетъ себя, потому что сама ищетъ той же цѣли, которой служитъ законъ. Повиновеніе не лишаетъ ее свободы; сохраненіе правопорядка не нарушаетъ ея автономіи; лояльность не колеблетъ ея уваженіе къ себѣ. Такое правосознаніе остается вѣрнымъ себѣ не только въ волѣ, но и въ дѣйствіи; ибо его дѣянія являются зрѣлымъ плодомъ его убѣжденій и рѣшеній. Человѣкъ, обладающій зрѣлымъ правосознаніемъ, совершаетъ тѣ правовые акты, которые хочетъ; но хочетъ онъ совершить только тѣ, которые соотвѣтствуютъ цѣли права и праву. Его дѣйст-

вія настолько же вѣрны цѣли права, насколько они вѣрны его собственной волѣ. Воля и актъ, актъ и норма стоятъ въ единствѣ, совпадая по своему содержанію и служа одинаково цѣли права. Въ этомъ состоитъ духовная и жизненная сила права и, въ то же время, предметная мощь правосознанія.

Воспитаніе въ народѣ такого правосознанія есть единственный путь къ свободѣ и автономіи. Народъ, доросшій до него, будетъ имѣть и автономнаго гражданина, и автономную власть, и могучую армію.

Гражданинъ съ автономнымъ правосознаніемъ не нуждается въ принужденіи; ибо ему достаточно ощутить голосъ права для того, чтобы осуществить должное, какъ единственно для него возможное безъ понужденій и насилія, безъ распрей и судебнаго тяганія. Чувство собственнаго духовнаго достоинства и воля къ цѣли права руководятъ его дѣйствіями и побуждаютъ его отстаивать свои полномочія, не превышая ихъ, и исполнять свои обязанности, не уменьшая ихъ. Борьба за собственный интересъ остается для него всегда борьбою за право, а борьба за право никогда не ставитъ его въ положеніе бунтующаго раба *). Повинуясь праву, онъ остается его творцомъ; служа государству, онъ способенъ строить его и своимъ изволеніемъ. Центробѣжный уклонъ его жизни покоится всегда на центростремительномъ; правовой актъ его сохраняетъ всегда характеръ самоопредѣленія; и вслѣдствіе этого жизнь его получаетъ отпечатокъ душевнаго равновѣсія, спокойствія и властности: ибо онъ знаетъ и чувствуетъ себя причастнымъ власти даже тогда, когда по внѣшней видимости и, можетъ быть, по юридической формѣ онъ ей не причастенъ. Поэтому автономный гражданинъ чувствуетъ на себѣ гораздо бóльшую отвѣтственность, чѣмъ это обыкновенно думаютъ: все дѣло своего государства онъ считаетъ своимъ дѣломъ и въ каждомъ актѣ своего правительства онъ присутствуетъ сознаніемъ и волею такъ, какъ если бы онъ самъ входилъ въ его составъ. Онъ испытываетъ автономность своего народа въ строеніи власти и автономность своего государства въ строеніи жизни, какъ свою собственную автономность; и отсюда въ душѣ его готовность бороться до конца своихъ дней за политическое и патр̇отическое самоопредѣленіе, за воспитаніе въ народѣ правосознанія и за освобожденіе своей родины отъ иноземнаго ига.

Всякая государственная власть должна работать надъ воспитаніемъ въ гражданахъ такого автономнаго правосознанія; ибо оно составляетъ живую основу всякаго государства вообще, источникъ его силы, залогъ его несокрушимости. Народъ съ автономнымъ правосознаніемъ всегда будетъ стоять выше народа съ гетерономнымъ правосознаніемъ: вся духовная культура его будетъ зрѣлѣе, глубже, самобытнѣе, продуктивнѣе, совершеннѣе; его государственное существованіе будетъ болѣе обезпеченнымъ, жизненнымъ, органически единымъ. Именно автономное право-

---

*) См. главы седьмую и восьмую.

сознаніе составляетъ ту духовную сущность демократіи, которая только и придаетъ ей нѣкій духовный смыслъ. Демократическій строй, самъ по себѣ, есть лишь внѣшняя форма, таящая въ себѣ много дурныхъ чертъ и опасностей. Но во всякомъ случаѣ эта форма безсмысленна и гибельна внѣ извѣстнаго, зрѣлаго и вѣрнаго уклада души; а этотъ укладъ души и есть автономное правосознаніе. Однако, автономный способъ жизни и дѣйствованія необходимъ человѣку самъ по себѣ, какъ духовному существу, независимо отъ того или другого политическаго режима; и автономное правосознаніе есть лишь послѣдствіе или проявленіе глубокой и существенной духовной автономіи. Поэтому необходимо признать, что духовное возрастаніе народа взращиваетъ автономное правосознаніе и тѣмъ подготовляетъ въ душахъ способность къ корпоративному самоуправленію. Въ демократическомъ устройствѣ важна не система внѣшнихъ дѣйствій, но внутренній укладъ души, внутренній способъ руководить своимъ поведеніемъ, мотивировать свои поступки, слагать свое воленаправленіе и поведеніе. И если этотъ способъ внутренней жизни вырождается и исчезаетъ, то демократія можетъ оказаться худшимъ изъ политическихъ режимовъ. Такой способъ внутренней жизни, именуемый автономнымъ правосознаніемъ, можетъ постепенно водворяться и крѣпнуть въ душахъ и при недостаточномъ развитіи внѣшнихъ демократическихъ учрежденій; демократія же, какъ внѣшній политическій режимъ, имѣетъ не самостоятельное, а лишь подсобное значеніе, ибо самостоятельная цѣнность присуща только внутренней автономіи духа. Воспитывая въ народѣ автономное правосознаніе, государственная власть исполняетъ свое назначеніе; но тѣмъ самымъ она взращиваетъ и укрѣпляетъ духовную основу родины и національнаго существованія.

Для того, чтобы воспитывать свой народъ къ автономіи, сама государственная власть должна обладать автономнымъ правосознаніемъ; она должна слагать свое воленаправленіе, во-первыхъ, предметно, и, во-вторыхъ, самостоятельно. Власть, по истинѣ автономная, опредѣляетъ свои дѣйствія предметнымъ созерцаніемъ государственной цѣли; она сознаетъ отвѣтственность своего дѣла и ищетъ для себя духовной правоты и предметнаго вдохновенія. Это сознаніе и это исканіе выражаются въ обращеніи къ религіозной санкціи, въ идеѣ «помазанія» и въ утвержденіи себя на «Божіей милости». Государственная власть имѣетъ призваніе служить единому, объективному благу; она связана закономъ Божіимъ и совѣстью; ея миссія вѣрна и обоснована въ послѣднемъ, безусловномъ измѣреніи и именно въ этомъ смыслѣ «нѣсть власти, аще не отъ Бога».

Но далѣе къ самому существу государственной власти, какъ таковой, относится самоопредѣленіе предметнымъ содержаніемъ, т.е. автономное утвержденіе себя въ государственной цѣли. Поскольку власть не автономна, постольку она не властвуетъ, а подчиняется; постольку властвуетъ не она,

а другая, выше-стоящая власть, для которой она является лишь передаточной инстанціей, посредникомъ. Власть есть сила, уполномоченная опредѣлять себя къ опредѣленію другихъ, автономно творить для другихъ внѣшнюю гетерономію. Поэтому, если автономное правосознаніе необходимо рядовому гражданину, то оно составляетъ самую сущность государственной власти.

И вотъ, задача всякой государственной власти въ томъ, чтобы автономно, т. е. на путяхъ самостоятельнаго убѣжденія и изволенія, понять сущность правосознанія и опредѣлить себя къ воспитанію въ народѣ автономнаго правосознанія. Самоопредѣленіе власти должно повести ее къ взращиванію народнаго самоопредѣленія; черезъ автономность своего правосознанія она должна постигнуть, что автономія необходима духу, какъ воздухъ, и что созидать государство значитъ созидать въ народѣ способность къ духовной автономіи.

«Автономія» власти отнюдь не означаетъ ея формальной неограниченности или тѣмъ болѣе, ея неподчиненности праву; она означаетъ, что ея правосознаніе духовно компетентно творить право и порядокъ, внѣшне связуя другихъ гетерономною формою. Но именно это ставитъ ей ея основную задачу—связать себя съ правосознаніемъ народа, получить его признаніе и утопить гетерономную форму своего властвованія въ автономности народнаго признанія; и только тогда она сможетъ использовать это признаніе для того, чтобы воспитать народъ къ автономному правосознанію и самоуправленію: ибо автономія духа воспитывается только черезъ ея упорядоченное, систематическое осуществленіе.

Власть съ автономнымъ правосознаніемъ опредѣляетъ свою волю цѣлью права. Поэтому она видитъ въ себѣ блюстителя національнаго духа и его достоинства; въ своей автономіи она видитъ автономію національнаго духа своего народа; и потому она ведетъ свое полномочіе отъ національнаго духа, даже тогда, когда наличный составъ ея народа не уполномоченъ мѣнять ея структуру и ея личный составъ. Она заботится болѣе всего о томъ, чтобы придать духовную вѣрность формѣ и содержанію народной жизни; и потому опека ея всегда остается просвѣщенною и воспитывающею, а гетерономную форму государственнаго строенія она поддерживаетъ лишь постольку, поскольку этого требуетъ единство государственной воли, политическая экономія силъ и незрѣлость народнаго правосознанія *). И, пріемля эту форму, она остается вѣрна въ своихъ опекающихъ и воспитывающихъ дѣйствіяхъ—цѣли права и праву. И въ этомъ основаніе ея уваженія къ себѣ, залогъ ея духовной продуктивности и ея исторической прочности.

---

*) См. главы шестую и тринадцатую.

Наконецъ, *армія* не менѣе власти нуждается въ *автономномъ правосознаніи*.

Въ самомъ дѣлѣ, внѣ автономнаго правосознанія армія не можетъ даже *возникнуть* и начать свое существованіе на уровнѣ государственности. Какъ бы ни былъ силенъ страхъ наказанія, но одного страха недостаточно для того, чтобы мобилизація дала необходимые результаты. Сознаніе обязанности и чувство долга, т.е. духовное *признаніе* воинской повинности и воинской чести всегда останется основнымъ стимуломъ, ведущимъ призываемаго гражданина въ ряды арміи; если *призывъ* въ армію не находитъ живого *отклика* и готовности, то слагающаяся армія останется эфемерной организаціей, — непрочной, небоеспособной, таящей въ себѣ начало распада и разложенія. Принужденіе и страхъ могутъ временно и условно восполнить дефективное чувство воинскаго долга; но основою арміи они не могутъ служить: принужденіе всегда остается здѣсь *взаимнымъ* принужденіемъ и механизмъ этой взаимности легко можетъ расшататься подъ вліяніемъ ратныхъ опасностей и утомленія, и, расшатавшись, погубить все дѣло, если за нимъ не стоитъ автономное признаніе воинской повинности и чести. Правильная мобилизація есть порожденіе автономнаго правосознанія.

Однако, автономность мотива необходима воину не только для явки на призывъ, но и для несенія ратныхъ трудовъ и опасностей. Воинское дѣло требуетъ строгой, выдержанной организаціи, которая невозможна безъ дисциплины. Но было бы жестокой ошибкой смѣшивать дисциплину съ покорной слѣпотой и механическою косностью. Слѣпая, механическая дисциплина есть начало мертвящее и потому духовно разрушительное. И можетъ быть никто не понималъ это лучше Суворова и никто не умѣлъ такъ бороться со «слѣпотою» солдатскаго подчиненія, какъ именно онъ. Истинная дисциплина есть *форма живого духа*; она есть *духовное* состояніе и притомъ *волевое*, т.е. принятое волею и цѣлостно вросшее въ нее, усвоенное ею, какъ ея собственный законъ. Дисциплинированный человѣкъ не тупая машина, но *автономно* дѣйствующее существо; правда, способъ его дѣйствій опредѣляется чужимъ повелѣніемъ, но это повелѣніе автономно пріемлется его волею и осуществляется его дѣйствіемъ. Иными словами: воинская дисциплина есть *волевая организація личной души*, сохраняющая за человѣкомъ *характеръ автономно дѣйствующаго духа* съ его сознательностью, сердечною преданностью и волевою иниціативою.

Воинское званіе не можетъ и не должно убивать въ человѣкѣ духовное начало; напротивъ. Дисциплина, убивающая духъ въ человѣкѣ, убиваетъ душу арміи. Воинское званіе требуетъ не слѣпоты, а зрячей сознательности; не покорности, а повиновенія; не приниженности, а повышеннаго чувства чести и чувства отвѣтственности; не пассивности, а волевой выдержки и творческой иниціативности. Ибо война есть *живая борьба* и притомъ ведомая *духомъ* и *ради духа*. Организація такой борьбы неосуществима въ средѣ, омертвѣвшей духомъ.

Итакъ, въ основѣ всей правовой и государственной жизни лежитъ способность человѣка къ внутреннему самоуправленію, къ духовной, волевой самодисциплинѣ.

Въ этомъ вторая аксіома правосознанія.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Недуги автономіи.

Правосознаніе, не выковавшее себѣ автономной формы, есть незрѣлое или недугующее правосознаніе; и потому жизнь всегда можетъ привести его къ страданіямъ и униженіямъ.

Гражданинъ, лишенный автономнаго правосознанія, неспособенъ ни къ самообладанію, ни къ самодѣятельности, ни къ самоуправленію. Онъ можетъ блюсти порядокъ и вѣрность праву только подъ давленіемъ чужой воли. Онъ нуждается въ угрозѣ для того, чтобы не стать правонарушителемъ; ему необходимо наказаніе потому, что онъ постоянно склоненъ стать виновнымъ преступникомъ *). Совершая правонарушенія и преступленія, онъ однако не тяготится своимъ противоправнымъ состояніемъ потому, что право не признано и не принято его волею. Если же оно прямо противорѣчитъ его насущному интересу, то онъ быстро возводитъ безнаказанное правонарушеніе въ доблесть и незамѣтно превращается въ профессіональнаго преступника.

Такой недугъ становится бѣдствіемъ, если гетерономная форма жизни почему нибудь отпадаетъ: если, напримѣръ, государственная власть оказывается безсильной или усвоиваетъ принципъ «непротивленія». Тогда наступаетъ политическое разнузданіе, которое вызываетъ въ душѣ звѣря, и, превращаясь въ систему, создаетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Политическое непротивленіе деморализуетъ и разлагаетъ душу, лишенную автономнаго правосознанія: оно научаетъ ее вседозволенности и предоставляетъ ея инстинкту просторъ и разгулъ, не сообщивъ ему форму благородной воли. И тогда душа человѣка утрачиваетъ всякое руководство и впадаетъ въ полное беззаконіе. Общественная жизнь лишается всякой правовой формы и превращается въ безформенный хаосъ.

Но, если власть, обороняющая правопорядокъ и организующая отпоръ дефективному правосознанію, позволитъ инерціи увлечь себя и создастъ режимъ политическаго угнетенія, устойчивый и систематическій, то она закрѣпитъ въ душахъ неспособность къ правовому самоопредѣленію и подготовитъ новыя бѣды и паденія.

Насиліе не воспитываетъ душу къ автономіи, но запугиваетъ ее и насыщаетъ ее злобою и ненавистью. Запуганный «не

*) См. главу восьмую.

смѣетъ» до тѣхъ поръ, пока не осмѣлится *); а разъ осмѣлившись, онъ безъ стѣсненія изливаетъ свою злобу и осуществляетъ свою ненависть. Насиліе «заставляетъ» человѣка, не сообщая ему предметныхъ убѣжденій; и потому побѣда его есть мнимая побѣда и обозначаетъ собою униженіе души. Униженіе, возведенное въ систему, уродуетъ душу, повреждаетъ ея духовные корни **) и извращаетъ ея жизненные пути. Автономное правосознаніе живетъ личнымъ, свободнымъ убѣжденіемъ; но свободнаго убѣжденія не можетъ быть въ душѣ подавленнаго и запуганнаго человѣка. Привыкшій жить чужимъ разумомъ и чужимъ рѣшеніемъ, онъ незамѣтно утрачиваетъ центръ тяжести своего духа и превращается въ какой то траги-комическій придатокъ другого существа или какой нибудь тоталитарной партіи; онъ привыкаетъ къ внѣшнему руководству, но не научается внутреннему; онъ можетъ только усвоивать велѣніе со стороны и уже не слышитъ голоса собственнаго духа и разума. Постепенно угасаетъ активность его ума, слабѣетъ его волевой починъ, умаляется сфера его самодѣятельности. Онъ уже не можетъ жить безъ надзора и опеки; онъ уже не въ состояніи нести всю полноту отвѣтственности за свои поступки; его духъ хирѣетъ, его жизнь становится унизительной.

Такъ, режимъ, подавляющій автономію духа, воспитываетъ въ гражданахъ безмолвіе и пассивность. Подавленный гнетомъ власти и ея запретовъ, человѣкъ привыкаетъ видѣть нѣчто запретное во всякой духовной самодѣятельности, — въ самостоятельномъ воленіи, мышленіи и дѣйствованіи. Для того, чтобы дѣйствовать, ему необходимо приказаніе, или по крайней мѣрѣ, разрѣшеніе предержащей власти; и жизнь его проходитъ въ томъ, что онъ все ждетъ приказа и все боится запрета; и, когда получаетъ разрѣшеніе, то уже не умѣетъ и не хочетъ имъ воспользоваться; а когда получаетъ запрещеніе, то облегченно вздыхаетъ и успокаивается. Люди привыкаютъ смотрѣть на себя, какъ на пассивное орудіе чужихъ велѣній и это запуганное самочувствіе окончательно убиваетъ въ нихъ уваженіе къ своему духу. Творческая инициіатива не свойственна запуганной душѣ; благородная активность ея подавлена и потому предпріимчивость ея питается исключительно жадностью и злобою. Но именно поэтому человѣкъ, возросшій при такомъ режимѣ, оказывается неспособнымъ къ общественной самодѣятельности — по слабоволію, и къ политическому созиданію — по зложелательству и порочности. Никакой тоталитарный режимъ не воспитываетъ въ людяхъ самостоятельный характеръ и способность къ самоуправленію. Именно поэтому революціи нерѣдко завершаются сначала лѣвымъ, а потомъ правымъ деспотизмомъ.

Пассивный человѣкъ привыкъ чувствовать себя свободнымъ отъ политическаго бремени и отвѣтственности; онъ возлагаетъ свои надежды на власть, расчитываетъ на нее, и въ лучшемъ случаѣ умѣетъ лишь связно высказать свои претензіи.

---

*) См. главу четвертую. **) См. главу пятнадцатую.

Зато бездѣятельное критиканство доставляетъ ему настоящее удовлетвореніе; въ сущности говоря, онъ всѣмъ и всегда недоволенъ и втайнѣ убѣжденъ, что онъ самъ сумѣлъ бы сдѣлать все несравненно лучше; поэтому онъ съ наслажденіемъ отвергаетъ и поноситъ, возносясь въ пустомъ воображеніи и не видя своей духовной немощи. Онъ привыкаетъ жить на иждивеніи своей родины и желаетъ получать все въ готовомъ видѣ; онъ умѣетъ брать, но не умѣетъ нести служеніе; и, получая отъ родины всѣ блага правопорядка и культуры, онъ не считаетъ государственное дѣло своимъ, не дорожитъ своимъ участіемъ въ государствѣ, бѣжитъ отъ повинностей и не умѣетъ любить свою родину. То, что онъ беретъ, онъ беретъ, какъ естественную дань, и, не замѣчая, что эта дань становится подачкой, развязно бранитъ дающую власть за то, что она даетъ «мало». Такой человѣкъ является не гражданиномъ, а подданнымъ, носящимъ въ душѣ своей укладъ лѣниваго холопа. И бываетъ такъ, что въ этомъ укладѣ живутъ и воспитываются цѣлыя поколѣнія, умѣющія говорить въ политикѣ только самоувѣренное «нѣтъ» и безсмысленное «долой», но не способныя произносить отвѣтственное «да» и творческое «да будетъ».

Когда же политическій гнетъ порождаетъ въ душахъ протестъ и не даетъ ему исхода, то гоненія его вызываютъ къ жизни новый глубокій недугъ, уже подготовленный безпредметною оппозиціонностью,—больное правосознаніе революціоннаго подполья.

По идеѣ подпольный революціонеръ есть «героическая натура», возставшая противъ политическаго гнета и ведущая самоотверженную борьбу за свободу и справедливость. Однако, политическій протестъ, сдѣлавшійся профессіей, и революціонное настроеніе, замѣнившее собою правосознаніе,—постепенно уродуютъ его духъ настолько, что героизмъ его превращается въ болѣзненное противорѣчіе, а самоотверженіе его не соблюдаетъ достоинства того самаго духа, за свободу котораго онъ, повидимому, борется.

Систематическій протестъ пріучаетъ его умъ и волю къ чистому и непреклонному отрицанію; отрицаніе, обращенное противъ политическаго строя и хозяйственнаго уклада его собственнаго государства, ставитъ его въ открытый и напряженный конфликтъ съ дѣйствующими законами, отрываетъ его правосознаніе отъ положительнаго права, противопоставляетъ его осуждаемому правовому и экономическому укладу жизни и незамѣтно дѣлаетъ его врагомъ не только режима, поддерживающаго правопорядокъ, но и самаго правопорядка. Поставивъ себѣ задачу насильственно свергнуть существующій режимъ, онъ возстаетъ одинаково противъ личнаго состава власти, противъ ея воленаправленія, ея политики, наконецъ, противъ самаго ея существованія. Его отрицаніе распространяется уже не на видовыя отличія этого режима и этой власти, но захватываетъ незамѣтно для него самого и сущность права и государства. Осуждая лояльныхъ гражданъ, онъ силится расшатать ихъ правосознаніе посредствомъ пропаганды и агитаціи, и тѣмъ подрываетъ

самыя основы правопорядка, самые коренные устои государственности. Революціонеръ отказывается сознаніемъ и волею признавать государственный центръ своей страны, онъ искореняетъ въ себѣ волю къ государственному единенію и стремится отнять эту волю и у другихъ. На преслѣдованія онъ отвѣчаетъ ненавистью, на репрессіи — ожесточеніемъ и местью; онъ оставляетъ свой легальный статусъ и вся жизнь его превращается въ организованный обманъ, въ притворство, въ укрываніе и обдуманное, планомѣрное нарушеніе права.

Движимый ненавистью и ожесточеніемъ, онъ начинаетъ понимать свою ближайшую революціонную задачу, какъ самодовлѣющую, порываетъ съ единой и объективной государственной цѣлью и рѣшаетъ, что его задача оправдываетъ всѣ и всякія средства; и поэтому всякое правонарушеніе кажется ему допустимымъ, всякая ложь—позволенной, всякій успѣхъ—желаннымъ; чувство элементарной порядочности смолкаетъ въ его душѣ, мораль объявляется предразсудкомъ, правосознаніе разлагается въ самомъ корнѣ. Гоненія раздуваютъ его злобу до неестественныхъ размѣровъ; за неудачу и позоръ своего врага,—правящей власти,—онъ готовъ заплатить любою цѣною, хотя бы униженіемъ своей родины (пораженчество) или гибелью своего государства (тяготѣніе къ интернаціонализму). Постепенно онъ совсѣмъ отрывается отъ духовно-національной почвы, дѣлается государственнымъ изгоемъ и окончательно превращается въ «интернаціоналиста». Онъ теряетъ всякую связь съ духовной культурой своего народа, не живетъ ею, не дорожитъ ею и отъ всей его національной принадлежности остается только противогосударственное настроеніе, вскормленное ненавистью изъ подполья. Революціонность его утрачиваетъ свое былое содержаніе, опредѣлявшееся первоначально цѣлью права; она становится сплошнымъ отрицаніемъ, больнымъ направленіемъ воли, и, соотвѣтственно этому, заполняется больными, духовно-противоестественными, пагубными химерами. Героизмъ его превращается въ пустую форму, въ неоправдавшійся личный пережитокъ: ибо бывшій «герой» живетъ и дѣйствуетъ, какъ безпочвенный, озлобленный искатель міровыхъ революціонныхъ приключеній, какъ безродный авантюристъ, врагъ своего государства, губитель своей родины.

Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможно поддерживать чувство собственнаго духовнаго достоинства. Отрицать право и государство своего народа значитъ отрицать живую форму его національнаго духа; а этотъ отрывъ отъ живой формы неизбѣжно уродуетъ и цѣлостное воспріятіе духовныхъ содержаній, и творческую работу надъ ихъ развитіемъ и углубленіемъ. Въ душѣ революціонера незамѣтно, но окончательно сдвигаются всѣ духовныя мѣрила и перерождаются всѣ критеріи цѣнности. Предаваясь хотя бы формально и вѣрной, но разсудочной и доктринерской критикѣ, онъ перестаетъ довѣрять глубинѣ непосредственнаго чувства и обезсиливаетъ свою интуицію; интуитивное вырожденіе души дѣлаетъ его индуктивную мысль мертвенной и близорукой и революціонная «дедук-

ц і я» становится главнымъ и даже единственнымъ источникомъ его идеологіи. Въ то же время «революціонность» превращается въ главный и даже единственный критерій цѣнности, которымъ онъ измѣряетъ всѣ предметы и всѣ жизненныя отношенія. Соотвѣтствіе революціоннымъ цѣлямъ даетъ положительную оцѣнку, несоотвѣтствіе—отрицательную. Наконецъ, классовый интересъ, отстаиваемый имъ во что бы то ни стало, заполняетъ всѣ разсудочныя и революціонныя пустоты его міросозерцанія,—и вырожденіе духа становится неминуемымъ. Религія отвергается совсѣмъ, какъ несоотвѣтствующая разсудку, революціонному релятивизму и классовому интересу. Философія вырождается въ революціонную публицистику и слѣпую, ожесточенную борьбу со всякимъ безпристрастнымъ изслѣдованіемъ. Наука утрачиваетъ всякую самостоятельную цѣнность и превращается въ тенденціозное обслуживаніе партійныхъ лозунговъ. Искусство или отвергается цѣликомъ или становится орудіемъ политической и соціальной борьбы («направленіе»). Нравственность или осмѣивается или отождествляется съ революціонной покорностью и революціоннымъ «самоотверженіемъ». Правосознаніе прямо предназначается къ разрушенію, воля народа — къ деморализаціи, инстинктъ массы—къ разнузданію. Такимъ образомъ душа революціонера постепенно порываетъ со всякимъ духовнымъ содержаніемъ; «политика» становится высшею и самостоятельною цѣнностью; вся жизнь его является безъ-духовнымъ и противо-духовнымъ напряженіемъ и способность къ духовному самоутвержденію постепенно утрачивается совсѣмъ.

Но именно поэтому и самоотверженіе его теряетъ свои духовно-вѣрныя черты и становится отказомъ отъ духа. Революціонная интеллигенція перестаетъ цѣнить духовную культуру; она уже не чувствуетъ себя квалифицированнымъ органомъ единаго народа и усматриваетъ въ духовной жизни недопустимую привилегію; она отрекается отъ своей духовной миссіи, осуждаетъ культуру, какъ порожденіе классоваго интереса и начинаетъ служить духовному оскудѣнію своей родины: соль земли теряетъ свою силу. Такъ слагается нигилистическое «народничество» со всѣми его заблужденіями и недугами: съ его дурною тенденціозностью; съ его проповѣдью «опрощенія»; съ его идеализаціей физическаго труда и умственной темноты; съ его идеологіей, питающейся народными предразсудками и историческими пережитками. Духовно-старшій преклоняется передъ духовно-младшимъ и малолѣтнимъ; онъ отказывается отъ своего старшинства, отказывается отъ призванія вождя и усвоиваетъ черты демагога; онъ малодушно отрекается отъ своего духовнаго достоинства и «самоотверженіе» его предаетъ самоцѣнность и самозаконность духа.

Все это обнаруживаетъ, что «революціонность» составляетъ не достоинство и доблесть, но глубокій и опасный недугъ духа. Этотъ недугъ состоитъ въ послѣдовательномъ отрывѣ правосознанія отъ права, государства и власти, и

вслѣдъ затѣмъ въ отрывѣ воли отъ цѣли права; человѣкъ, оставаясь повидимому гражданиномъ своего государства, выходитъ изъ правового общенія, порываетъ съ формою національнаго духа, разрушаетъ свое духовное самоутвержденіе, повреждаетъ свое духовное достоинство и разлагаетъ свою личность и свою жизнь. Революціонное правосознаніе есть правосознаніе больное и вырождающееся, ибо оно утрачиваетъ свою автономную структуру; утрата автономіи есть утрата необходимой духовной формы; она уродуетъ самые глубокіе корни человѣческаго существа и неизбѣжно ведетъ къ содержательному вырожденію духа.

Итакъ, непризнаніе человѣкомъ своего гражданства лишаетъ его автономнаго правосознанія и ставитъ его въ тягостное и двусмысленное положеніе по отношенію къ тому государству, которое причисляетъ его къ себѣ. Гражданинъ, включенный въ извѣстное государство, знающій объ этомъ, но не признающій своей политической принадлежности, имѣетъ передъ собою только два честныхъ исхода: или совершить съ разрѣшенія власти законную экспатріацію, т. е. формальный выходъ изъ состава государства; или же односторонне заявить о своемъ внѣгосударственномъ, «неповинующемся» состояніи, съ тѣмъ, чтобы принять всѣ послѣдствія своего акта (репрессія). Оба эти исхода ставятъ и разрѣшаютъ весь вопросъ сознательно, открыто и принципіально, не оставляя мѣста для двусмысленности и лжи. Однако есть и третій болѣзненный исходъ, уводящій на путь политической симуляціи.

Гражданинъ, не признающій своей государственной принадлежности, можетъ не проявлять этого явно. Не покидая даннаго политическаго союза и не выходя изъ его состава, оставаясь формально и по внѣшней видимости его гражданиномъ, онъ подготовляетъ распаденіе государства уже однимъ своимъ существованіемъ. Причисленный къ государству механически или недобровольно, онъ остается чуждымъ или враждебнымъ ему въ порядкѣ автономіи. Онъ не сливается съ нимъ волею, не пріемлетъ его чувствомъ, не служитъ ему сознаніемъ *). Формально его нельзя признать ни измѣнникомъ, ни революціонеромъ; однако, соблюдая повидимому законы государства, исполняя свои публичныя обязанности и повинности, онъ укрываетъ даже въ своихъ лояльныхъ проявленіяхъ цѣлыя залежи противо-государственнаго настроенія. Въ душѣ его тайно бродитъ противо-политическая отрава, принимая видъ вѣчной оппозиціи или патріотическаго безразличія, поверхностнаго космополитизма, злорадства или склонности къ безпринципному политиканству. Сознательно или безсознательно онъ слагаетъ свою жизнь въ систему политическаго паразитированія и полу-предательства, превращая ее въ симуляцію гражданства и храня въ душѣ легкую отзывчивость на всякую революціонную пропаганду. И, если въ странѣ много такихъ людей, лишенныхъ автономнаго, патріотическаго правосознанія и

*) См. главы десятую, одиннадцатую и четырнадцатую.

не связанныхъ со своимъ государствомъ глубиною личнаго пріятія, то политическое единство народа вырождается въ пустую, формальную видимость, въ какой-то коллективный самообманъ, столь же унизительный духовно, сколь пагубный по своимъ послѣдствіямъ. Тогда жизнь государства сводится къ тому, что всѣ дѣлаютъ видъ, будто они въ самомъ дѣлѣ граждане; обманывая въ этомъ себя, они обманываютъ и другихъ, и наивно считаютъ и себя и другихъ дѣйствительными членами государства; и всѣ вмѣстѣ строятъ политическую жизнь на общемъ взаимномъ паразитированіи и полу-предательствѣ, приводятъ государство къ гибели и, не видя своей наивности, забывая свое лицемѣріе, нелицемѣрно изумляются столь тягостнымъ послѣдствіямъ.

Этотъ недугъ непризнаннаго гражданства получаетъ углубленное, трагическое значеніе въ случаяхъ недобровольнаго присоединенія покоренныхъ націй. Тогда гражданинъ, причисленный къ одному государству, продолжаетъ жить чувствомъ и волею въ составѣ другого государсва; онъ остается патріотомъ оставленной имъ родины и публичное правосознаніе его переживаетъ мучительный кризисъ: онъ утрачиваетъ автономную форму и духъ его оказывается въ состояніи глубокаго раскола. Вступая въ составъ чуждой ему политической организаціи, онъ утрачиваетъ свою духовную цѣльность, ибо отрываетъ въ себѣ духовное содержаніе отъ правовой формы. Онъ не можетъ оторваться отъ своей родины, потому что не въ его власти передѣлать свою духовную структуру и предпринять заново духовное самоутвержденіе; весь укладъ его духовной и душевной жизни связуетъ его съ той страной, гражданство которой онъ утратилъ. Поэтому онъ продолжаетъ культивировать то, отъ чего онъ долженъ былъ формально отказаться. Но то, что онъ пріобрѣлъ взамѣнъ, не возмѣщаетъ ему духовнаго ущерба. Онъ не можетъ по произволу установить духовную однородность съ чуждымъ ему національнымъ лономъ и потому не можетъ прилѣпиться къ своему новому, мнимому «отечеству». Формально онъ принялъ на себя такія публично-правовыя обязанности и повинности, которыхъ не пріемлетъ его духъ и которыми не дорожитъ его душа. Онъ тяготится своимъ новымъ гражданствомъ и отвращается отъ него; и каждый правовой актъ его жизни окрашивается въ оттѣнокъ отвращенія и лжи. Какъ гражданинъ онъ мертвъ душою и лживъ духомъ; какъ патріотъ, онъ оторванъ отъ родины и обязанъ вооружаться на нее въ мѣру чужой надобности. Онъ вынужденъ служить дѣлу, котораго не любитъ; и любитъ то дѣло, которому не имѣетъ права служить. И, чѣмъ вѣрнѣе онъ остается своимъ духовнымъ корнямъ, чѣмъ больше онъ любитъ свою истинную родину,—тѣмъ неизбѣжнѣе становится для него путь международной измѣны въ періоды между-государственной борьбы. Онъ переживаетъ настоящую политическую трагедію: самые глубокіе и святые, патріотическіе мотивы ведутъ его на путь политическаго предательства, отвратительнаго и для правосознанія и для совѣсти; и обратно: самые основные и существенные акты публичнаго правосознанія испытываются имъ, какъ духовно-ложные и

патріотически-мертвые. И недугъ его можетъ исцѣлиться только черезъ возстановленіе автономнаго правосознанія, только черезъ возсоединеніе духа съ правовою формою: онъ долженъ возстановить утерянное имъ гражданство и вновь формально стать сыномъ своей родины; ибо путь духовной ассимиляціи есть дѣло цѣлыхъ поколѣній.

Таково состояніе гражданина съ несозрѣвшей, поврежденной или выродившейся автономіей правосознанія. Онъ не можетъ созидать правопорядокъ или государство; онъ можетъ только заполнять собою ихъ пустую видимость, пока онъ пассивенъ, и разрушать или деградировать ихъ, какъ только онъ переходитъ къ дѣйствію. Поэтому самодѣятельность народа, обладающаго незрѣлымъ, не автономнымъ правосознаніемъ, таитъ въ себѣ внутреннее, жизненное противорѣчіе, чреватое роковымъ исходомъ. А такъ какъ извѣстная степень народной самодѣятельности, — сознательной и безсознательной, организованной и распыленной, постоянной и періодически обостряющейся, — имѣется налицо при всякомъ режимѣ, то всякій режимъ долженъ не подавлять ее, а воспитывать ее и укрѣплять подъ страхомъ собственной гибели.

Однако, для того, чтобы такое соціальное и политическое воспитаніе было возможно, автономное правосознаніе должно быть присуще самой государственной власти. Власть, лишенная автономнаго правосознанія, не можетъ воспитывать свой народъ; она или прикрѣпляетъ его жизнь къ данному, болѣе или менѣе низкому уровню, или прямо развращаетъ его правосознаніе. Духовный ростъ народа, какъ ростъ его самодѣятельности, кажется ей нежелательнымъ и опаснымъ. Не чувствуя въ самой себѣ способности къ автономному и въ то же время предметному самоопредѣленію, она примѣнительно къ своему народу совсѣмъ не считается съ этимъ исходомъ и заданіемъ и совсѣмъ не цѣнитъ духовной самодѣятельности народа. Она вообще не цѣнитъ автономію, какъ форму духа и духовной культуры, и потому признаетъ идею политической и даже религіозной свободы празднымъ и вреднымъ предразсудкомъ. Именно изъ этихъ ошибокъ выростаетъ противоестественная и роковая идея партійно-тоталитарнаго государства, въ которомъ государственная власть оказывается захваченной, порабощенной и одержимой ложнымъ заданіемъ, и лишаетъ подданныхъ не только всякаго самоуправленія, но и всякаго правосознанія. Понятно, что собственное воленаправленіе такой власти заполняется случайнымъ образомъ, гетерономно и, чаще всего, непредметно. Не воспринимая объективную цѣль государства, не усматривая духовную природу политическаго общенія, она формализируетъ творимый ею режимъ и сводитъ государственный строй къ внѣшнему порядку и покорности. Паѳосъ формальнаго властвованія отрываетъ ея акты отъ живого народнаго правосознанія и придаетъ ей характеръ безпочвенности и пагубной отвлеченности. А такъ какъ живая дѣятельность не можетъ не имѣть содержательныхъ цѣлей, то ея формальный паѳосъ неизбѣжно заполняетъ свою пустоту содержательно-не-

вѣрными, произвольными и безпредметными заданіями. Это приводитъ въ лучшемъ случаѣ къ межданародной агрессивности, къ культу милитаризма и войны, а въ худшемъ случаѣ къ соціализму и коммунизму. Власть, лишенная автономнаго правосознанія, сама не знаетъ, въ чемъ ея призваніе и чему она въ дѣйствительности служитъ. Она остается во власти традицій или дедукцій и не можетъ отличить государственнаго и цѣннаго, отъ противогосударственнаго и вреднаго. Она не знаетъ, гдѣ предразсудокъ, гдѣ нелѣпая доктрина и гдѣ предметная мудрость; чего требуетъ интересъ государства и какъ отличить общее благо отъ проповѣдуемой открыто классовой корысти. Она не ведетъ своего государства, но влечется за противоестественными доктринами или за партійными вожделѣніями и страстями; она не творитъ культуру, но разрушаетъ ее, мобилизуя и поощряя противокультурныя силы. Ея изволеніе утрачиваетъ характеръ политической мудрости и правоты; ея политика становится разореніемъ страны и опасностью для всѣхъ сосѣдей.

Гетерономная воля есть духовно слабая воля; гетерономное правосознаніе есть недугующее правосознаніе. Если духовная слабость властвующей воли выражается въ ея предметной невѣрности и правитель превращаетъ автономію въ произволъ, то онъ вступаетъ на путь тираніи; если же духовная слабость воли выражается въ ея несамостоятельности и правитель подчиняетъ свою волю — чужой, то государство оказывается въ рукахъ временщика.

Сущность тираніи опредѣляется не порядкомъ ея возникновенія и не дефективностью публичнаго полномочія, но противогосударственностью волевого содержанія, своеобразнымъ сочетаніемъ силы и слабости: тиранъ есть властитель, сильный, но не въ добрѣ; свиду «автономный» волею, но опредѣляющій себя произволомъ; его воля сильна не въ томъ, въ чемъ надлежитъ, и слаба въ томъ, къ чему она призвана. Произволъ есть недугъ автономіи; онъ превращаетъ волю въ своеволіе, подрываетъ авторитетъ власти и довѣріе къ ней и готовитъ государству разложеніе. Тираническая власть есть власть, недугующая въ своемъ содержаніи; и въ этомъ ея судьба и приговоръ. Это обнаруживается съ особенной наглядностью, если эта тиранія осуществляется въ тоталитарныхъ формахъ.

Опасность второго пути открывается съ того момента, когда власть оказывается въ рукахъ человѣка, слабаго волею или разумѣніемъ. Такой правитель, неспособный къ духовному и волевому самоутвержденію, изнемогаетъ подъ бременемъ власти и ея волевой природы: ибо государственная власть есть соціально выдѣленная и сосредоточенная воля политическаго союза, которая можетъ придти въ живое движеніе только отъ личныхъ, индивидуальныхъ изволеній уполномоченнаго. Поэтому властитель, слабый волею, таитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, требующее непрестаннаго устраненія и преодолѣнія; государственная власть не можетъ бездѣйствовать, но она не можетъ и при-

водиться въ дѣйствіе изволеніемъ безвольнаго существа. Отсюда естественная неизбѣжность личной гетерономіи для безвольнаго правителя: онъ становится пассивнымъ медіумомъ неуполномоченныхъ лицъ, періодически подчиняющихъ его своему вліянію и указующихъ ему то или иное воленаправленіе. Временщикъ, — единоличный или коллективный,—есть безотвѣтственное лицо, укрывающее свой частный интересъ за органическими несовершенствами государственнаго устройства. Онъ правитъ безъ полномочія; рѣшаетъ безъ отвѣтственности; осуществляетъ свой интересъ, подъ видомъ государственнаго. Самое существованіе его является попраніемъ государственной формы; самое положеніе его создаетъ для него возможность и соблазнъ извратить государственное содержаніе. Духовныя пустоты правителя заполняются противогосударственною волею нашептывающаго двойника и личный уровень послѣдняго можетъ стать бичомъ и рокомъ страны. Власть, лишенная автономнаго правосознанія, является залогомъ политическихъ бѣдъ и паденій.

Таковы недуги правосознанія, лишеннаго автономіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Третья аксіома правосознанія.

Человѣчество живетъ на землѣ въ видѣ множества замкнутыхъ и самобытныхъ, индивидуально-духовныхъ центровъ, разобщенныхъ тѣломъ и душою и, въ то же время, связанныхъ единою, общею средою существованія *). Въ этой общей, пространственно-матеріальной средѣ человѣку неизбѣжно проявлять свои влеченія, удовлетворять свои потребности, овладѣвать вещами, преобразовывать ихъ и притязать на господство. При этомъ, индивидуальныя притязанія людей оказываются въ конкурирующемъ сосуществованіи, въ состояніи соперничества, взаимнаго отрицанія и исключенія. Столкновеніе интересовъ порождаетъ между заинтересованными состязаніе и это состязаніе должно находить себѣ конецъ и разрѣшеніе. Однако, оно можетъ разрѣшаться на путяхъ, достойныхъ духа и на путяхъ, недостойныхъ его; и вотъ, право превращаетъ это состязаніе въ предметный споръ о достойномъ способѣ жизни.

Право каждаго человѣка на духовно-достойную жизнь можетъ разсматриваться, какъ самостоятельный аттрибутъ индивидуальнаго духа; но въ дѣйствительной жизни оно является связью между людьми: тою гранью, которая связываетъ ихъ своимъ предѣломъ, или, что то же, тою скрѣпою, которая разграничиваетъ ихъ совмѣстность. Въ дѣйствительности право возможно только тамъ, гдѣ есть живое отношеніе между людьми: право зарождается впервые, какъ настроеніе воли, и осуществляется впервые, какъ отношеніе духа къ духу. Это отношеніе опредѣляется, какъ взаимное духовное признаніе.

Отсюда третья аксіома правосознанія.

Человѣку невозможно жить на землѣ, не вступая въ отношенія съ другими людьми: это опредѣляется самымъ происхожденіемъ и воспитаніемъ его и закрѣпляется экономически развитіемъ потребностей и ростомъ населенія. Но въ то же время человѣку невозможно строить свои отношенія къ другимъ людямъ, не обращаясь къ ихъ душевному составу. Задача его состоитъ не въ томъ, чтобы избавиться отъ этихъ отношеній, но въ томъ, чтобы обезпечить имъ духовно- и предметно-достойный уровень. Для этого ему неиз-

*) См. главу пятую.

бѣжно обращаться именно къ духовному составу другихъ людей, взывать къ нему, воздѣйствовать на него, расчитывать на него и тѣмъ организовывать совмѣстную жизнь.

Люди могутъ относиться другъ къ другу различно и способы этого отношенія абсолютно не равноцѣнны, — ни по мотивамъ, ни по внутреннему строенію, ни по проявленію. Эта разноцѣнность имѣетъ не только личный, субъективный характеръ «пріятности», *) но и безусловный, объективный характеръ нравственной вѣрности и духовнаго достоинства. И вотъ, каждый желаетъ по отношенію къ себѣ и для себя лучшаго и притомъ объективно-лучшаго отношенія: каждый желаетъ, чтобы его любили и уважали, чтобы ему довѣряли и благожелательствовали; каждому тягостно быть предметомъ злобы и подозрѣнія, презрѣнія и ненависти. Но это «лучшее» отношеніе, болѣе вѣрное и болѣе достойное, творится именно духомъ и является зрѣлымъ проявленіемъ духовной жизни и духовнаго состоянія. Всюду, гдѣ духовный уровень людей низокъ и неустойчивъ, взаимныя отношенія ихъ низменны и недостойны: они слагаются по мотивамъ слѣпого своекорыстія, они превращаютъ человѣка въ простое средство, строеніе ихъ оказывается примитивнымъ и упрощеннымъ, проявленіе—грубымъ и насильственнымъ. Строй общественныхъ отношеній опредѣляется въ конечномъ счетѣ духовнымъ уровнемъ людей и всякая общественная организація покоится именно на духовно зрѣлыхъ и духовно сильныхъ душахъ.

Это можетъ быть выражено такъ, что правоотношеніе есть духовное отношеніе: ибо право указываетъ людямъ объективно-лучшее поведеніе **), а все объективно-лучшее воспринимается, познается и осуществляется именно духомъ. Иными словами: такъ какъ право есть необходимая форма духа ***), то правовая связь связуетъ не просто душу съ душою, а именно духъ съ духомъ. Кто говоритъ о своемъ полномочіи и о своей обязанности, тотъ утверждаетъ о себѣ, что онъ есть духъ, т. е. что онъ имѣетъ безусловное достоинство ****) и способность къ самоуправленію *****); мало того, онъ заявляетъ тѣмъ самымъ, что онъ исповѣдуетъ нѣкія объективныя и безусловныя цѣнности, что онъ признаетъ самую идею права, т. е. оріентируетъ свою жизнь на идеяхъ добра и справедливости, что онъ, по слову Библіи, «ходитъ предъ лицомъ Божіимъ». Вступить въ правоотношеніе значитъ именно подняться мыслью и волею къ идеѣ права и къ цѣли права ******), т. е къ духу, какъ источнику живой правоты. Правоотношеніе, какъ таковое, вводитъ человѣка въ сферу духа, ибо оно предполагаетъ живое отношеніе души къ идеѣ объек-

---

*) См. мой опытъ «О любезности». Рус. Мысль 1912 кн. 5.
**) См. главу четвертую и седьмую.
***) См. главы пятую и пятнадцатую.
****) См. главу пятнадцатую.
*****) См. главу шестнадцатую.
******) См. главы пятую, шестую, восьмую и девятую.

тивнаго блага, какъ мѣрилу жизни и дѣяній. «Юридическая форма» въ отношеніяхъ имѣетъ не только низшее значеніе «полезности», «прочности», «опредѣленности» и «вынудимости»; но она прежде всего исполнена высшаго смысла: она предполагаетъ въ человѣкѣ духовное достоинство, волю къ цѣли права и способность къ автономному самоопредѣленію; она ставитъ личное правосознаніе предъ лицо объективнаго блага и заставляетъ человѣка опредѣлить свое поведеніе, связать себя на основахъ самоутвержденія и самоограниченія. Правопорядокъ, какъ живая система правоотношеній, покоится на томъ, что люди хранятъ въ душѣ своей духовное измѣреніе вещей и дѣяній, и строятъ этимъ свою жизнь: утверждаютъ духовное начало въ себѣ устанавливаютъ свой правовой статусъ; и точно такъ же утверждаютъ духовное начало въ другихъ и устанавливаютъ ихъ правовой статусъ.

Это означаетъ, что правоотношеніе покоится на взаимномъ духовномъ признаніи людей. Кто говоритъ о своемъ полномочіи, тотъ подразумѣваетъ соотвѣтствующую ему обязанность другого; но признать за кѣмъ нибудь правовую обязанность, значитъ утвердить его правоспособность, т. е. признать его духовную природу. И, точно такъ же, кто говоритъ о своей обязанности, тотъ признаетъ соотвѣтствующее ей полномочіе другого; а это значитъ утвердить его правоспособность, т. е. духовную сущность. Правоотношеніе съ вещью и съ животнымъ неосуществимо именно потому, что въ нихъ не проявляется живой духъ; они не способны къ автономному волеизъявленію, къ автономному самообязыванію передъ лицомъ объективнаго блага. Правоотношеніе въ настоящемъ и цѣльномъ составѣ своемъ возможно только между существами, обладающими правосознаніемъ; только они могутъ связывать себя изъявленіемъ своего рѣшенія и отвѣчать за принятыя на себя обязательства. Но эти существа нуждаются помимо личной правоспособности еще во взаимномъ духовномъ признаніи.

Въ основаніи всякаго правоотношенія лежитъ троякое признаніе, дважды осуществленное. Во-первыхъ, каждый изъ субъектовъ, вступая въ правоотношеніе, признаетъ право, какъ основу отношенія, какъ форму жизни, какъ объективно значащую идею *). Во-вторыхъ, каждый изъ субъектовъ признаетъ свою духовность, т. е. свое достоинство и свою автономію, какъ правотворящую силу **). Въ-третьихъ, каждый изъ субъектовъ признаетъ духовность другого субъекта, т. е. его достоинство и его автономію, какъ силу, способную къ правотворчеству. Всѣ эти акты признанія не требуются формально; и въ дѣйстви-

*) См. главу четвертую.
**) См. главы пятнадцатую и шестнадцатую.

тельности они могутъ отсутствовать; они какъ бы молчаливо предполагаются; но именно это молчаливое предположеніе содѣйствуетъ забвенію о нихъ, ихъ утратѣ, ихъ жизненному безсилію и вырожденію. Однако, въ строеніи правосознанія всѣ эти акты не только необходимы, но составляютъ самую глубокую сущность правоотношенія. Вступить въ правоотношеніе значитъ согласиться на *совмѣстное подчиненіе праву*; это значитъ признать и себя, и другого *способнымъ* къ познанію положительнаго права *), къ восприятію его объективнаго значенія **), къ признанію права вообще ***) и, притомъ, именно его *цѣли и его достоинства* ****). Но пониманіе правовыхъ нормъ и согласіе подчиняться имъ предполагаетъ въ живомъ существѣ не только наличность духовной силы вообще, но и значительную умственную и духовную зрѣлость *****). При отсутствіи этихъ условій правоотношеніе или невозможно, или нелѣпо. Поэтому они должны быть на лицо въ каждомъ изъ участниковъ; и каждый долженъ знать о себѣ и о другомъ, что онъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Иными словами: *въ основѣ всякаго нормальнаго правоотношенія лежитъ взаимное духовное признаніе*; и потому дѣйствительныя, повседневныя правоотношенія стоятъ на высотѣ и соотвѣтствуютъ своему назначенію лишь постольку, поскольку они наполнены такимъ признаніемъ, имъ созданы и имъ освящены.

Поэтому *правопорядокъ* долженъ разсматриваться, какъ *система взаимнаго духовнаго признанія*. Такое признаніе осуществляется не только правомъ; оно лежитъ въ основаніи всего духовнаго общенія людей: всякаго спора, предполагающаго способность къ мысли и волю къ истинѣ; всякой эстетической совмѣстности, предполагающей сужденіе вкуса и волю къ красотѣ; всякой нравственной связи, покоющейся на актѣ совѣсти и на волѣ къ добру; наконецъ, всякаго религіознаго общенія, возможнаго только между людьми, способными къ молитвѣ и ищущими подлиннаго боговоспріятія. Духовное общеніе требуетъ, объективно говоря, — *двусторонней духовности*, а субъективно говоря, — *обоюднаго духовнаго признанія*. Но правовое общеніе есть именно духовное общеніе; поэтому оно является *разновидностью* такого признанія. Въ этомъ глубочайшій смыслъ всякаго правового и политическаго единенія. Такое пониманіе права и государства вновь обнаруживаетъ духовное братство всѣхъ людей ******); оно подтверждаетъ также отсутствіе принципіальнаго расхожденія между правопорядкомъ

---

*) См. главу вторую.

**) См. главу третью.

***) См. главу четвертую.

****) См. главы пятую и девятую.

*****) См. главы шестую, седьмую, девятую, десятую, одиннадцатую, пятнадцатую и шестнадцатую.

******) См. главы пятую, девятую и десятую.

и евангельскимъ ученіемъ о любви *): ибо отношеніе «въ правѣ» и отношеніе «въ любви» являются одинаково разновидностью духовнаго признанія.

Совершить духовное признаніе человѣка значитъ, во-первыхъ, признать въ немъ безусловное достоинство, присущее духу, и установить къ нему соотвѣтствующее отношеніе. Въ результатѣ этого возникаетъ уваженіе къ человѣку. Это значитъ, во-вторыхъ, признать въ немъ волю къ объективному благу, въ данномъ случаѣ, волю къ праву и къ цѣли права. Въ результатѣ этого возникаетъ довѣріе къ человѣку. Взаимное уваженіе и взаимное довѣріе лежатъ въ основѣ всякаго правоотношенія, — и частнаго, и публичнаго; ими связуются и граждане другъ съ другомъ, и граждане съ властью, и власть съ гражданами. Внѣ этихъ формъ взаимнаго признанія правопорядокъ не можетъ существовать, ибо съ ихъ исчезновеніемъ неизбѣжно исчезаетъ всякое единеніе и всякая солидарность.

Если въ основѣ уваженія къ себѣ лежитъ чувство собственнаго достоинства, то уваженіе къ другому предполагаетъ живое воспріятіе его духовности и его достоинства. Но для того, чтобы воспринимать въ другомъ эти основные признаки человѣчности, необходимо имѣть въ самомъ себѣ органъ и мѣрило для нихъ; надо знать по собственному опыту, что̀ есть духъ, каково его достоинство и каковы его способы жизни. А это дается только черезъ духовное самоутвержденіе. Только въ непосредственномъ уваженіи къ своему духовному достоинству человѣкъ научается уважать чужое достоинство, и, если школа этого непосредственнаго опыта измѣняетъ ему, то научиться уваженію къ другимъ ему уже негдѣ. Вотъ почему, человѣкъ, неуважающій себя, не умѣетъ уважать и другихъ; и обратно: искусство уважать другихъ есть лучшій признакъ удавшагося духовнаго самоутвержденія **).

Тотъ, кто признаетъ духовность другого человѣка и его достоинство, — утверждаетъ въ немъ начало абсолютнаго блага, какъ живую сущность его личности; уважающій усматриваетъ въ уважаемомъ благую силу ***), способность къ осуществленію безусловныхъ цѣнностей; онъ утверждаетъ его сродство съ природою объективно-высшаго и объективно-совершеннаго, или, что то же, онъ утверждаетъ подлинное присутствіе въ немъ божественнаго начала,— духовной силы. Человѣкъ не можетъ уважать человѣка, если онъ не воспринимаетъ его, какъ явленіе абсолютнаго достоинства. Предполагать въ другомъ наличность такого достоинства можно и должно всегда; доказательству въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежитъ не духовная способность человѣка, а ея большее или меньшее отсутствіе. Поэтому принципіально правъ не тотъ, кто предпочитаетъ уважать немногихъ избранныхъ, — за что нибудь исключительное, — но тотъ, кто

*) См. главу двѣнадцатую.
**) См. главу пятнадцатую.
***) См. главу пятнадцатую.

готовъ уважать каждаго человѣка, дѣлая исключенiе для неуважаемыхъ.

Однако, для того, чтобы эта готовность превратилась въ живое, подлинное настроенiе, она должна получить предметное основанiе въ душѣ того, кто притязаетъ на уваженiе. Духовное самоутвержденiе должно быть присуще не только уважающему, но и уважаемому. Тотъ, кто требуетъ духовнаго признанiя отъ другихъ, долженъ признавать свою духовность самъ и утверждать ее чувствомъ, волею и жизненными дѣлами. Онъ долженъ дѣйствительно, предметно заслуживать духовнаго признанiя, чувствовать себя достойнымъ его и держать себя въ качествѣ достойнаго. Уваженiе возникаетъ и слагается автономно; оно чаще всего выростаетъ въ душѣ незамѣтно и обыкновенно вступаетъ въ сознанiе тогда, когда упрочится и созрѣетъ. Нельзя уважать по приказу или по принужденiю; но каждый можетъ воспитать въ другихъ уваженiе къ себѣ. И для этого надо не казаться духомъ, а быть имъ; не симулировать чувство собственнаго достоинства, а имѣть его. Природа духа такова, что живое присутствiе его придаетъ человѣку особую силу и объективную почтенность; человѣкъ прiобрѣтаетъ нѣкую подлинность бытiя, особую интенсивность жизни; его личность становится значительной и сама по себѣ, и для него самого, и для другихъ; и эта сила его еще увеличивается отъ спокойнаго самопризнанiя. Поэтому, для того, чтобы человѣка духовно признавали, онъ долженъ самъ осуществлять духовное самоутвержденiе; для того, чтобы человѣка уважали, онъ долженъ уважать себя самъ и имѣть къ тому дѣйствительныя основанiя. Тотъ, кто не умѣетъ уважать себя, не сумѣетъ ни уважать другихъ, ни соблюсти и упрочить чужое уваженiе къ себѣ. Третья аксiома правосознанiя органически связана съ первою.

И вотъ, уваженiе къ другимъ людямъ входитъ въ самую сущность правосознанiя. Вѣрное воспрiятiе правоотношенiя есть воспрiятiе не только своихъ полномочiй, обязанностей и запретностей, но и чужихъ. Предметно переживать чужой правовой статусъ значитъ не только вѣрно сознавать его содержанiе и его предѣлъ, но и признавать его объективное значенiе; это признанiе осуществляется волею, направленною на цѣль права и на его естественные корни *). Вотъ почему человѣку съ нормальнымъ правосознанiемъ свойственна активная воля къ блюденiю чужого статуса; и не только потому, что въ неприкосновенности чужихъ правъ онъ усматриваетъ залогъ своей огражденности, но потому, что онъ воспринимаетъ духовную природу другихъ людей и признаетъ ихъ право на права̀. Быть духомъ значитъ быть достойнымъ права и способнымъ къ праву; усматривать духовность другого человѣка значитъ признавать его достойнымъ права и способнымъ къ праву, т. е. уважать въ его лицѣ правоспособнаго субъекта. Тотъ, кто научился уважать въ себѣ субъекта правъ и обязанностей, тотъ неизбѣжно будетъ уважать

*) См. главы четвертую, пятую и девятую.

его и въ другихъ. Правоотношеніе нелѣпо и безсмысленно внѣ правосознанія: въ отрывѣ отъ правопониманія, правопризнанія и правоволенія — оно составляетъ пустую, формальную видимость: въ глубокомъ и подлинномъ смыслѣ слова, — его совсѣмъ нѣтъ. Но правосознаніе есть уже уваженіе къ духовному инобытію и къ его правамъ. Поэтому въ основѣ всякаго нормальнаго правоотношенія лежитъ не только уваженіе каждаго къ себѣ, но и взаимное уваженіе сторонъ.

Это взаимное уваженіе лежитъ въ основаніи, какъ частнаго, такъ и публичнаго правоотношенія.

Въ частномъ правоотношеніи, гдѣ ни одна сторона не властвуетъ надъ другою, но обѣ одинаково подчиняются возносящемуся надъ ними правовому авторитету,—царитъ идея свободнаго и равнаго соглашенія: договора о правахъ и обязанностяхъ. Но договоръ о правахъ не имѣетъ смысла безъ взаимнаго уваженія: согласиться на заключеніе договора значитъ признать, что человѣкъ способенъ измѣрять правомъ свои дѣянія и отношенія; что онъ способенъ сознавать свои полномочія и блюсти свои обязанности; что онъ способенъ связывать себя волеизъявленіемъ и нести отвѣтственность за свои рѣшенія, слова и поступки; однимъ словомъ, это значитъ признавать духовную автономію и духовное достоинство человѣка, т. е. уважать его. Контрагентъ, не уважающій своего контрагента, творитъ нелѣпое дѣло: заключая договоръ, онъ самъ не вѣритъ, что онъ его заключаетъ; онъ не придаетъ ему значенія, не цѣнитъ его и не считаетъ себя обезпеченнымъ; внутренняя несостоятельность его акта говоритъ сама за себя.

Въ публичномъ правоотношеніи, гдѣ одна изъ сторонъ имѣетъ полномочіе на власть, а другая — обязанность повиновенія, взаимное уваженіе является еще болѣе необходимымъ. Гражданину естественно уважать свою власть, какъ творческій источникъ права; ибо тотъ, кто духовно признаетъ право и чтитъ его достоинство, не можетъ не уважать волю, уполномоченную создавать законъ и примѣнять его. Достоинство права переносится на того, кто его императивно устанавливаетъ; власть воспринимается, какъ компетентный судья въ вопросѣ о «лучшемъ» и «худшемъ»; правосознаніе властителя является живымъ критеріемъ юридическаго «добра» и «зла». Мало того, въ нормальномъ публичномъ правоотношеніи правосознаніе индивидуума узнаетъ въ повелѣніяхъ власти свой собственный голосъ, свое собственное воленаправленіе *); благодаря этому гражданинъ сохраняетъ въ лояльности свою автономію и уважаетъ свою власть такъ, какъ онъ уважаетъ себя. Гражданину естественно не отрывать себя отъ своей власти и не противопоставлять себя ей: онъ долженъ чувствовать себя въ ней и ее въ себѣ, передавая это въ словѣ «мы», «наше». И тогда онъ переноситъ въ нее чувство собственнаго духовнаго достоинства и испытываетъ ея достоинство, ея честь, ея славу, какъ свои собственныя. Онъ ува-

---

*) См. главы шестую и шестнадцатую.

жаетъ себя въ ней и ее въ себѣ, освящая ее своимъ правосознанiемъ и формируя свое правосознанiе ея авторитетными велѣнiями.

Но столь же естественно и власти уважать подчиненнаго ей гражданина, усматривая въ немъ автономный духовный центръ, — правоспособнаго субъекта. Обращаясь къ гражданину съ правовыми императивами, власть не можетъ сдѣлать обязательнаго — неизбѣжнымъ, а запретнаго неосуществимымъ; поэтому она всегда вынуждена полагаться на правосознанiе гражданъ, на ихъ собственный разумъ и на ихъ собственную волю *). Мало того, нормальная власть связуется съ гражданами одинаковостью государственнаго воленаправленiя, единою цѣлью, духовною солидарностью; она испытываетъ себя, какъ ихъ государственную волю; она не только политически ведетъ ихъ, но она признаетъ себя духовно несомою ими. Она почерпаетъ въ ихъ правосознанiи санкцiю и силу; и только благодаря этому она оказывается компетентною; и только черезъ это она въ состоянiи творить ихъ общее, нацiонально-духовное дѣло. Ея достоинство опредѣляется ихъ самоутвержденiемъ; ея авторитетъ измѣряется ихъ духовнымъ признанiемъ. Уважая себя, она не можетъ не уважать ихъ; и обратно: если власть не уважаетъ гражданъ, то она не уважаетъ и себя; тогда она не въ состоянiи блюсти свое достоинство; она теряетъ свой авторитетъ, перестаетъ быть политическимъ центромъ страны и превращается въ пустую видимость.

Такимъ образомъ, взаимное уваженiе народа и власти оказывается необходимою основою государственнаго бытiя. Однако столь же необходимою основою общества, правопорядка и политическаго существованiя является взаимное довѣрiе.

Если уваженiе утверждаетъ въ человѣкѣ духовное достоинство, то довѣрiе утверждаетъ въ его душѣ благородную волю, какъ живую основу поведенiя.

Довѣряющiй усматриваетъ въ довѣряемомъ, прежде всего, духовное существо; это значитъ, что довѣрiе покоится на уваженiи и предполагаетъ его наличность: всякiй человѣкъ, строящiй свое поведенiе на благородной волѣ, т. е. на волѣ къ объективному благу, есть, тѣмъ самымъ, духовное существо; ибо эта воля есть одно изъ основныхъ проявленiй духа. Такой человѣкъ объективно заслуживаетъ уваженiя; не только уваженiя, но и довѣрiя: ибо довѣрiе родится тогда, когда человѣкъ начинаетъ учитывать практическую сторону жизни уважаемаго человѣка, т. е. его волю, его воленаправленiе, самые творческiе истоки его личнаго духа. Можно уважать человѣка въ одномъ отношенiи и не довѣрять ему въ другомъ; но тогда въ этомъ «другомъ» отношенiи лишенный довѣрiя будетъ лишенъ и уваженiя. Истинная полнота уваженiя всегда сопровождается

*) См. главу шестнадцатую.

полнотою довѣрія; именно этимъ люди руководятся въ дружбѣ, въ избраніи духовника и въ обращеніи къ Богу.

Итакъ, довѣряющій усматриваетъ въ довѣряемомъ не просто духовное существо, но именно волю къ объективно вѣрному поведенію и, притомъ, жизненно-эффективную волю. Это значитъ, что довѣріе предполагаетъ духовную вмѣняемость человѣка, т. е. способность отличать «лучшее» отъ «худшаго», измѣрять этими мѣрилами свои состоянія и поступки, выбирать лучшее и опредѣлять свое поведеніе состоявшимся выборомъ и рѣшеніемъ. Невмѣняемый человѣкъ остается за предѣлами довѣрія и оставляетъ чужую душу безразличною въ этомъ смыслѣ. Но вмѣняемость не создаетъ еще тѣмъ самымъ довѣрія; для этого необходимъ положительный результатъ вмѣненія, и, притомъ, не въ единичномъ случаѣ, а въ общемъ масштабѣ, въ основномъ, окончательномъ, для даннаго человѣка, смыслѣ. Довѣряющій признаетъ, что довѣряемый не только одинъ разъ и, можетъ быть, случайно опредѣлилъ себя къ «добру»; но, что онъ способенъ къ этому постоянно, что этотъ выборъ и это рѣшеніе свойственны ему по существу и устойчиво, ибо таково его основное воленаправленіе. Довѣріе утверждаетъ именно благое воленаправленіе въ душѣ человѣка; оно не только констатируетъ отвлеченно его способность къ добру, но признаетъ силу этой способности, ея творческое значеніе въ жизни; оно какъ бы взываетъ къ этой способности и къ ея силѣ, къ благимъ мотивамъ и къ благимъ цѣлямъ воли: и, взывая, полагается на нихъ, т. е. спокойно расчитываетъ на ихъ побѣду и на ихъ жизненно опредѣляющее дѣйствіе. Это есть вѣра въ чужую добрую волю, какъ реальную основу чужого поведенія.

Довѣряющій не просто отмѣчаетъ наличность «добрыхъ желаній» въ душѣ человѣка; но онъ учитываетъ именно ихъ силу и ихъ вѣрную побѣду. Онъ питаетъ увѣренность въ томъ, что воля къ добру, оказавшись лицомъ къ лицу съ дурными желаніями, вступитъ съ ними въ борьбу и одолѣетъ ихъ; что она сумѣетъ завладѣть не только настроеніемъ души, но и ея творческими безсознательными силами; что она сумѣетъ найти для себя адэкватное словесное выраженіе, которое вѣрно выразитъ ея рѣшеніе; и, наконецъ, что она сумѣетъ выковать себѣ вѣрное жизненное проявленіе, соотвѣтствующій и достойный поступокъ или актъ. Жизненная эффективность воли состоитъ именно въ цѣлостномъ, органическомъ согласіи ея, во-первыхъ, съ безсознательными силами души, которыя могутъ вторгнуться, обезсилить рѣшеніе, разрушить поступокъ или влить въ него другое, недостойное содержаніе; во-вторыхъ, со словеснымъ изъявленіемъ, которое можетъ скрыть рѣшеніе, передать его искаженно и ввести другого въ заблужденіе; и, въ-третьихъ, съ внѣшнимъ дѣяніемъ, которое можетъ не соотвѣтствовать ни рѣшенію, ни словамъ. Каждое такое расхожденіе нарушаетъ довѣріе человѣка къ человѣку и лишаетъ его цѣльности; ибо оно мѣшаетъ увѣренному предметно-

му воспріятію чужого духа, его подлинныхъ истоковъ и его основного воленаправленія. Истинное довѣріе есть цѣлостное довѣріе: оно относится не только къ разумной волѣ, но и къ безсознательнымъ настроеніямъ души, и къ слову, и къ дѣламъ. Каждый разъ, какъ человѣкъ, принимая рѣшеніе, внутренно двоится и насилуетъ свои желанія и влеченія, онъ утрачиваетъ свою цѣльность и колеблетъ этимъ довѣріе къ себѣ; наоборотъ, къ цѣльному, *инстинктивно* доброму человѣку всѣ обращаются съ легкимъ, быстрымъ, радостнымъ довѣріемъ. Подобно этому, каждый разъ, какъ человѣкъ влечется не къ тому, что онъ рѣшилъ сдѣлать; или говоритъ не то, что думаетъ; или не дѣлаетъ того, что рѣшилъ; или не дѣлаетъ того, что сказалъ; или дѣлаетъ не то, что говоритъ,—онъ колеблетъ и умаляетъ, дробитъ и обезсиливаетъ въ другихъ довѣріе къ себѣ. Онъ или *не даетъ* другимъ воспринять себя, какъ волю, *сильную въ добрѣ и въ жизни*; или онъ заставляетъ ихъ воспріять себя, какъ волю, *слабую въ жизни*. Поэтому, если довѣріе есть нѣчто духовно драгоцѣнное и необходимое, то всякая духовная нецѣльность и ложь гибельна и разрушительна. Тотъ, кто лжетъ *словами* или *внѣшними поступками*, тотъ разрушаетъ цѣльность взаимнаго довѣрія; онъ разрушаетъ его иначе, но не менѣе, чѣмъ тотъ, кто обнаруживаетъ устойчивую *злую волю*, или тотъ, кто *внутренно раскалывается* и лжетъ себѣ. Ибо истинное довѣріе требуетъ отъ довѣряемаго *благородной, сильной и цѣльной воли*.

Поэтому тотъ, кто притязаетъ на довѣріе со стороны другихъ,—долженъ прежде всего *довѣрять себѣ самъ*. Довѣріе, какъ и уваженіе, возникаетъ и слагается автономно; оно зарождается въ непосредственномъ воспріятіи чужого воленаправленія, его содержанія, его силы и его цѣльности. Нельзя довѣрять по принужденію; но расшатать въ другомъ довѣріе — легко. Человѣкъ, колеблющійся въ своемъ воленаправленіи, не умѣющій блюсти вѣрность своему духу, нецѣльный душою и несильный волею, теряетъ энергію въ духовномъ самоопредѣленіи и перестаетъ *вѣрить себѣ*. Не довѣряя ни своему рѣшенію, ни своему слову, онъ начинаетъ вызывать въ другихъ недовѣріе къ себѣ, и, судя о другихъ по себѣ, теряетъ и самъ довѣріе къ нимъ. А такъ какъ безъ взаимнаго довѣрія—*нравственная связь* между людьми невозможна, а *правоотношеніе* неминуемо вырождается, то всякая ложь и кривда, всякій обманъ и кривотолкъ, всякое вѣроломство и предательство оказываются абсолютно вредными и даже гибельными въ жизни людей. Ложь не столько морально предосудительна, сколько духовно разрушительна: она губитъ единеніе людей,—ихъ общеніе, ихъ солидарность, ихъ организацію.

Но это и означаетъ, что довѣріе къ другимъ людямъ входитъ въ самую сущность правосознанія. Довѣріе становится здѣсь вѣрою въ *правомѣрность чужой воли*, въ ея благонамѣренность и лояльность. Довѣряющій признаетъ въ довѣряемомъ *волю къ праву* и волю къ *цѣли права*;

онъ вѣритъ, что довѣряемый признаетъ право, его объективное значеніе, его связующую силу; что онъ дѣйствительно измѣряетъ правомъ свои рѣшенія, состоянія и поступки; и что онъ дѣлаетъ это ради того, чтобы найти вѣрные мотивы для лояльнаго образа дѣйствій. Довѣрять значитъ какъ бы обращаться къ человѣку съ такимъ заявленіемъ: «ты еси живая воля къ духу, к праву и правомѣрному поведенію; знаю это и увѣренно жду отъ тебя соотвѣтствующихъ дѣяній». И это обращеніе необходимо, какъ для довѣряемаго (ибо оно содѣйствуетъ его духовному самоутвержденію и позволяетъ ему участвовать въ правоотношеніяхъ), такъ и для довѣряющаго (ибо оно позволяетъ ему увѣренно строить правовые предѣлы своего духа и тѣмъ служить его духовному самооутвержденію). Это обращеніе должно быть взаимнымъ; и это взаимное правовое довѣріе необходимо обоюдно.

Взаимное довѣріе лежитъ въ основаніи, какъ частнаго, такъ и публичнаго правоотношенія.

Частное соглашеніе о правахъ и обязанностяхъ теряетъ свой смыслъ при взаимномъ недовѣріи. Самое согласіе на переговоры предполагаетъ въ другомъ правомѣрное воленаправленіе; ибо тамъ, гдѣ совсѣмъ отсутствуетъ воля къ праву, тамъ предстоитъ завѣдомый обманъ или нарушеніе; тамъ нелѣпо разговаривать о взаимныхъ обязанностяхъ и сговариваться о полномочіяхъ. Самая сущность частно-правовой сдѣлки состоитъ въ довѣрчивомъ согласіи оперетъ свое полномочіе на чужую обязанность и въ готовности питать своею обязанностью чужое полномочіе; но такое согласіе есть уже довѣріе къ другому, а такая готовность, во-первыхъ, предполагаетъ довѣріе къ себѣ, а, во-вторыхъ, притязаетъ на чужое довѣріе. Заключить частноправовой договоръ значитъ довѣриться чужой волѣ и сосредоточить на себѣ ея довѣріе. Такъ торговый кредитъ есть не только расчетъ на чужое состояніе и на чужую оборотливость; кредитоспособность совсѣмъ не измѣряется только имуществомъ, опытностью и связями. Торговый кредитъ имѣетъ правовое измѣреніе и опредѣляется въ конечномъ счетѣ гарантіями общаго правопорядка и личнаго правосознанія; онъ есть проявленіе довѣрія къ уровню правосознанія въ странѣ и къ зрѣлости, стойкости индивидуальной правовой воли. Именно этимъ объясняется связь между формами кредита, ссуды, расплаты, между темпомъ и продуктивностью торговаго оборота въ странѣ, съ одной стороны, и уровнемъ народнаго правосознанія, съ другой. Контрагентъ, не довѣряющій своему контрагенту, творитъ, въ сущности говоря, нелѣпое дѣло, и только острота жизненной потребности оправдываетъ его рискъ.

Въ публичномъ правоотношеніи взаимное довѣріе является еще болѣе необходимымъ. Гражданину естественно довѣрять своей власти, т. е. признавать ея волю къ цѣли права и къ праву; ибо это соотвѣтствуетъ духовной природѣ власти, ея общественной функціи, ея назначенію. Власть есть авторитетный источникъ положительнаго права, слуга національнаго духа, посредникъ между естественнымъ правомъ и личнымъ правосозна-

ніемъ; поэтому довѣріе къ ней лежитъ въ самой основѣ правопорядка. Довѣріе къ власти есть признаніе ея правотворческой компетентности, ея правой воли и ея благонамѣренной силы; недовѣріе къ власти есть непризнаніе ея, отказъ въ санкціи, отверженіе ея авторитета; иными словами, это есть начало ея ниспроверженія. Революція зарождается въ странѣ не въ моментъ уличныхъ движеній, но въ тотъ моментъ, когда въ душахъ начинаетъ колебаться довѣріе къ власти; поэтому тотъ, кто расшатываетъ это довѣріе, — вступаетъ на путь революціи. Довѣріе къ власти есть молчаливое согласіе на то, чтобы она взяла на себя дѣло правотворчества и тѣмъ сняла бы это бремя и эту отвѣтственность съ моей души, съ моего правосознанія; это есть согласіе раздѣлить дѣло государственнаго строительства, выдѣлить изъ него императивную функцію и передать ее именно въ такомъ то порядкѣ, именно такимъ то людямъ; это есть согласіе признавать этихъ людей и ихъ компетентное велѣніе, поддерживать ихъ начинанія, блюсти ихъ распоряженія, помогать имъ и отвѣчать за послѣдствія ихъ политики. Гражданинъ, довѣряя своей власти устанавливаетъ свою солидарность съ нею, сливаетъ свою волю съ ея волею. Но именно поэтому только довѣріе сохраняетъ гражданамъ ихъ духовную автономію и позволяетъ имъ превратить государственное управленія въ самоуправленіе *); только довѣріе заполняетъ неизбѣжную пустоту между властью и подчиненными; только оно сращиваетъ эти юридически обособленныя стороны и превращаетъ государство въ живое единеніе. Довѣріе къ власти есть та духовная сила, которая дѣлаетъ власть дѣйствительнымъ органомъ народа, и въ то же время даетъ народу дѣйствительное волевое единство.

Но столь же естественно и власти довѣрять гражданамъ, т. е. признавать ихъ волю къ праву, полагаться на ихъ лояльность, расчитывать на ихъ правосознаніе и на ихъ благонамѣренность. Самая элементарная, повседневная работа власти предполагаетъ извѣстный минимумъ довѣрія къ народу, т. е. увѣренности въ томъ, что граждане способны и согласны внимать взывающему голосу права и закона,—дѣлать предписанное, воздерживаться отъ запрещеннаго и т. д. Власть, лишенная этой увѣренности, допускающая, что граждане вообще не способны внимать праву, или въ частности не хотятъ внимать ея велѣніямъ, — такая власть или добьется этой способности и готовности, и тѣмъ обезпечитъ себѣ возможность довѣрять народу, или же она перестанетъ существовать. Правовое велѣніе, само по себѣ, уже предполагаетъ въ гражданахъ волю къ праву; ибо правопорядокъ покоится на взаимодѣйствіи правосознаній. Если же этой воли нѣтъ, то правопорядокъ превращается въ порядокъ непрерывнаго, систематическаго насилія; ибо недовѣріе къ народному правосознанію и народному признанію заставляетъ власть расчитывать исключительно на аппаратъ принужденія, предупреждая имъ и подавляя имъ всякое проявленіе

*) См. главу шестнадцатую.

самостоятельности. Однако на этомъ пути ей никогда не удастся разрѣшить ея основную задачу: воспитать въ народѣ автономное правосознанiе и способность къ самоуправленiю. Нормально власть видитъ въ гражданахъ своихъ достойныхъ и желанныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ государственнаго строительства; она довѣряетъ ихъ волѣ и ихъ признанiю; она расчитываетъ на ихъ поддержку и не боится ихъ свободной инициативы: довѣрiемъ гражданъ она утверждаетъ свое довѣрiе къ себѣ и въ этомъ почерпаетъ силу для своего довѣрiя къ нимъ.

Итакъ, въ основѣ всякаго правопорядка и государства лежитъ взаимное духовное признанiе людей, — уваженiе и довѣрiе ихъ другъ къ другу.

Такова третья аксiома правосознанiя.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Недуги взаимнаго признанія.

Нормальное правосознаніе утверждаетъ, что государство, по своей идеѣ, есть живая система всеобщаго уваженія и довѣрія. Историческія государства должны постоянно стремиться къ этому идеалу: отъ достиженія его зависитъ и прочность правопорядка, и могущество политическаго союза, и вся судьба народа. Наоборотъ, дефекты взаимнаго уваженія и довѣрія вызываютъ цѣлый рядъ недуговъ правосознанія и жизни; понятно, что каждый народъ имѣетъ общую задачу — работать надъ ихъ исцѣленіемъ.

Каждый индивидуумъ, неспособный къ уваженію, образуетъ элементарный зачатокъ такого соціальнаго недуга и превращается, неисцѣленный, въ цѣлый очагъ заразы. Человѣкъ, неспособный къ духовному самоутвержденію, неуважающій себя, — самъ отрицаетъ свое собственное достоинство и тѣмъ какъ бы приглашаетъ всѣхъ остальныхъ не питать къ нему уваженія. Сознательно или безсознательно, онъ самъ объявляетъ себя незаслуживающимъ уваженія и компетентность его въ этомъ вопросѣ является, повидимому, гарантированной самымъ способомъ бытія, присущимъ человѣку: ибо люди душевно изолированы и каждый можетъ знать о себѣ такое, что всегда останется недоступнымъ для другихъ. Такой человѣкъ незамѣтно заражаетъ другихъ своимъ неуваженіемъ къ себѣ; онъ образуетъ собою нѣкую брешь въ естественномъ правопорядкѣ, какъ бы духовную пустоту, вокругъ которой скапливается атмосфера неуваженія. Онъ не уважаетъ себя и тѣмъ побуждаетъ другихъ не уважать его; не уважаемый ими, онъ понижаетъ и извращаетъ общій уровень жизни. Актъ духовнаго признанія не удается съ обѣихъ сторонъ и въ результатѣ этого возникаетъ цѣлое гнѣздо больныхъ отношеній. Уваженіе вообще легко поколебать и разрушить, но очень трудно возстановить; образовавшійся въ народномъ самоутвержденіи прорывъ упрочивается, душевные механизмы неуваженія закрѣпляются и незамѣтно переносятся на другихъ: недугъ растетъ и углубляется. Индивидуумъ, не способный къ уваженію, извращаетъ всѣ свои правоотношенія. Не уважая себя, онъ утрачиваетъ духовное измѣреніе для своихъ поступковъ *) и оказывается не въ состояніи воспринять идею права; его духъ не имѣетъ за собою ни правосознанія, ни чести; его слово не можетъ быть честнымъ; онъ не чтитъ въ се-

*) См. главу пятнадцатую.

бѣ ни правовой уполномоченности, ни правовой обязанности; правоспособность его остается пустой юридической фикціей и теряетъ свою духовную природу.

Не уважая другого человѣка, онъ измѣряетъ его поступки и слова не мѣриломъ чести и права, но мѣрою корысти: онъ не понимаетъ природы духа и силы правосознанія и потому не воспринимаетъ истиннаго смысла чужихъ волеизъявленій; онъ не чтитъ въ другомъ ни его уполномоченности, ни его связанности; онъ не цѣнитъ чужого согласія на совмѣстное подчиненіе праву и не дорожитъ чужимъ уваженіемъ; и въ результатѣ этого его правоотношенія наполняются недостойнымъ содержаніемъ и вырождаются. Если же это неуваженіе взаимно, то правоотношеніе превращается цѣликомъ въ злую и опасную мнимость: частноправовая сдѣлка превращается въ организованный взаимный обманъ, публично-правовая связь становится юридически прикрытымъ насиліемъ. Болѣзнь можетъ охватить постепенно всю сѣть правоотношеній и разрушить духовную природу общенія. Тогда люди привыкаютъ сплетать правопорядокъ, не признавая ни права, ни своей и чужой духовности; правоотношенія утрачиваютъ свой духовный смыслъ и юридическая форма скрываетъ непосредственно за собою всеобщую вражду. Въ борьбѣ за существованіе люди ищутъ уже не правовой побѣды, основанной на взаимномъ признаніи, а безпринципной и хищной «побѣды во что бы то ни стало». Согласіе воль создаетъ не солидарность, а условное, временное перемиріе между врагами; ни одна сторона не относится серьезно ни къ своему, ни къ чужому волеизъявленію; идея права попирается и отъ правопорядка остается обманная, праздная тѣнь.

Тогда въ жизни водворяется строй всегда готовый къ внезапному, полному распаду. Недугъ взаимнаго непризнанія, какъ бы распаляемый изнутри демонами распри, крѣпнетъ и восходитъ къ своей вершинѣ. Неуважающій, самымъ неуваженіемъ своимъ, утверждаетъ въ чужой душѣ зло и будитъ въ ней злобу: и непризнанная, неуважаемая душа, какъ эхо, безсознательно отвѣчаетъ на злое обращеніе злымъ отвѣтомъ. Вражда родитъ вражду и звукъ раздора вызываетъ отголоски во всѣхъ душахъ. Неуваженіе, закрѣпленное враждою, становится презрѣніемъ; вражда, усиленная презрѣніемъ, превращается въ ненависть; ненависть, сочетаясь съ безсиліемъ, заражаетъ души злобнымъ страхомъ. Если неуваженіе отвергаетъ духовное достоинство человѣка, то презрѣніе и ненависть отрицаютъ его право на жизнь. Презрѣніе само по себѣ есть уже отрицаніе права на жизнь; ненависть есть уже убійство. Общественный строй, насыщенный этими аффектами, воспитываетъ въ душахъ настроеніе Каина. Люди посягаютъ другъ на друга съ постоянствомъ и легкостью, совершая убійство — то символически, то реально: то хулою и проклятіемъ, то взаимнымъ разрушеніемъ жилищъ (погромъ); то въ революціонныхъ призывахъ, то въ разбойномъ нападеніи; словомъ и мыслью, въ статьяхъ и на дуэли. Люди фактически живутъ въ состояніи гражданской войны и, по слѣпотѣ своей, называютъ это состояніе

«правопорядкомъ», и не могутъ изжить своего недуга, потому, что не сознаютъ его; и не сознавая его, болѣютъ имъ ожесточенно, безпомощно, унизительно.

Такому отношенію гражданъ другъ къ другу соотвѣтствуетъ больной политическій режимъ, основанный на взаимномъ неуваженіи власти и народа. Зараженное этимъ недугомъ государство, осуществляетъ политическую трагедію неуважаемаго гражданина и презираемой власти. Власть, неуважающая гражданина, не можетъ полагаться на его собственный разумъ и на его собственную волю; она видитъ въ немъ не правоспособнаго субъекта, а болѣе или менѣе испорченный душевный механизмъ, который неспособенъ къ автономіи *) и потому нуждается въ мелочной и неотвязной регламентаціи. Именно отсюда родится идея «полицейскаго государства» и въ особенности тоталитарнаго государства. Автономный духъ нуждается въ свободѣ и способенъ къ ней, хотя бы въ малой степени; душевный механизмъ не нуждается въ свободѣ и не способенъ къ ней: онъ нуждается въ организованномъ и сильномъ давленіи на его страсти и желанія,—въ педантической опекѣ, въ террорѣ, въ вѣчномъ политическомъ шпіонажѣ всѣхъ за всѣми. Такая тоталитарная опека, основанная на неуваженіи, закрѣпляетъ въ гражданахъ дурные инстинкты и стремится не превратить ихъ въ благіе мотивы, но создать для нихъ устрашающій противовѣсъ. Возникаетъ режимъ устрашенія и подавленія; власть каждымъ актомъ своимъ отрицаетъ въ душѣ гражданина духовное достоинство и духовную самодѣятельность; она какъ бы ежеминутно твердитъ ему; «ты не духъ, а вещь, машина, роботъ», или «ты уже не духъ», и поддерживаетъ это отрицаніе систематическимъ терроромъ сверху. И, внемля этому голосу, гражданинъ незамѣтно вырождаетъ свою духовную жизнь, превращается въ раба и привыкаетъ трепетать и предавать **). А государственная власть пріемлетъ этотъ трепетъ, какъ свое достиженіе, какъ политическій успѣхъ и закрѣпляетъ его массовыми убійствами, этимъ послѣднимъ предѣломъ духовнаго отрицанія и неуваженія.

Вслѣдствіе такого отношенія къ подданнымъ власть оказывается оторванною отъ нихъ: она не питается ихъ правосознаніемъ и утрачиваетъ истинный источникъ своего духовнаго достоинства. Искусство уважать себя покидаетъ ее; и, если подавленіе ей удается, то она, не встрѣчая противодѣйствія, возносится въ пустотѣ и предается маніи величія; если же подавленіе встрѣчаетъ отпоръ снизу, то она впадаетъ въ растерянность и предается маніи преслѣдованія.

Такъ, неуважаемый гражданинъ превращается или въ раба, или въ революціонера, а можетъ быть, совмѣщаетъ черты обоихъ; а неуважаемая власть живетъ страхомъ, сѣя трепетъ и трепеща, боясь мести и вымещая свой страхъ, враждуя съ гражданами и воспитывая въ нихъ «внутренняго врага»; и

*) См. главу шестнадцатую.
**) См. главу шестнадцатую.

губитъ въ странѣ авторитетъ власти права и государства. Подобно этому, гражданинъ, неуважающій свою власть, имѣетъ больное правосознаніе и разрушаетъ свое государство. Не уважая свою власть, онъ не можетъ и не хочетъ строить *съ нею вмѣстѣ* правопорядокъ и культуру страны. Въ сущности говоря, онъ не признаетъ ее властью и не бережетъ ея авторитета, онъ не помогаетъ ей, а мѣшаетъ. Онъ или отрицаетъ власть совсѣмъ и, сознательно или безсознательно, предпочитаетъ безначаліе (анархисты); или же онъ не признаетъ именно *эту* власть и желаетъ создать новую. Однако, пребывая въ этомъ неуважающемъ состояніи, онъ мало по малу *совсѣмъ* разучается цѣнить и созидать порядокъ правового властвованія: онъ расшатываетъ въ себѣ *культуру повиновенія*, но не вырабатываетъ въ своей душѣ *способность къ власти*. Напротивъ, онъ пріучается видѣть во всякой власти насиліе и считаетъ *всякое* насиліе предосудительнымъ и недопустимымъ. Поэтому онъ оказывается не въ состояніи ни поддерживать старую власть, ни создать новую. Если новая власть сложится помимо него, онъ перенесетъ на нее свой механизмъ неуваженія, а если онъ вступитъ въ составъ новой власти, то онъ не сумѣетъ ни утвердить ея авторитета, ни приложить ее къ дѣлу: онъ только научитъ другихъ неуваженію къ власти, и развѣнчаетъ сверху ея авторитетъ такъ, какъ онъ доселѣ развѣнчивалъ его снизу.

Такой гражданинъ вѣроятно могъ бы уважать только безвластную власть, которая ни къ чему не нужна; однако и ее онъ не сумѣлъ бы уважать; сильная же власть имѣла бы только помѣху въ его недѣеспособности. Государственная власть есть *воля* политическаго союза. Политическій союзъ можетъ быть сильнымъ только тогда, если его воля не только мудра и жизненна, но и сильна, а для этого ей необходимо прежде всего общее уваженіе. Власть есть творческій источникъ положительнаго права. Гражданинъ, не уважающій источникъ своего права, перестаетъ уважать и самое право; онъ утрачиваетъ волю къ правопорядку и тяготѣетъ къ правонарушенію. Если онъ *продолжаетъ повиноваться* неуважаемой имъ власти, то онъ дѣлаетъ это по духовно-невѣрнымъ и унизительнымъ мотивамъ: или изъ страха, или изъ личной и классовой корысти, или по тупой, не осмысленной привычкѣ. Тогда онъ повреждаетъ чувство собственнаго достоинства, перестаетъ уважать и самого себя, и становится неспособнымъ къ публичному правоотношенію вообще; онъ или трепещетъ и пресмыкается передъ властью, пріучаетъ ее къ деспотизму и развращаетъ ее своею рабскою покорностью; или онъ требуетъ отъ нея постоянныхъ подачекъ, пріучаетъ ее къ политическому подкупу и развращаетъ и себя и ее на путяхъ открытой коррупціи; или же, въ лучшемъ случаѣ, онъ безпредметно и безсмысленно благоговѣетъ передъ нею, самъ не подозрѣвая, что за этимъ преклоненіемъ таится готовность къ столь же безпредметному и безсмысленному надругательству. Если же онъ *перестаетъ повиноваться* неуважаемой имъ власти, то онъ превращается или въ разбойника, явно подрывающаго правопорядокъ, или въ рево-

люціонера, тайной агитаціей подтачивающаго основы государства. Тогда его душу постигають всѣ недуги, связанные съ утратой лояльной воли и автономіи: онъ теряетъ духовную связь со своимъ народомъ, со своею властью и со своимъ государствомъ и, увлекаемый духомъ разрушенія, напрасно мнитъ себя созидающимъ творцомъ. Неуважая свою власть, онъ приступаетъ къ ея разрушенію, и, увлекаемый ненавистью и презрѣніемъ къ врагу, обращается къ убійству: начинаются акты *личнаго террора*.

Террористическій актъ разрушаетъ не только личный составъ власти и не только реакціонное настроеніе правящихъ круговъ: онъ разрушаетъ *духовную основу государственнаго бытія — публичное правосознаніе народа и тяготѣніе его къ власти, какъ источнику права и центру національнаго единенія*. Убіеніе правителя вдвигаетъ въ душу народа идею о томъ, что гражданинъ не только можетъ не уважать свою власть, но что онъ долженъ ее *презирать*; наивное правосознаніе не отличаетъ человѣка отъ государственнаго органа, органа отъ самой власти и даже власти отъ государства, и распространяетъ свое отрицаніе, свое презрѣніе сразу на все: и въ результатѣ этого души заражаются глубокимъ противогосударственнымъ настроеніемъ. Отрицать власть значитъ отрицать сразу *общую* власть и *свою* власть; это значитъ отвязать *себя* отъ единаго, общаго государственнаго центра и развязать въ своей душѣ великій узелъ политическаго единства. Поэтому убіеніе правителя, хотя бы и «тирана», есть актъ, разрушающій государство; этотъ актъ подрываетъ волю народа къ праву и единенію, онъ колеблетъ и наличное историческое правосознаніе, онъ разлагаетъ государство, взываетъ къ распаденію, къ стихіи враждующаго множества, къ гражданской войнѣ.

Когда народъ теряетъ уваженіе къ своей власти или начинаетъ питать къ ней даже презрѣніе, то это означаетъ, что его настигло глубокое духовное бѣдствіе. Презрѣніе къ государственной власти есть начало всеобщаго духовнаго развѣнчанія и совлеченія: за отрицаніемъ публичныхъ обязанностей идетъ отрицаніе всякихъ связей: презрѣніе къ государственному авторитету разлагаетъ правосознаніе, разложеніе правосознанія неминуемо захватываетъ честь и совѣсть, убиваетъ чувство мѣры и справедливости, угашаетъ вѣру и религію. Народъ становится жертвою *духовнаго нигилизма*. Поэтому тотъ, кто облеченъ властью, — имѣетъ священную обязанность поддерживать уваженіе къ ней. «Престижъ» власти и «авторитетъ» власти составляютъ драгоцѣнное достояніе народа, его духовное богатство, залогъ его силы и расцвѣта: это есть накопленное вѣками уваженіе народа къ самому себѣ и къ своему національному духу. Народъ, презирающій свою власть, презираетъ въ ея лицѣ *себя*; онъ не имѣетъ чувства собственнаго достоинства. Поэтому онъ неизбѣжно утратитъ и уваженіе другихъ народовъ, и, обезсиленный внутреннимъ разбродомъ, станетъ игралищемъ чужого интереса и посмѣшищемъ чужого злорадства.

Историческій вихрь распылитъ его и положитъ конецъ его трагикомическому существованію.

Однако, не менѣе гибельны въ жизни народа дефекты взаимнаго довѣрія. Нормальное правосознаніе утверждаетъ, что государство, по своей идеѣ, есть живая система всеобщаго довѣрія. Историческія государства должны постоянно стремиться къ этому идеалу; отъ достиженія его зависитъ вся правовая жизнь народа и вся его политическая судьба. Есть необходимый минимумъ взаимнаго,—общественнаго и политическаго,—довѣрія: внѣ его государство не можетъ существовать; есть крайній максимумъ отсутствія довѣрія, за которымъ государство начинаетъ заживо разлагаться. Недуги же, ведущіе къ этому разложенію, зарождаются незамѣтно, таятся въ оттѣнкахъ и развиваются постепенно. Жить среди людей, не вызывающихъ къ себѣ довѣрія, есть всегда несчастіе. Человѣкъ, не довѣряющій другому, воспринимаетъ его, въ лучшемъ случаѣ, какъ духовную пустоту, лишенную несомнѣнной реальности и таящую въ себѣ дурныя возможности и желанія. Это предположеніе злыхъ желаній и предвидѣніе дурныхъ дѣяній есть уже подозрѣніе, соединенное всегда съ нѣкоторымъ опасеніемъ и легко обостряющееся въ страхъ. Подозрѣвать значитъ предполагать, что человѣкъ обнаруживаетъ не то, чего онъ въ дѣйствительности хочетъ, а хочетъ онъ именно зла; или что онъ дѣлаетъ не то, о чемъ говоритъ, и притомъ ищетъ причинить вредъ или зло другому. Поэтому подозрѣніе есть начало разъединяющее: оно нашептываетъ людямъ объ отсутствіи солидарности между ними и сѣетъ расколъ и вражду. Если подозрѣніе не имѣетъ предметнаго основанія въ чужихъ душахъ, то болѣзнь укрывается въ душѣ подозрѣвающаго и являетъ въ зачаткѣ манію преслѣдованія, со всѣми ея вспышками страха, злобы и отчаянія. Если же подозрѣніе имѣетъ предметное основаніе въ чужихъ душахъ, то подозрѣвающій дѣйствительно окруженъ злонамѣренными людьми: въ лучшемъ случаѣ — это его личные враги, въ худшемъ случаѣ это враги права, государства и духа, т. е. злодѣи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ правоотношеніе уступаетъ свое мѣсто отношенію силы, вражды и страха; ибо съ врагами и злодѣями не можетъ быть правового единенія.

Взаимное недовѣріе есть сила, разрушающая правопорядокъ и государство. Въ душѣ подозрѣваемаго подозрѣніе допускаетъ и признаетъ дурное намѣреніе. Этимъ оно иногда впервые пробуждаетъ или проявляетъ его, закрѣпляетъ и оформляетъ его существованіе. Подозрѣваемый чувствуетъ себя сразу отчужденнымъ, неуважаемымъ и до извѣстной степени исторгнутымъ изъ общенія. Онъ перестаетъ колебаться и укрѣпляется во злѣ; но именно этимъ онъ подрываетъ въ себѣ самомъ уваженіе къ себѣ и довѣріе. Въ отвѣтъ на подозрѣніе онъ начинаетъ подозрѣвать другихъ, и атмосфера взаимной вражды получаетъ открытую санкцію. Всякій поступокъ, увеличивающій взаимное недовѣріе, пагубно отзывается на общественной жизни, ибо онъ портитъ и порываетъ живыя и тонкія, драгоцѣнныя нити духовной связи; онъ искажаетъ самую природу правоотношенія, ибо сущност

правоотношенія не во враждѣ, а въ единеніи. Поэтому всякій обманъ вреденъ государству; всякое зложелательство и злодѣяніе незримо разрушаетъ его сокровенную ткань. Если общественная жизнь полна взаимной вражды и подозрѣнія; если ложь и обманъ не встрѣчаютъ ни осужденія, ни противодѣйствія; если умъ и интриганство становятся синонимами; если слово перестаетъ быть честнымъ, а честность превращается въ предразсудокъ; если торговый оборотъ основывается на взаимномъ обманѣ, обмѣриваніи, обвѣшиваніи и злостномъ банкротствѣ; если правовое общеніе слагается въ атмосферѣ юридическаго релятивизма, корыстнаго кривотолка, злостнаго сутяжничества и безпринципной адвокатуры; если судьи, свидѣтели, чиновники и депутаты парламента подкупны, а политическая дѣятельность строится на интригѣ; если партіи лгутъ другъ другу, народу и правительству, а программы ихъ превращаются въ сплетеніе двусмысленностей, недомолвокъ и умолчаній,—то неизбѣжно вырождается и гибнетъ нравственная основа правопорядка: взаимное духовное довѣріе. Тогда договоръ утрачиваетъ свой священный характеръ и свое незыблемое значеніе; наступаетъ всеобщая неувѣренность, питаемая всеобщимъ подозрѣніемъ и враждою. Вѣроломство, нѣкогда погубившее «божественное» достоинство Вотана, становится обычною формою жизни и подтачиваетъ духовное существованіе народа, его силы, его единеніе, его бытіе. Общественность гибнетъ, превращаясь въ систему взаимнаго недовѣрія и подозрѣнія. Вотъ почему всякій, проповѣдующій классовую борьбу, какъ принципъ поведенія, и углубляющій классовыя противорѣчія, — разрушаетъ общество и государство. Дифференціація труда уже сообщаетъ людямъ различные и даже противоположные интересы; если эти интересы получаютъ преобладаніе, то центробѣжныя силы разлагаютъ государство и могутъ разложить его до конца. Взаимное недовѣріе усиливаетъ и разжигаетъ центробѣжное тяготѣніе различныхъ классовъ и, если сверхклассовая солидарность не сложилась въ душахъ, не окрѣпла и не осозналась въ достаточной мѣрѣ, то правовое единеніе разрѣшается въ гражданскую войну, и государство распадается.

Государство вообще не можетъ существовать, если оно превращается въ систему взаимнаго недовѣрія и подозрѣнія. Если власть не довѣряетъ гражданамъ, то это значитъ, что она ожидаетъ отъ нихъ дурныхъ и противоправныхъ дѣяній; она не надѣется на ихъ правосознаніе и потому признаетъ ихъ «неблагонадежными»; она испытываетъ ихъ воленаправленіе, какъ противогосударственное или противоправительственное, усматриваетъ въ ихъ дѣйствіяхъ «крамолу» или «диверсію» и при первомъ же поводѣ провозглашаетъ ихъ «внутренними или классовыми врагами». Но враги пребываютъ не въ правовомъ единеніи, а въ состояніи войны; и вотъ власть объявляетъ своему народу гражданскую войну. Всѣ пріемы международной войны, во всей ихъ отвратительности, переносятся во внутреннюю жизнь государства и

примѣняются къ подданнымъ, и притомъ съ такими ухищреніями и извращеніями, которыя впервые были введены въ исторію человѣчества тоталитарнымъ режимомъ: эти рабскіе концлагери, эта пытка голодомъ, холодомъ, разлученіемъ семей, униженіями, страхомъ, ночными и денными многочасовыми допросами, побоями, подкожными впрыскиваніями, отравленіемъ при помощи газа (Аушвицъ) и т. д., и т. д. Власть развиваетъ напряженную и всеобъемлющую бдительность и предусмотрительность: внутренніе враги окружаются цѣлою сѣтью надзора, охраны и уловленія; развивается политическій сыскъ и шпіонажъ; создаются цѣлыя организаціи, которыя должны разузнавать о «козняхъ» гражданъ, доносить на нихъ, предупреждать ихъ «козни» и даже больше, — овладѣвать ими посредствомъ мнимаго участія въ нихъ, а въ случаѣ надобности прямо организовывать мнимые заговоры. Идя по этому пути, власть беретъ на себя чудовищную задачу—мобилизаціи и оформленія непокорной воли въ странѣ, въ цѣляхъ ея обезсиленія и искорененія: политическая провокація воспроизводитъ злѣйшіе пріемы международнаго злодѣйства и государственное управленіе переживаетъ величайшую духовную деградацію. Власть выступаетъ по отношенію къ гражданамъ въ роли предателя, провокатора и палача: она не скрываетъ своего презрѣнія и своей вражды къ народу и открыто стремится воспитать рознь и измѣну въ станѣ своихъ внутреннихъ враговъ. Политика власти становится циничной и безконечно жестокой, она пріобрѣтаетъ характеръ откровенной порочности и это заставляетъ правительство заполнять свои ряды откровенно порочными людьми. Пути коварства и насилія становятся для власти обычными путями и судьба ея оказывается судьбою самого зла: она дѣлается предметомъ отвращенія и заражаетъ души мечтою о своей гибели. На подозрѣніе, шпіонажъ и провокацію правосознаніе гражданъ отвѣчаетъ страхомъ и презрѣніемъ; оно постепенно привыкаетъ соединять съ идеею государственной власти представленіе о злонамѣренности и порочности; административные органы становятся живыми центрами народной ненависти; и распаденіе государства оказывается у порога.

Недовѣріе народа къ власти является столь же пагубнымъ для государства. Народъ, привыкшій подозрѣвать свою власть, подозрѣваетъ въ ея лицѣ свою собственную волю; онъ не вѣритъ ни въ свою силу, ни въ свое благородство и потому пребываетъ въ состояніи черни.

Согласно этому государственная власть можетъ покоиться на мнимой и на истинной основѣ; и первая всегда обезпечитъ ей слабость и вырожденіе. Мнимыми основами всегда были страхъ и насиліе, интрига и обманъ, лесть и демагогія, подкупъ и узурпація; словомъ все то, что особенно свойственно тоталитарному государству; порочная власть, ищущая корней въ порочности народа, есть тѣмъ самымъ власть обреченная. Истинною основою власти всегда будетъ духовное уваженіе и довѣріе народа къ правительству и правительства къ народу: каждая изъ сторонъ должна признать своимъ правосознаніемъ—пра-

восознаніе другой стороны и тѣмъ слиться съ нею въ нѣкое волевое единство. Государство есть именно единство во множествѣ; множество субъективныхъ воль, связанныхъ единствомъ цѣли и одинаковостью воленаправленій.

Такова третья аксіома правосознанія. Совмѣстно съ другими аксіомами она указуетъ два главныхъ источника всякой кривды въ правоотношеніяхъ: это есть или недостаточное признаніе права или недостаточное признаніе человѣческаго духа. Правоотношеніе будетъ больнымъ каждый разъ, какъ участники его не признаютъ цѣли права, или права вообще, или положительнаго права, или даннаго положительнаго права, или даннаго субъективнаго статуса; оно оказывается недугующимъ каждый разъ, какъ участники его не уважаютъ духовнаго достоинства въ себѣ или въ другомъ, или въ своей власти, или не довѣряютъ своей власти, или другому, или сами себѣ. Право есть нѣчто отъ духа и для души; въ этомъ его назначеніе; въ этомъ источникъ его бытія; этимъ опредѣляется и его сила, и его судьба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Правосознаніе и религіозность.

Въ пониманіи права и государства человѣчеству предстоитъ пережить глубокое обновленіе. Долженъ быть окончательно отвергнутъ гибельный предразсудокъ о «внѣшней» природѣ права и государства; должна быть усмотрѣна и усвоена ихъ «внутренняя», душевно-духовная сущность. Право только «проявляется» во внѣшнемъ, пространственно-тѣлесномъ мірѣ; сферою же его настоящей жизни и дѣйствія остается человѣческая душа, въ которой оно выступаетъ съ силою объективной цѣнности. Государство въ своемъ осуществленіи «предполагаетъ» наличность множества тѣлесно-разъединенныхъ людей, территорій и внѣшнихъ вещей; но именно человѣческая душа остается тою средою, въ которой зарождается, зрѣетъ, протекаетъ—и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства, какъ единаго цѣлаго.

Внѣ духовнаго состоянія множества индивидуальныхъ душъ — государства нѣтъ и быть не можетъ: государственное состояніе людей есть прежде всего и главнѣе всего ихъ духовное состояніе. Если право имѣетъ полноту бытія, то только черезъ правосознаніе, т. е. черезъ правочувствованіе, право-воленіе, право-мышленіе и, наконецъ, право-дѣяніе. Если государство имѣетъ полноту бытія, то только черезъ душевно-духовное переживаніе и осуществленіе людьми его цѣли и его средствъ, его содержанія и его формы. Въ истинномъ и полномъ смыслѣ слова — права и государства нѣтъ внѣ множества индивидуальныхъ, но связанныхъ постояннымъ общеніемъ, правосознаній.

Именно этимъ опредѣляется связь государственности со всею духовною культурою народа и особенно съ его религіозною культурою.

Стихія государства есть стихія человѣческаго духа. Но именно въ этой стихіи зарождается и созрѣваетъ — и прекрасное искусство, и истинное знаніе, и нравственное совершенство; сюда нисходитъ и божественное откровеніе. Единый и недѣлимый (ин-дивиду-альный) строй болѣе или менѣе одухотворенной души осуществляетъ, или, во всякомъ случаѣ, призванъ осуществлять всѣ безусловныя цѣнности; и потому всѣ возникающіе отсюда ряды духовнаго восхожденія пребываютъ въ нѣкоторомъ,—безсознательномъ или сознательномъ, —взаимодѣйствіи. Это не значитъ, однако, что всѣ эти ряды остаются равноправными, или что каждый изъ нихъ можетъ,

сохраняя свой объемъ и свою компетенцію, подчинить себѣ всѣ остальные ряды. Такъ, взаимодѣйствіе познающей мысли и правосознанія, правосознанія и совѣсти, эстетическаго выбора и правосознанія — можетъ считаться a priori предрѣшеннымъ. Но эстетическій вкусъ, самъ по себѣ, не можетъ претендовать на верховенство въ вопросахъ правосознанія; научное мышленіе, само по себѣ, не въ состояніи направлять государственнаго дѣятеля; и даже совѣсть можетъ оставить въ нѣкоторой безпомощности того, кто ведетъ борьбу за право. Одна религія оказывается здѣсь въ исключительномъ положеніи.

Религія, по самому существу своему, претендуетъ на руководительство во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Она ищетъ и находитъ высшее слово и послѣднее слово; она указываетъ человѣку то, черезъ что самая жизнь его становится во истину жизнью и каждое дѣйствіе получаетъ свой существенный смыслъ, свое послѣднее освященіе. Искусство, или знаніе, или добродѣтель, сами по себѣ, не объемлютъ всего человѣческаго духа и не указуютъ ему его высшей и послѣдней цѣли; если же они получаютъ такое всеобъемлющее и руководящее значеніе, то они выходятъ изъ своихъ предѣловъ и пріобрѣтаютъ значеніе религіи. Тогда человѣкъ осуществляетъ религію совѣсти, или религію мысли, или религію прекраснаго; показанія художественнаго чувства, или познавательной очевидности, или совѣсти—становятся для него голосомъ божественнаго откровенія и получаютъ въ его глазахъ соотвѣтствующій объемъ и компетенцію.

Это верховное, руководящее значеніе религіи можно было бы выразить такъ: то, что ведетъ человѣка въ жизни, въ качествѣ высшаго и субъективно-наиболѣе-цѣннаго содержанія,—то и составляетъ его «религію». Каждый человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ малъ или плохъ, имѣетъ потребность прилѣпиться вѣрою и любовью къ нѣкоему «главному», любимому, безусловному для него содержанію; и то, къ чему онъ такъ прилѣпляется становится содержаніемъ и предметомъ его «религіи». Самостоятельность и сила этой преданности бываетъ различною у разныхъ людей; но только извѣстная полнота ея даетъ возможность говорить о подлинной религіозности. Содержаніе, вызвавшее эту преданность также подвержено измѣнчивости и разнообразію; и только извѣстный качественный уровень его даетъ основаніе говорить о настоящей религіи. Религіозный опытъ многообразенъ по своей эмпирической видимости; но въ глубокомъ существѣ своемъ онъ имѣетъ извѣстныя устойчиво-однородныя черты и это однообразіе религіознаго акта опредѣляется въ конечномъ счетѣ единствомъ религіознаго предмета — Бога. Самый предметъ религіи и его существенная природа придаютъ ей съ неизбѣжностью то центральное руководящее значеніе, которое остается за нею при всѣхъ условіяхъ. Подобно тому, какъ нѣтъ ничего выше, значительнѣе и совершеннѣе Божества, подобно этому для человѣка

нѣтъ ничего выше, значительнѣе и благотворнѣе подлинной и настоящей религіи, т. е. такой, которая основана на предметномъ воспріятіи Бога. Такая религія имѣетъ способность и призваніе опредѣлять личность и судьбу человѣка, преобразуя весь его характеръ, все его міросозерцаніе и всю его жизненную дѣятельность. Естественно, что она пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе и на его правосознаніе, и на его государственный образъ дѣйствій.

Правосознаніе обыденной жизни можетъ не имѣть религіознаго корня; оно можетъ быть даже безразличнымъ къ тому, что обычно называется «религіей». Но подлинная религіозность не можетъ пройти мимо права и государства: она вынуждена опредѣлить свое отношеніе къ нимъ и къ правосознанію. И, точно такъ же, нормальное правосознаніе въ своемъ зрѣломъ осуществленіи неизбѣжно пріобрѣтаетъ религіозный характеръ, хотя этотъ характеръ можетъ быть осознанъ человѣкомъ въ большей и меньшей степени.

Овладѣвая личной душою и опредѣляя ея характеръ и ея судьбу, религіозность не можетъ пройти мимо права и государства уже потому, что право и государство ведутъ не внѣшне-механическую жизнь, но внутреннюю, душевно-духовную. Если религія утверждаетъ въ душѣ человѣка особое благодатное состояніе, именуемое въ Христіанствѣ «царствомъ Божіимъ», то она приводитъ этимъ въ движеніе всѣ силы личнаго духа: и чувство, лежащее въ основѣ патріотизма, и волю, поддерживающую право индивидуума на духовную автономію, и мысль, слагающую форму права и государства, и вообраҗеніе, предметно строющее систему правоотношеній. Правосознаніе и царство Божіе живутъ одною и тою же душевною тканью, осуществляютъ себя въ одной и той же духовной средѣ. Механическое отдѣленіе «Божьяго» отъ «Кесарева» всегда будетъ мертвой фикціей, лишенной бытія и практическаго значенія. Евангельское слово имѣетъ въ виду, конечно, не такое, механическое отдѣленіе; оно устанавливаетъ только совмѣстимость «Божія» и «Кесарева», — ихъ не непримиримость, возможность отдавать «Кесарево кесарю», не погрѣшая противъ Божьяго закона и, согласно этому, возможность служить Богу не совершая тѣмъ самымъ правонарушеній. Это указаніе на примиримость напрасно толкуется, какъ ученіе о безразличіи или противоположности; и средневѣковыя уподобленія («два меча», «солнце и луна» и т. под.) не только не разрѣшали вопроса объ отношеніи религіи и государственности, но придавали ему съ самаго начала невѣрную постановку.

Однако, дѣло не сводится къ тому, что правосознаніе живетъ тѣми же творческими силами, которыми правитъ религія, т. е. къ неизбѣжности ихъ «встрѣчи» въ личной душѣ. Сама религія, какъ осуществленіе «царства Божія», невозможна внѣ права и его признанія, т. е. внѣ правосознанія. Религіозность есть состояніе духовное и потому она имѣетъ

смыслъ и цѣнность только при автономномъ пріятіи откровенія личною душою. Не свободное, не автономное вѣрованіе, навязанное или урѣзанное запретомъ, не принятое въ добровольномъ обращеніи, не созрѣвшее въ самодѣятельномъ исканіи—именно постольку теряетъ свой смыслъ и умаляется въ своей «религіозной» цѣнности и силѣ. Человѣкъ имѣетъ естественное и неотъемлемое право на автономное воспріятіе Божества, на свободное исповѣданіе Его и на самодѣятельное жизненное осуществленіе Его воли, какъ своей собственной; и тотъ, кто удовлетворяетъ своей потребности въ боговидѣніи и въ жизненномъ служеніи Богу, кто осуществляетъ свою способность къ религіи,—тотъ осуществляетъ тѣмъ самымъ свое драгоцѣннѣйшее право, ради котораго лучшіе люди всѣхъ вѣковъ и народовъ умѣли отрекаться отъ всѣхъ другихъ правъ, умѣли страдать и шли на смерть. Имѣть религію есть право человѣка и это право, — право быть духомъ, — лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ его правъ. Человѣкъ, отказывающійся отъ этого права, теряетъ свое духовное достоинство и впадаетъ во всѣ недуги, связанные съ этой утратой; человѣкъ, не осуществляющій этого права, ведетъ напрасную жизнь и недостойно обременяетъ собою землю. Потребность въ религіи порождаетъ потребность въ духовной свободѣ, а потому и въ правопорядкѣ; вотъ почему религіозность не разъ являлась въ исторіи глубочайшимъ источникомъ правосознанія, а право на религію становилось безусловнымъ и священнымъ основаніемъ борьбы за политическую свободу. Именно борьба за свободу совѣсти способна придать народному правосознанію ту духовную основу, которая налагаетъ въ дальнѣйшемъ отпечатокъ подлиннаго благородства на всю его политическую исторію.

Настоящая религіозность требуетъ духовной свободы и питается ею; она осуществляетъ естественное право человѣка, дорожитъ этимъ правомъ и потому выращиваетъ въ душѣ естественное правосознаніе. Подлинная жажда богопознанія пробуждаетъ въ душѣ человѣка волю къ духовной автономіи, а эта воля есть уже воля къ естественному праву. Вотъ почему подлинная религіозность можетъ отрицать извѣстное правовое содержаніе или извѣстный способъ правовой организаціи, но не можетъ отрицать самое право въ его принципѣ, не впадая въ недоразумѣніе. Право есть необходимая форма духовнаго бытія человѣка; а религіозное бытіе есть бытіе духовное; поэтому внѣ права не можетъ быть и религіи. Можно быть религіознымъ человѣкомъ и сомнѣваться въ необходимости того или иного положительнаго права и той или иной государственной формы; ибо ихъ необходимость утверждается не самымъ фактомъ духовнаго бытія человѣка, но всею совокупностью конкретныхъ историческихъ условій. Но право, само по себѣ и особенно естественное право должно быть признано каждымъ вѣрующимъ.

Такое признаніе естественнаго права заставитъ однако въ дальнѣйшемъ каждаго религіознаго человѣка обратиться къ вопросу о тѣхъ путяхъ, на которыхъ оно можетъ быть и должно быть *огражденo въ дѣйствительной жизни*. И здѣсь передъ нимъ неизбѣжно встанетъ дилемма: или *отвергнуть* положительное право и государство, или *освятить* ихъ въ ихъ благородномъ существѣ и призваніи. Религія склоняется къ ихъ отверженію, во-первыхъ, если она *принципіально отвергаетъ самую задачу земного жизнеустроенія*, или отрицая реальность чувственнаго міра, или настаивая на систематическомъ угашеніи земного существованія, или признавая земную жизнь религіозно безразличнымъ состояніемъ; такое отверженіе земной жизни свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о содержательной *скудости* религіознаго *откровенія*, не раскрывшаго самую основную тайну бытія — тайну *присутствія Божіей силы въ чувственной земной стихіи*, съ другой стороны, о творческой безжизненности религіознаго акта, упускающаго основное *призваніе* всякой религіи — призваніе преобразить земную жизнь силою божественнаго откровенія.

Религія склоняется къ отверженію положительнаго права и государства, *во-вторыхъ*, если она признаетъ задачу жизнеобновленія, но *отвергаетъ*, *какъ недопустимый*, *принципъ властнаго понужденія*, — или усматривая въ понужденіи компромиссъ, непріемлемый для морально непогрѣшимаго носителя откровенія, или дорожа неограниченною свободою человѣка въ выборѣ добра и зла, или сочетая оба эти основанія; такое отверженіе государственности свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о *наивности религіознаго міровоззрѣнія*, упускающаго *трагическую* природу мірозданія, въ силу которой самый *способъ* земной жизни человѣка *уже* таитъ въ себѣ «компромиссъ», а моральная безгрѣшность личности содержитъ въ себѣ сокровенное внутреннее противорѣчіе; съ другой стороны,—о наивности правосознанія, ошибочно сводящаго государственность къ насилію и гетерономіи, и принимающаго *несвободу* человѣка, погрязшаго во злѣ, за «свободу» его въ выборѣ зла.

Наконецъ, въ третьихъ, религія тяготѣетъ къ отверженію положительнаго права и государства, если она отвергаетъ, какъ *ненужный*, принципъ *гетерономнаго властвованія*,—или переоцѣнивая силу *доброй* воли и личной автономіи, или недооцѣнивая силу и упорство *дурныхъ* страстей человѣка, или совершая обѣ ошибки вмѣстѣ; такое отверженіе государственности свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о наивности того пониманія душевной жизни, которое полагаетъ, что духовная автономія уже присуща каждому человѣку, что она не нуждается въ гетерономномъ содѣйствіи и что предметное созерцаніе добра всегда и всѣмъ доступно, съ другой стороны, о жизненной слѣпотѣ и *исторической* непредметности созерцанія.

Такимъ образомъ религія, отвергающая положительное право и государство, или сознательно отворачивается отъ эмпирической жизни человѣка, или безсознательно упускаетъ изъ вида объективныя свойства этой жизни, самого человѣка и государства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ей придется, такъ или иначе, вступить въ жизненную борьбу съ положительнымъ правомъ и государственностью. Въ этой борьбѣ она будетъ стараться оторвать естественное правосознаніе отъ положительнаго правосознанія, отнимая у перваго исторически найденные пути осуществленія, а у второго—его благородные истоки и критеріи; она неизбѣжно вовлечется въ разрушеніе всей, накопившейся за тысячелѣтія, государственной воли и способности человѣчества и сольетъ свое дѣло съ дѣломъ анархизма. И, работая надъ разрушеніемъ всей политической культуры, она будетъ со своей стороны или настаивать на отверженіи земной жизни, которая все-таки будетъ продолжаться, или создавать «автономный» строй внѣшней жизни для людей, неспособныхъ къ внутренней автономіи. Понятно, что первый исходъ поведетъ къ нелѣпости, а второй — осуществитъ всѣ недуги дефективной воли и возвратитъ человѣка къ гетерономному строю. При всѣхъ этихъ исходахъ религія не выполнитъ своего основного призванія — преобразить земную жизнь человѣка на основѣ божественнаго откровенія. И, передъ лицомъ этой неудачи, она будетъ вынуждена пересмотрѣть заново свое отрицательное отношеніе къ принципу государственности.

Но если религіозное сознаніе обращается къ пріятію и признанію государственнаго начала, то это совсѣмъ не значитъ, что оно освящаетъ весь составъ исторической государственности, или, что оно впадаетъ въ какую-нибудь «идеализацію» политическихъ низинъ. Въ исторической государственности царитъ великое смѣшеніе достойнаго и недостойнаго, здороваго и больного, добра и зла; признанію и освященію подлежитъ въ ней только то, что соотвѣтствуетъ идеѣ государства. Идеализацію порождаетъ незрячее или непредметное воспріятіе, принимающее зло за добро, паденіе за расцвѣтъ; такое воспріятіе ведетъ однако къ неменьшимъ ошибкамъ и заблужденіямъ, чѣмъ уклоненіе въ обратную сторону: нелѣпо утверждать, что историческія государства не имѣли творческаго отношенія къ государственной идеѣ, или, что въ борьбѣ со зломъ положительное право творило одно зло и притомъ въ силу своей собственной, безусловно дурной природы. Напрасно было бы смѣшивать государство съ однимъ изъ его возможныхъ средствъ: идея гетерономнаго регулированія, сама по себѣ, отнюдь ни совпадаетъ ни съ принципомъ «насилія», ни, тѣмъ болѣе, съ началомъ зла. Безспорно, зло съ которымъ

боролось историческое государство, не только уступало силѣ правового регулированія, но и подчиняло его себѣ отчасти; возникало «дурное» право и дурное государство, въ которомъ добро и зло смѣшивались — и по природѣ, и по дѣйствію, и по результатамъ. Но въ этомъ сложномъ и трагическомъ смѣшеніи зло никогда не могло вытѣснить ни благой *цѣли* права, ни его благой *формы*, ни благого *воздѣйствія*. И вотъ, нормальное правосознаніе утверждаетъ, что сущность государственности проявлялась исторически именно въ этомъ *благомъ воздѣйствіи благой цѣли* черезъ посредство *благой формы*. Это значитъ, что государственность есть *благая сила въ исторіи человѣчества*; и что поэтому она заслуживаетъ религіознаго осмысленія и нуждается въ немъ.

Религіозное пониманіе положительнаго права и государства покоится на усмотрѣніи въ нихъ нѣкоторой жизненной *цѣнности* и притомъ такой, которая *имѣетъ оправданіе предъ лицомъ Божіимъ* и потому вызываетъ въ душѣ человѣка особое *религіозное отношеніе*. Такою цѣнностью является основная движущая цѣль права и государства — *духовная культура народа и человѣчества*, т.е. ея созиданіе, ея творенія, ея творцы и ея необходимыя условія. *Расцвѣтъ человѣческаго духа и духовной жизни есть по истинѣ дѣло Божіе и религія не можетъ не принять его, какъ свое собственное дѣло*. Поэтому государство, призванное служить ему, должно получить и получаетъ отъ религіи *признаніе и освященіе*. Мало того, именно религіозное созерцаніе указываетъ государству его идейное назначеніе: *установить въ земной жизни людей, посредствомъ гетерономнаго регулированія, строй, наиболѣе благопріятствующій духовному расцвѣту народа и человѣчества, и воспитывающій гражданъ къ постепенному облагороженію положительнаго права силами братства и автономнаго правосознанія*. Эта высшая, руководящая цѣль всякой истинной политики открывается именно *религіозному* созерцанію, измѣряющему всякое явленіе послѣднимъ, абсолютнымъ масштабомъ божественнаго совершенства. Отъ такого религіознаго созерцанія политическое творчество получаетъ ту глубочайшую идею и то жизненное руководство, которыя связуютъ *государственность съ естественнымъ правосознаніемъ* и тѣмъ предохраняютъ ее отъ духовнаго вырожденія.

Это означаетъ, что послѣдній корень здороваго правосознанія имѣетъ *религіозную природу*, ибо духъ инстинкта, такъ же какъ и *воля къ духу*, есть по существу своему *исканіе божественнаго совершенства*. Пріемля положительное право и государство, здоровое правосознаніе вноситъ въ нихъ ту же волю и то же исканіе; оно открываетъ въ нихъ религіозное достоинство и указуетъ имъ ихъ религіозное

заданіе; оно насыщаетъ ихъ жизнь религіозною энергіей и тѣмъ сообщаетъ имъ черты подлинной духовной реальности. Подлинная государственность строится здоровымъ правосознаніемъ, т. е. религіозно созерцающею волею. Чѣмъ больше этой воли въ правителяхъ и въ гражданахъ, тѣмъ выше духовный уровень политической жизни, тѣмъ прочнѣе и духовно продуктивнѣе государственный союзъ. Подобно всякой жизни человѣка и политическая жизнь нуждается въ религіозномъ истокѣ и религіозномъ созерцаніи; ибо только отсюда она можетъ получить ту вѣрную градацію жизненныхъ цѣнностей и цѣлей, внѣ которой нѣтъ спасенія отъ политическаго релативизма и безпринципности, отъ политической пошлости и цинизма, отъ своекорыстныхъ компромиссовъ и предательства, отъ мелкаго политиканства, отъ «шатости въ умахъ» и смуты. Безъ высшаго и послѣдняго, безусловно руководящаго смысла—государственность обречена на вырожденіе; но такой смыслъ открываетъ именно религія. Поэтому зажить государственностью во истину — значитъ зажить ею религіозно, т. е. ввести ее необходимымъ членомъ въ творческій рядъ религіознаго созерцанія и воленія, или, что то же, связать правосознаніе съ абсолютнымъ корнемъ жизни.

Эта цѣлевая (телеологическая) связь между религіей и государствомъ выразится въ томъ, что государство будетъ служить религіи въ ея высшихъ цѣляхъ, признавая ихъ за свои собственныя. Не государство поведетъ религію, куда ему нужно; но религія укажетъ государству, куда и какъ оно должно идти. Не вѣра станетъ средствомъ власти и не церковь станетъ орудіемъ политической интриги и политическаго властолюбія, но власть станетъ орудіемъ той цѣли, которая едина у религіи и государства: эта цѣль — одухотворяющее преобразованіе жизни. Это не значитъ, что та или другая историческая церковь или исповѣданіе возобладаетъ въ государствѣ и сдѣлаетъ его своимъ орудіемъ: не церковь и не вѣроисповѣданіе, но религіозно обновленное правосознаніе. Государство нуждается не въ послушаніи церковному руководству и не въ конфессіональныхъ распряхъ, а въ подлинной, свободной религіозности народа. Вызвать къ жизни эту религіозность — власть не въ силахъ; но оградить ея зарожденіе и расцвѣтъ есть прямая обязанность государства; мало того — это для него вопросъ бытія. Свобода совѣсти есть залогъ политическаго расцвѣта; и только она можетъ создать то, чего не создаетъ никакое искусственное насажденіе вѣроисповѣданій.

Все это можно выразить такъ: Въ основѣ достойнаго и могучаго правопорядка, достойной и могучей государственности лежитъ религіозное настроеніе,—религіозность въ глубокомъ и подлинномъ смыслѣ этого слова. Именно она раскрываетъ послѣднюю глубину человѣческой души и сообща-

етъ ей безусловную преданность и безусловную стойкость. Именно она дѣлаетъ человѣка способнымъ — узрѣть себя и свой народъ передъ лицомъ Божіимъ, принять жизнь своего народа, какъ служеніе Богу, и стать патріотомъ. Патріотизмъ, если онъ не есть зоологическое пристрастіе, если онъ есть состояніе духовное, есть нѣкая религіозно укорененная безусловная преданность и безусловная стойкость души въ обращеніи къ своему богослужащему народу. Такъ, въ основѣ государства лежитъ патріотизмъ, а въ основѣ патріотизма — религіозное дыханіе души.

Религіозное состояніе души не слѣдуетъ отождествлять съ ея «церковнымъ» или «вѣроисповѣднымъ» состояніемъ. Это ясно уже изъ того, что религіозный человѣкъ можетъ не принадлежать ни къ какому вѣроисповѣданію и ни къ какой церкви. Свободное богосозерцаніе можетъ не привести человѣка ни къ догматическимъ формуламъ конфессіональнаго характера, ни къ соціальному объединенію съ другими людьми на основѣ исповѣданія, культа и права (церковь). Откровеніе можетъ жить въ душѣ неосознанное, невыговоренное, неформулированное, оставаясь дѣйствительнымъ откровеніемъ, направляющимъ личную жизнь и одухотворяющимъ личное творчество. Религіозный огонь духа можетъ не укладываться ни въ какія исторически сложившіяся догмы: и тѣмъ не менѣе онъ будетъ подлиннымъ и могучимъ. Такъ, христіанство перваго вѣка не имѣло еще зрѣлой церковной организаціи; христіанство до Никейскаго собора не имѣло символа вѣры,—и тѣмъ не менѣе оно вело и обновляло души силою настоящей религіозности.

Наоборотъ, всякое церковное и конфессіональное состояніе души казалось бы должно быть по необходимости религіознымъ состояніемъ, подобно тому, какъ видовое понятіе имѣетъ всегда всѣ признаки родового. Однако, историческія явленія не подчиняются законамъ логики. Религіозный огонь можетъ угаснуть въ нѣдрахъ церковной организаціи, а вѣроисповѣдное объединеніе можетъ утратить вѣру и не осуществлять исповѣданія. Тогда догма отрывается отъ подлиннаго, личнаго религіознаго опыта и становится мертвою, разсудочною формулою; молитвенный культъ вырождается въ совокупность внѣшнихъ дѣяній и обычаевъ; таинство уже не освящаетъ жизнь; благодатная сила религіи отлетаетъ изъ церковнаго единенія и превращаетъ его въ бытовую схему. Бытъ поглощаетъ религію и религія утрачиваетъ бытіе; а «церковь» и «вѣроисповѣданіе» остаются, какъ знакъ бывшей, но утерянной религіозности.

Въ такихъ случаяхъ для государственности и правосознанія оказывается драгоцѣнною связь не съ «церковностью» и не съ «вѣроисповѣданіемъ», а съ религіозностью, въ ея основномъ и подлинномъ, такъ сказать, «родовомъ существѣ». Подобно тому, какъ музыкантъ долженъ быть сначала художникомъ, и, прежде всего, духовною личностью; подобно тому, какъ правитель долженъ сна-

чала гражданиномъ, и, прежде всего, зрѣлымъ индивидуальнымъ духомъ; — такъ православный или католикъ долженъ быть сначала христіаниномъ, и прежде всего, человѣкомъ съ самостоятельнымъ и подлиннымъ религіознымъ опытомъ. Здѣсь важна не схема и не видимость, не традиція и не привычка, а огонь настоящей духовной жизни, религіозно углубленной и сосредоточенной, огонь, дающій свѣтъ волѣ и энергію чувству и дѣйствію. Поэтому государственность свиду «секуляризованная» не есть тѣмъ самымъ внѣрелигіозный способъ жизни; исторически же возможно и такое положеніе вещей, при которомъ религіозное возрожденіе государственности будетъ осуществимымъ лишь при условіи открытаго разрыва съ традиціонною, но выродившейся церковностью.

Здоровое и могучее правосознаніе по своей основѣ и по своему строенію имѣетъ религіозный характеръ. Это опредѣляется самою сущностью его и религіи.

Религіозность въ ея основномъ существѣ есть духовное, цѣлостное, жизненное и безусловное пріятіе Божества, какъ совершеннаго и реальнаго средоточія жизни.

Религіозность состоитъ всегда въ томъ, что нѣчто испытывается, какъ совершенное. Она начинается тамъ, гдѣ душа выходитъ изъ состоянія безразличія и различаетъ между «лучше» и «хуже»; гдѣ душа тяготѣетъ именно къ тому, что «лучше» и, слѣдуя за нимъ, восходитъ къ тому, что совершенно. Религія есть паѳосъ совершенства; именно поэтому она невозможна тамъ, гдѣ царитъ индифферентизмъ.

Восходя къ совершенству, религіозность воспринимаетъ его не какъ условно «лучшее», или относительно «лучшее», или субъективно наиболѣе пріемлемое, но какъ безусловно, безотносительно, объективно совершенное; какъ совершенное на самомъ дѣлѣ, само по себѣ, а потомъ и для всѣхъ. Религіозная душа живетъ не простою пріятностью субъективныхъ содержаній сознанія, но обективнымъ совершенствомъ. Именно поэтому религіи нѣтъ тамъ, гдѣ господствуетъ субъективизмъ и релативизмъ. Религіозность есть радость души, воспринявшей объективное качество предмета и плѣненной его совершенствомъ. Эта плѣненность неизбѣжно преобразуется въ любовь и благодарность; эта радость даетъ душѣ чувство полета и освобожденія. Именно поэтому религіи нѣтъ тамъ, гдѣ отмерла любовь и гдѣ царитъ озлобленіе.

Поднявшись къ совершенству, религіозность утверждаетъ его, какъ нѣчто реальное, какъ дѣйствительное бытіе или какъ творческую силу. Религіозно воспринятое совершенство не отвлеченная идея, не мечта и не только далекій идеалъ; въ немъ объективно не только качество или цѣнность; оно объективно само, оно подлинно есть, даже тогда, когда

оно вовлечено въ процессъ и еще осуществляетъ полноту своего бытія. Религіозность дѣлаетъ человѣка живымъ участникомъ этого бытія; она реально вводитъ его въ систему этой реальности и даетъ ему живое чувство единенія съ нею; она пріобщаетъ душу этой высшей силѣ и тѣмъ сообщаетъ человѣку нѣкое творчески напряженное спокойствіе. Религія есть не только паѳосъ совершенства, но и паѳосъ реальной силы. Понятно, что нигилизмъ и иллюзіонизмъ исключаетъ всякую религіозность.

Далѣе, религіозность есть состояніе духовное*). Духовность ея опредѣляется не только ея обращеніемъ къ объективно цѣнному, но и ея автономностью. Она покоится на самостоятельномъ и непринужденномъ воспріятіи совершенства, на личномъ и подлинномъ опытѣ, раскрывающемъ, углубляющемъ и обновляющемъ душу. Религіозное состояніе не можетъ возникнуть съ чужихъ словъ или на основаніи чужого опыта; содержаніе чужого опыта должно быть дѣйствительно усвоено душою. Религія требуетъ отъ человѣка самостоятельнаго опыта и искренности; она требуетъ подлиннаго, свободнаго присутствія души въ исповѣдуемомъ содержаніи; именно поэтому она невозможна тамъ, гдѣ душа одержима ложью, притворствомъ и лицемѣріемъ.

Но религіозность есть состояніе не только искреннее, но и цѣлостное**). Непринужденное, подлинное воспріятіе совершенства неизбѣжно захватываетъ всю душу и вовлекаетъ ее въ новую жизнь цѣликомъ. Ни одна изъ основныхъ душевно-духовныхъ силъ человѣка не обособляется въ этомъ состояніи и не противодѣйствуетъ остальнымъ. Такъ, у человѣка, дѣйствительно вѣрующаго, мысль не раскалываетъ душу и не обезсиливаетъ ее сомнѣніями. Вѣровать можно лишь въ то, что на самомъ дѣлѣ такъ, что «вѣрно»; нелѣпо вѣрить во что-то, зная, что это на самомъ дѣлѣ невѣрно; но нельзя и знать что-нибудь, вѣря, что на самомъ дѣлѣ это иначе. Настоящая вѣра не боится мысли, но укрѣпляется и очищается ею; настоящая мысль не чужда вѣрѣ, она несома ею и сильна ея силою. Вообще чувство безъ мысли оказывается началомъ слѣпой страсти, ведущимъ душу къ разнузданію и униженію; а мысль безъ чувства выступаетъ холодной рефлексіей, безжизненнымъ, празднымъ резонерствомъ. Религія требуетъ органическаго сочетанія чувства и разума, вѣрующей любви и знающей мысли; ибо одна мысль породитъ мертвое умствованіе и скептицизмъ; а одно чувство породитъ нечистое опьяненіе и суевѣріе. Скептицизмъ же и суевѣріе означаютъ отсутствіе религіозности.

Подобно этому, религія требуетъ органическаго сочетанія чувства и мысли съ волею; ибо отсутствіе этого живого еди-

---

*) См. главу вторую «О духовности религіознаго опыта» въ моей книгѣ «Аксіомы религіознаго опыта» томъ I.

**) См. главу 18 въ «Аксіомахъ религіознаго опыта» томъ II.

ненія дробитъ душу и обезсиливаетъ религіозность. Воля безъ чувства уподобляется мертвой машинѣ; она является холодною силою, чудовищною въ своемъ предвзятомъ схематизмѣ. Зато чувство безъ воли вырождается въ сентиментальную пассивность, въ безплодное, мнимолирическое волненіе, въ мистическую чувственность. Воля безъ мысли остается неопредѣленною, слѣпою жаждою, безформеннымъ вожделѣніемъ или дурнымъ капризомъ и безпредметнымъ произволомъ. Зато мысль безъ воли вырождается въ нежизненное, ни къ чему не обязывающее доктринерство, въ безпринципное, ненужное комбинированіе возможностей. Религія не слагается на этомъ пути, но распадается и гибнетъ. Если религіозность безъ разума ведетъ къ суевѣрію или разврату, а безъ чувства—къ скептицизму или пустой догмѣ, то въ отрывѣ отъ воли она превращается въ сентиментальное ханжество или умствующую апатію.

Поэтому религіозность есть цѣлостное состояніе духа: здѣсь то, что пріемлется вѣрою, то любится чувствомъ и осмысливается разумомъ; оно предметно занимаетъ воображеніе и вызываетъ напряженіе воли. Исповѣдуемое, любимое, вѣруемое и желаемое—просто совпадаютъ.

Но именно эта духовная цѣльность сообщаетъ религіозной душѣ ту жизненную интенсивность, которая естественно изливается въ дѣланіе, въ систему творческихъ дѣяній. Истинная религіозность есть преданность совершенству; а эта преданность вызываетъ дѣятельное служеніе ему, творческое осуществленіе его на землѣ. Вѣра не только мертва безъ дѣлъ; ея просто нѣтъ. Ибо религіозное пріятіе предмета вовлекаетъ всю душу въ новую жизнь и неизбѣжно становится жизнеопредѣляющей силою. Не можетъ быть такъ, что религіозная вѣра сама по себѣ, а жизненныя дѣла сами по себѣ; ибо это означаетъ, что религіозность утратила свою цѣльность и перестала быть собою. Истинно религіозный человѣкъ любитъ то совершенство, въ которое вѣруетъ; исповѣдуетъ то, что любитъ; и осуществляетъ своею жизнью то, что исповѣдуетъ. Призваніе религіи становится его собственнымъ творческимъ призваніемъ; и онъ добровольно принимаетъ его къ исполненію. Именно поэтому бездѣятельная жизнь есть жизнь не религіозная.

Наконецъ, эта жизненная преданность совершенству есть преданность безусловная. Религіозное отношеніе къ предмету связуетъ индивидуальный духъ безъ условій, ограниченій и оговорокъ; оно побуждаетъ душу подчинить любимому совершенству—свои силы, и свой интересъ, и всякій другой интересъ. Религіозное самоопредѣленіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ любитъ нѣкоторый предметъ (за его совершенство) больше себя, больше своей жизни и своего интереса; оно вселяетъ въ человѣка нѣкоторую окончательную увѣренность въ томъ, что безъ этого предмета ему нѣтъ жизни; и отсюда возникаетъ побужденіе бороться за осуществленіе этого предмета и за его побѣду—доброю волею, отдавая за это всѣ силы и самую

жизнь; и не въ силу «долга», и не въ видѣ «жертвы», но съ легкою цѣльностью духа и съ сознаніемъ, что за это по истинѣ стóитъ умереть. Именно эта *безусловная* преданность совершенству научаетъ человѣка той цѣнностной градаціи цѣлей, которая ограждаетъ душу отъ *пошлости*, этого худшаго врага истинной религіи *); именно эта цѣльная добрая воля дѣлаетъ человѣка *героемъ* и научаетъ его тому самоотреченію, которое утверждаетъ высшее духовное достоинство отрекающагося. Это означаетъ, что религіозность не мирится не только съ созерцательнымъ, но и съ дѣйственнымъ *релативизмомъ*.

Такова основная природа всякаго истинно-религіознаго акта, независимо отъ того, къ какому вѣроисповѣданію или къ какому метафизическому ученію онъ приводитъ въ дальнѣйшемъ личную душу. Религіозность открываетъ человѣку его духовную сущность и связываетъ ее съ совершеннымъ средоточіемъ жизни; это даетъ *чувство собственнаго духовнаго достоинства*, абсолютное мѣрило всякой цѣнности и дѣйствительную энергію жизни и воли; а это сообщаетъ душѣ способность къ *духовной автономіи*, къ *внутренней самодисциплинѣ* и научаетъ ее духовному признанію другихъ людей. Религіозность пробуждаетъ въ душѣ способность къ жизненноопредѣляющей *любви* и указываетъ ей жизненное призваніе; она воспитываетъ въ человѣкѣ *духовную зрячесть*, духовную цѣльность и жизненный героизмъ. Религіозное обращеніе человѣка перерождаетъ самые истоки его жизни и перестраиваетъ весь его личный характеръ: онъ обновляется и разумомъ, и чувствомъ, и волею, и воображеніемъ; онъ проходитъ черезъ *духовное очищеніе* и *пріобрѣтаетъ власть надъ злою стихіею жизни*.

Именно эти основныя черты религіозности раскрываютъ ея связь съ нормальнымъ правосознаніемъ. Настоящая религіозность утверждаетъ въ душѣ человѣка *аксіоматическіе корни* правосознанія: *чувство собственнаго духовнаго достоинства*, *способность къ автономной жизни* и *искусство признавать духовное начало въ другихъ людяхъ*. Пробуждая въ душѣ *духовную зрячесть* и оживляя въ ней *силу любви*, религіозность ведетъ человѣка къ *патріотизму*, къ культу *солидарности*, къ взаимному духовному *уваженію* и *довѣрію*: ибо всѣ эти состоянія родятся именно черезъ союзъ *духовнаго разумѣнія* съ чувствомъ *любви*. Религіозность несетъ правосознанію всѣ свои дары: и высшее призваніе, и абсолютное мѣрило цѣнности, и цѣльность характера, и силу вдохновенія, и жизненный героизмъ.

Это значитъ, что *въ душѣ религіознаго человѣка пробуждаются именно тѣ самыя благородныя силы, которыя необходимы для про*-

---

*) См. главу 13 въ «Аксіомахъ религіознаго опыта» томъ I.

цвѣтанія благородной государственности. Идея религіознаго гражданина не только не таитъ въ себѣ внутренняго противорѣчія, но есть одна изъ величайшихъ идей, съ которыми человѣчество имѣетъ дѣло. Религіозный гражданинъ соединяетъ въ душѣ своей силу подлинной религіозности съ силою здороваго и вѣрнаго правосознанія; и притомъ такъ, что правосознаніе его является зрѣлымъ проявленіемъ его религіозности. Соединяясь съ правосознаніемъ, религія находитъ новый могучій путь для преобразованія жизни; соединяясь съ религіозностью, правосознаніе придаетъ себѣ безусловную основу, утверждая «волю къ духу», какъ волю къ Богу. Изъ этой атмосферы возстаютъ и религіозные вожди народовъ и безвѣстные герои-патріоты, безмолвно отдающіе свою жизнь за родину. Съ углубленіемъ и упроченіемъ этой атмосферы связано будущее всѣхъ государствъ и всего человѣчества.

Итакъ, истинная религія не враждебна истинной государственности; она не уводитъ отъ нея, но ведетъ къ ея расцвѣту. Встрѣча двухъ «царствъ» въ душѣ человѣка органически необходима и духовно плодотворна. Человѣчество должно возобновить свою тысячелѣтнюю работу надъ органическимъ примиреніемъ «царства Божія» съ политическимъ строительствомъ. Но обрѣсти это примиреніе нельзя ни посредствомъ новой синкретической «идеологіи», ни посредствомъ внѣшняго соединенія «государства» съ «церковью» или нѣсколькихъ «вѣроисповѣданій» между собою. Здѣсь необходимъ не новый способъ «устроенія», а новый способъ жизни.

Этотъ новый способъ духовной жизни можетъ быть обрѣтенъ и осуществленъ только въ результатѣ великаго общечеловѣческаго подъема и длительнаго напряженія, которое приметъ черты религіознаго обновленія и политическаго обновленія сразу. Сущность его будетъ состоять въ возстановленіи подлиннаго и непосредственнаго общенія съ безусловнымъ предметомъ, и потому, въ освобожденіи и обновленіи духовнаго способа жизни. Живымъ и подлиннымъ, страдающимъ и вдохновеннымъ опытомъ должны быть обновлены лично-душевные корни нашей религіи — христіанства, и корни исторической государственности — правосознанія. Это будетъ эпохою великаго разочарованія въ ложныхъ путяхъ и великаго отверженія мертвящихъ установокъ и предразсудковъ. Но изъ огня этой эпохи родится новая религіозность, новое правосознаніе и новый человѣкъ.

Я думаю, что мы уже вступили въ это эпоху. И при свѣтѣ этой идеи я расцѣниваю и осмысливаю все то что, совершается вокругъ насъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Заключеніе.

Вся исторія культурнаго человѣчества свидѣтельствуетъ о томъ, что право и государство періодически вступаютъ въ состояніе глубокаго кризиса. Причина этихъ кризисовъ состоитъ въ томъ, что человѣчество, строя правопорядокъ, теряетъ изъ вида единую, безусловную цѣль политическаго единенія и превращаетъ его въ орудіе для условныхъ, малыхъ заданій и частныхъ вожделѣній; отсюда вырожденіе правовой и государственной жизни, — безидейность власти и умаленіе ея авторитета, отсутствіе солидарности между гражданами и классами, гражданская война внутри государствъ и постоянныя вспышки открытыхъ войнъ между народами. По своему объективному назначенію право есть орудіе порядка, мира и братства; въ осуществленіи же оно слишкомъ часто прикрываетъ собою ложь и насиліе, тяганіе и раздоръ, бунтъ и войну. Люди объединяются на основахъ права какъ бы лишь для того, чтобы осуществить внѣ-правовое разъединеніе; двое устанавливаютъ солидарность, чтобы возстать на третьяго; братство служитъ враждѣ; подъ видомъ порядка тлѣетъ и зрѣетъ новая распря; миръ оказывается перемиріемъ, а перемиріе готовитъ войну и, подготовивъ, уступаетъ ей свое мѣсто. Кризисъ наступаетъ тогда, когда исторія начинаетъ подводить итоги цѣлому періоду, наполненному такими своекорыстными посягательствами, безпринципными блужданіями и безпомощными взрывами. Тогда, какъ бы внезапно, обнаруживается, что право и государство получили невѣрное содержаніе и недостойную форму; что они утратили свое единое назначеніе, а можетъ быть и всякую цѣль; что они сдѣлались орудіемъ зла, а не добра; что они нуждаются въ глубокомъ обновленіи и возрожденіи. И, почувствовавъ бѣду, но не понявъ ея значенія и ея корней, человѣчество начинаетъ выбираться изъ нея съ тою же инстинктивною слѣпотою и духовною безпомощностью, съ которою оно позволило ей настигнуть себя и подавить. А слѣпота и безпомощность приводятъ его опять къ паллiативамъ, къ внѣшнему упорядоченію жизни, къ новымъ опасностямъ, недугамъ и разложеніямъ.

Для того, чтобы право и государство дѣйствительно вступили на путь обновленія и возрожденія, необходимо вѣрно осознать ихъ природу, ихъ цѣль, ихъ основу, и, затѣмъ, сдѣлать осознанное предметомъ воли и жизненнаго дѣйствія. Въ основаніи лѣченія должно лежать вѣрное пониманіе здороваго организма и его недуговъ. Установить такое вѣрное пони-

маніе правового и политическаго общенія есть задача философіи права: разрѣшить эту задачу значитъ создать ученіе о здоровомъ и вѣрномъ нормальномъ правосознаніи.

Ученіе о нормальномъ правосознаніи столь же необходимо человѣчеству, сколько ученіе о теоретической очевидности, о совѣсти, объ эстетическомъ вкусѣ и объ аксіомахъ религіознаго опыта. Предметомъ такого ученія является нѣкоторое, объективно вѣрное и безусловно цѣнное состояніе человѣческой души, которое въ строеніи своемъ имѣетъ не только познавательный, но и чувствующій и волевой характеръ. Это есть не только вѣрно знающее, но и вѣрно чувствующее, и вѣрно желающее душевное состояніе; и именно предметная вѣрность и духовная цѣльность его придаютъ ему ту жизненную мощь и ту безусловную цѣнность, которыя позволяютъ назвать его здоровымъ и вѣрнымъ правосознаніемъ. Знаніе, чувствованіе и воленіе обусловлены здѣсь взаимно: только любовь можетъ породить вѣрное знаніе и сильную волю; только воля можетъ помочь знанію въ его порывѣ къ предмету и къ зрѣлой формѣ, помочь любви въ ея жизненномъ созиданіи; только знаніе можетъ сообщить предметность любви и волѣ. Патріотизмъ долженъ питать мысль ученаго юриста и волю гражданина; наука права должна свѣтить гражданину и патріоту; волевое самоутвержденіе должно вести патріота и ученаго. Тогда ученый будетъ имѣть доступъ къ подлинному правовому и государственному опыту; тогда патріотъ сдѣлаетъ свое чувство предметно осмысленнымъ и плодотворнымъ; тогда гражданинъ построитъ свой волевой актъ на ясномъ разумѣніи и страстномъ чувствѣ. Вотъ почему нормальное правосознаніе есть объектъ познанія, доступный только предметной философіи: здѣсь познать значитъ испытать предметъ; испытать предметъ значитъ полюбить его; полюбить значитъ утвердить въ себѣ волю къ нему; и все это вмѣстѣ значитъ вступить на путь непосредственнаго осуществленія того, что стало познаннымъ, любимымъ и желаннымъ. Таковъ путь (методъ) во всякомъ философствованіи; таковъ онъ—и въ философіи права, и въ изслѣдованіи нормальнаго правосознанія.

Изъ этого уже ясно, что ученіе о нормальномъ правосознаніи не покоится ни на исторической индукціи, механически регистрирующей всякое «правосознаніе» и выдѣляющей черты, общія всѣмъ и всякимъ способамъ переживать право и государство (такая индукція создала бы въ лучшемъ случаѣ скудное обобщеніе, отвлеченное отъ патологическаго матеріала); ни на дедукціи, отправляющейся отъ предвзятой идеи и тяготѣющей къ безпредметной законченности въ произвольномъ построеніи. Нѣтъ, философія права движется, какъ и вся философія, путемъ систематической интуиціи, направленной на объективно обстоящій предметъ. Для того, чтобы описать строеніе нормальнаго правосознанія и вѣрно закрѣпить его содержаніе, его необходимо осуществить въ себѣ самомъ. Это значитъ, что изслѣдователь долженъ организовать въ себѣ мыслящее, чувствующее

и желающее обращеніе къ единой, безусловной цѣли права и государства. Эта цѣль опредѣляется двумя координатами: послѣднимъ назначеніемъ человѣческой жизни вообще и способомъ бытія, присущимъ человѣку, какъ таковому. Восходя къ этой безусловной цѣли, изслѣдователь ставитъ передъ собою проблему объективно-лучшаго порядка человѣческой жизни, т. е. права, лучшаго по содержанію, и государства, лучшаго по формѣ. Переживая мыслью, чувствомъ и волею эту цѣль и этотъ лучшій порядокъ жизни, изслѣдователь усвоиваетъ предметное содержаніе нормальнаго правосознанія и вырабатываетъ въ своей душѣ его духовно-вѣрный «актъ». Итакъ: испытаніе безусловной цѣли права ведетъ къ изслѣдованію природы человѣческаго духа, а природа человѣческаго духа опредѣляетъ собою глубочайшую природу права и государства; и въ результатѣ раскрывается сущность естественнаго права, основа нормальнаго правосознанія, аксіомы правосознанія, сущность государственности и аксіомы власти.

Все это изслѣдованіе осуществимо только черезъ сосредоточеніе вниманія, чувства и воли на вопросѣ объ объективно-лучшемъ и, притомъ, о самомъ лучшемъ. Это значитъ, что здоровое правосознаніе является здѣсь не только изслѣдуемымъ прдметомъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и органомъ изслѣдованія, т. е. средствомъ познанія. Подобно тому, какъ сущность совѣсти можно изслѣдовать только осуществляя ея акты и испытывая ея зовы, т. е. живя совѣстью; подобно этому духовно-здоровое правосознаніе можно изслѣдовать только отыскивая его въ себѣ, воспитывая, укрѣпляя и углубляя его въ жизненномъ испытаніи и осуществленіи. Основа нормальнаго правосознанія дана каждому человѣку въ видѣ воли къ духу, порождающей въ душѣ чувство права, чувство его необходимости, его достоинства и его цѣли. Это смутное чувство можетъ и должно быть укрѣплено и воспитано въ душахъ и доведено до состоянія правовой совѣсти, т. е. предметно вѣрной и жизнеопредѣляющей волевой любви къ правому праву. И вотъ, процессъ познанія совпадаетъ здѣсь, до извѣстной степени, съ процессомъ воспитанія; познаваемое создается для познанія и въ познаніи такъ, что каждый успѣхъ въ созданіи открываетъ познанію нѣчто новое и каждый успѣхъ познанія упрочиваетъ дѣло самовоспитанія: нормальное правосознаніе должно жить и возрастать въ томъ, кто его изслѣдуетъ: и можетъ изслѣдоваться только тѣмъ, кто выращиваетъ его въ себѣ. Это есть не индукція и не дедукція, но систематическая интуиція предмета, создаваемаго въ процессѣ самосовершенствованія, или, что то же — это есть «самопознаніе» въ смыслѣ Сократа.

Понятно, что ученіе о духовно-здоровомъ правосознаніи не изслѣдуетъ и не изображаетъ жизнь человѣчества въ ея дѣйствительной полнотѣ; но оно не чертитъ и отвлеченнаго «идеала», нереальной идеи или «безконечнаго» заданія. Оно изслѣдуетъ одну изъ лучшихъ потенцій человѣческой души, какъ уже реальную, но еще не стоящую на высотѣ идеала и могущества и далеко не опредѣляющую собою всю жизнь человѣка. Духовно-вѣрное правосознаніе дано въ зачаткѣ каждому человѣку, если не считать душевно-больныхъ и уродовъ; оно живетъ и дѣйствуетъ въ душахъ даже и тогда, когда оказывается слабымъ, темнымъ, подавленнымъ или заглушеннымъ; подобно очевидности или совѣсти, оно сохраняетъ свою природу и свое значеніе даже и тогда, когда жизненная сила его сводится къ минимуму. Поэтому его слѣдуетъ разсматривать какъ одинъ изъ факторовъ историческаго процесса, какъ реально наличную силу, еще не развернувшую, однако, свое дѣйствіе во всемъ своемъ объемѣ и со всею возможною интенсивностью. Здоровое и могучее правосознаніе есть, конечно, нѣкое «идеальное» состояніе души, но не въ томъ смыслѣ, что его нѣтъ въ дѣйствительности; оно реально въ душахъ, хотя жизненная сила его можетъ и должна стать неизмѣримо большею. Это есть историческая сила, которая подлежитъ укрѣпленію; будущее принадлежитъ ей больше, чѣмъ ей принадлежало прошедшее. Реальная сила этого фактора выражается въ томъ, что всюду, гдѣ онъ дѣйствуетъ съ большею интенсивностью и въ большемъ объемѣ, порядокъ общественной жизни оказывается не только болѣе совершеннымъ, но и болѣе прочнымъ и устойчивымъ. Жизненность и прочность государства опредѣляется ceteris paribus уровнемъ народнаго правосознанія: духовное здоровье и сила правосознанія есть главная основа государственной организаціи и огражденной ею національной духовной культуры. Философія, здѣсь, какъ и вездѣ, учитъ познанію того, что благо есть реальная сила, уже данная человѣку, какъ фактъ, какъ возможность большаго и какъ предметъ желанія, и, въ то же время, еще заданная человѣку для познанія и полнаго осуществленія.

Именно такое пониманіе правосознанія создаетъ возможность преодолѣть на практикѣ отвлеченную, методологическую противоположность права и силы. Ибо нормальное правосознаніе есть та жизненная сила, которая сосредоточиваетъ въ себѣ достоинство права и, въ то же время, возможность реальнаго жизненнаго дѣйствія. Это есть та духовная сила, которая является хранилищемъ и «источникомъ» права, такъ, что именно ея «компетентнымъ» изволеніемъ обусловлено цѣнностное «возгораніе» и «отгораніе» правовыхъ нормъ. Именно черезъ правосознаніе правовая норма получаетъ свое значеніе, а потому и свою жизненную эффективность; именно черезъ него правовая сила получаетъ свою санкцію, свое освященіе, и теряетъ свой одіозный характеръ. Правосознаніе

есть тотъ благородный источникъ, въ которомъ перерождаются и безправная сила и безсильное право: право становится благородною силою, а сила становится силою правоты.

Усмотрѣть наличность, достоинство и компетентность нормальнаго правосознанія значитъ найти путь для разрѣшенія всѣхъ основныхъ жизненныхъ затрудненій, вытекающихъ изъ природы права и создающихъ немало теоретическихъ споровъ и даже «антиномій» въ юридической наукѣ.

Такъ, во-первыхъ, право, по существу своему, предписываетъ и воспрещаетъ только внѣшнія дѣянія людей и предполагаетъ въ человѣкѣ наличность соотвѣтствующихъ душевныхъ состояній, до тѣхъ поръ, пока не доказано противоположное. Право не можетъ и не стремится регулировать своими предписаніями душевно-духовную жизнь человѣка и сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, что внѣшне-уловимо и вовнѣ-проявлено: было бы нелѣпо предписывать человѣку въ гетерономномъ порядкѣ такія дѣянія, цѣнность которыхъ обусловлена ихъ автономностью и осуществленіе которыхъ не поддается учету и провѣркѣ. Право есть внѣшній порядокъ жизни. Но, если этотъ внѣшній порядокъ отрывается отъ внутреннихъ состояній духа, не творится ими, не пріемлется или не выростаетъ изъ ихъ зрѣлости, изъ ихъ автономіи, изъ ихъ содержательной вѣрности и цѣльности, — то онъ вырождается, мертвѣетъ, унижаетъ человѣка и, распадаясь, губитъ жизнь духа. Право свиду не нуждается въ правосознаніи и часто даже не имѣетъ къ нему доступа. Однако на самомъ дѣлѣ оно живетъ правосознаніемъ и исполняетъ свое назначеніе тѣмъ лучше, чѣмъ правосознаніе зрѣлѣе и совершеннѣе. Такъ, парламентскій строй не исключаетъ коррупцію; свободные выборы не исключаютъ классовыхъ программъ; дуэль или убійство непредотвратимы внѣшними мѣрами; мобилизація арміи не осуществима въ порядкѣ всеобщаго принужденія; и только зрѣлое правосознаніе можетъ искоренить въ жизни взятку, классовую политику, убійство и дезертирство. Творить внѣшній порядокъ жизни право можетъ только черезъ внутреннюю упорядоченность души, т. е. черезъ правосознаніе.

Далѣе, во-вторыхъ, право можетъ устанавливать только общія, отвлеченныя правила и потому оно говоритъ въ своихъ нормахъ только о людяхъ вообще, о признакахъ вообще, о дѣяніяхъ, отношеніяхъ, полномочіяхъ и обязанностяхъ вообще, выдѣляя однѣ стороны и свойства, какъ существенныя и оставляя другія безъ вниманія. Если бы законодатель попытался замѣнить общія нормы единичными императивами, приспособленными къ индивидуальному поведенію, то онъ поставилъ бы передъ собою нелѣпую задачу безплодной погони за безконечнымъ разнообразіемъ индивидуальнаго матеріала, число императивовъ оказалось бы безконечнымъ и строй жизни остался бы нерегулированнымъ. Правовая норма есть абстрактное правило; это правило разсматриваетъ чело-

вѣка, какъ абстрактное содержаніе. Однако, въ дѣйствительности существуютъ не «люди вообще», а живутъ «человѣки въ частности», обладающіе не абстрактными признаками, а конкретными свойствами. Индивидуальный человѣкъ есть живое конкретное цѣлое, съ безчисленнымъ множествомъ своеобразныхъ чертъ и свойствъ,— единственный въ своемъ родѣ и неповторяемый комплексъ тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ силъ. Этотъ комплексъ нельзя разложить на общіе признаки, нельзя исчерпать отвлеченными категоріями. Абстрактная квалификація его не только будетъ всегда условной, насильственной, неадэкватной, но въ своемъ послѣдовательномъ и крайнемъ осуществленіи она поведетъ къ высшей несправедливости (summum jus summa injuria). Поэтому проблема примѣненія правовыхъ нормъ къ живымъ людямъ, ихъ состояніямъ, дѣяніямъ и отношеніямъ, есть проблема, абсолютно не разрѣшимая на путяхъ формальной индукціи и дедукціи: механическое сопоставленіе «признаковъ», указанныхъ въ нормѣ, и въ «свойствахъ», данныхъ въ жизни, — есть операція, убивающая право, уродующая жизнь и подрывающая въ душахъ волю къ правопорядку. Воспріятіе конкретной данности должно быть актомъ художественной справедливости; пониманіе отвлеченнаго правила должно покоиться на созерцаніи безусловной цѣли права (не просто цѣли «законодателя», которая, можетъ быть, осталась неизвѣстна, или не имѣла опредѣленнаго содержанія, или создалась per compromissum изъ противоположныхъ вожделѣній, или же просто была невѣрна и гибельна). Но актъ художественной справедливости и созерцаніе безусловной цѣли права могутъ быть доступны только нормальному правосознанію. Примѣненіе правовыхъ нормъ требуетъ предметнаго разумѣнія того, ради чего право вообще создается, примѣняется и поддерживается. Примѣняющій право долженъ имѣть въ виду не только формальную «законность» нормы и не только ея объективное содержаніе, но и ея объективное назначеніе—ея духовную миссію и ея жизненную функцію; а это значитъ, что онъ долженъ исходить изъ основы нормальнаго правосознанія и руководиться его аксіомами. Регулировать конкретный жизненный матеріалъ абстрактными правилами право можетъ только черезъ среду живого, созерцающаго и вѣрнаго правосознанія.

Далѣе, въ-третьихъ, право есть явленіе духовной правоты; оно имѣетъ объективное значеніе и это значеніе покоится, въ свою очередь, на безусловной цѣнности духа, его содержаній и его состояній. Поэтому, право всегда таитъ въ себѣ нѣкое безусловное достоинство и съ основаніемъ притязаетъ на признаніе и повиновеніе; право есть нѣчто объективно «вѣрное», «правое» и «цѣнное». Однако, въ дѣйствительности, каждый исторически сложившійся кодексъ навѣрное имѣетъ нормы невѣрныя, несправедливыя, а можетъ быть, и расходящіяся съ основною природою

духа. Положительное право не есть система совершенныхъ и безошибочныхъ правилъ поведенія, а положительный правопорядокъ нерѣдко включаетъ въ свой составъ духовно противоестественныя условія. И вотъ, только нормальное правосознаніе способно выйти изъ этого жизненнаго и философскаго противорѣчія, не порывая съ духовною цѣнностью права и не разлагая душу правовою безпринципностью, нигилизмомъ или бунтомъ. Проблема разрѣшается на пути творческаго признанія права: такого признанія, которое дѣйствительно усматриваетъ его духовное достоинство, соблюдаетъ свободу признающаго духа и, въ то же время, вливаетъ энергію личной воли въ преобразованіе положительнаго права; это признаніе получаетъ значеніе правотворчества: обновленіе права родится изъ той самой глубины, которая усматриваетъ и знаетъ его безусловное достоинство, такъ что признаніе получаетъ форму борьбы за право, а борьба за новое право не колеблетъ духовнаго признанія. Понятно, что такое отношеніе къ праву обнаруживаетъ въ душѣ человѣка наличность духовно-здороваго, творческаго правосознанія.

Въ-четвертыхъ, право въ своемъ истинномъ и глубокомъ значеніи выражаетъ и ограждаетъ природу человѣческаго духа и потому оно покоится на духовной самостоятельности субъекта и самодѣятельности его; съ другой стороны оно ограждаетъ автономію человѣка и, въ свою очередь, питается ею, какъ воздухомъ. Однако, въ дѣйствительности право осуществляется въ порядкѣ гетерономіи: оно устанавливается, поддерживается и ограждается организованною и уполномоченною властью, которая авторитетно предписываетъ и воспрещаетъ людямъ извѣстныя внѣшнія дѣянія; оно создаетъ сложный аппаратъ принужденія, суда и наказанія; оно требуетъ повиновенія и, въ случаѣ нужды, заставляетъ людей покоряться. Разрѣшить это видимое противорѣчіе значитъ открыть человѣку способъ утвердить свою автономію при сохраненіи порядка гетерономнаго властвованія. Отвергнуть автономію личнаго духа значитъ нарушить цѣль права и подорвать его жизненную силу; отвергнуть власть значитъ разрушить средства, необходимыя для этой цѣли, и пути, по которымъ эта сила идетъ къ осуществленію. А потому автономія должна стать творческимъ источникомъ гетерономіи, принять ее какъ свое необходимое порожденіе, освятить ее и затѣмъ сдѣлать ее орудіемъ своего распространенія и расцвѣта. Индивидуальный духъ долженъ влить свою автономію въ строеніе и дѣятельность власти; а власть должна усмотрѣть въ духовной автономіи форму своего бытія, принципъ своей жизни и цѣль своего дѣланія. Понятно, что этотъ исходъ можетъ быть открытъ и осуществленъ только духовно-здоровымъ и вѣрнымъ правосознаніемъ.

Въ-пятыхъ, право по своей истинной и глубокой природѣ есть явленіе духовной солидарности, связующей че-

ловѣка съ человѣкомъ; эта связь необходима людямъ именно вслѣдствіе ихъ душевной и тѣлесной разъединенности. Право можетъ существовать и дѣйствовать въ жизни людей только тогда, если они чувствуютъ и понимаютъ свою солидарность, т. е. не только сходство своихъ эгоистическихъ влеченій, но свою одинаковую заинтересованность въ поддержаніи единаго и общаго всѣмъ порядка. Вырастая изъ солидарности, право въ свою очередь воспитываетъ ее въ душахъ; нуждаясь въ извѣстномъ минимумѣ взаимнаго уваженія и довѣрія, оно предназначено для того, чтобы укрѣплять его, организовывать и приближать къ максимуму. Однако, въ дѣйствительности правопорядокъ повидимому развивается на путяхъ борьбы и компромисса. Именно борьба за существованіе владѣетъ историческимъ бытомъ человѣчества и порождаетъ частную и публичную конкурренцію гражданъ, классовъ, партій и государствъ. Самое огражданіе естественныхъ правъ лица и народа слагается въ результатѣ борьбы за право: и именно этимъ объясняются попытки разсматривать частную сдѣлку и мирный договоръ, судъ и власть, законъ и государственное устройство, какъ компромиссъ не солидаризировавшихся интересовъ. И вотъ, нормальное правосознаніе утверждаетъ, что борьба за право ведетъ и должна вести къ установленію солидарности, и что солидарность лежитъ въ самомъ основаніи соціальной борьбы, если только она дѣйствительно есть борьба за право. Здоровое и зрѣлое правосознаніе умѣетъ дорожить правомъ и бороться за него; но оно знаетъ, что въ борьбѣ за правое право всѣ люди солидарны и что задача каждаго человѣка, отстаивающаго свое право, состоитъ въ томъ, чтобы привести другихъ къ осознанію этой солидарности. Соціальная борьба исключаетъ солидарность, и въ корнѣ, и въ достиженіи, только тогда, если она ведется не ради права, а ради насилія и порабощенія. Но это и значитъ, что отстоялъ свое право тотъ, кто добился всеобщаго, солидарнаго признанія его со стороны другихъ. Не всякая борьба за существованіе есть борьба за право; и не всякій компромиссъ имѣетъ по содержанію и по формѣ правовую природу. Задача людей не въ томъ, чтобы находить «компромиссъ», но въ томъ, чтобы превращать всякій компромиссъ въ явленіе правовой солидарности. Исторически человѣчество обречено на то, чтобы выстрадать въ борьбѣ за существованіе, осознать, обрѣсти и утвердить свою духовную и правовую солидарность. Здоровому же правосознанію съ самаго начала ясны и основа этихъ страданій, и увѣнчаніе этой борьбы.

Въ-шестыхъ, право въ своемъ истинномъ и глубокомъ значеніи устанавливаетъ всемірное естественное братство людей, связуя всѣхъ въ живой порядокъ субъективно-правовой взаимности и соотносительности. Согласно естественному праву, всѣ люди являются объединенными правовымъ общеніемъ и взаимнымъ правовымъ признаніемъ; вселенская духовная культура слагаетъ непреложное основаніе для этого единства, а международное положительное право работаетъ надъ

созданіемъ и укрѣпленіемъ этого сверхнаціональнаго и сверхгосударственнаго правового единенія. Однако наряду съ этимъ, положительное право и историческая государственность разрываютъ всемірное правовое братство, замыкаютъ разобщенныя правовыя организаціи, противопоставляютъ государство государству и періодически бросаютъ людей въ бой на жизнь и на смерть; борьба за національную духовную культуру и за ея эмпирическія основы ведетъ къ международнымъ войнамъ и придаетъ имъ всегда духовное значеніе, а иногда и духовное оправданіе. Только нормальному правосознанію дано разрѣшить это затрудненіе и притомъ черезъ вѣрное пониманіе природы духа и природы государства: это разрѣшеніе утверждаетъ патріотизмъ, какъ вѣрное состояніе духа, какъ необходимую основу духовнаго интернаціонализма и какъ живой, дѣйствительный путь къ положительно-правовой организаціи международнаго братства. Здоровое правосознаніе не только не отвергаетъ государственнаго образа мыслей и патріотическаго чувства, но культивируетъ эти состоянія, какъ безусловно цѣнныя и необходимыя — не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдѣльнаго государства, но и для всего человѣчества въ цѣломъ.

Наконецъ, цѣлый рядъ другихъ, сложныхъ и утонченныхъ проблемъ жизни и юриспруденціи находитъ себѣ разрѣшеніе только черезъ ученіе о правосознаніи, черезъ его систематическое углубленіе и укрѣпленіе. Таковы проблемы естественнаго права и его обоснованія, положительнаго права и его преодолѣнія, проблема нарушимости права и ненарушимости его значенія, проблема уголовной вины и наказанія, проблемы аристократіи и демократіи, государственной власти и политической партіи. Всѣ эти и другія проблемы нуждаются для своего разрѣшенія въ объективномъ критеріи, который обладалъ бы не только строгимъ содержаніемъ и убѣдительностью, но и живою, творческою силою. И вотъ этотъ критерій даетъ именно духовно-здоровое и вѣрное правосознаніе, связующее свою волевую природу съ единою, объективною цѣлью человѣческой жизни и созерцающее право и государство, какъ порожденіе и орудіе человѣческаго духа въ его безусловномъ и священномъ значеніи.

Вся исторія человѣчества должна быть разсмотрѣна при свѣтѣ такого правосознанія, какъ его исторія, какъ длинный рядъ его побѣдъ и его пораженій. Вся исторія политическихъ учрежденій предстаетъ въ видѣ пантеона его жизненныхъ воплощеній. Вся исторія политическихъ ученій осмысливается, какъ великое, общечеловѣческое исканіе его адэкватной формулы. При свѣтѣ нормальнаго правосознанія вновь и по новому раскрывается предметное единство человѣческаго рода, преемство его волевой культуры, созрѣваніе его духовнаго самосознанія. Исторія человѣческаго рода раскрывается сразу, какъ процессъ великаго страданія и какъ процессъ постепеннаго исцѣленія, и притомъ такъ, что именно страданія порождаютъ исцѣленіе, ибо они учатъ предметному чувствованію и воленію, вѣрному знанію и дѣланію.

Жизнь человѣчества всегда слагалась такъ, что восхожденіе къ безусловнымъ предметамъ осуществлялось только въ духовномъ подъемѣ, а духовный подъемъ давался только въ результатѣ подлинныхъ и великихъ страданій. Этотъ древній путь воспроизводится и въ новой исторіи. И отсюда задача для новыхъ поколѣній: *принять дарованныя испытанія; познать по новому сущность права и государства и осуществить познанное — силою обновившагося правосознанія*, принявшаго не только уже состоявшійся опытъ подлиннаго страданія, но и великую, тысячелѣтнюю традицію духовнаго исканія. Новый міръ вернется къ политической традиціи Сократа и Аристотеля. Но будетъ искать и находить свои корни въ Христіанствѣ; именно на немъ онъ утвердитъ свои государственныя достиженія. Новый міръ долженъ создать и создастъ новое правосознаніе, покоющееся на *любви къ духу* и на *волѣ къ безусловному благу*. Это правосознаніе уже зарождается и зародилось и задача всего человѣчества въ томъ, чтобы не угасить вспыхнувшаго огня, но поддержать его драгоцѣнное пламя и зажечь имъ сердца.